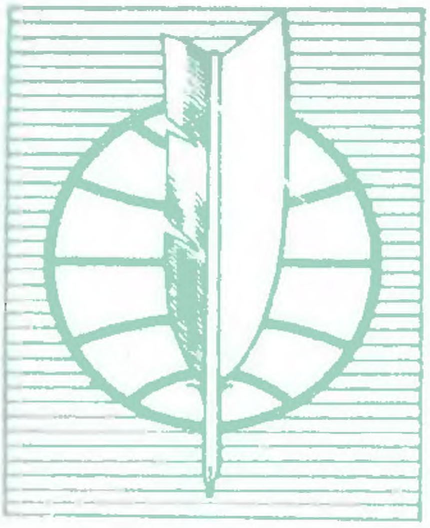
БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

РУССКИЕ ПОЭТЫ XVIII–XIX ВЕКОВ

АНТОЛОГИЯ

Scan Kreyder - 18.06.2016
STERLITAMAK



БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ

РУССКИЕ
ПОЭТЫ
XVIII–XIX
ВЕКОВ

АНТОЛОГИЯ

●

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1985

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«БИБЛИОТЕКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Алексеев С. П.
Алексин А. Г.
Барабаш Ю. Я.
Верейский О. Г.
Виноградов А. А.
Гамзатов Расул
Гончар Олесь
Дехтерев Б. А.
Коржев Г. М.
Леонов Л. М.
Лихачев Д. С.
Ломунов К. Н.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Миршакар Мирсаид
Михалков С. В.
Мотяшов И. П.
Мустай Карим
Новожилова З. Г.
Пешеходова Г. К.
Прилежаева М. П.
Свиридов Н. В.
Столетов В. Н.
Стукалин Б. И.
Танк Максим

*

Вступительная статья
Н. В. БАННИКОВА

Составление
В. И КОРОВИНА И В. А. САЙТАНОВА

Комментарии
В. И. КОРОВИНА

Оформление серии
Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Оформление тома и иллюстрации
Н. И. КАЛИТЫ

Р 4803010101—270 / М101(03)85 Подп. изд.

Состав. Вступительная статья. Комментарии. Оформление. Иллюстрации.
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1985 г.

О РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Поэзия всегда занимала в русском обществе важное место и пользовалась огромным вниманием. В глазах народа ее миссия издавна была неизменно высокой, священной. В поэзии нуждались. Она оказывала большое воздействие на самосознание нации. Нередко она заменяла собой публицистику и философию, летопись и исповедальную молитву. Ее любили, в ней искали поучения и света, искали красоты. В дешевых книжных изданиях, в детских учебниках и хрестоматиях она проникала в самую гущу народа еще в старой, царской России. Питаясь народной песней, фольклором, поэзия часто сама переходила в фольклор, в песню, теряя при этом даже имя автора. Стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина согревали сердце и вызывали восторг у самых простых тружеников деревни и города. Эти заветные, трогающие душу русские стихотворения были буквально выстраданы поэтами. Сколько терний и невзгод, сколько жизненных трагедий познали русские поэты, творя свой многовековой духовный подвиг! Закованные в кандалы, они были «во глубине сибирских руд», они обливались кровью под шпицрутенами царских палачей, сидели в тюрьмах, шли на виселицу. Велика их заслуга в освободительной борьбе русского народа. Самые светлые, самые прогрессивные идеалы времени всегда полнили паруса русской поэзии. Гуманность и высокая гражданственность были ее давним девизом.

Почву русской поэзии нового времени составили многие жанры древней письменной литературы — исторические и бытовые повести, жития святых, хронографы, «хождения», духовные стихи, первые пьесы для театра, притчи, сказания. Но главную роль в становлении русской поэзии сыграла народная устная поэтическая традиция с ее былинами, песнями, сказками, пословицами, где существовали и стихотворная ритмическая мера, и рифма. Лишь в конце XVII века, в отличие от многих литератур Запада, в которых стихи как бы предшествовали прозе, в России выделился особый жанр поэзии, приняв форму силлабического стихотворства. Возникшее не без влияния литературы соседней Польши, оно не воспользовалось огромными возможностями русского языка и не давало ему развернуться во всей его красочности и свободе. Силлабика пришла на Русь со стихами монаха и придворного педагога Симеона Полоцкого (1629—1680), выученика Киево-Могилянской духовной академии. Основанная не на чередовании ударений, не на их ритме, а лишь на равном количестве слогов в каждой стихотворной строке, оканчивавшейся непременной женской рифмой, силлабика противоречила природе русского языка, словно бы путая его с польским или французским. Русский язык, с присущим ему непостоянным, беглым ударением требовал силлабо-тонической системы — чередования ударных и безударных слогов. Силлабика заканчивала свой недолгий путь в сатирах уже рвущегося из ее оков Антиоха Кантемира, творившего в тридцатых годах XVIII века. И тогда же, в тридцатых годах XVIII века, в судьбах русской поэзии произошел очень резкий, решительный перелом.

Такое событие в истории русской поэзии было связано с общественными, политическими и культурными преобразованиями в стране при Петре, когда Русское государство выходило на новые дороги, оно было следствием этих преобразований. В 1735 году Василий Кириллович Тредиаковский опубликовал «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», а в 1739 году Михайла Васильевич Ломоносов прислал в Российскую Академию наук из Германии, где он тогда учился, «Оду на взятие Хотина», приложив к ней «Письмо о правилах российского стихотворства».

Трудами Тредиаковского и Ломоносова, в особенности «Одой» последнего как наглядным и блестящим доказательством преимуществ нового русского стиха, силлабическая система была отодвинута в прошлое.

В силлабо-тоническом стихе шли в ход приспособленные к русскому языку двухсложные и трехсложные стопы — хорей, ямб, дактиль, анапест, амфибрахий. Соответственно получала разнообразие и живость и рифма. Она становилась гораздо более действенным и гибким средством выразительности стиха. Пять основных размеров, при пиррихиях и спондеях, при вводимых новых формах строф, порождали звучный и богатый организм поэтического произведения. Ритмическая жесткость и скованность силлабики таким образом была преодолена, пробила себе дорогу свойственная русскому языку напевность, музыка. Русская поэзия могла отныне стремительно развиваться. В атмосфере обновления общественного быта, происходившего благодаря реформам Петра, когда все русское искусство приобретало светский характер, в поэзию с небывалой свободой хлынули новые, самые широкие темы и мотивы: публицистика и любовь, философское размышление и пейзаж, строфы в античном духе и непринужденное дружеское послание, сцены из народной жизни и портрет отдельного человека. Происходит быстрая смена литературных направлений, течений и стилей: в пределах шестидесяти лет XVIII столетия созрел русский классицизм (Ломоносов и Сумароков), который на протяжении тех же десятилетий разрушат в своих замечательных стихах Карамзин, Дмитриев, Богданович, Державин и менее заметные стихотворцы — Нелединский-Мелецкий, Хемницер, открыв дорогу сентиментализму и романтизму.

На пороге этой новой эры русской литературы стоит гигантская фигура Ломоносова. Лет десяти научился он грамоте у соседей-крестьян. Псалтырь, переложенная в славянские стихи Симеоном Полоцким, дала ему первое понятие о поэзии. В 1730 году, зимой, присоединившись к санному обозу крестьян, везших рыбу, Ломоносов уходит из родных мест в Москву. Здесь он поступает учиться в Славяно-греко-латинскую академию, выдав себя за сына священника, так как крестьянских детей в академию не принимали. Через пятнадцать лет он уже был профессором и академиком. Его гремевшие долгое время оды входят и в настоящий том. Условные религиозные символы в духовных одах («Утреннее размышление о божием величестве», «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния» и др.) и славословия самодержцам в похвальных одах были тогда неизбежной данью традиции. Но никакие условности не помешали Ломоносову пропеть восторженный гимн бессмертной природе и всемогущему человеческому разуму, проникающему в тайны земных недр и космического пространства. По многообразию и широте его трудов и дарований Ломоносова можно сравнить лишь с великими деятелями Возрождения. «Историк, Ритор, Механик, Химик, Минералог, Художник и Стихотворец — он все испытал и все постиг»,— писал о нем Пушкин. Ода была любимым жанром Ломоносова. Ее гражданский пафос, торжественный язык, полный ораторских восклицаний, пышные, нередко развернутые в целую строфу метафоры и сравнения, обильно рассыпанные славянизмы и библейские образы, ее, как выражался сам Ломоносов, «высокость и великолепие» послужили образцом почти для всех русских поэтов XVIII века. Страстный поборник и пропагандист просвещения, Ломоносов положил краеугольный камень в русскую науку о языке. Русский язык, утверждал он, способен выразить все понятия и все явления внешнего мира и все, что связано с человеком. Владея многими языками, будучи одним из лучших латинистов тогдашней Европы, Ломоносов восхищался русским языком, находил в нем «великолепие гишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италианского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка». Со времен Ломоносова начал вырабатываться новый русский литературный язык — один из богатейших по лексике языков мира. Впитавший в себя величавую, торжественную гамму церковнославянского, необычайно свободный и гибкий по синтаксису, обильный придающими ему гармоничную плавность гласными, с редкостной красотой лексикона, которую можно приравнять лишь к латыни и французскому, русский язык, как писал потом Гоголь, есть сам по себе поэт. Этот-то язык и придал нашей словесности ту мощь и выразительность, какой отличалась бурно развивавшаяся русская поэзия.

Удивительная многогранность русской поэзии складывалась уже в XVIII веке. В сороковых годах начал свою деятельность младший современник Ломоносова, директор петербургского театра, поэт и драматург Александр Петрович Сумароков. Он первым из русских дворян открыто вступил на стезю профессионального литератора и тем бросил вызов сословным представлениям своего времени. Известность Сумарокова, работавшего с неуемной энергией, была среди читателей очень широка. Он написал множество пьес, басен, стихотворных посланий, сатир, эпиграмм. Он осуждал жестокость крепостников, «дворянское злонравие», за что был изгнан из столицы и скончался почти в нищете. Самое живое в поэтическом наследии Сумарокова — его песни. Их подхватывала и пела образованная часть тогдашней русской публики. Лучшие из сумароковских песен, не столь архаичные по языку и обычно развивающие любовную тему, с интересом читаются и ныне.

Вслед за Сумароковым нужно назвать имя Радищева. Богатый дворянин, в ранней юности один из пажей императрицы, Александр Николаевич Радищев стал первым русским революционером. За свою знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» он был посажен в темницу Петропавловской крепости, а затем сослан в Сибирь. Смелость идей этого мыслителя-гуманиста, дерзнувшего выступить против института царской власти, не знала в России равных — недаром Екатерина II говорила, что «он бунтовщик хуже Пугачева». «Я взглянул окрест меня,— писал о себе Радищев,— душа моя страданиями человечества уязвленна стала». Тяжеловесные, шероховатые его оды («Вольность», «Осьмнадцатое столетие»), звучавшие как патетические манифесты философа, при всей затрудненности их языка, внесли в русскую поэзию социальную тему, тему обличения общественного зла, которой предстояло большое будущее.

Красочная и яркая живая разговорная речь отличает стихи Гаврилы Романовича Державина, крупнейшего поэта той эпохи. Оды Державина, в отличие от классицистских, ломоносовских, уже стали как бы большими сюжетными стихотворениями, содержавшими и жанровые картины, и чистую лирику, поучения и сатиру. С Державиным русская поэзия как бы шагнула в жизнь, в реальную действительность. Он рисовал эту жизнь в конкретно-чувственных образах: цвет, звук, самую материальность мира передавал он с невиданной до того остротой, а поэзию вслед за Горацием называл «говорящей живописью». Порой он расцвечивал стихи, как старинную плотную парчу, порой будто ковал их из меди — «Я царь — я раб — я червь — я бог!»

Державин уже во многом освобождается от канонов классицизма: на высокую державинскую витийственность постоянно набегают волны просторечия. Широта, блеск и сила его творчества делают Державиа одним из непосредственных предшественников Пушкина.

Новую тропу в русской поэзии прокладывал Николай Михайлович Карамзин. Покровитель и старший друг Пушкина, он как писатель вырос тоже в XVIII столетии. Это автор знаменитой «Истории государства Российского», издатель, печатавший на рубеже XIX века несколько превосходных журналов, и прозаик, создатель повестей («Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь» и другие), в которых утверждался стиль сентиментализма.

В стихах Карамзина зарождалась лирическая трактовка пейзажа, психологизм, звучали характерные уже для романтизма мотивы грусти и тоски. Карамзин применял в своих стихотворениях не только ямб, излюбленный размер классицистов, но и хорей, и трехсложные стопы, и белый стих. Такие его стихотворения, как «Осень» и «Выздоровление» (1789), поражали тогдашних читателей необыкновенной простотой и изяществом. Карамзин дал первые в русской поэзии опыты баллады. Он много потрудился над тем, чтобы приблизить литературный язык к разговорной речи образованных дворянских кругов, очистив его от омертвелых архаизмов, выработав гибкую, изящную фразу и обогатив словарный состав. Он ввел в обиход, например, слова «промышленность», «общественность», «человечность», «развитие». Однако привести в равновесие все пласты русского литературного языка на широкой демократической основе предстояло лишь в будущем Пушкину.

Когда наступило XIX столетие, Державин и Карамзин еще работали, не расставаясь с пером. Но на авансцену литературы уже вышли замечательные молодые поэты — Василий Андреевич Жуковский и Константин Николаевич Батюшков. Подобно Державину их можно назвать великими поэтами.

Во многих отношениях Жуковский — полная противоположность Державину. Если стих Державина весом и зрим, то воздушные, нежные строфы первого русского романтика словно бы лишены телесности, пронизаны тонкой, арфической мелодикой. Стихи Жуковского возникают как легкое дуновение ветерка, прикоснувшегося к чутким струнам. Они живут полутонами и нюансами, в них таится, по определению Пушкина, «пленительная сладость». Акварельно-тонкие, проникнутые чувством картины природы, горестные восклицания, полные жалобы и грусти элегии — все подчинено у Жуковского этому общему настроению. Возвышенно-мечтательный строй души Жуковского, наложивший печать на его творчество, побуждает вспомнить ту линию в русском искусстве, которая воплощает собой начало созерцательности и тихого света и восходит еще к Андрею Рублеву. «Наш Беато Анджелико»,— писал о Жуковском поэт Аполлон Григорьев, сопоставляя его с итальянским художником XV века, работы которого исполнены высокого духа и лиризма. В стихах Жуковского впервые с необычайной искренностью открылся читателям внутренний мир, оттенки душевных движений поэта. Для развития русской поэзии это был факт огромной важности. Вместе с Батюшковым, в творчестве которого на первых порах кипела жизнерадостная струя анакреонтики, вскоре омраченная нотами дисгармонии и печали, Жуковский создал русскую лирику. Взволнованная приподнятость, одухотворенность стиха Жуковского и земная пластика Батюшкова впоследствии вошли как элементы в поэзию Пушкина. А естественной простоте, разговорной легкости языка и, главное, умению вдохнуть в стихи истинно народный колорит учили Пушкина великолепные басни Крылова, которые он читал еще подростком...

Пушкин завершил процесс становления русского литературного языка, начавшийся уже с конца XVII столетия. Язык его поэзии и прозы во всем его изумительном богатстве жив и полноправен поныне. Пушкин дал русской литературе лучшие образцы поэзии романтической, он же возвел поэзию и на степень мудрого, всеобъемлющего реализма. Он вместил в своем творчестве лирику и эпос, драматургию и художественную прозу, он был замечательным критиком и историком. Он коснулся почти всех жанров и всех форм поэзии — от сказки в народном духе до дантовских терцин и сонета. Влияние его на русскую поэзию необъятно. Все русские поэты, писавшие после Пушкина, смотрели и поныне смотрят на него как на своего недосягаемого учителя. Пушкинское творчество оставило в литературе множество ростков, расцветавших на всем протяжении XIX и даже XX века. Под непосредственным воздействием Пушкина творили Гоголь и Лермонтов. Народно-демократическая струя его поэзии была подхвачена Некрасовым. Приблизиться к пушкинской прозрачности и красоте стремились выдающиеся лирики Аполлон Майков, Алексей Толстой, Фет.

К Пушкину уходит своими корнями и великая русская психологическая проза, включая романы и повести Льва Толстого, Тургенева, Гончарова, Достоевского. Он был у нас, по выражению Горького, «началом всех начал».

Гений Пушкина отличается необычайной отзывчивостью ко всем явлениям бытия, к жизни всех времен и народов. Огромен мир его творчества, на многое Пушкин откликнулся. «И как верен его отклик, как чутко его ухо! — писал Гоголь в 1847 году.— Слышишь запах, цвет земли, времени, народа. В Испании он испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец, в полном смысле этого слова; с отжившим человеком он дышит стариною времени минувшего; заглянет к мужику в избу — он русский весь с головы до ног: все черты нашей природы в нем отозвались, и все окинуто иногда одним словом, одним чутко найденным и метко прибранным прилагательным именем...»

Вся сознательная жизнь Пушкина прошла под знаком передовых идей русского освободительного движения. Как поэт он родился на гребне национального подъема в годы Отечественной войны против нашествия Наполеона. Друг и певец декабристов, он развил и продолжил вольнолюбивые идеи Радищева и навсегда утвердил гуманистический, светоносный дух русской литературы. «...В мой жестокий век восславил я свободу...» — сказал он о себе в стихотворении «Памятник», ставшем его завещанием. Гибель Пушкина в январе 1837 года, затравленного придворными и светскими кругами Петербурга, доныне отзывается тяжкой обидой и болью в наших сердцах. Инстинктивно русский народ издавна воспринимал его как своего художественного, эстетического наставника. Дети с первых своих школьных и даже дошкольных дней приникают к чистому источнику поэзии Пушкина. Свет поэзии Пушкина разлит во всей нашей культуре, во всех ее разветвлениях. Уже давно народы Советского Союза — большие и малые — приобщаются к Пушкину. Жизнелюбие, гуманизм, красота — вот три кита, на которых зиждется его поэзия. «Общий колорит поэзии Пушкина и в особенности лирической — внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность»,— писал знаменитый русский критик Белинский. Его поэзия «вся проникнута насквозь действительностью, она не кладет на лицо жизни белил и румян, но показывает ее в ее естественной, истинной красоте; в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля».

Этот умнейший и острый, пылкий, как огонь, и мужественный человек был преисполнен душевной доброты. У него было множество друзей. Его доброжелательность к собратьям по перу удивительна. Пушкинская плеяда — так обычно называют поэтов той поры, не без основания считая время Пушкина золотым веком русской поэзии. Была в поэтах двадцатых и тридцатых годов XIX столетия особая непосредственность и свобода духа, была высокая культура и мастерство, накопленное всей предшествующей историей, было благотворное взаимодействие с гением Пушкина. И существовал настоящий, истинный культ дружбы. Кто окружает Пушкина, кто в одно время с ним пишет? Начиная с Жуковского, здесь и старшие по возрасту поэты, у которых Пушкин многое воспринял и усвоил, и его ровесники, и совсем юноши, вроде Дмитрия Веневитинова; здесь немало и дилетантов-подражателей, составлявших как бы периферию Большой Поэзии. Вот среди старейших всеми почитаемый, тучный, в седых бакенбардах, баснописец Крылов, начавший свою литературную деятельность еще в XVIII столетии, при

Екатерине. Его друг Николай Гнедич, строгий учитель молодых поэтов, боготворивший Пушкина, завзятый театрал, отдавший двадцать лет жизни великому труду — переводу «Илиады» Гомера. Вот почти сверстник Пушкина по возрасту, проложивший свою литературную стезю независимо от него, Грибоедов, автор гениальной стихотворной комедии «Горе от ума», где с огромной выразительностью нарисована картина московской барской жизни той поры и дан образ мыслящего, близкого по настроениям к декабристам молодого дворянина Чацкого. Эта комедия разошлась по России в сотнях списков и внедрилась в разговорную речь сверкающей россыпью пословиц и поговорок. А рядом с Крыловым и Грибоедовым — лихой рубака, кавалерист, человек блестящих военных дарований Денис Давыдов. Герой войны 1812 года, предводитель партизанских отрядов, он стяжал громкую военную славу не только в России — поэта знала Европа, его портрет висел в рабочем кабинете Вальтера Скотта. Размашистые, энергичные, насыщенные просторечиями гусарские стихотворения Давыдова были поучительны даже для Пушкина и представляли собой яркое явление поэзии тех лет.

Решительный и энергичный Кондратий Рылеев, до того как ринуться в открытую борьбу и погибнуть, посвятил поэзии всего-навсего пять лет, но успел за этот срок составить себе крупное литературное имя. В своих думах он рисовал образы борцов за справедливость и свободу, желая возбудить у читателей дух протеста против самодержавия. Пафосом гражданственности были проникнуты и стихи загубленного в тюремных казематах и ссылке Кюхельбекера, товарища Пушкина по Лицею, и юного Александра Одоевского — певца и любимца декабристов, томившихся на каторге в Сибири. С Рылеевым и Кюхельбекером были хорошо знакомы два самых выдающихся по таланту и разительно непохожих друг на друга поэта пушкинской поры — Баратынский и Языков. Стих первого почти лишен эмоциональных эффектов и узоров, обнажен в своей рассудочности и интеллектуальности, архаическая лексика придает ему особую, торжественную мощь и упругость. Перед нами поэт-мыслитель, печальный и горький философ, Гамлет-Баратынский, как называл этого едва ли не самого таинственного из русских поэтов XIX века Пушкин. И вот уже мы отдаемся «разгульному», стремительному темпу стиха Языкова — звучного, как бы играющего, смелого, с неожиданными эпитетами и словосочетаниями. Эта «лихость» и «хмельное буйство выражений» Языкова ошеломляли его современников. Откуда он «ни начнет период, с головы или хвоста,— писал о Языкове Гоголь,— он выведет его картинно и замкнет так, что остановишься пораженный».

В литературное окружение Пушкина входили и близкие друзья его — нежная флейта русской поэзии, автор античных идиллий и песен в русском духе Антон Дельвиг и язвительный интеллектуал, соратник Пушкина по журнальным схваткам, писавший лирические стихотворения и эпиграммы, оды и сатиры, дружеские послания и мадригалы князь Петр Вяземский. А чуть поодаль — молодые московские любомудры, «архивные юноши», к которым приглядывался Пушкин,— поэты Веневитинов, Шевырев, Хомяков и их друзья. Перед этой молодежью по возвращении из ссылки в Москву восторженно встреченный Пушкин читал 12 октября 1826 года в Кривоколенном переулке в первый раз своего «Бориса Годунова».

По существу, к пушкинской эпохе следует отнести и Алексея Кольцова. Это совсем особый поэт, своего рода чудо тогдашней русской жизни. Выходец из низов, сын прасола, он явился в русской литературе как бы предвестником многих поэтов, выдвинутых народной трудовой средой. С детства разъезжал он по степям, знал зной и стужу, ночевал под открытым небом. Получив самое элементарное образование, почти лишенный литературных знакомств, с шестнадцати лет он стал сочинять стихи и в конце концов выработал свой собственный, оригинальный стиль. Стихи Кольцова идут от народной песни, у них особый, не похожий ни на одного современного ему поэта, лад, свои ритмы, свой подход к слову. Задушевные, будто вылившиеся на одном дыхании, они сами легко становились народными песнями. В них воспет труд крестьянина, его стремление к воле и счастью, его духовная красота. В стихах Кольцова, по замечанию Герцена, подавала о себе голос забитая, бедная, мужицкая Россия. И этот народный кольцовский голос был чутко услышан и оценен Пушкиным: Пушкин обласкал Кольцова, напечатал его стихи в своем журнале «Современник». Недаром гибель Пушкина исторгла у Кольцова рыдающее прощальное стихотворение «Лес».

Разгром восстания декабристов в 1825 году обозначил резкую межу в общественном и политическом быте страны. Николай I, по выражению Герцена, «заморозил Россию». «Людьми овладело,— говорит тот же писатель,— глубокое отчаяние и всеобщее уныние. Высшее общество с подлым и низким рвением спешило отречься от всех человеческих чувств, от всех гуманных мыслей». Торжество деспотического самодержавия, железными обручами стиснувшего всякое проявление свободы, сгустило чувство задумчивой печали у Пушкина, по сути предопределив трагический финал его жизни; казнен был на виселице Рылеев, брошены в темницу, усланы на каторгу и в солдатчину Кюхельбекер, Одоевский, Полежаев, Плещеев, великий поэт Украины Шевченко. Атмосфера реакции исказила и обескровила творчество Языкова, окутала облаком пессимизма мысль Баратынского. И все та же самодержавная власть жестоко расправилась с гениальным Лермонтовым.

Лермонтов — сын другого времени, нежели Пушкин. Он принадлежит к поколению, которое с благородной завистью оглядывалось назад, на грозу двенадцатого года, на светлые мечты и стремления декабристов, а само было обречено на рутинное, бессмысленное существование и бездействие. Уже в ранних своих произведениях Лермонтов создал образ мятежника, бросавшего вызов самодержавному общественному строю, рвущегося к подвигу и одновременно предчувствующего свою безвременную гибель. Энергией протеста и отрицания исполнен его «Демон», сюжет которого преследовал поэта с пятнадцати лет; свободы и воли — свободы любой ценою — жаждет другой его любимый герой — Мцыри. Но в стихах Лермонтова постоянно звучит и тема страшного одиночества. Поколение Лермонтова еще не знало ни способов, ни путей к реальной борьбе с социальным злом; сближение поэта с революционно-демократическим крылом русской литературы, возникавшим на рубеже сороковых годов, было оборвано его гибелью. Гонимый правительством, он дважды был сослан на Кавказ, под пули горцев, и был убит на дуэли на двадцать седьмом году жизни.

Есть что-то титаническое в личности этого невысокого ростом юного офицера с тяжелым, трагическим взглядом прекрасных черных глаз. Он был создан словно бы из особого, звездного вещества. Неимоверная, почти немыслимая сила поэтического дарования, безоговорочное, полное могущество во всех жанрах, способность слить воедино, соединить самые богатые, блистательные по краскам романтические описания с глубоким психологическим анализом, «гордая вражда» с самим небом и нежнейшая мелодия, в которой дает о себе знать чистая, любящая человеческая душа, картины жизни светского Петербурга и «дрожащие огни печальных деревень», дивные восточные сюжеты его последних баллад и пророческий рассказ о себе, недвижно лежащем «с свинцом в груди» среди скал Кавказа, огромная любовь к родине и желание постигнуть душу народа, неукротимый дух поиска истины — вот самые первые, взятые почти наугад определения характера творчества Лермонтова. Его «облитый горечью и злостью» чеканный стих занял в нашем сознании место рядом с поэзией Пушкина и вошел в алмазный фонд русской литературы.

Поэзия Лермонтова как бы уже предвещала приход певца «мести и печали», народного заступника и борца за свободу — Некрасова. Жизнь этого поэта совпала с решающими событиями и сдвигами в истории России XIX века. Он был свидетелем спора славянофилов и западников, он учился у замечательных идеологов русской революционной демократии — Белинского и Герцена, на его глазах и при его деятельном участии восторжествовал в русской литературе реализм, обеспечив ей ведущее место среди литератур мира. Он видел крах николаевского режима, выразившийся в поражении России в Крымской войне, и новый подъем освободительного движения, когда, после кружка петрашевцев, революционеров-дворян сменили революционеры-народники, разночинцы, когда, как писал впоследствии В. И. Ленин, «шире стал круг бойцов, ближе их связь с народом». Некрасов видел промышленный переворот, рост крестьянских бунтов, поставивших страну на грань революции, грабительскую, корыстную со стороны помещиков и правительства отмену крепостного права, видел зарождение пролетариата и мучительные, настойчивые поиски путей к светлому будущему в среде передовой интеллигенции. Широчайшая историческая панорама четырех срединных десятилетий XIX века запечатлена в лирике и эпосе Некрасова, в его сатирах, фельетонах, песнях, в патетических стихотворных исповедях, в замечательных поэмах. Медлительные трехсложные размеры, столь характерные для Некрасова, сообщали его стихам горестный колорит, больно ударяя по сердцам читателей. Находя новые, поистине новаторские мотивы и формы, Некрасов с удивительной силой чувства рисовал бедственную жизнь деревни, психологический облик народа, его нравы, его труд, его чаяния, предания и песни. Мы ощутим в стихах Некрасова острые социальные контрасты большого города, встретим гневные, саркастические зарисовки богачей и эксплуататоров, найдем и прямой призыв к сопротивлению, к борьбе.

Читая Некрасова, словно бы входишь в самые недра глубинной русской жизни XIX столетия. Ты будто пашешь и жнешь с крестьянином под знойным солнцем, едешь с ним по зимней дороге в санях за сеном или дровами, побываешь на крестьянской сходке, на кладбище, поговоришь с крестьянским дитятей и старым отставным солдатом, выйдешь с ружьем на болото, чтобы стрелять дупелей, ощутишь промозглую слякоть петербургской осени, когда в лохмотьях и дырявых башмаках шагаешь по скользким гранитам столицы. Поэзии Некрасова — наряду с романами и повестями виднейших русских прозаиков — мы обязаны своими представлениями о народной жизни XIX столетия. Как великий поэт и выдающийся журналист, редактор «Современника» и «Отечественных записок», лучших русских журналов той поры, Некрасов задал долговечную ноту целому отряду, целому крылу русской поэзии. Принимая близко к сердцу нужды народа, а то и связав с его освободительной борьбой свою собственную судьбу, по следам Некрасова шли такие талантливые поэты, как Никитин и Плещеев, Михайлов и Суриков, Трефолев и Дрожжин, замечательные сатирики из журнала «Искра», не щадившие социальное зло тех времен — Курочкин и Минаев. В демократических кругах русских читателей имя Некрасова к концу его жизни было столь популярно и чтимо, что встречались люди, ставившие его выше Пушкина...

Панорама русской поэзии все расширялась. К середине XIX столетия передовые позиции в литературе завоевал реализм, но оттесненный с авансцены романтизм не исчез.

Крупнейшим поэтом-романтиком той поры был Тютчев. Родившийся на четыре года позже Пушкина, он сложился как поэт почти независимо от него, и его творчество являет собой ярчайший пример развития философской линии нашей поэзии. Корни поэтического стиля Тютчева — в русском классицизме XVIII века, в стихах Жуковского, в эстетике немецких романтиков. Архаизированная лексика и синтаксис, специфический подход к слову, взятому как бы в обобщающем ключе, весь пафос его лирики, нерасторжимо слитой с напряженной ищущей мыслью, резко обособляет Тютчева среди современных ему поэтов. К тому же у него была необычная литературная судьба. Восемнадцати лет он уехал за границу, на дипломатическую службу (в Мюнхен и потом в Турин), и провел там двадцать два года. Печатался он мало и редко, стихи его отдельной книгой вышли в свет, когда Тютчеву было больше пятидесяти. Он совсем не заботился о своей литературной репутации и до конца жизни, нуждаясь в средствах, не оставлял службы. Но, медленно входя в литературу, он, однако, вызвал восхищенные отзывы таких ценителей поэзии, как Некрасов, Тургенев, Чернышевский, Достоевский. А Лев Толстой говорил, что без стихов Тютчева нельзя жить.

Тютчев — великий пантеист, поэт острого космического чувства. В его философских миниатюрах нет ощутимой грани между природой и человеком, они почти тождественны. Мир, по Тютчеву, проникнут борением враждующих начал, он полон таинственности — в подоснове его «шевелится» хаос, под златотканым покровом дня скрывается ночь, в избытке и торжестве жизни проглядывает смерть, людская любовь — лишь роковой поединок, грозящий гибелью. Ристалище первичных стихий: гроза, всепоглощающая бездна океана, ночной «небесный свод, горящий славой звездной»,— вот излюбленные образы Тютчева, влекшие его «сердце, полное тревоги». Мысль Тютчева, чувствующая, живая, отливалась в пластическом, кратком и первозданно свежем воплощении; в стихах его, по выражению Добролюбова, есть и «знойная страстность, и суровая энергия». Он удивительный мастер эпитета, чутко выбранной, характерной детали. Несмотря на скептические ноты, иногда вырывавшиеся у Тютчева, от большинства его произведений веет молодостью, неистребимым жизнелюбием.

В этот сборник не входят произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова и Некрасова, так как их творчество представлено в других томах «Библиотеки мировой литературы для детей». Тем не менее мы подробно говорим здесь об этих титанах. Ведь без великих имен нет великой литературы, и, не коснувшись творчества Пушкина, Лермонтова и Некрасова, будет невозможно понять, как складывалась и развивалась русская поэзия, невозможно почувствовать ее размах и масштаб. Но и великие поэты рождаются и действуют на подготовленной почве, которую создают поэты как бы второстепенные и даже третьестепенные. Их место в истории литературы — особенно такой высокой литературы, как русская,— по-своему тоже почетно. Сошлемся на несколько примеров. Если бы у нас не было Некрасова с его проникновенными и широчайшими картинами народного быта, как засиял и возвысился бы в нашем сознании Никитин! Это могучий талант, оставивший нам богатейшее лирическое и эпическое наследие, целую поэтическую сагу о народе. Ее надо читать и читать! А как поблекла бы палитра русской поэзии, если бы вдруг исчезли пожизненные спутники миллионов людей, чудесные хрестоматийные стихи, написанные, казалось бы, и не первостепенными поэтами — Плещеевым, Огаревым, Жадовской, Суриковым. Безвременно сведенный в могилу чахоткой и нуждой, Иван Захарович Суриков был чрезвычайно одаренным поэтом. Этот веселый рыжебородый человек, ходивший в картузе мастерового и не упускавший случая поговорить на улице с любым встречным ребенком, сгубил свои легкие в сырой лавчонке, где он был вынужден торговать железным ломом и углем. Много детских душ в России росло и воспитывалось на его стихах, много пелось его песен. Суриков положил начало сплочению и организации литераторов, вышедших, как и он, из самых низов народа. Таких выходцев из рабочих и крестьян, пробовавших свои силы в поэзии, становилось все больше. В честь Ивана Захаровича был назван возникший на исходе столетия Суриковский литературно-музыкальный кружок писателей-самоучек, работавший еще в первые годы после Октября. Секретарем его некоторое время состоял юный Сергей Есенин.

В русле некрасовской школы развивалось и творчество видного русского революционера, друга и соратника Герцена — Николая Платоновича Огарева, хотя в молодые годы его кумиром был Лермонтов. Стихи Огарева, ярко рисующие русскую крепостную деревню, появились в самом начале сороковых годов, раньше некрасовских, а насыщенные революционной страстью поэмы и стихотворения нелегально проникали на родину из-за рубежа (в 1856 году Огарев эмигрировал из России и жил главным образом в Англии) и оказали большое влияние на демократическую поэзию той поры.

В сороковых годах — наряду с Огаревым и Некрасовым — выступила группа молодых поэтов, которым была суждена долгая жизнь и значительное место в русской литературе. Часть их примкнула к лагерю «чистого искусства». Наперекор демократической литературе и в борьбе с нею этот лагерь отстаивал тезис о независимости искусства от жизни, о его самоценности. Знаток и поклонник античности, сын академика живописи Аполлон Майков, опираясь на одну из граней пушкинского наследия, создал цикл так называемых антологических стихотворений, писал картины древней и современной ему Италии, но еще ярче проявил себя как превосходный мастер среднерусского пейзажа. Майков очень пластичен, он любит ясность очертаний, обильный солнечный свет. И напротив, к мягким полутонам, к смутному сиянию луны и сумеркам пристрастен сверстник Майкова — Яков Полонский. Простодушную грацию, честность и «правдивость впечатлений» отмечал в его творчестве его друг Тургенев. Полонский писал и лирику, и сюжетно-психологические стихотворные новеллы; он смолоду тянулся к мелодии городского гитарного романса — некоторые его песни поются поныне. Былинные, древнерусские веяния чувствуем мы в стихах Алексея Константиновича Толстого. У него широкий, размашистый жест, звонкие и чистые краски. Он умеет передать аромат ранней весны, атмосферу юного любовного влечения. Вместе с тем Алексей Толстой — один из лучших мастеров исторической баллады и превосходный сатирик. В сотрудничестве с братьями Жемчужниковыми он создал целую книгу сатирических произведений, подписанных именем вымышленного автора — Козьмы Пруткова.

Сверстником только что названных поэтов был Афанасий Афанасьевич Фет. Спектр поэзии Фета раскрылся не сразу. В юности, когда он, одновременно с Майковым и Полонским, начал печататься, его воспринимали как мастера антологических стихотворений. Лишь впоследствии, чуть ли не в старческие его годы, Фет утвердил себя крупнейшим и самобытным лириком, певцом русской природы. Природа и любовь — две оси его поэзии — рисуются Фетом необычайно свежо и тонко; только Фету присуща способность насытить пейзаж таким ощущением воздуха и движения, неуловимых изменений, полутонов и переходов, которые делают многие его стихи настоящим поэтическим открытием. С небывалой в русской лирике чуткостью Фет фиксировал смутные, беглые, едва зарождающиеся настроения, нюансы чувств. Стремясь выразить в своих стихах «и темный бред души и трав неясный запах», уловить разлитую в природе красоту, Фет поражает читателя не только порывом своих эмоций, но и достоверной конкретностью, зоркостью наблюдений. В нем жила изощренная зрительная сила художника-импрессиониста и одновременно могучая мелодическая стихия, хотя, как и Тютчев, поэт сетовал на ограниченность выразительных средств человеческой речи. Композитор Чайковский говорил, что поэзия Фета почти непосредственно вторгается в область музыки. В книгах Фета мы встречаем истинно философские, дышащие космическим пространством, прекрасные «звездные» стихотворения, перекликающиеся с Ломоносовым и Тютчевым.

Есть основание сказать, что Фет был оценен широким читателем лишь после его смерти. Музыкальность, звуковая инструментовка, явные элементы импрессионизма, многообразие и новизна его метафор, ритмов, строфики, песенный лад фетовской лирики в сильной мере влияли на русскую поэзию XX века.

Как самый чувствительный барометр, незамедлительно отзывающийся на изменения атмосферы, русская поэзия испытывает в восьмидесятые годы, после смерти Некрасова, глубокий кризис. Некрасов скончался в декабре 1877 года. Уже тогда цензурные власти всемерно теснили передовую литературу. А 1 марта 1881 года революционерами-народовольцами был убит царь Александр II. В правительственной политике произошел резкий поворот вправо. Свирепствовали военно-полевые суды, совершались казни, всячески урезывались куцые «свободы», объявленные после реформы 1861 года. Тяжелая политическая реакция, жестокие репрессии царского правительства вызвали на какое-то время растерянность демократических сил, были ощутимы исчерпанность и вырождение народнических идеалов, а переход к пролетарскому этапу освободительной борьбы, открывавший новые перспективы, еще не совершился. Все это омрачило и обесцветило русское поэтическое слово. В поэзии скудели краски, исчезали яркие поэтические индивидуальности, падала техника стиха, гаснул животворный дух новаторства. Хотя еще жили в ту пору старые поэты Майков и Полонский, Плещеев и Жемчужников, жил и энергично работал Фет, но эти сыны сороковых годов уже не определяли ни «цвета времени», ни облика тогдашней поэзии. Мотивы мрака и ненастья, чувство глубокой неудовлетворенности действительностью питают творчество поэтов, выступивших на первый план. Их много, но лишь редкие имена — Надсона, Апухтина, Случевского, Фофанова — прочно запомнила история литературы. Конечно, некрасовская традиция гражданской лирики не умирала, немало поэтов, в особенности из среды профессиональных революционеров, воспевали любовь и жалость к страдающим и угнетенным, но они не могли ни найти свежих красок и форм, ни воплотить в своих произведениях народный национальный характер, как это сделал Некрасов. И тем не менее восьмидесятые годы несли с собой не только распад и завершение целых линий русской поэзии XIX века, но и зерна будущего. Уже в начале следующего десятилетия русская литература услышала громкий голос Максима Горького, провозвестника пролетарского искусства. Еще раньше, в конце девяностых годов, выступают в печати поэты-рабочие, такие, как Е. Нечаев, Ф. Шкулев; пишет песни революционер и ученый Л. Радин. Тогда же зарождается неоромантическое течение символистов, выдвинувшее замечательных поэтов Валерия Брюсова, Андрея Белого, Александра Блока. Все они, особенно Блок с его поэмой «Двенадцать», внесли свой вклад в поэзию первых лет советской эпохи.

Еще в конце восьмидесятых годов начал печататься Иван Алексеевич Бунин, стихотворениями которого завершается настоящий том. В красочных и в то же время скупых, строгих его стихах заложено огромное чувство любви к родине. Поэзия Бунина являлась как бы мостом, соединявшим уходящий XIX век с веком XX: в ней ощущаешь прочные классические традиции и изощренное зрение человека новейших времен. Хотя имя Бунина больше прославлено его прозаическими книгами, он занимает среди поэтов рубежа веков выдающееся положение.

Русская поэзия XIX века, ставшая классикой, служила и служит образцом и примером для поэтов всех последующих времен, включая наши дни. Даже на словах открещивающиеся от нее футуристы предреволюционной поры на деле неизбежно зависели от старых мастеров литературы. Недаром Владимир Маяковский мог часами читать наизусть то строфы из «Евгения Онегина», то баллады Алексея Толстого и в поздних своих стихах не раз обращался к имени Пушкина. А поэты, вышедшие из рабоче-крестьянской среды и упорно овладевавшие знаниями, никогда не пренебрегали культурой прошлого и смотрели на книги классиков с благоговением. Внимательный читатель советской поэзии заметит следы плодотворных уроков, извлеченных многими нашими поэтами из классического наследия. Укажем, в частности, на стихи Михаила Исаковского и Александра Твардовского, где явственно ощущаются некрасовские традиции. Истинному таланту традиции не мешают сохранять в поэзии свое оригинальное лицо и даже стать новатором.

Знакомясь с этой книгой, видишь, как крепко всех русских поэтов связывала и связывает между собой трепетная любовь к родной земле. Они пропели ей столько нежных признаний и гимнов! Но как наш гений Пушкин нес в себе универсальное ощущение единства мира, так и вся русская поэзия, русская культура никогда не замыкалась в себе, не знала чувства исключительности и национального отчуждения. Она многое извлекла из духовных богатств Запада, немало ее нитей тянется и к культуре народов Востока.. Чтобы осознать, с какой жадностью она осваивала литературу других стран, достаточно вспомнить работу Жуковского, давшего русскому читателю в своих переводах и целое собрание шиллеровских баллад, и «Одиссею» Гомера, и сказание о Нале и Дамаянти из великой книги Фирдоуси «Шахname». Сияние ярчайших красок, отзвуки таинственных восточных легенд содержат кавказские стихотворения и поэмы Пушкина, Лермонтова, Полонского. В них русская поэзия, сохраняя свою самобытность, обретая новый блеск и глубину, как бы шла с открытым сердцем навстречу культуре всех народов России. Так закладывались основы дружбы и взаимодействия, взаимообогащения национальных литератур Страны Советов. Русская поэзия, по слову Пушкина, жила светлой мечтой о тех временах,

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Николай Банников

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее добро́ты
Мыслить умом есть много охоты!

Россия мати! свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небу Российску ты солнце ясно!

Красят иных всех златые скиптры,
И драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украси́ла
И лицом светлым венец почтила.

О благородстве твоем высоком
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светло изводство.

В тебе вся вера благочестивым,
К тебе примесу нет нечестивым;
В тебе не будет веры двойныя,
К тебе не смеют приступить злые.

Твои все люди суть православны
И храбростию повсюду славны;
Чада достойны таковой мати,
Везде готовы за тебя стати.

Чем ты, Россия, неизобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

Коль в тебе звезды все здравьем блещут!
И Россияне коль громко плещут:
Виват Россия! виват драгая!
Виват надежда! виват благая!

Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Сто мне языков надобно б было
Прославить все то, что в тебе мило!

1728

А. Д. КАНТЕМИР

Сатира I

НА ХУЛЯЩИХ УЧЕНИЯ

К УМУ СВОЕМУ

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав, летящи дни века проводити
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя, как мору, чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна марморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.
Правда, в нашем молодом монархе надежда
Всходит музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлон славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.
«Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает,—
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает

И просит, свята душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами;
Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, Библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали».
    Силван другую вину наукам находит.
«Учение,— говорит,— нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
Ни связи,— должно ль о том тужить дворянину?
Довод, порядок в словах — подлых то есть дело,
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
С ума сошел, кто души силу и пределы
Испытает; кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей выведать премену
Иль причину,— глупо он лепит горох в стену.
Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что́ приказчик,
Что́ дворецкий крадет в год? как прибавить воду
В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства,
Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веди —
Можно знать различие злата, сребра, меди.
Трав, болезней знание — голы всё то враки;
Глава ль болит — тому врач ищет в руке знаки;
Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
Дать хочешь. Слабеем ли — кровь тихо чрезмеру
Течет; если спешно — жар в теле; ответ смело
Дает, хотя внутрь никто видел живо тело.
А пока в баснях таких время он проводит,
Лучший сок из нашего мешка в его входит.
К чему звезд течение числить, и ни к делу,
Ни кстати за одним ночь пятном не спать целу,

За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется или мы с землею?
В часовнике можно честь на всякий день года
Число месяца и час солнечного всхода.
Землю в четверти делить без Евклида смыслим,
Сколько копеек в рубле — без алгебры счислим».
Силван одно значение слично людям хвалит:
Что учит множить доход и расходы малит;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.
Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает:
«Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
Что же пользы иному, когда я запрусь
В чулан, для мертвых друзей — живущих лишуся,
Когда всё содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга — на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
Вино — дар божественный, много в нем провору:
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких мягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу,—
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».
Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры;
Пред Егором двух денег Виргилий не стоит;
Рексу — не Цицерону похвала достоит.
Вот часть речей, что на всяк день звенят мне в уши;
Вот для чего я, уме, немее быть клуши
Советую. Когда нет пользы, ободряет
К трудам хвала,— без того сердце унывает.
Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
Трудней то, неж пьянице вина не имети,

Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю.
Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
Что трудно злонравному добродетель славить,
Что щеголь, скупец, ханжа и таким подобны
Науку должны хулить,— да речи их злобны
Умным людям не устав, плюнуть на них можно;
Изряден, хвален твой суд; так бы то быть должно,
Да в наш век злобных слова умными владеют.
А к тому ж не только тех науки имеют
Недрузей, которых я, краткости радея,
Исчел иль, правду сказать, мог исчесть смелея.
Полно ль того? Райских врат ключари святые,
И им же Фемис вески вверила златые,
Мало любят, чуть не все, истинну украсу.
Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата,
Клобуком покрой главу, брюхо — бородою,
Клюку пышно повели везти пред тобою;
В карете раздувшися, когда сердце с гневу
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву.
Должен архипастырем всяк тя в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти.
Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
Иной, пиша проповедь, выпись позабудет,
От чего доходам вред; а в них церкви пра́ва
Лучшие основаны, и вся церкви слава.
Хочешь ли судьею стать — вздень перук с узлами,
Брани того, кто просит с пустыми руками,
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.
Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны нравы —
Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячим должно лезть на бумажны горы,
А судье довольно знать крепить приговоры.
К нам не дошло время то, в коем председала
Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
Будучи способ одна к высшему восходу.
Златой век до нашего не дотянул роду;
Гордость, леность, богатство — мудрость одолело,
Науку невежество местом уж посело,
Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
Судит за красным сукном, смело полки водит.

Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,
Как страдавши на море, корабельной службы.
Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
Ученых хоть голова полна — пусты руки».
Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
Тому уж и в самые молодые леты
Всякая высша степень — мзда уж невелика,
Семи мудрецов себя достойным мнит лика.
«Нет правды в людях,— кричит безмозглый церковник,—
Еще не епископ я, а знаю часовник,
Псалтырь и послания бегло честь умею,
В Златоусте не запнусь, хоть не разумею».
Воин ропщет, что своим полком не владеет,
Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным.
Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает.
Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

1729, 1743

М. В. ЛОМОНОСОВ

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божие дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приближившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Лиется радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И, на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

1743 (?)

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет,—
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, что б мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

1743

ОДА, ВЫБРАННАЯ ИЗ ИОВА, ГЛАВЫ 38, 39, 40 и 41

О ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь, человек,
Внимай, коль в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая
И гласом громы прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал:

Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ:
Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет;
Когда я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Где был ты, как передо мною
Бесчисленны тьмы новых звезд,
Моей возжженных вдруг рукою
В обширности безмерных мест,
Мое величество вещали;
Когда от солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи́?

Кто море удержал брегами
И бездне положил предел
И ей свирепыми волнами
Стремиться дале не велел?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши сдвигнул Океан?

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранée утру быть
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу способный ветр направить,
Чтоб в пристани его поставить,

И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожных с ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разных
Прошел ли моря глубину?
И счел ли чуд многообразных
Стада, ходящие по дну?
Отверзлись ли перед тобою
Всегдашнею покрыты мглою
Со страхом смертные врата?
Ты спер ли адовы уста?

Стесняя вихрем облак мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздух огустить прозрачный,
И молнию в дожде родить,
И вдруг быстротекущим блеском
И гор сердца трясущим треском
Концы вселенной колебать
И смертным гнев свой возвещать?

Твоей ли хитростью взлетает
Орел, на высоту паря,
По ветру крила простирает
И смотрит в реки и моря?
От облак видит он высоких
В водах и в пропастях глубоких,
Что в пищу я ему послал.
Толь быстро око ты ли дал?

Воззри в леса на бегемота,
Что мною сотворен с тобой;
Колючий терн его охота
Безвредно попирать ногой.
Как верьви сплетены в нем жилы.
Отведай ты своей с ним силы!
В нем ребра как литая медь;
Кто может рог его сотреть?

Ты можешь ли Левиафана
На уде вытянуть на брег?
В самой средине Океана
Он быстрый простирает бег;
Светящимися чешуями
Покрыт, как медными щитами,
Копье, и меч, и молот твой
Считает за тростник гнилой.

Как жернов сердце он имеет,
И зубы страшный ряд серпов;
Кто руку в них вложить посмеет?
Всегда к сраженью он готов;
На острых камнях возлегает
И твердость оных презирает.
Для крепости великих сил
Считает их за мягкой ил.

Когда ко брани устремится,
То море, как котел, кипит,
Как печь, гортань его дымится,
В пучине след его горит;
Сверкают очи раздраженны,
Как угль, в горниле раскаленный,
Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против меня?

Обширного громаду света
Когда устроить я хотел,
Просил ли твоего совета
Для множества толиких дел?
Как персть я взял в начале века,
Дабы создати человека,
Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе я дал?

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпеньи часть.
Он всё на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

Между 1743 и началом 1751

* * *

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.

Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством не был,
Чтоб внесть в Италию стихи эольски
И перьвому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

⟨1747⟩

ОДА
НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
1747 ГОДА

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише
И зрак прекраснее рая.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв, облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хощет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони

Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попранну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.

Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия

Искусством утвержденных рук.
Сие злату́ очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды

Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежныя весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием;
Сребро и злато истекает
Во всем наследии твоем.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

Конец 1747

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ

Анакреон

Ода I

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со стру́нами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносов

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.

Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Анакреон

Ода XXIII

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжи́ть,
То стал бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою годину,
Взяв деньги, отошла
И, за отку́п кончину
Отсрочив, жить дала;
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог;
Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать.

Ломоносов

Ответ

Анакреон, ты верно
Великой философ,
Ты делом равномерно
Своих держался слов,
Ты жил по тем законам,
Которые писал,
Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал;
Хоть в вечность ты глубоку
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить;

Возьмите прочь Сенеку,
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?

Анакреон

Ода XI

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед»;
Я не тужу ни мало,
Еще ль мой волос цел,
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел;
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Ломоносов

Ответ

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит, нахмурившись, Катон:
«Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от Кесаря кинжалом свобожусь».
Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввесть в республику порядок,
Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его угрюмством в Рим не возвращен покой;
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху;
Зерном твой отнял дух приятной виноград,
Ножом он сам себе был смертный супостат;
Беззлобна роскошь в том была тебе причина,
Упрямка славная была ему судьбина;
Несходства чудны вдруг и сходства понял я,
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.

Анакреон

Ода XXVIII

Мастер в живопистве первой,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу,
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей;

Цвет в очах ее небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи,
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь;

Всех приятностей затеи
В подбородок умести
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дыхают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненной взгляд;

Надевай же платье ало
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,

Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов

Ответ

Ты счастлив сею красотою
И мастером, Анакреон,
Но счастли́вей ты собою
Чрез приятной лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живопистве первой,
Ты первой в нашей стороне
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как до́лжны у богини быть,
По пле́чам волосы кудрявы
Призна́ком бодрости завить,
Огнь вложи в небесны очи
Горящих звезд в средине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой;

Возвысь сосцы, млеком обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец;

О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать
И повели войнам престать.

Между 1756 и 1761

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НА ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ, КОГДА Я В 1761 ГОДУ ЕХАЛ ПРОСИТЬ О ПОДПИСАНИИ ПРИВИЛЕГИИ ДЛЯ АКАДЕМИИ, БЫВ МНОГО РАЗ ПРЕЖДЕ ЗА ТЕМ ЖЕ

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поёшь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Лето 1761

А. П. СУМАРОКОВ

* * *

Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой,
Что давно я не видалася с тобой,—
Муж ревнивый не пускает никуда;
Отвернусь лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он: «Отчего не весела?»
Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах, несчастье, ах, несносная беда,
Что досталась я такому, молода;
Мне в совете с ним вовеки не живать,
Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою;
Хоть бы он меня и пуще стал губить,
Я тебя, мой свет, вовек буду любить.

1770

* * *

Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход ийти;
Неведомо мне то, увижусь ли с тобой,
Ин ты хотя в последний раз побудь со мной.

Покинь тоску, иль смертный рок меня унес?
Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слез.
Имей на мысли то к отраде ты себе,
Что я оттоль с победою приду к тебе.

Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищаяся, не знав, что страх;
Услышишь ты, что я не робок в поле был,
Дрался с такой горячностью, с какой любил.

Вот трубка, пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненный еще вина;
Для всех своих красот ты выпей из него
И будь по мне наследницей лишь ты его.

А если алебарду заслужу я там,
С какой явлюся радостью к твоим глазам!
В подарок принесу я шиты башмаки,
Манжеты, опахало, щегольски чулки.

1770

Г. Р. ДЕРЖАВИН

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает:
Монарх и узник — снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глотает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости всё смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чает;

Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапу похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там.— Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы — гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хао́са в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,

Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдéт, прейдéт в чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны,
Вы все пременны здесь и ложны:
Я в двéрях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно,—
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

1779

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:

Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

1780(?)

НА ПТИЧКУ

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту;
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

1792 или 1793

ВЕЛЬМОЖА

Не украшение одежд
Моя днесь муза прославляет,
Которое в очах невежд
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

Хочу достоинствы я чтить,
Которые собою сами

Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастие не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждан.

Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает,—
Сей образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Не перлы перские на вас
И не бразильски звезды ясны;
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастия рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских сопостатов,—
Всяк думает, что я Чупятов
В марокканских лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,

Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный,—
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь — коль мой сияет дух;
Владелец — коль страстьми владею;
Болярин — коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия, мрамор и фарфор?

На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносит дани,
Токай — густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный,—
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И, с шумом вверх стремясь, сверкают;

Там розы средь зимы цветут
И в рощах нимфы воспевают
На то ль, чтобы на всё взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных —
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленных;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащия Цирцеи
Блистают розы и лилеи,
Ты с ней покойно спишь — а там? —

А там израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой,—
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ,—
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его знав прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти,—
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

А там, где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,

Заимодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит! — Ты спишь,
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!» —
Злодей, увы! — И грянул гром.

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
Наследным перлом жен, детей;
В единодушии — блаженство;
Во правосудии — равенство;
Свободу — во узде страстей!

Блажен народ! — где царь главой,
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает;
Ей взор и ухо предлагает,—
Повелевает же сама.

Сим твердым у́злом естества
Коль царство лишь живет счастливым,
Вельможи! — славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться:
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О росский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!

Когда расслаб весь смертный род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет? —
Тот храбрым был средь бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ.

И в наши вижу времена
Того я славного Камила,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.

Тебе, герой! желаний муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, ма́слиной венчанный!
Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.

Пари,— и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей,
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя.
Простри твой поздный блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря.

Ноябрь 1794

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОБЕДУ

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,

Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вкруг ожидая;
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель давный,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди, и дом, хоть не нарядный,
Без ре́зьбы, злата и сребра,
Мой посети; его богатство —
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нельстивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться,
Без вредных здравию приправ.

Не чин, не случай и не знатность —
На русский мой простой обед
Я звал одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель!
Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю,
И знаю то, что век наш тень;
Что, лишь младенчество проводим,—
Уже ко старости приходим,
И смерть к нам смотрит чрез забор;
Увы! — то как не умудриться
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слыхал, слыхал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! — и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопота́х?

Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней,
И приголубливает счастье,
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откушать,—
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха;
Но в здравьи и спокойстве духа,—
Умеренность есть лучший пир.

1795

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру: но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

1795

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, певец Тиисский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчýгами драгими
Груди нежные дышáт?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

Весна 1799

СНИГИРЬ

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян всё побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музы́ка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

Май 1800

ЛЕБЕДЬ

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двояком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставлю под собой блеск царств.

Да, так! Хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,

Другим вельможам я не равен
И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах,
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебяжьей ло́снюсь белизной.

Лечу, парю — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать богу песнь.

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод,
Народы, света с полукруга,
Составившие россов род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом — и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Язы́ком сердца говорил
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! облекись терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.

1804

ПРИЗНАНИЕ

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;

Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел,
Не собой блистал я — богом;
Вне себя я бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моея царям,—
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям,—
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть вслух,—
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен,—
Признаюся, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом: жег любви коль пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

1807

* * *

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

6 июля 1816

Д. И. ФОНВИЗИН

БАСНЬ

ЛИСИЦА-КОЗНОДЕЙ

В Ливийской стороне правдивый слух промчался,
Что Лев, звериный царь, в большом лесу скончался.
Стекалися туда скоты со всех сторон
Свидетелями быть огромных похорон.
Лисица-Кознодей, при мрачном сем обряде,
С смиренной харею, в монашеском наряде,
Взмостясь на кафедру, с восторгом вопиет:
«О рок! лютейший рок! кого лишился свет!
Кончиной кроткого владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай, зверей собор почтенный!
Се царь, премудрейший из всех лесных царей,
Достойный вечных слез, достойный алтарей,
Своим рабам отец, своим врагам ужасен,
Пред нами распростерт, бесчувствен и безгласен!
Чей ум постигнуть мог число его доброт?
Пучину благости, величие щедрот?
В его правление невинность не страдала
И правда на суде бесстрашно председала;
Он скотолюбие в душе своей питал,
В нем трона своего подпору почитал;
Был в области своей порядка насадитель,
Художеств и наук был друг и покровитель».
«О, лесть подлейшая! — шепнул Собаке Крот.—
Я Льва коротко знал: он был пресущий скот,
И зол... и бестолков, и силой вышней власти
Он только насыщал свои тирански страсти.

Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи;
И словом, так была юстиция строга,
Что кто кого смога́, так тот того в рога.
Благоразумный Слон из леса в степь сокрылся,
Домостроитель Бобр от пошлин разорился,
И Пифик-слабоум, списатель зверских лиц,
Служивший у двора честняе всех Лисиц,
Который, посвятя работе дни и ночи,
Искусной кистию прельщая зверски очи,
Портретов написал с царя зверей лесных
Пятнадцать в целый рост и двадцать поясных;
Да сверх того еще, по новому манеру,
Альфреско[1] расписал монаршую пещеру,—
За то, что в жизнь свою трудился сколько мог,
С тоски и с голоду третьего дни издох.
Вот мудрого царя правление похвально!
Возможно ль ложь сплетать столь явно и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда ж и то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастию бредет презренными путьми,—
Так видно, никогда ты не жил меж людьми».

Между 1774 и 1787

---

[1] Al fresco *(итал.)* — буквально: по сырому; фресковая живопись.

И. И. ХЕМНИЦЕР

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УЧЕНИК

Отец один слыхал,
Что за море детей учиться посылают
И что вообще того, кто за морем бывал,
От небывалого отменно почитают,
Затем что с *знанием* таких людей считают;
И, смотря на других, он сына тож послать
Учиться за море решился.
Он от людей любил не отставать,
Затем что был богат. Сын сколько-то учился,
Да сколько ни был глуп, глупяе возвратился.
Попался к школьным он вралям,
Неистолкуемым дающим толк вещам;
И словом, малого век дураком пустили.
Бывало, глупости он попросту болтал,
Теперь ученостью он толковать их стал.
Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А ныне разуметь и умные не стали;
Дом, город и весь свет враньем его скучал.

В метафизическом беснуясь размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:
«Сыскать начало всех начал»,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.
Отец, встревоженный, который с ним случился,
Скоряе бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;
А думный между тем детина,
В той яме сидя, размышлял,

Какая быть могла падения причина?
«Что оступился я,— ученый заключал,—
Причиною землетрясенье;
А в яму скорое произвело стремленье
С землей и с ямою семи планет сношенье».

Отец с веревкой прибежал.
«Вот,— говорит,— тебе веревка, ухватись.
Я потащу тебя; да крепко же держись.
Не оборвись!..» —
«Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
Веревка вещь какая?»

Отец, вопрос его дурацкий оставляя,
«Веревка вещь,— сказал,— такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».—
«На это б выдумать орудие другое,
А это слишком уж простое».—
«Да время надобно,— отец ему на то,—
А это, благо, уж готово».—
«А время что?» —
«А время вещь такая,
Которую с глупцом я не хочу терять.
Сиди,— сказал отец,— пока приду опять».

Что, если бы вралей и остальных собрать
И в яму к этому в товарищи сослать?..
Да яма надобна большая!

1779

Н. М. КАРАМЗИН

ОСЕНЬ

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.

Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло —
Скрылися птички.

Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
В горних пределах.

Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.

Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.

Странник печальный, утешься.
Вянет Природа
Только на малое время;
Всё оживится,

Всё обновится весною;
С гордой улыбкой
Снова Природа восстанет
В брачной одежде.

Смертный, ах! вянет навеки!
Старец весною
Чувствует хладную зиму
Ветхия жизни.

1789
Женева

МЕЛАНХОЛИЯ

Подражание Делилю

Страсть нежных, кротких душ, судьбою угнетенных.
Несчастных счастие и сладость огорченных!
О Меланхолия! ты им милее всех
Искусственных забав и ветреных утех.
Сравнится ль что-нибудь с твоею красотою,
С твоей улыбкою и с тихою слезою?
Ты первый скорби врач, ты первый сердца друг:
Тебе оно свои печали поверяет;
Но, утешаясь, их еще не забывает.
Когда, освободясь от ига тяжких мук,
Несчастный отдохнет в душе своей унылой,
С любовию ему ты руку подаешь
И лучше радости, для горестных немилой,
Ласкаешься к нему и в грудь отраду льешь
С печальной кротостью и с видом умиленья.
О Меланхолия! нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья!
Веселья нет еще, и нет уже мученья;
Отчаянье прошло... Но слезы осушив,
Ты радостно на свет взглянуть еще не смеешь
И матери своей, печали, вид имеешь.
Бежишь, скрываешься от блеска и людей,
И сумерки тебе милее ясных дней.
Безмолвие любя, ты слушаешь унылый
Шум листьев, горных вод, шум ветров и морей.
Тебе приятен лес, тебе пустыни милы;
В *уединении* ты *более с собой.*

Природа мрачная твой нежный взор пленяет:
Она как будто бы печалится с тобой.
Когда светило дня на небе угасает,
В задумчивости ты взираешь на него.
Не шумныя весны любезная веселость,
Не лета пышного роскошный блеск и зрелость
Для грусти твоея приятнее всего,
Но осень бледная, когда, изнемогая
И томною рукой венок свой обрывая,
Она кончины ждет. Пусть веселится свет
И счастье грубое в рассеянии новом
Старается найти: тебе в нем нужды нет;
Ты счастлива мечтой, одною мыслью — словом!
Там музыка гремит, в огнях пылает дом;
Блистают красотой, алмазами, умом:
Там пиршество... но ты не видишь, не внимаешь
И голову свою на руку опускаешь;
Веселие твое — задумавшись, молчать
И на прошедшее взор нежный обращать.

1800

И. И. ДМИТРИЕВ

* * *

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь;
Маленький его дружочек
Отлетел надолго прочь.

Он уж боле не воркует
И пшенички не клюет;
Всё тоскует, всё тоскует
И тихонько слезы льет.

С нежной ветки на другую
Перепархивает он
И подружку дорогую
Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее... увы! но тщетно;
Знать, судил ему так рок!
Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает;
Носик в перья завернул;
Уж не стонет, не вздыхает;
Голубок... навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека,
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг —
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг!

⟨1792⟩

ЧУЖОЙ ТОЛК

«Что за диковинка? лет двадцать уж прошло,
Как мы, напрягши ум, наморщивши чело,
Со всеусердием всё оды пишем, пишем,
А ни себе, ни им похвал нигде не слышим!
Ужели выдал Феб свой именной указ,
Чтоб не дерзал никто надеяться из нас
Быть Флакку, Рамлеру, и их собратьи равным
И столько ж, как они, во песнопеньи славным?
Как думаешь?.. Вчера случилось мне сличать
И их и нашу песнь; в их... нечего читать!
Листочек, много три, а любо, как читаешь —
Не знаю, как-то сам как будто бы летаешь!
Судя по краткости, уверен, что они
Писали их резвясь, а не четыре дни;
То как бы нам не быть еще и их счастливей,
Когда мы во́ сто раз прилежней, терпеливей?
Ведь наш начнет писать, то все забавы прочь!
Над парою стихов просиживает ночь,
Потеет, думает, чертит и жжет бумагу;
А иногда берет такую он отвагу,
Что целый год сидит над одою одной!
И подлинно уж весь приложит разум свой!
Уж прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная, иная в двести строф!
Судите ж, сколько тут хороших есть стишков!
К тому ж и в правилах: сперва прочтешь вступленье,
Тут предложение, а там и заключенье —
Точь-в-точь как говорят учены по церквам!
Со всем тем нет читать охоты, вижу сам.
Возьму ли, например, я оды на победы,
Как покорили Крым, как в море гибли шведы;
Все тут подробности сраженья нахожу,
Где было, как, когда,— короче я скажу:
В стихах реляция! прекрасно!.. а зеваю!

Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздник иль на что подобное тому:
Тут на́йдешь то, чего б нехитрому уму
Не выдумать и ввек: *зари багряны персты,*
И райский крин, и *Феб*, и *небеса отверсты!*
Так громко, высоко!.. а нет, не веселит,
И сердца, так сказать, ничуть не шевелит!»

Так дедовских времен с любезной простотою
Вчера один старик беседовал со мною.
Я, будучи и сам товарищ тех певцов,
Которых действию дивился он стихов,
Смутился и не знал, как отвечать мне должно;
Но, к счастью — ежели назвать то счастьем можно,
Чтоб слышать и себе ужасный приговор,—
Какой-то Аристарх с ним начал разговор.

«На это,— он сказа́л,— есть многие причины;
Не обещаюсь их открыть и половины,
А некоторы вам охотно объявлю.
Я сам язык богов, поэзию, люблю,
И нашей, как и вы, утешен так же мало;
Однако ж здесь, в Москве, толкался я, бывало,
Меж наших Пиндаров и всех их замечал:
Большая часть из них — лейб-гвардии капрал,
Асессор, офицер, какой-нибудь подьячий
Иль из кунсткамеры антик, в пыли ходячий,
Уродов страж,— народ всё нужный, должностной;
Так часто я видал, что истинно иной
В два, в три дни рифму лишь прибрать едва успеет,
Затем что в хлопотах досуга не имеет.
Лишь только мысль к нему счастливая придет,
Вдруг било шесть часов! уже карета ждет;
Пора в театр, а там на бал, а там к Лиону[1],
А тут и ночь... Когда ж заехать к Аполлону?
Назавтра, лишь глаза откроет,— уж билет:
На пробу в пять часов... Куда же? В модный свет,
Где лирик наш и сам взял Арлекина ролю.
До оды ль тут? Тверди, скачи два раза к Кролю[2];
Потом опять домой: здесь холься да рядись;
А там в спектакль, и так со днем опять простись!

К тому ж у древних цель была, у нас другая:
Гораций, например, восторгом грудь питая,

---

[1] Бывший содержатель в Петербурге вольных маскерадов. (*Примеч. автора.*)
[2] Петербургский портной. (*Примеч. автора.*)

Чего желал? О! он — он брал не свысока,
В веках бессмертия, а в Риме лишь венка
Из лавров иль из мирт, чтоб Делия сказала:
«Он славен, чрез него и я бессмертна стала!»
А наших многих цель — награда перстеньком,
Нередко сто рублей иль дружество с князьком,
Который отроду не читывал другова,
Кроме придворного подчас месяцеслова,
Иль похвала своих приятелей; а им
Печатный всякий лист быть кажется святым.
Судя ж, сколь разные и тех и наших виды,
Наверно льзя сказать, не делая обиды
Ретивым господам, питсмцам русских муз,
Что должен быть у них и особливый вкус
И в сочинении лирической поэмы
Другие способы, особые приемы;
Какие же они, сказать вам не могу,
А только объявлю — и, право, не солгу,—
Как думал о стихах один стихотворитель,
Которого трудов «Меркурий» наш, и «Зритель»[1],
И книжный магазин, и лавочки полны.
«Мы с рифмами на свет,— он мыслил,— рождены;
Так не смешно ли нам, поэтам, согласиться
На взморье в хижину, как Демосфен, забиться,
Читать да думать всё, и то, что вздумал сам,
Рассказывать одним шумящим лишь волнам?
Природа делает певца, а не ученье;
Он не учась учен, как придет в восхищенье;
Науки будут всё науки, а не дар;
Потребный же запас — отвага, рифмы, жар».
И вот как писывал поэт природный оду:
Лишь пушек гром подаст приятну весть народу,
Что Рымникский Алкид поляков разгромил,
Иль Ферзен их вождя Костюшку полонил,
Он тотчас за перо и разом вывел: *ода!*
Потом в один присест: *такого дня и года!*
«Тут как?.. *Пою!..* Иль нет, уж это старина!
Не лучше ль: *Даждь мне, Феб!..* Иль так: *Не ты одна*
Попала под пяту, о чалмоносна Порта!
Но что же мне прибрать к ней в рифму, кроме черта?
Нет, нет! нехорошо; я лучше поброжу
И воздухом себя открытым освежу».
Пошел и на пути так в мыслях рассуждает:
«Начало никогда певцов не устрашает;

---

[1] Петербургские журналы. (*Примеч. автора.*)

Что хочешь, то мели! Вот штука, как хвалить
Героя-то придет! Не знаю, с кем сравнить?
С Румянцевым его, иль с Грейгом, иль с Орловым?
Как жаль, что древних я не читывал! а с новым —
Неловко что-то всё. Да просто напишу:
Ликуй, Герой! ликуй, Герой ты! возглашу.
Изрядно! Тут же что! Тут надобен восторг!
Скажу: *Кто завесу мне вечности расторг?*
Я вижу молний блеск! Я слышу с горня света
И то, и то... А там?.. известно: *многи лета!*
Брависсимо! и план и мысли, всё уж есть!
Да здравствует поэт! осталося присесть,
Да только написать, да и печатать смело!»
Бежит на свой чердак, чертит, и в шляпе дело!
И оду уж его тисненью предают,
И в оде уж его нам ваксу продают!
Вот как пиндарил он, и все, ему подобны,
Едва ли вывески надписывать способны!
Желал бы я, чтоб Феб хотя во сне им рек:
«Кто в громкий славою Екатеринин век
Хвалой ему сердец других не восхищает
И лиры сладкою слезой не орошает,
Тот брось ее, разбей и знай: он не поэт!»

Да ведает же всяк по одам мой клеврет,
Как дерзостный язык бесславил нас, ничтожил,
Как лириков ценил! Воспрянем! Марсий ожил!
Товарищи! к столу, за перья! отомстим,
Надуемся, напрём, ударим, поразим!
Напишем на него предлинную сатиру
И оправдаем тем российску громку лиру.

1794

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

ПЕСНЯ

Ах! тошно мне
На своей стороне;
    Всё уныло,
    Всё постыло:
Моей милыя нет!

Моей милыя нет;
Не глядел бы я на свет!
    Что, бывало,
    Утешало,
О том плачу теперь.

Во любимом леску
Я питаю тоску:
    Все листочки
    И кусточки
В нем о милой мне твердят.

Представляю себе,
Говорит будто мне;
    Забываюсь,
    Откликаюсь
Часто на́ голос свой.

Здесь милой нет!
Я пойду за ней вслед;
    Где б ни крылась,
    Ни таилась,
Сердце скажет мне путь.

Ах! грустно мне
На своей стороне:
Слезы льются,
Не уймутся,—
В них отрада моя.

⟨1791⟩

* * *

Выйду я на реченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра реченька, с собой.

Нет! унесть с собой не можешь
Лютой горести моей,
Разве грусть мою умножишь,
Разве пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему,
Мысль за мыслью так стремится
Всё к предмету одному.

Ноет сердце, заныває,
Страсть мучительну тая.
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем?
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает;
Взгляд его — мой весь закон.
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах! коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу!
Ты, кем вижу, кем пылаю,
Кем я мыслю и дышу!

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе,
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж то найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь!
И приветствием, хоть ложным,
Ад души моей умерь!

⟨1796⟩

В. А. ЖУКОВСКИЙ

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огнь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,

И дети резвые, встречать их выбегая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И пóтом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеяся в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что грóбы их непышни и забвенны,
Что лесть им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят;
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещенья храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенный,
В бездонной пропасти сияет красотой;

Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден надменный,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию граждан Кромвель необагренный,
Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуну презирать,
Дары обилия на смертных лить рукою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил;
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям
И быть жестокими к страдальцам запретил;

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, раболепствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовою —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и резьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их лета, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто с сей жизнию без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;

И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлою рекой;

Нередко ввечеру, скитаясь меж кустами,—
Когда мы с поля шли и в роще соловей
Свистал вечерню песнь,— он томными очами
Уныло следовал за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничем души не усладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встречался;
Мой взор его искал — искал — не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастного несут в могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

Здесь пепел юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастие, не знал он в мире сем.

Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печать была на нем.

Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
Чувствительным творец награду положил.
Дарил несчастных он — чем только мог — слезою;
В награду от творца он друга получил.

Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь всё оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его спаситель-бог.

Май — сентябрь 1802

ДРУЖБА

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый...
  О Дружба, это ты!

1805

ВЕЧЕР

Элегия

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
  Приди, о муза благодатна,

В венке из юных роз, с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды
И, звуки оживив, туманный вечер пой
  На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат,—
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
  Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов златых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у брега меж кустами;

Когда пловцы шумят, скликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Всё тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаяся с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохладою растений фимиам!
Как сладко в тишине у брега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу, задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои!
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
  О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
  Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропою,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
  Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Один — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
  Другой... о небо правосудно!..

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
  Загладят в сердце вспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
  Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать над сумраком дубравной тишиной
  И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О, песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
  Часы сей жизни скоротечной!

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и хо́лмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
  Спокойно блеск свой разливает,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру согласяс свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?.. Как узнать?..
Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

Май — июль 1806

ПЕСНЯ

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу — и в чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо — им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной:
С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить — одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,
С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не расстается;
Проснусь — и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь — мне взор понятен твой,

Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоем дыханье...
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь — ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

1 апреля 1808

ПЕВЕЦ

В тени дерев, над чистыми водами
Дерновый холм вы видите ль, друзья?
Чуть слышно там плескает в брег струя;
Чуть ветерок там дышит меж листами;
На ветвях лира и венец...
Увы! друзья, сей холм — могила;
Здесь прах певца земля сокрыла;
Бедный певец!

Он сердцем прост, он нежен был душою —
Но в мире он минутный странник был;
Едва расцвел — и жизнь уж разлюбил
И ждал конца с волненьем и тоскою;
И рано встретил он конец,
Заснул желанным сном могилы...
Твой век был миг, но миг унылый,
Бедный певец!

Он дружбу пел, дав другу нежну руку,—
Но верный друг во цвете лет угас;
Он пел любовь — но был печален глас;
Увы! он знал любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конец;
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бедный певец!

Здесь, у ручья, вечернею порою,
Прощальну песнь он заунывно пел:
«О красный мир, где я вотще расцвел;
Прости навек: с обманутой душою
  Я счастья ждал — мечтам конец;
  Погибло всё; умолкни, лира;
  Скорей, скорей в обитель мира,
    Бедный певец!

Что жизнь, когда в ней нет очарованья?
Блаженство знать, к нему лететь душой,
Но пропасть зреть меж ним и меж собой;
Желать всяк час и трепетать желанья...
  О пристань горестных сердец,
  Могила, верный путь к покою,
  Когда же будет взят тобою
    Бедный певец?»

И нет певца... его не слышно лиры...
Его следы исчезли в сих местах;
И скорбно всё в долине, на холмах;
И всё молчит... лишь тихие зефиры,
  Колебля вянущий венец,
  Порою веют над могилой,
  И лира вторит им уныло:
    Бедный певец!

1811

СВЕТЛАНА

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
  Девушки гадали:
За ворота башмачок,
  Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
  Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
  Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,

Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;

Упадет с двери запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи...

Подпершися локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;

С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг,
Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На средине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,

Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчалися... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрыпит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах, Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,

К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворёны очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крилы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,

Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

1808—1812

ЭОЛОВА АРФА

Владыко Морвены,
Жил в дедовском замке могучий Ордал;
Над озером стены
Зубчатые замок с холма возвышал;
Прибрежны дубравы
Склонялись к водам,
И стлался кудрявый
Кустарник по злачным окрестным холмам.

Спокойствие сеней
Дубравных там часто лай псов нарушал;
Рогатых еленей,
И вепрей, и ланей могучий Ордал
С отважными псами
Гонял по холмам;
И долы с холмами,
Шумя, отвечали зовущим рогам.

В жилище Ордала
Веселость из ближних и дальних краев
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пиров
Еленей рогами;
И в память отцам
Висели рядами
Их шлемы, кольчуги, щиты по стенам.

И в дружных беседах
Любил за бокалом рассказы Ордал
О древних победах
И взоры на брони отцов устремлял:
Чеканны их латы
В глубоких рубцах;
Мечи их зубчаты;
Щиты их и шлемы избиты в боях.

Младая Минвана
Красой озаряла родительский дом;
Как зыби тумана,
Зарею златимы над свежим холмом,
Так кудри густые
С главы молодой
На перси младые,
Вияся, бежали струей золотой.

Приятней денницы
Задумчивый пламень во взорах сиял:
Сквозь темны ресницы
Он сладкое в душу смятенье вливал;
Потока журчанье —
Приятность речей;
Как роза дыханье;
Душа же прекрасней и прелестей в ней.

Гремела красою
Минвана и в ближних и в дальних краях;
В Морвену толпою
Стекалися витязи, славны в боях;
И дщерью гордился
Пред ними отец...
Но втайне делился
Душою с Минваной Арминий-певец.

Младой и прекрасный,
Как свежая роза — утеха долин,
Певец сладкогласный...
Но родом не знатный, не княжеский сын:
Минвана забыла
О сане своем
И сердцем любила,
Невинная, сердце невинное в нем.

На темные своды
Багряным щитом покатилась луна;
И озера воды
Струистым сияньем покрыла она;
От за́мка, от сеней
Дубрав по брегам
Огромные теней
Легли великаны по гладким водам.

На холме, где чистым
Потоком источник бежал из кустов,
Под дубом ветвистым —
Свидетелем тайных свиданья часов —
Минвана младая
Сидела одна,
Певца ожидая,
И в страхе таила дыханье она.

И с арфою стройной
Ко древу к Минване приходит певец.
Всё было спокойно,
Как тихая радость их юных сердец:
Прохлада и нега,
Мерцанье луны,
И ропот у брега
Дробимыя с легким плесканьем волны.

И долго, безмолвны,
Певец и Минвана с унылой душой
Смотрели на волны,
Златимые тихо блестящей луной.
«Как быстрые воды
Поток свой лиют —
Так быстрые годы
Веселье младое с любовью несут».

«Что ж сердце уныло?
Пусть воды лиются, пусть годы бегут,
О верный! о милый!
С любовию годы и жизнь унесут».—
«Минвана, Минвана,
Я бедный певец;
Ты ж царского сана,
И предками славен твой гордый отец».

«Что в славе и сане?
Любовь — мой высокий, мой царский венец.
О милый, Минване
Всех витязей краше смиренный певец.
Зачем же уныло
На радость глядеть?
Всё близко, что мило;
Оставим годам за годами лететь».

«Минутная сладость
Веселого *вместе*, помедли, постой;
Кто скажет, что радость
Навек не умчится с грядущей зарей!
Проглянет денница —
Блаженству конец;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бедный певец».

«Пускай возвратится
Веселое утро, сияние дня;
Зарей озарится
Тот свет, где мой милый живет для меня.
Лишь царским убором
Я буду с толпой;
А мыслию, взором,
И сердцем, и жизнью, о милый, с тобой».

«Прости, уж бледнеет
Рассветом далекий, Минвана, восток;
Уж утренний веет
С вершины кудрявых холмов ветерок».—
«О нет! то зарница
Блестит в облаках;
Не скоро денница;
И тих ветерок на кудрявых холмах».

«Уж в замке проснулись;
Мне слышался шорох и звук голосов».—
«О нет! встрепенулись
Дремавшие пташки на ветвях кустов».—
«Заря уж багряна».—
«О милый, постой».—
«Минвана, Минвана,
Почто ж замирает так сердце тоской?»

И арфу унылый
Певец привязал под наклоном ветвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогом прекрасных минувшего дней;
И сладкие звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вестник души неизменныя будь.

Когда же мой юный,
Убитый печалию, цвет опадет,
О верные струны,
В вас с прежней любовью душа перейдет.
Как прежде, взыграет
Веселие в вас,
И друг мой узнает
Привычный, зовущий к свиданию глас.

И думай, их пенью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тенью,
Всё верный, летает твой друг над тобой;
Что прежние муки:
Превратности страх,
Томленье разлуки,
Всё с трепетной жизнью он бросил во прах.

Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не рассталась с душой;
Что робко любивший
Без робости любит и более твой.
А ты, дуб ветвистый,
Ее осеняй;
И, ветер душистый,
На грудь молодую дышать прилетай».

Умолк — и с прелестной
Задумчивых долго очей не сводил...
Как бы неизвестный
В нем голос: *навеки прости*! говорил.
Горячей рукою
Ей руку пожал
И, тихой стопою
От ней удаляся, как призрак пропал...

Луна воссияла...
Минвана у древа... но где же певец?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастью конец;
Молва о свиданье
Достигла отца...
И мчит уж в изгнанье
Ладья через море младого певца.

И поздно и рано
Под древом свиданья Минвана грустит.
Уныло с Минваной
Один лишь нагорный поток говорит;
Всё пусто; день ясный
Взойдет и зайдет —
Певец сладкогласный
Минваны под древом свиданья не ждет.

Прохладою дышит
Там ветер вечерний, и в листьях шумит,
И ветви колышет,
И арфу лобзает... но арфа молчит.
Творения радость,
Настала весна —
И в свежую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И ярким сияньем
Холмы осыпал вечереющий день:
На землю с молчаньем
Сходила ночная, росистая тень;
Уж синие своды
Блистали в звездах;
Сровнялися воды;
И ветер улегся на спящих листах.

Сидела уныло
Минвана у древа... душой вдалеке..
И тихо всё было...
Вдруг... к пламенной что-то коснулось щеке;
И что-то шатнуло
Без ветра листы;
И что-то прильнуло
К струнам, невидимо слетев с высоты...

И вдруг... из молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звон;
И тише дыханья
Играющей в листьях прохлады был он.
В ней сердце смутилось:
То друга привет!
Свершилось, свершилось!..
Земля опустела, и милого нет.

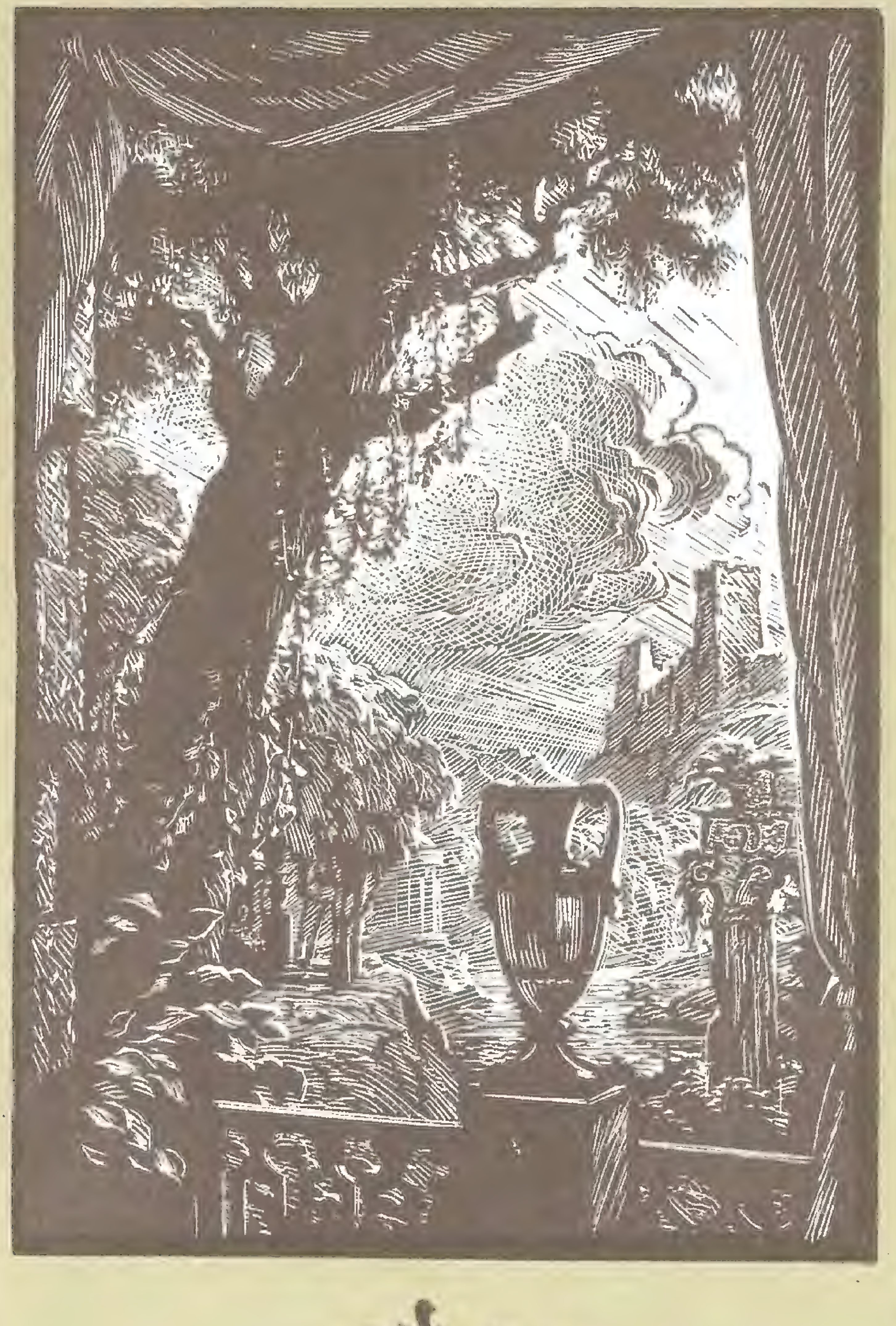
От тяжкия муки
Минвана упала без чувства на прах,
И жалобней звуки
Над ней застенали в смятенных струнах.
Когда ж возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и над нею была тишина.

С тех пор, унывая,
Минвана, лишь вечер, ходила на холм
И, звукам внимая,
Мечтала о милом, о свете другом,
Где жизнь без разлуки,
Где всё не на час —
И мнились ей звуки,
Как будто летящий от родины глас.

«О милые струны,
Играйте, играйте... мой час недалек;
Уж клонится юный
Главой недоцветшей ко праху цветок.
И странник унылый
Заутра придет
И спросит: где милый
Цветок мой?.. и боле цветка не найдет».

И нет уж Минваны...
Когда от потоков, холмов и полей
Восходят туманы
И светит, как в дыме, луна без лучей,—
Две видятся тени:
Слиявшись, летят
К знакомой им сени...
И дуб шевелится, и струны звучат.

Ноябрь 1814



ТЕОН И ЭСХИН

Эсхин возвращался к пенатам своим,
К брегам благовонным Алфея.
Он долго по свету за счастьем бродил —
Но счастье, как тень, убегало.

И роскошь, и слава, и Вакх, и Эрот —
Лишь сердце они изнурили;
Цвет жизни был сорван; увяла душа;
В ней скука сменила надежду.

Уж взорам его тихоструйный Алфей
В цветущих брегах открывался;
Пред ним оживились минувшие дни,
Давно улетевшая младость...

Всё те ж берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но где ж озарявшая некогда их
Волшебным сияньем Надежда?

Жилища Теонова ищет Эсхин.
Теон, при домашних пенатах,
В желаниях скромный, без пышных надежд,
Остался на бреге Алфея.

Близ места, где в море втекает Алфей,
Под сенью олив и платанов,
Смиренную хижину видит Эсхин —
То было жилище Теона.

С безоблачных солнце сходило небес,
И тихое море горело;
На хижину сыпался розовый блеск,
И мирты окрестны алели.

Из белого мрамора гроб невдали,
Обсаженный миртами, зрелся;
Душистые розы и гибкий ясмин
Ветвями над ним соплетались.

На праге сидел в размышленье Теон,
Смотря на багряное море,—
Вдруг видит Эсхина и вмиг узнает
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянет хранитель Зевес
На мирный возврат твой к пенатам!» —
С блистающим радостью взором Теон
Сказал, обнимая Эсхина.

И взгляд на него любопытный вперил —
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотрит Эсхин —
Взор друга прискорбен, но ясен.

«Когда я с тобой разлучался, Теон,
Надежда сулила мне счастье;
Но опыт иное мне в жизни явил:
Надежда — лукавый предатель.

Скажи, о Теон, твой задумчивый взгляд
Не ту же ль судьбу возвещает?
Ужель и тебя посетила печаль
При мирных домашних пенатах?»

Теон указал, воздыхая, на гроб...
«Эсхин, вот безмолвный свидетель,
Что боги для счастья послали нам жизнь —
Но с нею печаль неразлучна.

О! нет, не ропщу на Зевесов закон:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не в радостях быстрых, не в ложных мечтах
Я видел земное блаженство.

Что может разрушить в минуту судьба,
Эсхин, то на свете не наше;
Но сердца нетленные блага: любовь
И сладость возвышенных мыслей —

Вот счастье; о друг мой, оно не мечта.
Эсхин, я любил и был счастлив;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь в красоте мне предстала.

При блеске возвышенных мыслей я зрел
Яснее великость творенья;
Я верил, что путь мой лежит по земле
К прекрасной, возвышенной цели.

Увы! я любил... и ее уже нет!
Но счастье, вдвоем столь живое,
Навеки ль исчезло? И прежние дни
Вотще ли столь были прелестны?

О! нет: никогда не погибнет их след;
Для сердца прошедшее вечно.
Страданье в разлуке есть та же любовь;
Над сердцем утрата бессильна.

И скорбь о погибшем не есть ли, Эсхин,
Обет неизменной надежды:
Что где-то в знакомой, но тайной стране
Погибшее нам возвратится?

Кто раз полюбил, тот на свете, мой друг,
Уже одиноким не будет...
Ах! свет, где *она* предо мною цвела,—
Он тот же, всё *ею* он полон.

По той же дороге стремлюся один
И к той же возвышенной цели,
К которой так бодро стремился вдвоем,—
Сих уз не разрушит могила.

Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взором смотрю благодарным
На землю, где столько рассыпано благ,
На полное славы творенье.

Спокойно смотрю я с земли рубежа
На сторону лучшия жизни;
Сей сладкой надеждою мир озарен,
Как небо сияньем Авроры.

С сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мне земная священна;
При мысли великой, что я *человек*,
Всегда возвышаюсь душою.

А этот безмолвный, таинственный гроб...
О друг мой, он верный свидетель,
Что лучшее в жизни еще впереди,
Что *верно* желанное будет;

Сей гроб — затворенная к счастию дверь;
Отворится... жду и надеюсь!
За ним ожидает сопутник меня,
На миг мне явившийся в жизни.

О друг мой, искав изменяющих благ,
Искав наслаждений минутных,
Ты верные блага утратил свои —
Ты жизнь презирать научился.

С сим гибельным чувством ужасен и свет;
Дай руку: близ верного друга
С природой и жизнью опять примирись;
О! верь мне, прекрасна вселенна.

Всё небо нам дало, мой друг, с бытием:
Всё в жизни к великому средство;
И горесть и радость — всё к цели одной:
Хвала жизнедавцу Зевесу!»

1—11 декабря 1814

СЛАВЯНКА

Элегия

Славянка тихая, сколь ток приятен твой,
Когда, в осенний день, в твои глядятся воды
Холмы, одетые последнею красой
Полуотцветшия природы.

Спешу к твоим брегам... свод неба тих и чист;
При свете солнечном прохлада повевает;
Последний запах свой осыпавшийся лист
С осенней свежестью сливает.

Иду под рощею излучистой тропой;
Что шаг, то новая в глазах моих картина;
То вдруг сквозь чащу древ мелькает предо мной,
Как в дыме, светлая долина;

То вдруг исчезло всё... окрест сгустился лес;
Всё дико вкруг меня, и сумрак и молчанье;
Лишь изредка, струей сквозь темный свод древес
Прокравшись, днéвное сиянье

Верхи поблеклые и корни золотит;
Лишь, сорван ветерка минутным дуновеньем,
На сумраке листок трепещущий блестит,
Смущая тишину паденьем...

И вдруг пустынный храм в дичи передо мной;
Заглохшая тропа; кругом кусты седые;
Между багряных лип чернеет дуб густой
И дремлют ели гробовые.

Воспоминанье здесь унылое живет;
Здесь, к урне преклонясь задумчивой главою,
Оно беседует о том, чего уж нет,
С неизменяющей Мечтою.

Всё к размышленью здесь влечет невольно нас;
Всё в душу томное уныние вселяет;
Как будто здесь она из гроба важный глас
Давно минувшего внимает.

Сей храм, сей темный свод, сей тихий мавзолей,
Сей факел гаснущий и долу обращенный,
Всё здесь свидетель нам, сколь блага наших дней,
Сколь все величия мгновенны.

И нечувствительно с превратности мечтой
Дружится здесь мечта бессмертия и славы:
Сей витязь, на руку склонившийся главой;
Сей громоносец двоеглавый,

Под шуйцей твердою сидящий на щите;
Сия печальная семья кругом царицы;
Сии небесные друзья на высоте,
Младые спутники денницы...

О! сколь они, в виду сей урны гробовой,
Для унывающей души красноречивы:
Тоскуя ль полетит она за край земной —
Там все утраченные живы;

К земле ль наклонит взор — великий ряд чудес;
Борьба за честь; народ, покрытый блеском славным;
И мир, воскреснувший по манию небес,
Спокойный под щитом державным.

Но вкруг меня опять светлеет частый лес;
Опять река вдали мелькает средь долины,
То в свете, то в тени, то в ней лазурь небес,
То обращенных древ вершины.

И вдруг открытая равнина предо мной;
Там мыза, блеском дня под рощей озаренна;
Спокойное село над ясною рекой,
Гумно и нива обнаженна.

Всё здесь оживлено: с овинов дым седой,
Клубяся, по браздам ложится и редеет,
И нива под его прозрачной пеленой
То померкает, то светлеет.

Там слышен на току согласный стук цепов;
Там песня пастуха и шум от стад бегущих;
Там медленно, скрипя, тащится ряд возов,
Тяжелый груз снопов везущих.

Но солнце катится беззнойное с небес;
Окрест него закат спокойно пламенеет;
Завесой огненной подернут дальний лес;
Восток безоблачный синеет.

Спускаюсь в дол к реке: брег темен надо мной,
И на воды легли дерев кудрявых тени;
Противный брег горит, осыпанный зарей;
В волнах блестят прибрежны сени;

То отраженный в них сияет мавзолей;
То холм муравчатый, увенчанный древами;
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими ветвями,

Сенистую главу купает в их струях;
Здесь храм между берез и яворов мелькает;
Там лебедь, притаясь у берега в кустах,
Недвижим в сумраке сияет.

Вдруг гладким озером является река;
Сколь здесь ее брегов пленительна картина;
В лазоревый кристалл слиясь вкруг челнока,
Яснеет вод ее равнина.

Но гаснет день... в тени склонился лес к водам;
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихим их верхам
Заря багряной полосою;

Лишь ярко заревом восточный брег облит,
И пышный дом царей на скате озлащенном,
Как исполин, глядясь в зерцало вод, блестит
В величии уединенном.

Но вечер на него покров накинул свой,
И рощи и брега, смешавшись, побледнели;
Последни облака, блиставшие зарей,
С небес, потухнув, улетели.

И воцарилася повсюду тишина;
Всё спит... лишь изредка в далекой тьме промчится
Невнятный глас... или колыхнется волна...
Иль сонный лист зашевелится.

Я на брегу один... окрестность вся молчит...
Как привидение, в тумане предо мною
Семья младых берез недвижимо стоит
Над усыпленною водою.

Вхожу с волнением под их священный кров;
Мой слух в сей тишине приветный голос слышит;
Как бы эфирное там веет меж листов,
Как бы невидимое дышит;

Как бы сокрытая под юных древ корой,
С сей очарованной мешаясь тишиною,
Душа незримая подъемлет голос свой
С моей беседовать душою.

И некто урне сей безмолвный приседит;
И, мнится, на меня вперил он темны очи;
Без образа лицо, и зрак туманный слит
С туманным мраком полуночи.

Смотрю... и, мнится, всё, что было жертвой лет,
Опять в видении прекрасном воскресает;
И всё, что жизнь сулит, и всё, чего в ней нет,
С надеждой к сердцу прилетает.

Но где он?.. Скрылось всё... лишь только в тишине
Как бы знакомое мне слышится призванье,
Как будто Гений путь указывает мне
    На неизвестное свиданье.

О! кто ты, тайный вождь? душа тебе вослед!
Скажи: бессмертный ли пределов сих хранитель
Иль гость минутный их? Скажи: земной ли свет
    Иль небеса твоя обитель?..

И ангел от земли в сиянье предо мной
Взлетает; на лице величие смиренья;
Взор к небу устремлен; над юною главой
    Горит звезда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сын небес;
Младая Жизнь в слезах простерта пред тобою...
Но где я?.. Всё вокруг молчит... призра́к исчез,
    И небеса покрыты мглою.

Одна лишь смутная мечта в душе моей:
Как будто мир земной в ничто преобратился;
Как будто та страна знакомей стала ей,
    Куда сей чистый ангел скрылся.

Сентябрь — первая половина октября 1815

ПЕСНЯ

К востоку, всё к востоку
Стремление земли —
К востоку, всё к востоку
Летит моя душа;
Далеко на востоке,
За синевой лесов,
За синими горами
Прекрасная живет.

И мне в разлуке с нею
Всё мнится, что она —
Прекрасное преданье
Чудесной старины,

Что мне она явилась
Когда-то в древни дни,
Чтоб мне об ней остался
Один блаженный сон.

1815

* * *

Кто слёз на хлеб свой не ронял,
Кто близ одра, как близ могилы,
В ночи, бессонный, не рыдал,—
Тот вас не знает, вышни силы!

На жизнь мы брошены от вас!
И вы ж, дав знаться нам с виною,
Страданью выдаете нас,
Вину преследуете мздою.

Начало 1816

ПЕСНЯ

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи! не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подсела с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моей.

1816

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Легкий, легкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?
Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса.

Иль опять от вышины
Весть знакомая несется?

Или снова раздается
Милый голос старины?
Или там, куда летит
Птичка, странник поднебесный,
Всё еще сей неизвестный
Край *желанного* сокрыт?..
Кто ж к неведомым брегам
Путь неведомый укажет?
Ах! найдется ль, кто мне скажет:
Очарованное *Там?*

1816

* * *

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О родина! все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но всё с тобой
Душой.

Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребряемый росою,
Белелся луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный,
И над водой от стада гул нестройный,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
Всё там!..

Между сентябрем и ноябрем 1816

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
— Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой.
— О нет, то белеет туман над водой.

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

— Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит.
— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы.

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

— Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей.
— О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне.

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
— Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать.

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

Март (?) 1818

ПЕСНЯ

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь?*
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится;
Не у́зрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

Июль — ноябрь 1818

НА КОНЧИНУ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ

Элегия

Ты улетел, небесный посетитель;
Ты погостил недолго на земли;
Мечталось нам, что *здесь* твоя обитель;
Навек *своим* тебя мы нарекли...
Пришла Судьба, свирепый истребитель,
И вдруг следов твоих уж не нашли:
Прекрасное погибло в пышном цвете...
Таков удел прекрасного на свете!

Губителем, неслышным и незримым,
На всех путях Беда нас сторожит;
Приюта нет главам, равно грозимым;
Где не была, там будет и сразит.
Вотще дерзать в борьбу с необходимым:
Житейского никто не победит;
Гнетомы все единой грозной Силой;
Нам всем сказать о здешнем счастье: *было!*

Но в свой черед с деревьев обветшалых
Осенний лист, отвянувши, падет;
Слагая жизнь, старик с рамен усталых
Ее, как долг, могиле отдает;
К страдальцу Смерть на прах надежд увялых,
Как званый друг, желанная, идет...
Природа здесь верна стезе привычной:
Без ужаса берем удел обычной.

Но если вдруг, нежданная, вбегает
Беда в семью играющих Надежд;
Но если жизнь изменою слетает
С веселых, ей лишь миг знакомых вежд
И Счастие младое умирает,
Еще не сняв и праздничных одежд...
Тогда наш дух объемлет трепетанье
И силой в грудь врывается роптанье.

О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты
И где навек минувшее одно...
Почто ж мы здесь мечтами так богаты,
Когда мечтам не сбыться суждено?
Внимая глас Надежды, нам поющей,
Не слышим мы шагов Беды грядущей.

Кого спешишь ты, Прелесть молодая,
В твоих дверях так радостно встречать?
Куда бежишь, ужасного не чая,
Привыкшая с сей жизнью лишь играть?
Не радость — Весть стучится гробовая...
О! подожди сей праг переступать;
Пока ты здесь — ничто не умирало;
Переступи — и милое пропало.

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая все таинства утрат,
И ты спешишь с надеждой на свиданье...
Ах! удались от входа сих палат;
Отложено навек торжествованье;
Счастливцы там тебя не угостят;
Ты посетишь обитель уж пустую...
Смерть унесла хозяйку молодую.

Из дома в дом по улицам столицы
Страшилищем скитается Молва;
Уж прорвалась к убежищу царицы;
Уж шепчет там ужасные слова;
Трепещет всё, печалью бледны лицы...
Но мертвая для матери жива;
В ее душе спокойствие незнанья;
Пред ней мечта недавнего свиданья.

О Счастие, почто же на отлете
Ты нам в лицо умильно так глядишь?
Почто в своем предательском привете,
Спеша от нас: *я вечно!* говоришь;
И к милому, уж *бывшему* на свете,
Нас прелестью нежнейшею манишь?..
Увы! в тот час, как матерь ты пленяло,
Ты только дочь на жертву украшало.

И, нас губя с холодностью ужасной,
Еще Судьба смеяться любит нам;
Ее уж нет, сей жизни столь прекрасной...
А мать, склонясь к обманчивым листам,
В них видит дочь надеждою напрасной,
Дарует жизнь безжизненным чертам,
В них голосу умолкшему внимает,
В них воскресить умершую мечтает.

Скажи, скажи, супруг осиротелый,
Чего над ней ты так упорно ждешь?
С ее лица приветное слетело;
В ее глазах узнанья не найдешь;
И в руку ей рукой оцепенелой
Ответного движенья не вожмешь.
На голос чад зовущих недвижима...
О! верь, отец, она невозвратима.

Запри навек ту мирную обитель,
Где спутник твой тебе минуту жил;
Твоей души свидетель и хранитель,
С кем жизни долг не столько бременил,
Советник дум, прекрасного делитель,
Слабеющих очарователь сил —
С полупути ушел он от земного,
От бытия прелестно молодого.

И вот — сия минутная царица,
Какою смерть ее нам отдала;
Отторгнута от скипетра десница:
Развенчано величие чела;
На страшный гроб упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
В минуту всё, что было так прекрасно,
Что всех влекло, и так влекло напрасно.

Супруг, зовут! иди на расставанье!
Сорвав с чела супружеский венец,
В последнее земное провожанье
Веди сирот за матерью, вдовец;
Последнее отдайте ей лобзанье;
И там, где всем свиданиям конец,
Невнемлющей *прости* свое скажите
И в землю с ней все блага положите.

Прости ж, наш цвет, столь пышно восходивший,—
Едва зарю успел ты перецвесть.
Ты, Жизнь, прости, красавец не доживший;
Как радости обманчивая весть,
Пропала ты, лишь сердце приманивши,
Не дав и дня надежде перечесть.
Простите вы, благие начинанья,
Вы, славных дел напрасны хпованья...

Но мы... смотря, как наше счастье тленно,
Мы жизнь свою дерзнем ли презирать?
О нет, главу подставивши смиренно,
Чтоб ношу бед от промысла принять,
Себя отдав руке неоткровенной,
Не мни творца, страдалец, вопрошать;
Слепцом иди к концу стези ужасной...
В последний час слепцу всё будет ясно.

Земная жизнь небесного наследник;
Несчастье нам учитель, а не враг;
Спасительно-суровый собеседник,
Безжалостный разитель бренных благ,
Великого понятный проповедник,
Нам об руку на тайный жизни праг
Оно идет, всё руша перед нами
И скорбию дружа нас с небесами.

Здесь радости — не наше обладанье;
Пролетные пленители земли
Лишь по пути заносят к нам преданье
О благах, нам обещанных вдали;
Земли жилец безвыходный — Страданье;
Ему на часть Судьбы нас обрекли;
Блаженство нам по слуху лишь знакомец;
Земная жизнь — страдания питомец.

И сколь душа велика сим страданьем!
Сколь радости при нем помрачены!
Когда, простясь свободно с упованьем,
В величии покорной тишины,
Она молчит пред грозным испытаньем,
Тогда... тогда с сей светлой вышины
Вся промысла ей видима дорога;
Она полна понятного ей бога.

О! матери печаль непостижима,
Смиряются все мысли пред тобой!
Как милое сокровище, таима,
Как бытие, слиянная с душой,
Она с одним лишь небом разделима...
Что ей сказать дерзнет язык земной?
Что мир с своим презренным утешеньем
Перед ее великим вдохновеньем?

Когда грустишь, о матерь, одинока,
Скажи, тебе не слышится ли глас,
Призывное несущий издалека,
Из той страны, куда всё манит нас,
Где милое скрывается до срока,
Где возвратим отнятое на час?
Не сходит ли к душе благовеститель,
Земных утрат и неба изъяснитель?

И в горнее унынием влекома,
Не верою ль душа твоя полна?
Не мнится ль ей, что отческого дома
Лишь только вход земная сторона?
Что милая небесная знакома
И ждущею семьей населена?
Всё тайное не зрится ль откровенным,
А бытие великим и священным?

Внемли ж: когда молчит во храме пенье
И вышних сил мы чувствуем нисход;
Когда в алтарь на жертвосовершенье
Сосуд Любви сияющий грядет;
И на тебя с детьми благословенье
Торжественно мольба с небес зовет;
В час таинства, когда союзом тесным
Соединен житейский мир с небесным,—

Уже в сей час не будет, как бывало,
Отшедшая твоя наречена;
Об ней навек земное замолчало;
Небесному она передана;
Задернулось за нею покрывало...
В божественном святилище она,
Незрима нам, но, видя нас оттоле,
Безмолвствует при жертвенном престоле.

Святый симво́л надежд и утешенья!
Мы все стоим у та́инственных врат;
Опущена завеса провиденья;
Но проникать ее дерзает взгляд;
За нею скрыт предел соединенья;
Из-за нее, мы слышим, говорят:
«Мужайтеся; душою не скорбите!
С надеждою и с верой приступите!»

Январь 1819

К МИМОПРОЛЕТЕВШЕМУ ЗНАКОМОМУ ГЕНИЮ

Скажи, кто ты, пленитель безымянный?
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечешь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране?

Не ты ли тот, который жизнь младую
Так сладостно мечтами усыплял
И в старину про гостью неземную —
Про милую надежду ей шептал?

Не ты ли тот, кем всё во дни прекрасны
Так жило там, в счастливых тех краях,
Где луг душист, где воды светло-ясны,
Где весел день на чистых небесах?

Не ты ль во грудь с живым весны дыханьем
Таинственной унылостью влетал,
Ее теснил томительным желаньем
И трепетным весельем волновал?

Поэзии священным вдохновеньем
Не ты ль с душой носился в высоту,
Пред ней горел божественным виденьем,
Разоблачал ей жизни красоту?

В часы утрат, в часы печали тайной,
Не ты ль всегда беседой сердца был,
Его смирял утехою случайной
И тихою надеждою целил?

И не тебе ль всегда она внимала
В чистейшие минуты бытия,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь бог свидетель был ея?

Какую ж весть принес ты, мой пленитель?
Или опять мечтой лишь поманишь
И, прежних дум напрасный пробудитель,
О счастии шепнешь и замолчишь?

О Гений мой, побудь еще со мною;
Бывалый друг, отлетом не спеши;
Останься, будь мне жизнию земною;
Будь ангелом-хранителем души.

7 августа 1819

К ПОРТРЕТУ ГЕТЕ

Свободу смелую приняв себе в закон,
Всезрящей мыслию над миром он носился.
И в мире всё постигнул он —
И ничему не покорился.

Между 7 и 10 августа 1819

НЕВЫРАЗИМОЕ

(Отрывок)

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разновидное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья,
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена,—
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим названье дать —
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам — сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката —
Сии столь *яркие черты* —
Легко их ловит мысль крылата,
И есть *слова для* их *блестящей* красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотою —
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающего глас,

Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,
Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие создателя в созданье —
Какой для них язык?.. Горé душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

Вторая половина августа 1819

* * *

Взошла заря. Дыханием приятным
Сманила сон с моих она очей;
Из хижины за гостем благодатным
Я восходил на верх горы моей;
Жемчуг росы по травкам ароматным
Уже блистал младым огнем лучей,
И день взлетел, как гений светлокрылый!
И жизнью всё живому сердцу было.

Я восходил; вдруг тихо закурился
Туманный дым в долине над рекой;
Густел, редел, тянулся, и клубился,
И вдруг взлетел, крылатый, надо мной,
И яркий день с ним в бледный сумрак слился,
Задернулась окрестность пеленой,
И, влажною пустыней окруженный,
Я в облаках исчез уединенный...

27 ноября 1819

ПЕСНЯ

Отымает наши радости
Без замены хладный свет;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснет с чувством жертвой лет;

Не одно ланит пылание
Тратим с юностью живой —
Видим сердца увядание
Прежде юности самой.

Наше счастие разбитое
Видим мы игрушкой волн,
И в далекий мрак сердитое
Море мчит наш бедный челн;
Стрелки нет путеводительной.
Иль вотще ее магнит
В бурю к пристани спасительной
Челн беспарусный манит.

Хлад, как будто ускоренная
Смерть, заходит в душу к нам;
К наслажденью охлажденная,
Охладев к самим бедам,
Без стремленья, без желания,
В нас душа заглушена
И навек очарования
Слез отрадных лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый лик наш оживет,
Или *прежнее* ошибкою
В сердце сонное зайдет —
То обман; то плющ, играющий
По развалинам седым;
Сверху лист благоухающий,—
Прах и тление под ним.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старине;
Иль оплакивать *бывалое*
Слез *бывалых* дайте мне.
Сладко, сладко появление
Ручейка в пустой глуши;
Так и слезы — освежение
Запустевшия души.

1820

ВОСПОМИНАНИЕ

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*,
Но с благодарностию: *были*.

16 февраля 1821

ПОБЕДИТЕЛЬ

Сто красавиц светлооких
Председали на турнире.
Все — цветочки полевые;
А моя одна как роза.
На нее глядел я смело,
Как орел глядит на солнце.
Как от щек моих горячих
Разгоралося забрало!
Как рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцирь!
Светлых взоров тихий пламень
Стал душе моей пожаром;
Сладкошепчущие речи
Стали сердцу бурным вихрем;
И она — младое утро —
Стала мне грозой могучей;
Я помчался, я ударил —
И ничто не устояло.

1822

МОРЕ

Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:

Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далекое, светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звезда́ми его.
Когда же сбираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

1822

ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ, ИЛИ ИВАНОВ ВЕЧЕР

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал,
Он коня, торопясь в Бротерстон.

Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.

Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенéн, запылен,
Под тяжелым ступал седоком.

Анкрамморския битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;

Но железный шелом был иссечен на нем,
Был изрублен и панцирь и щит,
Был недавнею кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаяся в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

«Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.

Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи?»

«Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном).

И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.

Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна — я узрел;
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одиноко маяк пламенел.

На другую же ночь — я за ней по следам
На вершину опять побежал,—
О творец, у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.

Подпершися мечом, он стоял пред огнем,
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.

И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;
И к маяку она на свиданье пошла;
У маяка уж рыцарь стоял.

И сказала (я слышал): «В полуночный час,
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданье ином;

Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сраженье забыл про меня —
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня».

«Я не властен прийти, я не должен прийти,
Я не смею прийти (был ответ);
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет».

«О, сомнение прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.

Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной».

«Пусть собака молчит, часовой не трубит
И трава не слышна под ногой,—
Но священник есть там; он не спит по ночам;
Он приход мой узнает ночной» . —

«Он уйдет к той поре: в монастырь на горе
Панихиду он по́зван служить:
Кто-то был умерщвлен; по душе его он
Будет три дни поминки творить».

Он нахмурясь глядел, он как мертвый бледнел,
Он ужасен стоял при огне.
«Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.

Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитою мглы».
Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У мая́ка пустынной скалы».

И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.
«Но скажи, наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал!»

«Показалося мне при блестящем огне:
Был шелом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом».

«Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлец
Был не властен прийти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец».

«Нет! не чудилось мне; я стоял при огне,
И увидел, услышал я са́м,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам».

И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.
«Нет! в могиле покой; он лежит под землей,
Ты неправду мне, паж мой, сказал.

Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подъемлется мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен.

Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой».

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку, и видит: с печалью в лице,
Одиноко-унылая, там

Молодая жена — и тиха, и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.

«Я с тобою опять, молодая жена».—
«В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражен?»

«Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей».

При ответе таком изменилась лицом,
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной главой,
И за нею суровый барон.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он; не подымется он;
Мертвецы не встают из могил».

Уж заря занялась; был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне, в шишаке и броне
Вдруг явился Ричард Кольдингам.

«Воротись, удалися»,— она говорит.
«Я к свиданью тобой приглашен;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит,—
Не страшись, не услышит нас он.

Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;
Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают — и труп мой зарыт.

Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон!
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден;

Где видалися мы под защитою тьмы,
Там скитаюсь теперь мертвецом;
И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем».

Содрогнулась она и, смятенья полна,
Вопросила: «Но что же с тобой?
Дай один мне ответ — ты спасен ли иль нет?..»
Он печально потряс головой.

«Выкупáется кровью пролитая кровь,—
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь,—
Ты сама будь свидетель тому».

Он тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожал —
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.

И печать роковая в столе вожжена:
Отразилися пальцы на нем;
На руке ж — но таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.

Есть монахиня в древних Драйбургских стенах:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.

Сей монах молчаливый и мрачный — кто он?
Та монахиня — кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон;
То его молодая жена.

Июль (?) 1822

НОЧЬ

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездою своей.

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом,
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пеньем
Томимую душу тоской,
Как матерь дитя, успокой.

1823

* * *

Я Музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На всё земное наводило
Животворящий луч оно —
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия — одно.

Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.

Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?

Но всё, что от времен прекрасных,
Когда он мне доступен был,
Всё, что от милых темных, ясных
Минувших дней я сохранил —
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы,—
Кладу на твой алтарь священной,
О Гений чистой красоты!

Не знаю, светлых вдохновений
Когда воротится чреда,—
Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!
Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

Начало 1824

ЭЛЕВЗИНСКИЙ ПРАЗДНИК

Свивайте венцы из колосьев златых;
Цианы лазурные в них заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврах луговых
И пеньем благую Цереру встречайте.
Церера сдружила враждебных людей;
Жестокие нравы смягчила;
И в дом постоянный меж нив и полей
Шатер подвижной обратила.

Робок, наг и дик скрывался
Троглодит в пещерах скал;
По полям номад скитался
И поля опустошал;
Зверолов с копьем, стрелами,
Грозен, бегал по лесам...
Горе брошенным волнами
К неприютным их брегам!

С Олимпийския вершины
Сходит мать Церера вслед
Похищенной Прозерпины:
Дик лежит пред нею свет.
Ни угла, ни угощенья
Нет нигде богине там;
И нигде богопочтенья
Не свидетельствует храм.

Плод полей и грозды сладки
Не блистают на пирах;
Лишь дымятся тел остатки
На кровавых алтарях;
И куда печальным оком
Там Церера ни глядит,
В унижении глубоком
Человека всюду зрит.

«Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человек?
Для того ль тебя красою
Олимпийскою облек
Бог богов и во владенье
Мир земной тебе отдал,
Чтоб ты в нем, как в заточенье
Узник брошенный, страдал?

Иль ни в ком между богами
Сожаленья к людям нет,
И могучими руками
Ни один из бездны бед
Их не вырвет? Знать, к блаженным
Скорбь земная не дошла?
Знать, одна я огорченным
Сердцем горе поняла?

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней матерью-землею
Он вступи в союз навек;
Чти закон времен спокойный;
Знай теченье лун и лет,
Знай, как движется под стройной
Их гармониею свет».

И мгновенно расступилась
Тьма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божеством пред дикарей:
Кончив бой, они, как тигры,
Из черепьев вражьих пьют
И ее на зверски игры
И на страшный пир зовут.

Но богиня, с содроганьем
Отвратясь, рекла: «Богам
Кровь противна; с сим даяньем
Вы, как звери, чужды нам;
Чистым чистое угодно;
Дар, достойнейший небес:
Нивы колос первородный,
Сок оливы, плод древес».

Тут богиня исторгает
Тяжкий дротик у стрелка;
Острием его пронзает
Грудь земли ее рука;
И берет она живое
Из венца главы зерно,
И в пронзенное земное
Лоно брошено оно.

И выводит молодые
Класы тучная земля;
И повсюду, как златые
Волны, зыблются поля.
Их она благословляет
И, колосья в сноп сложив,
На смиренный возлагает
Камень жертву первых нив.

И гласит: «Прими даянье,
Царь Зевес, и с высоты
Нам подай знаменованье,
Что доволен жертвой ты.
Вечный бог, сними завесу
С них, не знающих тебя:
Да поклонятся Зевесу,
Сердцем правду возлюбя».

Чистой жертвы не отринул
На Олимпе царь Зевес;

Он во знамение кинул
Гром излучистый с небес:
Вмиг алтарь воспламенился;
К небу жертвы дым взлетел,
И над ней горе́ явился
Зевсов пламенный орел.

И чудо проникло в сердца дикарей;
Упали во прах перед дивной Церерой;
Исторгнулись слезы из грубых очей,
И сладкой сердца растворилися верой.
Оружие кинув, теснятся толпой
И ей воздают поклоненье;
И с видом смиренным, покорной душой
Приемлют ее поученье.

С высоты небес нисходит
Олимпийцев светлый сонм;
И Фемида их предводит,
И своим она жезлом
Ставит грани юных, жатвой
Озлатившихся полей,
И скрепляет первой клятвой
Узы первые людей.

И приходит благ податель,
Друг пиров, веселый Ком;
Бог, ремесл изобретатель,
Он людей дружит с огнем;
Учит их владеть клещами;
Движет мехом, млатом бьет
И искусными руками
Первый плуг им создает.

И вослед ему Паллада
Копьеносная идет
И богов к строенью града
Крепкостенного зовет;
Чтоб приютно-безопасный
Кров толпам бродящим дать
И в один союз согласный
Мир рассеянный собрать.

И богиня утверждает
Града нового чертеж;
Ей покорный, означает

Термин камнями рубеж;
Цепью смерена равнина;
Холм глубоким рвом обвит;
И могучая плотина
Гранью бурных вод стоит.

Мчатся Нимфы, Ореады
(За Дианой по лесам,
Чрез потоки, водопады,
По долинам, по холмам
С звонким скачущие луком);
Блещет в их руках топор,
И обрушился со стуком
Побежденный ими бор.

И, Палладою призванный,
Из зеленых вод встает
Бог, осокою венчанный,
И тяжелый строит плот;
И, сияя, низлетают
Оры легкие с небес
И в колонну округляют
Суковатый ствол древес.

И во грудь горы вонзает
Свой трезубец Посидон;
Слой гранитный отторгает
От ребра земного он;
И в руке своей громаду
Как песчинку он несет;
И огромную ограду
Во мгновенье создает.

И вливает в струны пенье
Светлоглавый Аполлон:
Пробуждает вдохновенье
Их согласно-мерный звон;
И веселые Камены
Сладким хором с ним поют,
И красивых зданий стены
Под напев их восстают.

И творит рука Цибелы
Створы врат городовых:
Держат петли их дебелы,
Утвержден замок на них;

И чудесное творенье
Довершает, в честь богам,
Совокупное строенье
Всех богов, великий храм.

И Юнона, с оком ясным,
Низлетев от высоты,
Сводит с юношей прекрасным
В храме деву красоты;
И Киприда обвивает
Их гирляндою цветов,
И с небес благословляет
Первый брак отец богов.

И с торжественной игрою
Сладких лир, поющих в лад,
Вводят боги за собою
Новых граждан в новый град;
В храме Зевсовом царица,
Мать Церера там стоит,
Жжет курения, как жрица,
И пришельцам говорит:

«В лесе ищет *зверь* свободы,
Правит всем свободно *бог*,
Их закон — закон природы.
Человек, прияв в залог
Зоркий ум — звено меж ними,—
Для гражданства сотворен:
Здесь лишь нравами одними
Может быть свободен он».

Свивайте венцы из колосьев златых;
Цианы лазурные в них заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврах луговых;
И с пеньем благую Цереру встречайте:
Всю землю богинин приход изменил;
Признавши ее руководство,
В союз человек с человеком вступил
И жизни постиг благородство.

Январь (?) 1833

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

* * *

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжечка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вкруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня,
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вкруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

⟨1810⟩

М. В. МИЛОНОВ

ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

Элегия

Рассыпан осени рукою,
Лежал поблекший лист кустов;
Зимы предтеча, страх с тоскою
Умолкших прогонял певцов;
Места сии опустошенны
Страдалец юный проходил;
Их вид во дни его блаженны
Очам его приятен был.
«Твое, о роща, опустенье
Мне предвещает жребий мой,
И каждого листа в паденье
Я вижу смерть перед собой!
О Эпидавра прорицатель!
Ужасный твой мне внятен глас:
«Долин отцветших созерцатель,
Ты здесь уже в последний раз!
Твоя весна скорей промчится,
Чем пожелтеет лист в полях
И с стебля сельный цвет свалится»,
И гроб отверст в моих очах!
Осенни ветры восшумели
И дышат хладом средь полей,
Как призрак легкий, улетели
Златые дни весны моей!
Вались, валися, лист мгновенный,
И скорбной матери моей
Мой завтра гроб уединенный
Сокрой от слезных ты очей!

Когда ж к нему с тоской, с слезами
И с распущенными придет
Вокруг лилейных плеч власами
Моих подруга юных лет,
В безмолвье осени угрюмом,
Как встанет помрачаться день,
Тогда буди ты легким шумом
Мою утешенную тень!»
Сказал — и в путь свой устремился,
Назад уже не приходил;
Последний с древа лист сронился,
Последний час его пробил.
Близ дуба юноши могила;
Но, с скорбию в душе своей,
Подруга к ней не приходила,
Лишь пастырь, гость нагих полей,
Порой вечерния зарницы,
Гоня стада свои с лугов,
Глубокий мир его гробницы
Тревожит шорохом шагов.

⟨1819⟩

А. И. ТУРГЕНЕВ

К ОТЕЧЕСТВУ

Сыны отечества клянутся,
И небо слышит клятву их!
О, как сердца в них сильно бьются!
Не кровь течет, но пламя в них.
Тебя, отечество святое,
Тебя любить, тебе служить —
Вот наше звание прямое!
Мы жизнию своей купить
Твое готовы благоденство.
Погибель за тебя — блаженство,
И смерть — бессмертие для нас!
Не содрогнемся в страшный час
Среди мечей на ратном поле,
Тебя, как бога, призовем,
И враг не у́зрит солнца боле
Иль мы, сраженные, падем —
И наша смерть благословится!
Сон вечности покроет нас;
Когда вздохнем в последний раз,
Сей вздох тебе же посвятится.

⟨1802⟩

Д. В. ДАВЫДОВ

ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властию такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться;
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников, моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о лю́дях, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами,—
И, словом, бедными Ногами,
Как шашками, вертишь».—
«Молчите, дерзкие,— им Голова сказала,—
Иль силою я вас заставлю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?» —
«Всё это хорошо, пусть ты б повелевала,—
По крайней мере, нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да, между нами ведь признаться,

Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись — как же быть,—
Твое Величество об камень расшибить».

Смысл этой басни всякий знает...
Но должно — тс! — молчать: дурак — кто всё болтает.

1803

БУРЦОВУ

В дымном поле, на биваке
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей.
Собирайся в круговую,
Православный весь причёт!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.
Бурцов, ты — гусар гусаров!
Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастьи оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!

Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых бо́ев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах!
Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И «Георгья» за совет!
Пусть... Но чу! гулять не время!
К ко́ням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон — и в сечу! Вот
Пир иной нам бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Ну-тка, кивер набекрень,
И — ура! Счастливый день!

1804

ГУСАРСКИЙ ПИР

Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закручёнными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от *ура*
И тряслись и трепетали!..
Лучше б в поле закричали...
Но другие горло драли:
«И до нас придет пора!»
Бурцов, брат, что́ за раздолье!
Пунш жестокий!.. Хор гремит!

Бурцов, пью твое здоровье:
Будь, гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй, как фланкируешь;
В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!
Жизнь летит: не осрамися,
Не проспи ее полет,
Пей, люби да веселися! —
Вот мой дружеский совет.

1804

В АЛЬБОМ

На вьюке, в тороках, цевницу я таскаю,
Она и под локтем, она под головой;
Меж конских ног позабываю,
В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

1811

ПЕСНЯ

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

За тебя на черта рад,
Наша матушка-Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
За тебя на черта рад,
Наша матушка-Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!
Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами!

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!
О, как страшно смерть встречать
На постеле господином!

То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
То ли дело средь мечей:
Там о славе лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

1815

ЭЛЕГИЯ IV

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал;
И, в безумстве упоенный
Чадом славы бранных дел,
Посреди грозы военной
Счастие найти хотел!..
Но, судьбой гонимый вечно,
Счастья нет! подумал я...
Друг мой милый, друг сердечной,
Я тогда не знал тебя!

Ах, пускай герой стремится
За блистательной мечтой
И через кровавый бой
Свежим лавром осенится...
О, мой милый друг! с тобой
Не хочу высоких званий,
И мечты завоеваний
Не тревожат мой покой!
Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный —
Вновь за родину восстать;
Друг твой в поле появится,
Еще саблею блеснет,
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мертв падет!..
Полумертвый, не престану
Биться с храбрыми в ряду,
В память Лизу приведу...
Встрепенусь, забуду рану,
За тебя еще восстану
И другую смерть найду!

1816

ЭЛЕГИЯ VIII

О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокой,
Зачем скользит небережно покров
С плеч белых и с груди высокой?
О, пощади! Я гибну без того,
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею;
Но ты вошла... и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует... одни мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы...
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок весенней розы.

1817

ПЕСНЯ СТАРОГО ГУСАРА

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вкруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном — кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по́ полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг вали́тся...
Бой умолк, и вечерком
Снова ковшик шевелится.

А теперь что́ вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят: умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке — ни полслова!

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

1817

ОТВЕТ

Я не поэт, я — партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой —
Я в этой песни запевало!

1826

ПОЛУСОЛДАТ

«Нет, братцы, нет: полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!

Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож и шашку кабардинца.

Всё так! Но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохот обуял толпой,
И клики вторятся горами,

И всё кипит, и всё гремит;
А я меж вами одинокой,

Немою грустию убит,
Душой и мыслию далеко.

Я не внимаю стуку чаш
И спорам вкруг солдатской каши;
Улыбки нет на хохот ваш;
Нет взгляда на проказы ваши!

Таков ли был я в век златой
На буйной Висле, на Балкане,
На Эльбе, на войне родной,
На льдах Торнео, на Секване?

Бывало, слово: *друг, явись!*
И уж Денис с коня слезает;
Лишь чашей стукнут — и Денис
Как тут — и чашу осушает.

На скачку, на борьбу готов,
И, чтимый *выродком* глупцами,
Он, расточитель острых слов,
Им хлещет прозой и стихами.

Иль в карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской бурке;
Или вкруг светлого костра
Танцует с девками мазурки.

Нет, братцы, нет: полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!»

Так говорил наездник наш,
Оторванный судьбы веленьем
От крова мирного — в шалаш,
На сечи, к пламенным сраженьям.

Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагёз[1], нахмурясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;

---

[1] Заоблачная гора, на границе Эриванской области. *(Примеч. автора.)*

И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь сребристых облаков
Луна плывет над Араратом.

Но воин наш не упоен
Ночною роскошью полуденного края...
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека[1] груда снеговая...
На нем знакомый вихрь, на нем громады льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном,
Горит родимая звезда.

1826

ПРИ ВИДЕ МОСКВЫ, ВОЗВРАЩАЯСЬ С ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЫ

О юности моей гостеприимный кров!
О колыбель надежд и грез честолюбивых!
О кто, кто из твоих сынов
Зрел, без восторгов горделивых,
Красу реки твоей, волшебных берегов,
Твоих палат, твоих садов,
Твоих холмов красноречивых!

1827

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

Элегия

Умолкшие холмы, дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу

---

[1] Одна из высочайших гор Кавказского хребта. (*Примеч. автора.*)

Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь Гомерический, Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу — веди меня, я твой:
О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!

Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склонясь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

1829

ВАЛЬС

Ев. Д. З⟨олотаре⟩вой

Кипит поток в дубраве шумной,
И мчится скачущей волной,
И катит в ярости безумной
Песок и камень вековой.
Но, покорен красой невольно,
Колышет ласково поток
Слетевший с берега на волны
Весенний, розовый листок.
Так, бурей вальса не сокрыта,
Так, от толпы отличена,
Летит, воздушна и стройна,
Моя любовь, моя харита,
Виновница тоски моей,
Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,
И поэтических страстей!

1834

НА ГОЛОС РУССКОЙ ПЕСНИ

Я люблю тебя, без ума люблю!
О тебе одной думы думаю,
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка.

Ты взгляни, молю, на тоску мою
И улыбкою, взглядом ласковым
Успокой меня, беспокойного,
Осчастливь меня, несчастливого.

Если жребий мой умереть тоской —
Я умру, любовь проклинаючи,
Но и в смертный час воздыхаючи
О тебе, мой друг, моя душечка!

1834

РОМАНС

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

1834

К. Н. БАТЮШКОВ

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось,
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали,
От Орковых полей, от Леты берегов,
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь; она — твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой;
Я от любви теперь увяну.

Между июнем 1807 и 1809

ЭЛИЗИЙ

О, пока бесценна младость
Не умчалася стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой
В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда в сени приютной
Мы услышим смерти зов,
То, как лозы винограда
Обвивают тонкий вяз,
Так меня, моя отрада,
Обними в последний раз!
Так лилейными руками
Цепью нежною обвей,
Съедини уста с устами,
Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной,
Долу, к тихим берегам,
Сам он, бог любви прелестной,
Проведет нас по цветам
В тот Элизий, где всё тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови,
Где, любуясь пляской граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
Гимны радости поет.
Там, под тенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетет венцы,
И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.

1810 (?)

НАДПИСЬ НА ГРОБЕ ПАСТУШКИ

Подруги милые! в беспечности игривой
Под плясовой напев вы ре́звитесь в лугах.
И я, как вы, жила в Аркадии счастливой;
И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
Минутны радости вкусила:

Любовь в мечтах златых мне счастие сулила;
Но что ж досталось мне в прекрасных сих местах?
Могила!

⟨1810⟩

МОИ ПЕНАТЫ

Послание к Ж⟨уковскому⟩ и В⟨яземскому⟩

Отечески пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы́ и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;
Где, странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный фимиам
Поэт приносит вам;
Но слезы умиленья,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья,
Богинь пермесских дар!
О Лары! уживитесь
В обители моей,
Поэту улыбнитесь —
И будет счастлив в ней!..
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой;

Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Всё утвари простые,
Всё рухлая скудель!
Скудель!.. но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..

Отеческие боги!
Да к хижине моей
Не сыщет ввек дороги
Богатство с суетой;
С наемною душой
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И бледны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
С смиренною клюкой,
Ты смело постучися,
О воин, у меня;
Войди и обсушися
У яркого огня.
О старец, убеленный
Годами и трудом,
Трикраты уязвленный
На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя с нагайкой,
Что в жупел и в огни
Летал перед полками,
Как вихорь на полях,
И вкруг его рядами
Враги ложились в прах!..
И ты, моя Лилета,
В смиренный уголок
Приди под вечерок
Тайком переодета!
Под шляпою мужской
И кудри золотые
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!

Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла — наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвевают по плечам;
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
Склонившись на меня;
И алыми устами,
Как ветер меж листами,
Мне шепчет: «Я твоя,
Твоя, мой друг сердечной!..»
Блажен, в сени беспечной,
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья,
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!..

Уже потухли звезды
В сиянии дневном
И пташки теплы гнезды,
Что свиты над окном,
Щебеча покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих;
Зефир листы колышет,
И всё любовью дышит
Среди полей моих;
Всё с утром оживает,
А Лила почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховейной
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...

И в локоны златые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища прохлады,
Скользит по ложу вниз...
Я Лилы пью дыханье
На пламенных устах,
Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!..
Покойся, друг прелестной,
В объятиях моих!
Пускай в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богинею слепою
Забыт я от пелен:
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой;
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

Без злата и честей
Доступен добрый гений
Поэзии святой,
И часто, в мирной сени,
Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волненье
Уснет... и светлый ум,
Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,
В Аонии прелестной
Сретает хоры муз!)
Небесно вдохновенье,
Зачем летишь стрелой
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы
В отрадной тишине,
Парнасские царицы,
Подруги будьте мне!
Пускай веселы тени

Любимых мне певцов,
Оставя тайны сени
Стигийских берегов
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? ты пред ними,
Парнасский исполин,
Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и муз и граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.
Фантазии небесной
Давно любимый сын,

То повестью прелестной
Пленяет Карамзин;
То мудрого Платона
Описывает нам,
И ужин Агатона,
И наслажденья храм;
То древню Русь и нравы
Владимира времян,
И в колыбели славы
Рождение славян.
За ними сильф прекрасной,
Воспитанник харит,
На цитре сладкогласной
О Душеньке бренчит;
Мелецкого с собою
Улыбкою зовет
И с ним, рука с рукою,
Гимн радости поет!..
С эротами играя,
Философ и пиит,

Близ Федра и Пильпая
Там Дмитриев сидит;
Беседуя с зверями,
Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,
Хемницер и Крылов.
Наставники-пииты,
О Фебовы жрецы!
Вам, вам плетут хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги пиерид
И в радости взываю:
О музы! я пиит!

А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье,
И негу, и покой!
Фортуна! прочь с дарами
Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от ненастья
Челнок мой проводил
И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл...
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!
Придите в час беспечный
Мой домик навестить —
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Ж⟨уковский⟩ добрый мой!

Стрелою мчится время,
Веселие стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротам оживить.
О В⟨яземский⟩! цветами
Друзей твоих венчай,
Дар Вакха перед нами:
Вот кубок — наливай!
Питомец муз надежный,
О Аристиппов внук!
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных;
И все заботы славы,
Сует и шум и блажь
За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.
О! дай же ты мне руку,
Товарищ в лени мой,
И мы... потопим скуку
В сей чаше золотой!
Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы,
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Когда же парки тощи
Нить жизни допрядут,
И нас в обитель нощи
Ко прадедам снесут —
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас.
К чему рыданья слезны,
Наемных ликов глас?

К чему сии куренья,
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?
К чему?.. Но вы толпами
При месячных лучах
Сберитесь и цветами
Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две цевницы
С листами повилик:
И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливцев молодых!

1811—1812

К Д⟨АШКО⟩ВУ

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары;
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных;
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаянье рыдали,
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали

Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,—
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирныя цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных Цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любови свиты,
И радость шумная в вине!

Март 1813

ТЕНЬ ДРУГА

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.
Propert[1]

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем вилася Гальциона,
И тихий глас ее пловцов увеселял.
Вечерний ветр, валов плесканье,
Однообразный шум и трепет парусов,
И кормчего на палубе взыванье
Ко страже, дремлющей под говором валов,—
Всё сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила Севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье,
Под небом сладостным отеческой земли.
Но ветров шум и моря колыханье
На вежды томное забвенье навели.
Мечты сменялися мечтами,
И вдруг... то был ли сон?.. предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию, над Плейсскими струями.
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро майское веселием цвело
И всё небесное душе напоминало.
«Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
Ты ль это? — я вскричал,— о воин вечно милой!
Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Беллониных огней,
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой подвиг начертал
И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! ответствуй, милый брат!
Или протекшее всё было сон, мечтанье;
Всё, всё — и бледный труп, могила и обряд,
Свершенный дружбою в твое воспоминанье?

---

[1] Души усопших — не призрак: не всё кончается смертью;
Бледная тень ускользает, скорбный костер победив.
Проперций (лат.)

О! молви слово мне! пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о незабвенный друг!
Твою — с любовию сжимает...»
И я летел к нему... Но горний дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
Исчез,— и сон покинул очи.

Всё спало вкруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные катилися безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И всё душа за призраком летела,
Всё гостя горнего остановить хотела —
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!

Июнь 1814

ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
Легче серны молодой...
Эвры волосы взвевали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуро́вый виноград,—
Всё в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;

Я настиг — она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвое! и неги глас!

1815 (?)

МОЙ ГЕНИЙ

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный,
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

Между июлем и августом 1815

РАЗЛУКА

Напрасно покидал страну моих отцов,
Друзей души, блестящие искусства;
И в шуме грозных битв, под тению шатров,
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!
        Напрасно я скитался
Из края в край, и грозный океан
        Кругом меня роптал и волновался;

Напрасно от брегов пленительных Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посещал развалины Москвы,
Москвы, где я дышал свободою прямою!
Напрасно я спешил от северных степей,
Холодным солнцем освещенных,
В страну, где Тирас бьет излучистой струей,
Сверкая между гор, Церерой позлащенных,
И древние поит народов племена.
Напрасно: всюду мысль преследует одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мне священно,
Которой взор один лазоревых очей
Все — неба на земле — блаженства отверзает,
И слово, звук один, прелестный звук речей
Меня мертвит и оживляет.

1815 (?)

К ДРУГУ

Скажи, мудрец младой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Мы область призраков обманчивых прошли;
Мы пили чашу сладострастья.

Но где минутный шум веселья и пиров,
В вине потопленные чаши?
Где мудрость светская сияющих умов?
Где твой Фалерн и розы наши?

Где дом твой, счастья дом?.. Он в буре бед исчез,
И место поросло крапивой,
Но я узнал его: я сердца дань принес
На прах его красноречивой.

На нем, когда окрест замолкнет шум градской
И яркий Веспер засияет
На темном севере,— твой друг, в тиши ночной,
В душе задумчивость питает.

От самой юности служитель олтарей
Богини неги и прохлады,
От пресыщения, от пламенных страстей
Я сердцу в ней ищу отрады.

Поверишь ли? я здесь, на пепле храмин сих,
Венок веселия слагаю
И часто в горести, в волненье чувств моих,
Потупя взоры, восклицаю:

Минутны странники, мы ходим по гробам;
Все дни утратами считаем,
На крыльях радости летим к своим друзьям,—
И что ж?.. их урны обнимаем.

Скажи, давно ли здесь, в кругу твоих друзей,
Сияла Лила красотою?
Благие небеса, казалось, дали ей
Всё счастье смертной под луною:

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты,
Чело открытое одной из важных муз
И прелесть девственной хариты.

Ты сам, забыв и свет и тщетный шум пиров,
Ее беседой наслаждался
И в тихой радости, как путник средь песков,
Прелестным цветом любовался.

Цветок, увы! исчез, как сладкая мечта!
Она в страданиях почила
И, с миром в страшный час прощаясь навсегда,
На друге взор остановила.

Но дружба, может быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило;
И тень чистейшую — дыханье клеветы
На лоне мира возмутило.

Так всё здесь суетно в обители сует!
Приязнь и дружество непрочно!
Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали,
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов:
Они безмолвны пребывали.

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает,—

Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились;
Мой гений в горести светильник погашал,
И музы светлые сокрылись.

Я с страхом вопросил глас совести моей...
И мрак исчез, прозрели вежды:
И вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь, как солнцем, озарен;
Ногой надежною ступаю;
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом возлетаю.

1815

ВОСПОМИНАНИЯ

Отрывок

. . . .

Я чувствую, мой дар в поэзии погас,
И муза пламенник небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глаз.
Туда влечет меня осиротелый гений,
В поля бесплодные, в непроходимы сени,
Где счастья нет следов,
Ни тайных радостей, неизъяснимых снов,
Любимцам Фебовым от юности известных,
Ни дружбы, ни любви, ни песней муз прелестных,
Которые всегда душевну скорбь мою,
Как лотос, силою волшебной врачевали.
Нет, нет! себя не узнаю
Под новым бременем печали!
Как странник, брошенный на брег из ярых волн,
Встает и с ужасом разбитый видит челн,
Рукою трепетной он мраки вопрошает,

Ногой скользит над пропастями он,
И ветер буйный развевает
Молений глас его, рыдания и стон...
На крае гибели так я зову в спасенье
Тебя, последняя надежда, утешенье!
Тебя, последний сердца друг!
Средь бурей жизни и недуг
Хранитель ангел мой, оставленный мне богом!..
Твой образ я таил в душе моей залогом
Всего прекрасного... и благости творца.
Я с именем твоим летел под знамя брани
Искать иль славы, иль конца;
В минуты страшные чистейши сердца дани
Тебе я приносил на Марсовых полях;
И в мире и в войне, во всех земных краях
Твой образ следовал с любовию за мною,
С печальным странником он неразлучен стал.
Как часто в тишине, весь занятый тобою,
В лесах, где Жувизи гордится над рекою
И Сейна по цветам льет сребреный кристалл,
Как часто средь толпы, и шумной и беспечной,
В столице роскоши, среди прелестных жен
Я пенье забывал волшебное сирен
И о тебе одной мечтал в тоске сердечной.
Я имя милое твердил
В прохладных рощах Альбиона,
И эхо называть прекрасную учил
В цветущих пажитях Ричмона.
Места прелестные и в дикости своей,—
О камни Швеции, пустыни скандинавов!
Обитель древняя и доблести и нравов,
Ты слышала обет и глас любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальние скалы гранитных берегов,
И сёла пахарей, и кущи рыбаков,
Сквозь тонки, утренни туманы,
На зеркальных водах пустынной Троллетаны.
. . . .

1815 (?)

ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ

3

Свершилось: Никагор и пламенный Эрот
За чашей Вакховой Аглаю победили...
О, радость! Здесь они сей пояс разрешили,
Стыдливости девической оплот.
Вы видите: кругом рассеяны небрежно
Одежды пышные надменной красоты;
Покровы легкие из дымки белоснежной,
И обувь стройная, и свежие цветы.
Здесь все развалины роскошного убора,
Свидетели любви и счастья Никагора!

13

С отвагой на челе и с пламенем в крови
Я плыл, но с бурей вдруг предстала смерть ужасна.
О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Вверяйся челноку! плыви!

Между маем 1817 и началом 1818

К ТВОРЦУ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

Когда на играх Олимпийских,
В надежде радостных похвал,
Отец истории читал,
Как грек разил вождей азийских
И силы гордых сокрушал,—
Народ, любитель шумной славы,
Забыв ристанье и забавы,
Стоял и весь вниманье был.
Но в сей толпе многонародной
Как старца слушал Фукидид,
Любимый отрок аонид,
Надежда крови благородной!
С какою жаждою внимал
Отцов деянья знамениты
И на горящие ланиты
Какие слезы проливал!

И я так плакал в восхищенье,
Когда скрижаль твою читал
И гений твой благословлял
В глубоком, сладком умиленье...
Пускай талант — не мой удел!
Но я для муз дышал недаром,
Любил прекрасное и с жаром
Твой гений чувствовать умел.

Между июлем и сентябрем 1818

* * *

Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы
При появлении Аврориных лучей,
Но не отдаст тебе багряная денница
 Сияния протекших дней,
Не возвратит убежищей прохлады,
 Где нежились рои красот,
И никогда твои порфирны колоннады
 Со дна не встанут синих вод.

Май или июнь 1819

* * *

Есть наслаждение и в дикости лесов,
 Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
 Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
 Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
 И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
 Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов,
 И как молчать об них, не знаю.
Шуми же ты, шуми, огромный океан!
 Развалины на прахе строит
Минутный человек, сей суетный тиран,
 Но море чем себе присвоит?..

Июнь или август 1819

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

2

Скалы́ чувствительны к свирели;
Верблюд прислушивать умеет песнь любви,
Стеня под бременем; румянее крови —
Ты видишь — розы покраснели
В долине Йемена от песней соловья...
А ты, красавица... Не постигаю я.

6

Ты хочешь меду, сын? — так жала не страшись;
Венца победы? — смело к бою!
Ты перлов жаждешь? — так спустись
На дно, где крокодил зияет под водою.
Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он отец,
Лишь смелым перлы, мед иль гибель... иль венец.

1821

* * *

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнию, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

1821 (?) или 1823—1824 (?)

Н. И. ГНЕДИЧ

ОСЕНЬ

Дубравы пышные, где ваше одеянье?
Где ваши прелести, о холмы и поля,
Журчание ключей, цветов благоуханье?
Где красота твоя, роскошная земля?

Куда сокрылися певцов пернатых хоры,
Живившие леса гармонией своей?
Зачем оставили приют их мирных дней?
И всё уныло вкруг — леса, долины, горы!

Шумит порывный ветр между дерев нагих
И, желтый лист крутя, далеко завевает,—
Так всё проходит здесь, являяся на миг:
Так гордый сын земли цветет и исчезает!

На крыльях времени безмолвного летят
И старость и зима, гроза самой природы;
Они, нещадные и быстрые, умчат,
Как у весны цветы, у нас младые годы!

Но что ж? Крутитесь вы сей мрачною судьбой,
Вы, коих низкие надежды и желанья
Лишь пресмыкаются над бренною землей,
И дух ваш заключат в гробах без упованья.

Но кто за темный гроб с возвышенной душой,
С святой надеждою взор ясный простирает,
С презреньем тот на жизнь, на мрачный мир взирает
И улыбается превратности земной.

Весна украсить мир ужель не возвратится?
И солнце пало ли на вечный свой закат?
Нет! новым пурпуром восток воспламенится,
И новою весной дубравы зашумят.

А я останусь в ничтожность погруженный,
Как всемогущий перст цветок животворит!
Как червь, сей житель дня, от смерти пробужденный,
На крыльях золотых вновь к жизни полетит!

Сменяйтесь, времена, катитесь в вечность, годы!
Но некогда весна несменная сойдет!
Жив бог, жива душа! и, царь земной природы,
Воскреснет человек: у бога мертвых нет!

1819

ВОЕННЫЙ ГИМН ГРЕКОВ

Сочинение Риги

Воспряньте, Греции народы!
День славы наступил.
Докажем мы, что грек свободы
И чести не забыл.
Расторгнем рабство вековое,
Оковы с вый сорвем;
Отмстим отечество святое,
Покрытое стыдом!
К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

О тени славные уснувших
Героев, мудрецов!
О геллины веков минувших,
Восстаньте из гробов!

При звуке наших труб летите
Вождями ваших чад;
Вам к славе путь знаком — ведите
На семихолмный град!

К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

О Спарта, Спарта, мать героев!
Что рабским сном ты спишь?
Афин союзница, услышь
Клич мстительных их строев!
В ряды! и в песнях призовем
Героя Леонида,
Пред кем могучая Персида
Упала в прах челом.
К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

Воспомним, братья, Фермопилы,
И за свободу бой!
С трехстами храбрых — персов силы
Один сдержал герой;
И в битве, где пример любови
К отчизне — вечный дал,
Как лев он гордый — в волны крови
Им жертв раздранных пал!
К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

1821

А. С. ПУШКИНУ

По прочтении сказки его о царе Салтане и проч.

Пушкин, Протей
Гибким твоим языком и волшебством твоих песнопений!
Уши закрой от похвал и сравнений
Добрых друзей;
Пой, как поешь ты, родной соловей!
Байрона гений иль Гете, Шекспира,

Гений их неба, их нравов, их стран —
Ты же, постигнувший таинство русского духа и мира,
Пой нам по-своему, русский Баян!
Небом родным вдохновенный,
Будь на Руси ты певец *несравненный.*

23 апреля 1832

ДУМА

Печален мой жребий, удел мой жесток!
Ничьей не ласкаем рукою,
От детства я рос одинок, сиротою:
В путь жизни пошел одинок;
Прошел одинок его — тощее поле,
На коем, как в знойной Ливийской юдоле,
Не встретились взору ни тень, ни цветок;
Мой путь одинок я кончаю,
И хилую старость встречаю
В домашнем быту одинок:
Печален мой жребий, удел мой жесток!

1832

Ф. Н. ГЛИНКА

СОН РУССКОГО НА ЧУЖБИНЕ

> Отечества и дым нам
> сладок и приятен!
>
> *Державин*

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной *русской* стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы,
И хлещут с гор кипучи воды.
Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густеют молодые ели,
И льется запах от берез!..

И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про *ясны очи*,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем...
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... всё красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздохнул по стороне родной...

⟨1825⟩

ЖАТВА

Густая рожь стоит стеной!
Леса вкруг нивы как карнизы,
И всё окинул вечер сизый
Полупрозрачной пеленой...
Порою слышны отголосья
Младых косцов и сельских жниц;
Волнами зыблются колосья
Под пылкой ясностью зарниц;
И жатва, дочь златого лета,
Небесным кормится огнем
И жадно пьет разливы света
И зреет, утопая в нем...
Так горний пламень вдохновенья
Горит над нивою души,
И спеет жатва дум в тиши,
И созревают песнопенья...

⟨1826⟩

ПЕСНЬ УЗНИКА

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!

«Прости, отчизна, край любезный!
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,
Снимай венчальное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу,— такую долю
Взяла сама моя рука.

Откуда ж придет избавленье,
Откуда ждать бедам конец?
Но есть на свете утешенье
И на святой Руси отец!

О русский царь! в твоей короне
Есть без цены драгой алмаз.
Он значит — милость! Будь на троне,
И, наш отец, помилуй нас!

А мы с молитвой крепкой к богу
Падем все ниц к твоим стопам;
Велишь — и мы пробьем дорогу
Твоим победным знаменам».

Уж ночь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!
А бедный узник в каземате —
Всё ту же песню запевал!..

1826

МОСКВА

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На *семи* твоих холмах!!

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают дерева;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это *матушка-Москва!*

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У *Ивана-звонаря?..*

Кто *Царь-колокол* подымет?
Кто *Царь-пушку* повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У *святых* в Кремле *ворот?!*

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град *срединный*, град *сердечный*,
Коренной России град!

⟨1840⟩

П. А. КАТЕНИН

СОНЕТ

Кто принял в грудь свою язвительные стрелы
Неблагодарности, измены, клеветы,
Но не утратил сам врожденной чистоты
И образы богов сквозь пламя вынес целы;

Кто, те́рновым путем идя в труде, как пчелы,
Сбирает воск и мед, где встретятся цветы,—
Тому лишь шаг — и он достигнул высоты,
Где добродетели положены пределы.

Как лебедь восстает белее из воды,
Как чище золото выходит из горнила,
Так честная душа из опыта беды:

Гоненьем и борьбой в ней только крепнет сила;
Чем гуще мрак кругом, тем ярче блеск звезды,
И чем прискорбней жизнь, тем радостней могила.

1835

К. Ф. РЫЛЕЕВ

К ВРЕМЕНЩИКУ

(Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»)

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец;
Из уст твоих хула — достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем,
Коль сам с презрением я на тебя гляжу
И горд, что чувств твоих в себе не нахожу?
Что сей кимвальный звук твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и сан твой величавый?
Ах! лучше скрыть себя в безвестности простой,
Чем с низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгого своих сограждан взора,
На суд их выставлять, как будто для позора!
Когда во мне, когда нет доблестей прямых,
Что пользы в сане мне и в почестях моих?
Не сан, не род — одни достоинства почтенны;
Сеян! и самые цари без них — презренны;
И в Цицероне мной не консул — сам он чтим
За то, что им спасен от Катилины Рим...

О муж, достойный муж! почто не можешь, снова
Родившись, сограждан спасти от рока злого?

Тиран, вострепещи! родиться может он,
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть...
Не зная о своем ужасном положенье,
Ты заблуждаешься в несчастном ослепленье,
Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь.
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он — что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Всё трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

⟨1820⟩

СМЕРТЬ ЕРМАКА

П. А. Муханову

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали;
Беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите,— мнил герой,—
Друзья, под бурею ревущей;

С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны,—
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах,
Вздымалися седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, козачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна.
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

1821

ИВАН СУСАНИН

«Куда ты ведешь нас?.. не видно ни зги! —
Сусанину с сердцем вскричали враги.—
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..
Веди ж нас,— так будет тебе за труды;
Иль бойся: не долго у нас до беды!
Заставил всю ночь нас пробиться с метелью...
Но что там чернеет в долине за елью?» —

«Деревня! — сарматам в ответ мужичок.—
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.
За мною! в ворота! — избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрета.
Войдите — не бойтесь!» — «Ну, то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывал ночи,
Слепились от снегу соколии очи...
Жупан мой — хоть выжми, нет нитки сухой! —
Вошед, проворчал так сармат молодой.—
Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за полночь!.. Сном крепким объяты,
Лежат беззаботно по лавкам сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, насторо́же, Сусанин седой
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны!..

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и в двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер еще не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!»

«Приводит сам бог тебя к этому дому,
Мой сын, поспешай же к царю молодому;
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей,
Что гордые ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!

Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя.
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге».—

«Но что ты затеял? подумай, родной!
Убьют тебя ляхи... Что будет со мной?

И с юной сестрою и с матерью хилой?» —
«Творец защитит вас святой своей силой.
Не даст он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник он всем сиротам.
Прощай же, о сын мой, нам дорого время;
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин младой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.
Луна между тем совершила полкруга;
Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга.
На небе восточном зарделась заря,
Проснулись сарматы — злодеи царя.

«Сусанин! — вскричали,— что́ молишься богу?
Теперь уж не время — пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,
В лес темный вступают окольной тропой.
Сусанин ведет их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснет,
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят не шелохнясь и дуб и береза,
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг за́ другом идут в молчанье сарматы;
Всё дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес —
Всё глуше и диче становится лес!
И вдруг пропадает тропинка пред ними:
И сосны и ели, ветвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще насторо́же тревожное ухо:
Всё в том захолустье и мертво и глухо...
«Куда ты завел нас?» — лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал.—

Убейте! замучьте! — моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей! — закричали враги, закипев,—
Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

«Умри же! — сарматы герою вскричали,
И сабли над старцем, свистя, засверкали.—
Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!

1822

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ОСТРОГОЖСКЕ

В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?
С бунчуком и булавою
Вкруг монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами козаки.

«Виден промысла святого
Над тобою дивный щит! —
Покорителю Азова
Старец бодрый говорит.—
Оглася победой славной
Моря Черного брега,
Ты смирил, монарх державный,
Непокорного врага.

Страшный в брани, мудрый в мире,
Превзошел ты всех владык,
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей велик.
Чту я славою и честью
Быть врагом твоим врагам
И губительною местью
Пролететь по их полкам.

Уснежился черный волос,
И булат дрожит в руке:
Но зажжет еще мой голос
Пыл отваги в козаке.
В пылком сердце жажда славы
Не остыла в зиму дней:
Празднество мне — бой кровавый;
Мне музыка — стук мечей!»

Кончил — и к стопам Петровым
Щит и саблю положил;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то в сердце затаил...
В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?

Сей пришлец в стране пустынной
Был Мазепа, вождь седой;
Может быть, еще невинный,
Может быть, еще герой.
Где ж свидание с Мазепой
Дивный свету царь имел?
Где герою вождь свирепый
Клясться в искренности смел?

Там, где волны Острогощи
В Сосну тихую влились;
Где дубов сенистых рощи
Над потоком разрослись;
Где с отвагой молодецкой
Русский крымцев поражал;
Где напрасно Брюховецкой
Добрых граждан возмущал;

Где, плененный славы звуком,
Поседевший в битвах дед
Завещал кипящим внукам
Жажду воли и побед;
Там, где с щедростью обычной
За ничтожный, легкий труд
Плод оратаю сторичный
Нивы тучные дают;

Где в лугах необозримых,
При журчании волны,
Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны;
Где, в стране благословенной,
Потонул в глуши садов
Городок уединенный
Острогожских козаков.

1823

* * *

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.

1824

А. А. БЕСТУЖЕВУ

⟨*Посвящение из поэмы «Войнаровский»*⟩

Как странник грустный, одинокой,
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой.
Уж к людям холод ненавистный
Приметно в душу проникал,
И я в безумии дерзал
Не верить дружбе бескорыстной.
Незапно ты явился мне:
Повязка с глаз моих упала;
Я разуверился вполне,
И вновь в небесной вышине
Звезда надежды засияла.

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства,—
Я не Поэт, а Гражданин.

1825

К. Ф. РЫЛЕЕВ
И
А. А. БЕСТУЖЕВ

АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ

* * *

Ах, где те острова,
Где растет трынь-трава,
Братцы!

Где читают Pucelle,
И летят под постель
Святцы.

Где Бестужев-драгун
Не дает карачун
Смыслу.

Где наш князь-чудодей
Не бросает людей
В Вислу.

Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты.

Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты.

Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно.

Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно.

Где Сперанский попов
Обдает, как клопов,
Варом.

Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.

1822 или 1823

* * *

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.

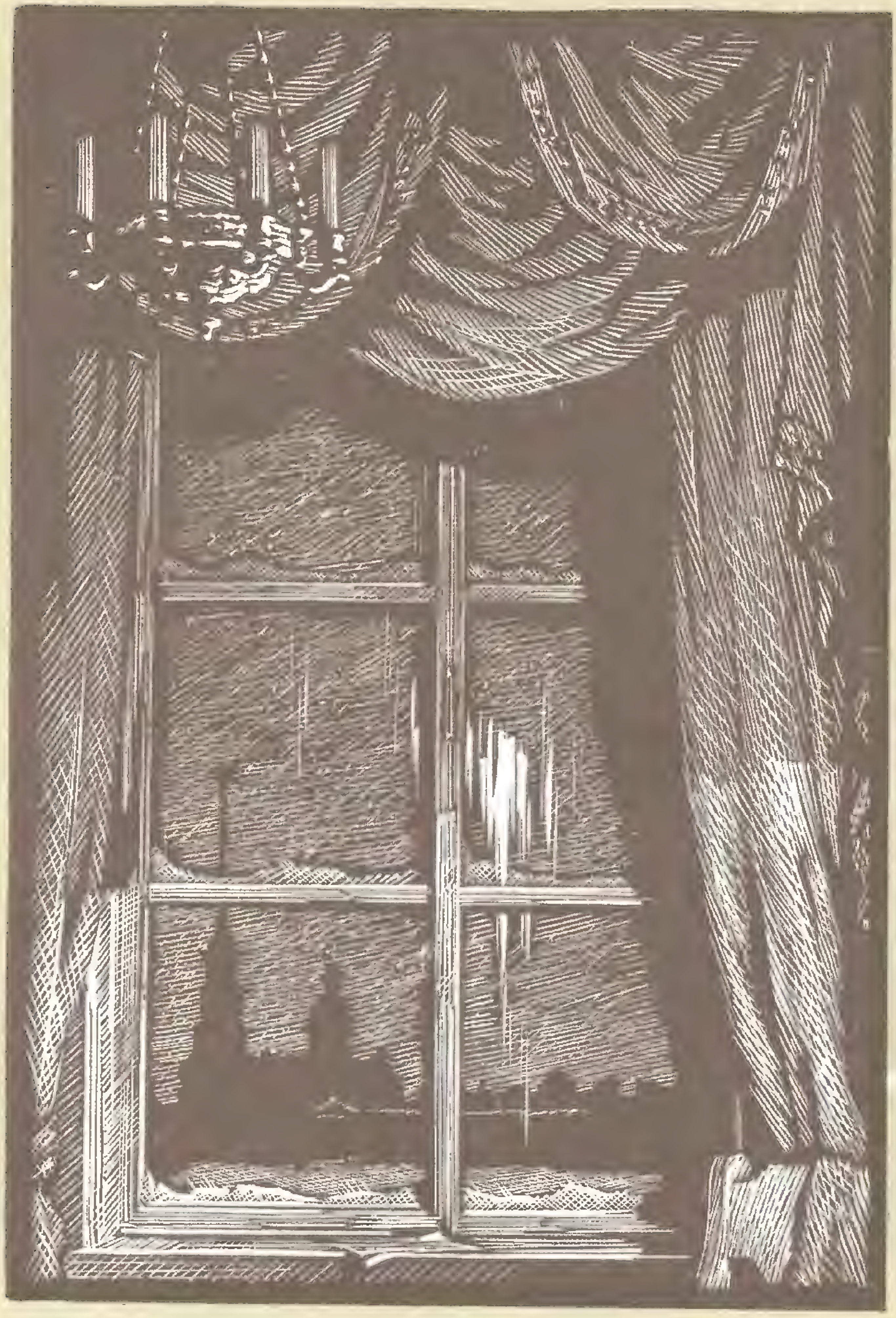
Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.

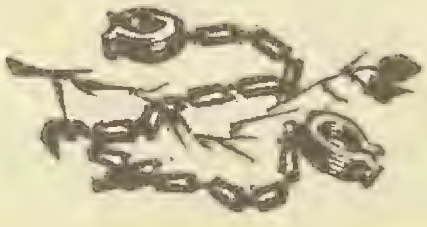
А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.

Как курносый злодей
Воцарился по ней.
Горе!

Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре.

Между 1822 и 1825





* * *

Ах, тошно мне
И в родной стороне:
Всё в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?

По две шкуры с нас дерут,
Мы посеем — они жнут,
И свобода
У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то,
И в приволье,
На раздолье
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.

Бара с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам да судам

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде,

Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу —
Ты за всё про всё давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша:
Заседатель,
Председатель,
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь:
То дороги,
То налоги
Разорили нас вконец.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет,
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!

А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

⟨1824⟩

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

К АХАТЕСУ

Ахáтес, Ахáтес! ты слышишь ли глас,
Зовущий на битву, на подвиги нас? —
Мой пламенный юноша, вспрянь!
О друг,— полетим на священную брань!

Кипит в наших жилах веселая кровь,
К бессмертью, к свободе пылает любовь,
Мы смелы, мы молоды: нам
Лететь к Марафонским, святым знаменáм!

Нет! нет! — не останусь в убийственном сне,
В бесчестной, глухой, гробовой тишине;
Так! ждет меня сладостный бой —
И если паду, я паду как герой.

И в вольность и в славу, как я, ты влюблен,
Навеки со мною душой сопряжен!
Мы вместе помчимся туда,
Туда, где восходит свободы звезда!

Огонь запылал в возвышéнных сердцах;
Эллада бросает оковы во прах!
Ахáтес! нас предки зовут —
О, скоро ль начнем мы божественный труд!

Мы прéзрим и негу, и роскошь, и лень.
Настанет для нас тот торжественный день,
Когда за отчизну наш меч
Впервые возблещет средь радостных сеч!

Тогда, как раздастся громов перекат,
Свинец зашипит, загорится булат,—
В тот сумрачный, пламенный пир,
«Что любим свободу», поверит нам мир!

Апрель 1821, Париж; начало 1820-х годов

МОРЕ СНА

Мне ведомо море, седой океан:
Над ним беспредельный простерся туман,
Над ним лучезарный не катится щит;
Но звездочка бледная тихо горит.

И пусть океан сокровен и глубок,—
Его не трепещет отважный нырок:
В него меня манит незанятый блеск,
Таинственный шепот и сладостный плеск.

В него погружаюсь один, молчалив,
Когда настает полуночный прилив,
И чуть до груди прикоснется волна,
В больную вливается грудь тишина.

И вдруг я на береге: будто знаком!
Гляжу и вхожу в очарованный дом:
Из окон любезные лица глядят
И гласы приветные в слух мой летят.

Не милых ли сердцу я вижу друзей,
Когда-то товарищей жизни моей?
Все, все они здесь: удержать не могли
Ни рок их, ни люди, ни недра земли.

По-прежнему льется живой разговор,
По-прежнему светится дружеский взор:
При вещем сиянии райской звезды
Забыта разлука, забыты беды.

Но ах! пред зарей наступает отлив
И слышится мне неотрадный призыв...
Растаяло всё — и мерцание дня
В пустыне глухой осветило меня!

4 сентября 1832

РОДСТВО СО СТИХИЯМИ

Есть что-то знакомое, близкое мне
В пучине воздушной, в небесном огне;
Звезды полуночной таинственный свет
От духа родного несет мне привет.

Огромную слышу ли жалобу бурь,
Когда умирают и день и лазурь,
Когда завывает и ломится лес,—
Я так бы и ринулся в волны небес.

Донéльзя постылы мне тина и прах...
Мне там в золотых погулять бы парах:
Туда призывают и ветер и гром,
Перун прилетает оттуда послом.

Туман бы распутать мне в длинную нить.
Да плащ бы широкий из сизого свить,
Предаться бы вихрю несытой душой,
Средь туч бы летать под безмолвной луной!

Всё дале и дале, и путь бы простер
Я в бездну, туда — за сафирный шатер!
О! как бы нырял в океане светил!
О! как бы себя по вселенной разлил!

1 и 22 сентября 1834

19 ОКТЯБРЯ 1837 ГОДА

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В средине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушимых сил!
Блажен! лицо его всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря.

А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей.
В тот гроб бездонный, молнией сраженный,
Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять Лицея день священный;
Но уж и Пушкина меж вами нет!

Не принесет он новых песней вам,
И с них не затрепещут перси ваши;
Не выпьет с вами он заздравной чаши:
Он воспарил к заоблачным друзьям.
Он ныне с нашим Дельвигом пирует;
Он ныне с Грибоедовым моим:
По них, по них душа моя тоскует;
Я жадно руки простираю к ним!

Пора и мне! — Давно судьба грозит
Мне казней нестерпимого удара:
Она меня того лишает дара,
С которым дух мой неразлучно слит!
Так! перенес я годы заточенья,
Изгнание, и срам, и сиротство;
Но под щитом святого вдохновенья,
Но здесь во мне пылало божество!

Теперь пора! — Не пламень, не перун
Меня убил; нет, вязну средь болота,
Горою давят нужды и забота,
И я отвык от позабытых струн.
Мне ангел песней рай в темнице душной
Когда-то созидал из снов златых;
Но без него не труп ли я бездушный
Средь трупов столь же хладных и немых?

19 октября 1838

УЧАСТЬ РУССКИХ ПОЭТОВ

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула петля дерзостную выю.

Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщенные мечтою,
Пожалися годиной роковою...
Бог дал огонь их сердцу, свет уму,
Да! чувства в них восторженны и пылки,—
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...

Или болезнь наводит ночь и мглу
На очи прозорливцев вдохновенных,
Или рука любовников презренных
Шлет пулю их священному челу;

Или же бунт поднимет чернь глухую,
И чернь того на части разорвет,
Чей блещущий перунами полет
Сияньем облил бы страну родную.

28 октября 1845

А. И. ОДОЕВСКИЙ

БАЛ

Открылся бал. Кружась, летели
Четы младые за четой;
Одежды роскошью блестели,
А лица — свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся
И, жаркую склоня главу,
К окну в раздумье прислонился
И загляделся на Неву.
Она покоилась, дремала
В своих гранитных берегах,
И в тихих, сребряных водах
Луна, купаясь, трепетала.
Стоял я долго. Зал гремел...
Вдруг без размера полетел
За звуком звук. Я оглянулся,
Вперил глаза; весь содрогнулся;
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул... Весь огромный зал
Был полон остовов... Четами
Сплетясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота —
С костей их — все покровы спали.
Одно осталось: их уста,
Как прежде, всё еще смеялись;
Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.

Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались...
Плясало сборище костей.

1825

* * *

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И — лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

Конец 1828 или начало 1829 (?)
Чита

ЭЛЕГИЯ

Что вы печальны, дети снов,
Летучей жизни привиденья?
Как хороводы облаков,
С небес, по воле дуновенья,
Летят и тают в вышине,
Следов нигде не оставляя,

Равно в подоблачной стране
Неслися вы!.. Едва мелькая,
Едва касаяся земли,
Вы мира мрачные печали,
Все бури сердца миновали
И безыменно протекли.
Вы и пылинки за собою
В теченье дней не увлекли
И безотчетною стопою,
Пути взметая легкий прах,
Следов не врезали в граните
И не оставили в сердцах.
Зачем же вы назад глядите
На путь пройденный? Нет для вас
Ни горьких дум, ни утешений;
Минула жизнь без потрясений,
Огонь без пламени погас.

Кто был рожден для вдохновений
И мир в себе очаровал,
Но с юных лет пил желчь мучений
И в гробе заживо лежал;
Кто ядом облит был холодным
И с разрушительной тоской
Еще пылал огнем бесплодным,
И порывался в мир душой,
Но порывался из могилы...
Тот жил! Он духом был борец:
Он, искусив все жизни силы,
Стяжал страдальческий венец;
Он может бросить взор обратный
И на минувший, темный путь
С улыбкой горькою взглянуть.

Кто жаждал жизни всеобъятной,
Но чей стеснительный обзор
Был ограничен цепью гор,
Темницей вкруг его темницы;
Кто жаждал снов, как ждут друзей,
И проклинал восход денницы,
Когда от розовых лучей
Виденья легкие ночей
Толпой воздушной улетали,
И он темницу озирал
И к ним объятья простирал,
К сим утешителям печали;

Кто с миром связь еще хранил,
Но не на радость, а мученье,
Чтобы из света в заточенье
Любимый голос доходил,
Как по умершим стон прощальный,—
Чтобы утратам слух внимал
И отзыв песни погребальной
В тюрьму свободно проникал;
Кто прелесть всю воспоминаний,
Святыню чувства, мир мечтаний,
Порывы всех душевных сил,
Всю жизнь в любимом взоре слил,
И, небесам во всем покорный,
Просил в молитвах одного:
От друга вести животворной;
И кто узнал, что нет его —
Тот мог спросить у провиденья,
Зачем земли он путник был,
И ангел смерти и забвенья,
Крылом сметая поколенья,
Его коснуться позабыл?

Зачем мучительною тайной
Непостижимый жизни путь
Волнует трепетную грудь?
Как званый гость, или случайный,
Пришел он в этот чудный мир,
Где скудно сердца наслажденье
И скорби с радостью смешенье
Томит, как похоронный пир;
Где нас объемлет разрушенье,
Где колыбель — могилы дань,
Развалин цепь — поля и горы;
Где вдохновительные взоры
И уст пленительная ткань
Из гроба в гроб переходили,
Из тлена в жизнь, из жизни в тлен,
И в постепенности времен
Образовалися из пыли
Погибших тысячи племен.—
Как тени, исчезают лица
В тебе, обширная гробница!

Но вечен род! Едва слетят
Потомков новых поколенья,
Иные звенья заменят

Из цепи выпавшие звенья;
Младенцы снова расцветут,
Вновь закипит младое племя,
И до могилы жизни бремя,
Как дар без цели, донесут
И сбросят путники земные...
Без цели!.. Кто мне даст ответ?
Но в нас порывы есть святые,
И чувства жар, и мыслей свет,
Высоких мыслей достоянье!..
В лазурь небес восходит зданье:
Оно незримо, каждый день,
Трудами возрастает века;
Но со ступени на ступень
Века возводят человека.

1829
Чита

* * *

Куда несетесь вы, крылатые станицы?
В страну ль, где на горах шумит лавровый лес,
Где реют радостно могучие орлицы
И тонут в синеве пылающих небес?
И мы — на Юг! Туда, где яхонт неба рдеет
И где гнездо из роз себе природа вьет,
И нас, и нас далекий путь влечет...
Но солнце там души не отогреет
И свежий мирт чела не обовьет.

Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не Севера угрюмая сосна,
А южный кипарис своей покроет тенью?
И что не мерзлый ров, не снеговой увал
Нас мирно подарят последним новосельем;
Но кровью жаркою обрызганный чакал
Гостей бездомный прах разбросит по ущельям.

Октябрь — декабрь (?) 1837

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

(В 1817-м году)

Пусть нежный баловень полуденной природы,
Где тень душистее, красноречивей воды,
Улыбку первую приветствует весны!
Сын пасмурных небес полуночной страны,
Обыкший к свисту вьюг и реву непогоды,
Приветствую душой и песнью первый снег.
С какою радостью нетерпеливым взглядом
Волнующихся туч ловлю мятежный бег,
Когда с небес они на землю веют хладом!
Вчера еще стенал над онемевшим садом
Ветр скучной осени, и влажные пары
Стояли над челом угрюмыя горы
Иль мглой волнистою клубилися над бором.
Унынье томное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг.
Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг.
Пугалище дриад, приют крикливых вранов,
Ветвями голыми махая, древний дуб
Чернел в лесу пустом, как обнаженный труп,
И воды тусклые, под пеленой туманов,
Дремали мертвым сном в безмолвных берегах.
Природа бледная, с унылостью в чертах,
Поражена была томлением кончины.
Сегодня новый вид окрестность приняла,
Как быстрым манием чудесного жезла;
Лазурью светлою горят небес вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины,

И ярким бисером усеяны поля.
На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.
Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной сосне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на своде голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдистыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.
Забавы ожили; пренебрегая страх,
Сбежались смельчаки с брегов толпой игривой
И, празднуя зимы ожиданный возврат,
По льду свистящему кружатся и скользят.
Там ловчих полк готов; их взор нетерпеливый
Допрашивает след добычи торопливой,—
На бегство робкого нескромный снег донес;
С неволи спущенный за жертвой хищный пес
Вверяется стремглав предательскому следу,
И довершает нож кровавую победу.
Покинем, милый друг, темницы мрачный кров!
Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
И соболь на тебе чернеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы,
И лилия свежей белеет на челе.
Как лучшая весна, как лучшей жизни младость,
Ты улыбаешься утешенной земле,
О, пламенный восторг! В душе блеснула радость,
Как искры яркие на снежном хрустале.
Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладость!
Кто в тесноте саней с красавицей младой,
Ревнивых не боясь, сидел нога с ногой,
Жал руку, нежную в самом сопротивленье,
И в сердце девственном впервой любви смятенья,
И думу первую, и первый вздох зажег,
В победе сей других побед прияв залог.
Кто может выразить счастливцев упоенье?
Как вьюга легкая, их окриленный бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,
Сребристой пылию окидывает их.

Стеснилось время им в один крылатый миг.
По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!
Напрасно прихотям вверяется различным;
Вдаль увлекаема желаньем безграничным,
Пристанища себе она нигде не зрит.
Счастливые лета! Пора тоски сердечной!
Но что я говорю? Единый беглый день,
Как сон обманчивый, как привиденья тень,
Мелькнув, уносишь ты обман бесчеловечный!
И самая любовь, нам изменив, как ты,
Приводит к опыту безжалостным уроком
И, чувства истощив, на сердце одиноком
Нам оставляет след угаснувшей мечты.
Но в памяти души живут души утраты.
Воспоминание, как чародей богатый,
Из пепла хладного минувшее зовет
И глас умолкшему и праху жизнь дает.
Пусть на омытые луга росой денницы
Красивая весна бросает из кошницы
Душистую лазурь и свежий блеск цветов;
Пусть, растворяя лес очарованьем нежным,
Влечет любовников под кровом безмятежным
Предаться тихому волшебству сладких снов! —
Не изменю тебе воспоминаньем тайным,
Весны роскошныя смиренная сестра,
О сердца моего любимая пора!
С тоскою прежнею, с волненьем обычайным,
Клянусь платить тебе признательную дань;
Всегда приветствовать тебя сердечной думой,
О первенец зимы, блестящей и угрюмой!
Снег первый, наших нив о девственная ткань!

Ноябрь 1819

УНЫНИЕ

Уныние! вернейший друг души!
С которым я делю печаль и радость,
Ты легким сумраком мою одело младость,
И расцвела весна моя в тиши.

Я счастье знал, но молнией мгновенной
Оно означило туманный небосклон,

Его лишь взвидел взор, блистаньем ослепленный,
Я не жалел о нем: не к счастью я рожден.

В душе моей раздался голос славы:
Откликнулась душа волненьям на призыв;
Но, силы испытав, я дум смирил порыв,
И замерли в душе надежды величавы.

Не оправдала ты честолюбивых снов,
О слава! Ты надежд моих отвергла клятву,
Когда я уповал пожать бессмертья жатву
И яркою браздой прорезать мглу веков!

Кумир горящих душ! меня не допустила
Судьба переступить чрез твой священный праг,
И, мой пожравшая уединенный прах,
Забвеньем зарастет безмолвная могила.

Но слава не вотще мне голос подала!
Она вдохнула мне свободную отвагу,
Святую ненависть к бесчестному зажгла —
И чистую любовь к изящному и благу.

Болтливыя молвы не требуя похвал,
Я подвиг бытия означил тесным кругом;
Пред алтарем души в смиреньи клятву дал
Тирану быть врагом и жертве верным другом.

С улыбкою любви, в венках из свежих роз,
На пир роскошества влекли меня забавы;
Но сколько в нектар их я пролил горьких слез,
И чаша радости была сосуд отравы.

Унынье! всё с тобой крепило мой союз;
Неверность льстивых благ была мне поученьем;
Ты сблизило меня с полезным размышленьем
И привело под сень миролюбивых муз.

Сопутник твой, сердечных ран целитель,
Труд, благодатный труд их муки усыпил.
Прошедшего — веселый искупитель!
Живой источник новых сил!

Всё изменило мне! ты будь не безответен!
С утраченным мое грядущее слилось;
Грядущее со мною разочлось,
И новый иск на нем мой был бы тщетен.

Сокровищницу бытия
Я истощил в одном незрелом ощущеньи,
Небес изящное наследство прожил я
В неполном шумном наслажденьи.

Наследство благ земных холодным оком зрю.
Пойду ль на поприще позорных состязаний
Толпы презрительной соперником, в бою
Оспоривать успех, цель низких упований?

В победе чести нет, когда бесчестен бой.
Раскройте новый круг, бойцов сзовите новых,
Пусть лавр, не тронутый корыстною рукой,
Пусть мета высшая самих венков лавровых

Усердью чистому явит достойный дар!
И честолюбие, источник дел высоких,
Когда не возмущен грозой страстей жестоких,
Вновь пламенной струей прольет по мне свой жар.

Но скройся от меня, с коварным обольщеньем,
Надежд несбыточных испытанный обман!
Почто тревожишь ум бесплодным сожаленьем
И разжигаешь ты тоску заснувших ран?

Унынье! с коим я делю печаль и радость,
Единый друг обманутой души,
Под сумраком твоим моя угасла младость,
Пускай и полдень мой прокрадется в тиши.

1819

НЕГОДОВАНИЕ

К чему мне вымыслы? к чему мечтанья мне
И нектар сладких упоений?
Я раннее прости сказал младой весне,
Весне надежд и заблуждений!
Не осушив его, фиал волшебств разбил;
При первых встречах жизнь в обманах обличил
И призраки принес в дань истине угрюмой;
Очарованья цвет в руках моих поблек,
И я сорвал с чела, наморщенного думой,
Бездушных радостей венок.

Но, льстивых лжебогов разоблачив кумиры,
Я правде посвятил свой пламенный восторг;
Не раз из непреклонной лиры
Он голос мужества исторг.
Мой Аполлон — негодованье!
При пламени его с свободных уст моих
Падет бесчестное молчанье
И загорится смелый стих.
Негодование! огонь животворящий!
Зародыш лучшего, что я в себе храню,
Встревоженный тобой, от сна встаю
И, благородною отвагою кипящий,
В волненьи бодром познаю
Могущество души и цену бытию.
Всех помыслов моих виновник и свидетель,
Ты от немой меня бесчувственности спас;
В молчаньи всех страстей меня твой будит глас:
Ты мне и жизнь и добродетель!
Поклонник истины в лета,
Когда мечты еще приятны,—
Взывали к ней мольбой и сердце и уста,
Но ветер разносил мой глас, толпе невнятный.
Под знаменем ее владычествует ложь;
Насильством прихоти потоптаны уставы;
С ругательным челом бесчеловечной славы
Бесстыдство председит в собрании вельмож.
Отцов народов зрел господствующих страхом,
Советницей владык — губительную лесть;
Печальную главу посыпав скорбным прахом,
Я зрел: изгнанницей поруганную честь,
Доступным торжищем — святыню правосудья,
Служенье истине — коварства торжеством,
Законы, правоты священные орудья,
Щитом могучему и слабому ярмом.
Зрел промышляющих спасительным глаголом,
Ханжей, торгующих учением святым,
В забвеньи бога душ — одним земным престолам
Кадящих трепетно, одним богам земным.
Хранители казны народной,
На правый суд сберитесь вы;
Ответствуйте: где дань отчаянной вдовы?
Где подать сироты голодной?
Корыстною рукой заграбил их разврат.
Презрев укор людей, забыв небес угрозы,
Испили жадно вы средь пиршеских прохлад
Кровавый пот труда и нищенские слезы;

На хищный ваш алтарь в усердии слепом
Народ имущество и жизнь свою приносит;
Став ваших прихотей угодливым рабом,
Отечество от чад вам в жертву жертвы просит.
Но что вам? Голосом алкающих страстей
Месть вопиющую вы дерзко заглушили;
От стрел раскаянья златым щитом честей
Ожесточенную вы совесть оградили.
Дни ваши без докук и ночи без тревог.
Твердыней, правде неприступной,
Надменно к облакам вознесся ваш чертог,
И непорочность, зря дней ваших блеск преступный,
Смущаясь, говорит: «Где ж он? где ж казни бог?
Где ж судия необольстимый?
Что ж медлит он земле суд истины изречь?
Когда ж в руке его заблещет ярый меч
И поразит порок удар неотразимый?»
Здесь у подножья алтаря,
Там у престола в вышнем сане
Я вижу подданных царя,
Но где ж отечества граждане?
Для вас отечество — дворец,
Слепые властолюбья слуги!
Уступки совести — заслуги!
Взор власти — всех заслуг венец!
Нет! нет! не при твоем, отечество! зерцале
На жизнь и смерть они произнесли обет:
Нет слез в них для твоих печалей,
Нет песней для твоих побед!
Им слава предков без преданий,
Им нем заветный гроб отцов!
И колыбель твоих сынов
Им не святыня упований!
Ищу я искренних жрецов
Свободы, сильных душ кумира —
Обширная темница мира
Являет мне одних рабов.
О ты, которая из детства
Зажгла во мне священный жар,
При коей сносны жизни бедства,
Без коей счастье — тщетный дар,
Свобода! пылким вдохновеньем,
Я первый русским песнопеньем
Тебя приветствовать дерзал;
И звучным строем песней новых
Будил молчанье скал суровых

И слух ничтожных устрашал.
В век лучший вознесясь от мрачной сей юдоли,
Свидетель нерожденных лет —
Свободу пел одну на языке неволи,
В оковах был я, твой поэт!
Познают песнь мою потомки!
Ты свят мне был, язык богов!
И лиры гордые обломки
Переживут венцы льстецов!
Но где же чистое горит твое светило?
Здесь плавает оно в кровавых облаках,
Там бедственным его туманом обложило,
И светится едва в мерцающих лучах.
Там нож преступный изуверства
Алтарь твой девственный багрит;
Порок с улыбкой дикой зверства
Тебя злодействами честит.
Здесь власть в дремоте закоснелой,
Даров небесных лютый бич,
Грозит цепьми и мысли смелой,
Тебя дерзающей постичь.
Здесь стадо робкое ничтожных
Витии поучений ложных
Пугают именем твоим;
И твой сообщник — просвещенье
С тобой, в их наглом ослепленье,
Одной секирою разим.
Там хищного господства страсти
Последнею уловкой власти
Союз твой гласно признают;
Но под щитом твоим священным
Во тьме народам обольщенным
Неволи хитрой цепь куют.
Свобода! о младая дева!
Посланница благих богов!
Ты победишь упорство гнева
Твоих неистовых врагов.
Ты разорвешь рукой могущей
Насильства бедственный устав
И на досках судьбы грядущей
Снесешь нам книгу вечных прав,
Союз между граждан и троном,
Вдохнешь в царей ко благу страсть,
Невинность примиришь с законом,
С любовью подданного власть.
Ты снимешь роковую клятву

С чела, поникшего к земле,
И пахарю осветишь жатву,
Темнеющую в рабской мгле.
Твой глас, будитель изобилья,
Нагие степи утучнит,
Промышленность распустит крылья
И жизнь в пустыне водворит;
Невежество, всех бед виновник,
Исчезнет от твоих лучей,
Как ночи сумрачный любовник
При блеске утренних огней.
Он загорится, день, день торжества и казни,
День радостных надежд, день горестной боязни!
Раздастся песнь побед, вам, истины жрецы,
Вам, други чести и свободы!
Вам плач надгробный! вам, отступники природы!
Вам, притеснители! вам, низкие льстецы!
Но мне ли медлить? Грязную их братью
Карающим стихом я ныне поражу;
На их главу клеймо презренья положу
И обреку проклятью.
Пусть правды мстительный Перун
На терпеливом небе дремлет,
Но мужественный строй моих свободных струн
Их совесть ужасом объемлет.
Пот хладный страха и стыда
Пробьет на их челе угрюмом,
И честь их распадется с шумом
При гласе правого суда.
Страж пепла их, моя недремлющая злоба
Их поглотивший мрак забвенья разорвет
И, гневною рукой из недр исхитив гроба,
Ко славе бедственной их память прикует.

Ноябрь 1820

РУССКИЙ БОГ

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.

Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций — тараканьих штабов,
Вот он, вот он русский бог.

Бог голодных, бог холодных
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он русский бог.

Бог грудей и 〈...〉 отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вот он, вот он русский бог.

Бог наливок, бог рассолов,
Душ, представленных в залог,
Бригадирш обоих полов,
Вот он, вот он русский бог.

Бог всех с анненской на шеях,
Бог дворовых без сапог,
Бар в санях при двух лакеях,
Вот он, вот он русский бог.

К глупым полон благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,
Вот он, вот он русский бог.

Бог всего, что из границы,
Не к лицу, не под итог,
Бог по ужине горчицы,
Вот он, вот он русский бог.

Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он русский бог.

1828

К СТАРОМУ ГУСАРУ

Эй да служба! эй да дядя!
Распотешил старина!
На тебя, гусар мой, глядя,
Сердце вспыхнуло до дна.

Молодые ночи наши
Разгорелись в ярких снах;
Будто пиршеские чаши
Снова сохнут на губах.

Будто мы не устарели —
Вьется локон вновь в кольцо;
Будто дружеской артели
Все ребята налицо.

Про вино ли, про свой ус ли,
Или прочие грехи
Речь заводишь — словно гусли,
Разыграются стихи.

Так и скачут, так и льются,
Крупно, звонко, горячо,
Кровь кипит, ушки смеются,
И задергало плечо.

Подмывает, как волною.
Душу грешника прости!
Подпоясавшись, с тобою
Гаркнуть, топнуть и пройти.

Черт ли в *тайнах идеала*,
В *романтизме* и *луне* —
Как усатый запевала
Запоет о старине.

Буйно рвется стих твой пылкий,
Словно пробка в потолок,
Иль *Моэта* из бутылки
Брызжет хладный кипяток!

С одного хмельного духа
Закружится голова,
И мерещится старуха,
Наша сверстница Москва.

Не Москва, что ныне чинно
В шапке, в теплых сапогах,
Убивает дни *невинно*
На воде и на водах,—

Но Двенадцатого года
Веселая голова,
Как сбиралась непогода,
А ей было трын-трава!

Но пятнадцатого года,
В шумных кликах торжества,
Свой пожар и блеск похода
Запивавшая Москва!

Весь тот мир, вся эта шайка
Беззаботных молодцов
Ожили, мой ворожайка!
От твоих волшебных слов.

Силой чар и зелий тайных
Ты из старого кремня
Высек несколько случайных
Искр остывшего огня.

Бью челом, спасибо, дядя!
Спой еще когда-нибудь,
Чтобы мне, тебе подладя,
Стариной опять тряхнуть.

1832

ДОРОЖНАЯ ДУМА

Колокольчик, замотайся,
Зазвени-ка, загуди!
Пыль, волнуйся, подымайся!
Что-то будет впереди!

Не сидится мне на месте;
Спертый воздух давит грудь:
Как жених спешит к невесте,
Я спешу куда-нибудь!

Даль — невеста под фатою!
Даль — таинственная даль!
Сочетаешься с тобою —
И в жене невесты жаль!

⟨1833⟩

ЕЩЕ ТРОЙКА

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон.
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник? и отколе,
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной,
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нем ретиво рвется
В путь обратный или вдаль?

Встречи ль ждет он не дождется,
Иль покинутого жаль?

Ждет ли перстень обручальный?
Ждут ли путника пиры
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? уж он далеко!
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

⟨1834⟩

Я ПЕРЕЖИЛ

Я пережил и многое, и многих,
И многому изведал цену я;
Теперь влачусь в одних пределах строгих
Известного размера бытия.
Мой горизонт и сумрачен, и близок,
И с каждым днем всё ближе и темней.
Усталых дум моих полет стал низок,
И мир души безлюдней и бедней.
Не заношусь вперед мечтою жадной,
Надежды глас замолк,— и на пути,
Протоптанном действительностью хладной,
Уж новых мне следов не провести.
Как ни тяжел мне был мой век суровый,
Хоть житницы моей запас и мал,
Но ждать ли мне безумно жатвы новой,
Когда уж снег из зимних туч напал?
По бороздам серпом пожатой пашни
Найдешь еще, быть может, жизни след;
Во мне найдешь, быть может, след вчерашний,—
Но ничего уж завтрашнего нет.
Жизнь разочлась со мной; она не в силах
Мне то отдать, что у меня взяла,
И что земля в глухих своих могилах
Безжалостно навеки погребла.

⟨1837⟩

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

После зноя тихо дремлет
Прохлажденная земля;
Не такая ль ночь объемлет
Елисейские поля!
Тени легкие, мелькая,
В светлом сумраке скользят,
Ночи робко доверяя
То, что дню не говорят.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Блещут свежестью сапфирной
Небо, воздух и Нева,
И, купаясь в влаге мирной,
Зеленеют острова.
Вёсел мерные удары
Раздаются на реке
И созвучьями гитары
Замирают вдалеке.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Как над ложем новобрачной
Притаившиеся сны,
Так в ночи полупрозрачной
Гаснут звезды с вышины!

Созерцанья и покоя
Благодатные часы!
Мирной ночи с днем без зноя
Чудом слитые красы!

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Чистой неги, сладкой муки
Грудь таинственно полна.
Чу! волшебной песни звуки
Вылетают из окна.
Пой, красавица певица!
Пой, залетный соловей,
Сладкозвучная царица
Поэтических ночей!

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

⟨1840⟩

ДРУЗЬЯМ

Я пью за здоровье не многих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней.

Я пью за здоровье далеких,
Далеких, но милых друзей,
Друзей, как и я, одиноких
Средь чуждых сердцам их людей.

В мой кубок с вином льются слезы,
Но сладок и чист их поток;

Так, с алыми — черные розы
Вплелись в мой застольный венок.

Мой кубок за здравье не многих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней;

За здравье и ближних далеких,
Далеких, но сердцу родных,
И в память друзей одиноких,
Почивших в могилах немых.

⟨1862⟩

* * *

Все сверстники мои давно уж на покое,
И младшие давно сошли уж на покой;
Зачем же я один несу ярмо земное,
Забытый каторжник на каторге земной?

Не я ли искупил ценой страданий многих
Всё, чем пред промыслом я быть виновным мог?
Иль только для меня своих законов строгих
Не властен отменить злопамятливый бог?

12 июня 1872,
Царское Село

ОСЕНЬ

Кокетничает осень с нами:
Красавица на западе своем
Последней ласкою, последними дарами
Приманивает нас нежнее с каждым днем.

И вот я, волокита старый,
Люблю ухаживать за ней
И жадно допивать, за каплей каплю, чары
Прельстительной волшебницы моей.

Всё в ней мне нравится: и пестрота наряда,
И бархат, и парча, и золота струя,
И яхонт, и янтарь, и гроздья винограда,
Которыми она обвешала себя.

И тем дороже мне, чем ближе их утрата,
Еще душистее цветы ее венка,
И в светлом зареве прекрасного заката
Сил угасающих и нега и тоска.

Октябрь 1874,
Гамбург

ИЗ СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ: «ХАНДРА С ПРОБЛЕСКАМИ»

1

Пью по ночам хлорал запоем,
Привыкший к яду Митридат,
Чтоб усладить себя покоем
И сном, хоть взятым напрокат.

Мне в тягость жить; хочу забыться,
Хочу не знать, что я живу,
Хочу от жизни отрешиться
И от всего, что наяву.

Ничтожества сон непробудный!
Затишье по тревожном дне!
Возмездьем будь за подвиг трудный,
За жизнь, столь тягостную мне.

1876

4

ЗАГАДКА

Меня за книгу засадили,
С трудом читается она:
В ней смесь и вымысла, и были,
Плох вымысел и быль скучна.

Как много в книге опечаток!
Как много непонятных мест!
Сил и охоты недостаток
Читать ее в один присест.

Пред догорающей лампадой
И в ожиданьи темноты
Читаю с грустью и досадой
Ее последние листы.

Всё это опыт, уверяют,
Терпенье надобно иметь,
И в ободренье обещают,
Что будет *продолженье впредь.*

Благодарю! С меня довольно!
Так надоел мне первый том,
Что мне вперед и думать больно,
Что вновь засяду на втором.

1876

* * *

Жизнь наша в старости — изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль оставить;
Мы с ним давно сжились, давно, как с братом брат;
Нельзя нас починить и заново исправить.

Как мы состарились, состарился и он;
В лохмотьях наша жизнь, и он в лохмотьях тоже,
Чернилами он весь расписан, окроплен,
Но эти пятна нам узоров всех дороже;

В них отпрыски пера, которому во дни
Мы светлой радости иль облачной печали
Свои все помыслы, все таинства свои,
Всю исповедь, всю быль свою передавали.

На жизни также есть минувшего следы:
Записаны на ней и жалобы, и пени,
И на нее легла тень скорби и беды,
Но прелесть грустная таится в этой тени.

В ней есть предания, в ней отзыв наш родной
Сердечной памятью еще живет в утрате,
И утро свежее, и полдня блеск и зной
Припоминаем мы и при дневном закате.

Еще люблю подчас жизнь старую свою
С ее ущербами и грустным поворотом,
И, как боец свой плащ, простреленный в бою,
Я холю свой халат с любовью и почетом.

Между 1875 и 1877

* * *

В воспоминаниях ищу я вдохновенья,
Одною памятью живу я наизусть,
И радости мои не чужды сожаленья,
И мне отрадою моя бывает грусть.

Жизнь мысли в нынешнем; а сердца жизнь в минувшем.
Средь битвы я один из братьев уцелел:
Кругом умолкнул бой, и на поле уснувшем
Я занят набожно прибраньем братских тел.

Хоть мертвые, но мне они живые братья:
Их жизнь во мне, их дней я пасмурный закат.
И ждут они, чтоб в их загробные объятья
Припал их старый друг, их запоздавший брат.

1877

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

РАЗЛУКА

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

⟨1820⟩

ФИНЛЯНДИЯ

В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
 Земли ледяного венца
 Богатыри сторожевые.
Он с лирой между вас. Поклон его, поклон
 Громадам, миру современным;
 Подобно им, да будет он
 Во все годины неизменным!

Как всё вокруг меня пленяет чудно взор!
 Там необъятными водами
 Слилося море с небесами;
Тут с каменной горы к нему дремучий бор
 Сошел тяжелыми стопами,

Сошел — и смотрится в зерцале гладких вод!
Уж поздно, день погас; но ясен неба свод,
На скалы финские без мрака ночь нисходит,
И только что себе в убор
Алмазных звезд ненужный хор
На небосклон она выводит!
Так вот отечество Оди́новых детей,
Грозы народов отдаленных!
Так это колыбель их беспокойных дней,
Разбоям громким посвященных!

Умолк призывный щит, не слышен скальда глас,
Воспламененный дуб угас,
Развеял буйный ветр торжественные клики;
Сыны не ведают о подвигах отцов;
И в дольном прахе их богов
Лежат низверженные лики!

И всё вокруг меня в глубокой тишине!
О вы, носившие от брега к брегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Ваш след исчез в родной стране.
Вы ль, на скалы ее вперив скорбящи очи,
Плывете в облаках туманною толпой?
Вы ль? дайте мне ответ, услышьте голос мой,
Зовущий к вам среди молчанья ночи.
Сыны могучие сих грозных, вечных скал!
Как отделились вы от каменной отчизны?
Зачем печальны вы? зачем я прочитал
На лицах сумрачных улыбку укоризны?
И вы сокрылися в обители теней!
И ваши имена не пощадило время!
Что ж наши подвиги, что слава наших дней,
Что наше ветреное племя?
О, всё своей чредой исчезнет в бездне лет!
Для всех один закон, закон уничтоженья,
Во всем мне слышится таинственный привет
Обетованного забвенья!

Но я, в безвестности, для жизни жизнь любя,
Я, беззаботливый душою,
Вострепещу ль перед судьбою?
Не вечный для времен, я вечен для себя:
Не одному ль воображенью
Гроза их что-то говорит?

Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью!
Что нужды до былых иль будущих племен?
Я не для них бренчу незвонкими струнами;
Я, невнимаемый, довольно награжден
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

1820

РОДИНА

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы!
Пускай другие чтут приличия законы;
Пускай другие чтут ревнивый суд невежд;
Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу испытаний,
Не призрак счастия, но счастье нужно мне.
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой.
О дом отеческий! о край, всегда любимый!
Родные небеса! незвучный голос мой
В стихах задумчивых вас пел в стране чужой,
Вы мне повеете спокойствием и счастьем.
Как в пристани пловец, испытанный ненастьем,
С улыбкой слушает, над бездною воссев,
И бури грозный свист и волн мятежный рев,
Так, небо не моля о почестях и злате,
Спокойный домосед в моей безвестной хате,
Укрывшись от толпы взыскательных судей,
В кругу друзей своих, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света.
Нет, нет, не отменю священного обета!
Пускай летит к шатрам бестрепетный герой;
Пускай кровавых битв любовник молодой
С волненьем учится, губя часы златые,
Науке размерять окопы боевые —
Я с детства полюбил сладчайшие труды.
Прилежный, мирный плуг, взрывающий бразды,
Почтеннее меча; полезный в скромной доле,
Хочу возделывать отеческое поле.
Оратай, ветхих дней достигший над сохой,

В заботах сладостных наставник будет мой;
Мне дряхлого отца сыны трудолюбивы
Помогут утучнять наследственные нивы.
А ты, мой старый друг, мой верный доброхот,
Усердный пестун мой, ты, первый огород
На отческих полях разведший в дни былые!
Ты поведешь меня в сады свои густые,
Деревьев и цветов расскажешь имена;
Я сам, когда с небес роскошная весна
Повеет негою воскреснувшей природе,
С тяжелым заступом явлюся в огороде;
Приду с тобой садить коренья и цветы.
О подвиг благостный! не тщетен будешь ты:
Богиня пажитей признательней Фортуны!
Для них безвестный век, для них свирель и струны;
Они доступны всем и мне за легкий труд
Плодами сочными обильно воздадут.
От гряд и заступа спешу к полям и плугу;
А там, где ручеек по бархатному лугу
Катит задумчиво пустынные струи,
В весенний ясный день я сам, друзья мои,
У брега насажу лесок уединенный,
И липу свежую, и тополь осребренный;
В тени их отдохнет мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пепел мой
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой, и мирную цевницу.

⟨1821⟩

РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верюувереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!

Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

⟨1821⟩

ВОДОПАД

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины.

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрыпучей,
И с непогодою ревучей
Твой рев мятежный соглашен.

Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный, стою
Над дымной бездною твоею,
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

1821

ЛЕТА

Душ холодных упованье,
Неприязненный ручей,
Чье докучное журчанье
Усыпляет Элизей!

Так! достоин ты укора:
Для чего в твоих водах
Погибает без разбора
Память горестей и благ?
Прочь с нещадным утешеньем!
Я минувшее люблю
И вовек утех забвеньем
Мук забвенья не куплю.

⟨1823⟩

ДВЕ ДОЛИ

Дало две доли провидение
    На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,
    Иль безнадежность и покой.

Верь тот надежде обольщающей,
    Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
    С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие!
    Летите, крылья вам даны;
Для вас и замыслы блестящие
    И сердца пламенные сны!

Но вы, судьбину испытавшие,
    Тщету утех, печали власть,
Вы, знанье бытия приявшие
    Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный;
    Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
    Своей бездейственной души.

Своим бесчувствием блаженные,
    Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
    Встают со скрежетом зубов,—

Так вы, согрев в душе желания,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

⟨1823⟩

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Желанье счастия в меня вдохнули боги;
Я требовал его от неба и земли
И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешел до полдороги,
Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливый отдыхом, на счастие похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу —
И скромно кланяюсь прохожим.

⟨1823⟩

ИСТИНА

О счастии с младенчества тоскуя,
Всё счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я
В пустыне бытия?

Младые сны от сердца отлетели,
Не узнаю я свет;
Надежд своих лишен я прежней цели,
А новой цели нет.

Безумен ты и все твои желанья —
Мне первый опыт рек;
И лучшие мечты моей созданья
Отвергнул я навек.

Но для чего души разуверенье
Свершилось не вполне?
Зачем же в ней слепое сожаленье
Живет о старине?

Так некогда обдумывал с роптаньем
Я дольний жребий свой,

Вдруг Истину (то не было мечтаньем)
Узрел перед собой.

«Светильник мой укажет путь ко счастью! —
Вещала.— Захочу —
И, страстного, отрадному бесстрастью
Тебя я научу.

Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный, разлюбишь
И ближних и друзей.

Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой».

Я трепетал, словам ее внимая,
И горестно в ответ
Промолвил ей: «О гостья роковая!
Печален твой привет.

Светильник твой — светильник погребальный
Всех радостей земных!
Твой мир, увы! могилы мир печальный
И страшен для живых.

Нет, я не твой! в твоей науке строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня, кой-как моей дорогой
Один я побреду.

Прости! иль нет: когда мое светило
Во звездной вышине
Начнет бледнеть и всё, что сердцу мило,
Забыть придется мне,

Явись тогда! раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети,
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи
Безропотно сойти».

⟨1823⟩

ПРИЗНАНИЕ

Притворной нежности не требуй от меня,
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты пра́ва, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой, и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.
Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной;
Кто знает? мнением сольюся я с толпой;
Подругу, без любви — кто знает? — изберу я.
На брак обдуманный я руку ей подам
И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим снам,
И назову ее моею;
И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевным прихотям мы воли не дадим,
Мы не сердца под брачными венцами —
Мы жребии свои соединим.
Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Невластны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

⟨1823⟩

ОПРАВДАНИЕ

Решительно печальных строк моих
Не хочешь ты ответом удостоить;
Не тронулась ты нежным чувством их
И презрела мне сердце успокоить!
Не оживу я в памяти твоей,
Не вымолю прощенья у жестокой!
Виновен я: я был неверен ей;
Нет жалости к тоске моей глубокой!
Виновен я: я славил жен других...
Так! но когда их слух предубежденный
Я обольщал игрою струн моих,
К тебе летел я думой умиленной,
Тебя я пел под именами их.
Виновен я: на балах городских,
Среди толпы, весельем оживленной,
При гуле струн, в безумном вальсе мча
То Делию, то Дафну, то Лилету
И всем троим готовый сгоряча
Произнести по страстному обету;
Касаяся душистых их кудрей
Лицом моим; объемля жадной дланью
Их стройный стан; так! в памяти моей
Уж не было подруги прежних дней,
И предан был я новому мечтанью!
Но к ним ли я любовию пылал?
Нет, милая! когда в уединеньи
Себя потом я тихо поверял,
Их находя в моем воображеньи,
Тебя одну я в сердце обретал!
Приветливых, послушных без ужимок,
Улыбчивых для шалости младой,
Из-за угла пафосских пилигримок
Я сторожил вечернею порой;
На миг один их своевольный пленник,
Я только был шалун, а не изменник.
Нет! более надменна, чем нежна,
Ты всё еще обид своих полна...
Прости ж навек! но знай, что двух виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих, в преданиях любовных.

⟨1824⟩

ЧЕРЕП

Усопший брат! кто сон твой возмутил?
Кто пренебрег святынею могильной?
В разрытый дом к тебе я нисходил,
Я в руки брал твой череп желтый, пыльный!

Еще носил волос остатки он;
Я зрел на нем ход постепенный тленья.
Ужасный вид! как сильно поражен
Им мыслящий наследник разрушенья!

Со мной толпа безумцев молодых
Над ямою безумно хохотала;
Когда б тогда, когда б в руках моих
Глава твоя внезапно провещала!

Когда б она цветущим, пылким нам
И каждый час грозимым смертным часом,
Все истины, известные гробам,
Произнесла своим бесстрастным гласом!

Что говорю? Стократно благ закон,
Молчаньем ей уста запечатлевший;
Обычай прав, усопших важный сон
Нам почитать издревле повелевший.

Живи живой, спокойно тлей мертвец!
Всесильного ничтожное созданье,
О человек! уверься наконец,
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Нам надобны и страсти, и мечты,
В них бытия условие и пища:
Не подчинишь одним законам ты
И света шум и тишину кладбища!

Природных чувств мудрец не заглушит
И от гробов ответа не получит;
Пусть радости живущим жизнь дарит,
А смерть сама их умереть научит.

⟨1824⟩

УВЕРЕНИЕ

Нет, обманула вас молва,
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.
Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца.

1824

ДОРОГА ЖИЗНИ

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас.
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми роковые
Прогоны жизни платим мы.

⟨1825⟩

ПЕСНЯ

Когда взойдет денница золотая,
        Горит эфир,
И ото сна встает, благоухая,
        Цветущий мир,
И славит всё существованья сладость;
        С душой твоей
Что в пору ту? скажи, живая радость,
        Тоска ли в ней?

Когда на дев цветущих и приветных,
        Перед тобой
Мелькающих в одеждах разноцветных,

Глядишь порой,
Глядишь и пьешь их томных взоров сладость;
С душой твоей
Что в пору ту? скажи, живая радость,
Тоска ли в ней?

Страдаю я! Из-за дубравы дальной
Взойдет заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый день любимцу счастья в сладость!
Душе моей
Противен он! что прежде было в радость,
То в муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мне долгий взор?
Обманчив он! знаком с его отравой
Я с давних пор.
Обманчив он! его живая сладость
Душе моей
Страшна теперь! что прежде было в радость,
То в муку ей.

1824—1825(?)

К***

Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал:
Не раз в чаду их мощный гений
Сном расслабленья засыпал.

Когда, доверясь их измене,
Уже готов у моды ты
Взять на венок своей Камене
Ее тафтяные цветы,—

Прости, я громко негодую;
Прости, наставник и пророк!
Я с укоризной указую
Тебе на лавровый венок.

Когда по ребрам крепко стиснут
Пегас удалым седоком,
Не горе, ежели прихлыстнут
Его критическим хлыстом.

⟨1827⟩

СТАНСЫ

Судьбой наложенные цепи
Упали с рук моих, и вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.

Степного неба свод желанный,
Степного воздуха струи,
На вас я в неге бездыханной
Остановил глаза мои.

Но мне увидеть было слаще
Лес на покате двух холмов
И скромный дом в садовой чаще —
Приют младенческих годов.

Промчалось ты, златое время!
С тех пор по свету я бродил
И наблюдал людское племя
И, наблюдая, восскорбил.

Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано;
Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?..

Я братьев знал; но сны младые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других.

Я твой, родимая дуброва!
Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришел я не один.

Привел под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах —
Мою супругу молодую
С младенцем тихим на руках.

Пускай, пускай в глуши смиренной,
С ней, милой, быт мой утая,
Других урочищей вселенной
Не буду помнить бытия.

Пускай, о свете не тоскуя,
Предав забвению людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни в любви моей.

1827

СМЕРТЬ

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболепною мечтой
Гробовый остов ей даруя,
Не ополчу ее косой.

О дочь верховного эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твое храненье всемогущий
Его устройство поручил.

И ты летаешь над твореньем,
Согласье прям его лия,
И в нем прохладным дуновеньем
Смиряя буйство бытия.

Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты, на брега свои бегущий,
Вспять возвращаешь океан.

Даешь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл гигантский лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.

А человек! Святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любострастия бежит.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоуменье, принужденье —
Условье смутных наших дней,
Ты всех загадок разрешенье,
Ты разрешенье всех цепей.

1828

* * *

Не подражай: своеобразен гений
И собственным величием велик;
Доратов ли, Шекспиров ли двойник —
Досаден ты: не любят повторений.
С Израилем певцу один закон:
Да не творит себе кумира он!
Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у Байроновых ног,
Я думаю: поклонник униженный!
Восстань, восстань и вспомни: сам ты бог!

⟨1828⟩

* * *

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок

В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

⟨1828⟩

ФЕЯ

Порою ласковую Фею
Я вижу в обаяньи сна,
И всей наукою своею
Служить готова мне она.
Душой обманутой ликуя,
Мои мечты ей лепечу я;
Но что же? странно и во сне
Непокупное счастье мне:
Всегда дарам своим предложит
Условье некое она,
Которым, злобно смышлена,
Их отравит иль уничтожит.
Знать, самым духом мы рабы
Земной насмешливой судьбы;
Знать, миру явному дотоле
Наш бедный ум порабощен,
Что переносит поневоле
И в мир мечты его закон!

⟨1829⟩

* * *

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков,
Но лишь ветр его коснется,
Он исчезнет без следов.
Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

⟨1829⟩

ПОДРАЖАТЕЛЯМ

Когда, печалью вдохновенный,
Певец печаль свою поёт,
Скажите: отзыв умиленный
В каком он сердце не найдет?
Кто, вековых проклятий жаден,
Дерзнет осмеивать ее?
Но для притворства всякий хладен,
Плач подражательный досаден,
Смешно жеманное вытье!
Не напряженного мечтанья
Огнем услужливым согрет —
Постигнул таинства страданья
Душемутительный поэт.
В борьбе с тяжелою судьбою
Познал он меру вышних сил,
Сердечных судорог ценою
Он выраженье их купил.
И вот нетленными лучами
Лик песнопевца окружен,
И чтим земными племенами,
Подобно мученику, он.
А ваша муза площадная,
Тоской заемною мечтая
Родить участие в сердцах,
Подобна нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной
С чужим ребенком на руках.

⟨1829⟩

МУЗА

Не ослеплен я музою моею:
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут,
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,

Ее речей спокойной простотой;
И он, скорей чем едким осужденьем,
Ее почтит небрежной похвалой.

(1829)

К. А. СВЕРБЕЕВОЙ

В небе нашем исчезает
И, красой своей горда,
На другое востекает
Переходная звезда;
Но навек ли с ней проститься?
Нет, предписан ей закон:
Рано ль, поздно ль воротиться
На старинный небосклон.

Небо наше покидая,
Ты ли, милая звезда,
Небесам другого края
Передашься навсегда?
Весела красой чудесной,
Потеки в желанный путь;
Только странницей небесной
Воротись когда-нибудь!

1829

* * *

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей.
Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал;
Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал;
Когда лишь праздников смятенья
Алкал безумец молодой,
Поэта мерные творенья
Блистали стройной красотой.

Страстей порывы утихают,
Страстей мятежные мечты

Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты;
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотел.

1831

* * *

Где сладкий шепот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковер зимы
Покрыл холмы,
Луга и долы.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Всё цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушуя, воет
И небо кроет
Седою мглой.

Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лёт?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Оно дает.
Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд.
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,
И забываю
Я бури вой.

О провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытия.
Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главою
На сердце к ней,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согрет,
Забуду вскоре
Крутое горе,
Как в этот миг
Забыл природы
Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.

1831 (?)

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном всё земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалей,
Что гения череп — наследье червей.

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На всё отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Всё дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных созданья,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упованья;

Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату и в царский чертог.

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.
Изведан, испытан им весь человек!
И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век,
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждет ничего,—
Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
Он, здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзывах сполна
Всё дольное долу отдавший,
К предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

1832

* * *

К чему невольнику мечтания свободы?
Взгляни: безропотно текут речные воды
В указанных брегах, по склону их русла;
Ель величавая стоит, где возросла,
Невластная сойти. Небесные светила
Назначенным путем неведомая сила
Влечет. Бродячий ветр не волен, и закон
Его летучему дыханью положен.
Уделу своему и мы покорны будем,
Мятежные мечты смирим иль позабудем,
Рабы разумные, послушно согласим
Свои желания со жребием своим —
И будет счастлива, спокойна наша доля.
Безумец! не она ль, не вышняя ли воля
Дарует страсти нам? и не ее ли глас
В их гласе слышим мы? О, тягостна для нас
Жизнь, в сердце бьющая могучею волною
И в грани узкие втесненная судьбою.

⟨1833⟩

* * *

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон, его мертвящий,
Отыдет, чадный, от меня
И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дня?
Освобожусь воображеньем,
И крылья духа подыму,
И пробужденным вдохновеньем
Природу снова обниму?
Вотще ль мольбы? напрасны ль пени?
Увижу ль снова ваши сени,
Сады поэзии святой?
Увижу ль вас, ее светила?
Вотще! я чувствую: могила
Меня живого приняла,
И, легкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.

⟨1834⟩

* * *

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.

⟨1834⟩

ЗАПУСТЕНИЕ

Я посетил тебя, пленительная сень,
Не в дни веселые живительного мая,
Когда, зелеными ветвями помавая,
Манишь ты путника в свою густую тень,
Когда ты веешь ароматом
Тобою бережно взлелеянных цветов,—
Под очарованный твой кров
Замедлил я моим возвратом.
В осенней наготе стояли дерева
И неприветливо чернели;
Хрустела под ногой замерзлая трава,
И листья мертвые, волнуяся, шумели;
С прохладой резкою дышал
В лицо мне запах увяданья;
Но не весеннего убранства я искал,
А прошлых лет воспоминанья.
Душой задумчивый, медлительно я шел
С годов младенческих знакомыми тропами;
Художник опытный их некогда провел.
Увы, рука его изглажена годами!
Стези заглохшие, мечтаешь, пешеход
Случайно протоптал. Сошел я в дол заветный,
Дол, первых дум моих лелеятель приветный!
Пруда знакомого искал красивых вод,
Искал прыгучих вод мне памятной каскады;
Там, думал я, к душе моей
Толпою полетят виденья прежних дней...
Вотще! лишенные хранительной преграды,
Далече воды утекли,
Их ложе поросло травою,
Приют хозяйственный в нем улья обрели,
И легкая тропа исчезла предо мною.
Ни в чем знакомого мой взор не обретал!
Но вот по-прежнему, лесистым косогором,
Дорожка смелая ведет меня... обвал
Вдруг поглотил ее... Я стал
И глубь нежданную измерил грустным взором,
С недоумением искал другой тропы.
Иду я: где беседка тлеет
И в прахе перед ней лежат ее столпы,
Где остов мостика дряхлеет.
И ты, величественный грот,
Тяжело-каменный; постигнут разрушеньем

И угрожаешь уж паденьем,
Бывало, в летний зной прохлады полный свод!
Что ж? пусть минувшее минуло сном летучим!
Еще прекрасен ты, заглохший Элизей,
И обаянием могучим
Исполнен для души моей.
Тот не был мыслию, тот не был сердцем хладен,
Кто, безыменной неги жаден,
Их своенравный бег тропам сим указал,
Кто, преклоняя слух к таинственному шуму
Сих кленов, сих дубов, в душе своей питал
Ему сочувственную думу.
Давно кругом меня о нем умолкнул слух,
Прияла прах его далекая могила,
Мне память образа его не сохранила,
Но здесь еще живет его доступный дух;
Здесь, друг мечтанья и природы,
Я познаю его вполне;
Он вдохновением волнуется во мне,
Он славить мне велит леса, долины, воды;
Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной тени невянущих дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень, священную мне, встречу.

1834

* * *

Вот верный список впечатлений
И легкий и глубокий след
Страстей, порывов юных лет,
Жизнь родила его — не гений.
Подобен он скрыжали той,
Где пишет ангел неподкупный
Прекрасный подвиг и преступный —
Всё, что творим мы под луной.
Я много строк моих, о Лета!
В тебе желал бы окунуть
И утаить их как-нибудь
И от себя и ото света...

Но уж свое они рекли,
А что прошло, то непреложно.
Года волненья протекли,
И мне перо оставить можно.
Теперь я знаю бытие.
Одно желание мое —
Покой, домашние отрады.
И, погружен в самом себе,
Смеюсь я людям и судьбе,
Уж не от них я жду награды.
Но что? с бессонною душой,
С душою чуткою поэта
Ужели вовсе чужд я света?
Проснуться может пламень мой,
Еще, быть может, я возвышу
Мой голос, родина моя!
Ни бед твоих я не услышу,
Ни славы, струны утая.

1834 (?)

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла;
В ней опять цветут науки,
Носит понт торговли груз,
Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, брега лазурных рек.

Цветет Парнас! пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струею бьет;
Нежданный сын последних сил природы —
Возник Поэт,— идет он и поет.

Воспевает, простодушный,
Он любовь и красоту
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнанья
Радость чувствует земля.

Поклонникам Урании холодной
Поет, увы! он благодать страстей;
Как пажити Эол бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подъемлется от них,
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины вод морских.

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Жарким сердцем покоримся
Думам хладным, а не им!
Верьте сладким убежденьям
Вас ласкающих очес
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста, вещать полуотверсты,
Но гордыя главы не преклонил:
Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край; но свет
Уж праздного вертепа не являет,
И на земле уединенья нет!

Человеку непокорно
Море синее одно,
И свободно, и просторно,
И приветливо оно;
И лица не изменило

С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон.

Оно шумит перед скалой Левкада.
На ней певец, мятежной думы полн,
Стоит... в очах блеснула вдруг отрада:
Сия скала... тень Сафо!.. песни волн...
Где погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жар,
Там погребет питомец Аполлона
Свои мечты, свой бесполезный дар!

И по-прежнему блистает
Хладной роскошию свет,
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;
Но в смущение приводит
Человека вал морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!

⟨1835⟩

БОКАЛ

Полный влагой искрометной,
Зашипел ты, мой бокал!
И покрыл туман приветный
Твой озябнувший кристалл...
Ты не встречен братьей шумной,
Буйных оргий властелин,—
Сластолюбец вольнодумный,
Я сегодня пью один.

Чем душа моя богата,
Всё твое, о друг Аи!
Ныне мысль моя не сжата
И свободны сны мои;
За струею вдохновенной
Не рассеян данник твой
Бестолково оживленной,
Разногласною толпой.

Мой восторг неосторожный
Не обидит никого;
Не откроет дружбе ложной
Таин счастья моего;
Не смутит глупцов ревнивых
И торжественных невежд
Излияньем горделивых
Иль святых моих надежд!

Вот теперь со мной беседуй,
Своенравная струя!
Упоенья проповедуй
Иль отравы бытия;
Сердцу милые преданья
Благодатно оживи
Или прошлые страданья
Мне на память призови!

О бокал уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатленья,
Словно чашей круговой;
Плодородней, благородней,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесные мечты.

И один я пью отныне!
Не в людском шуму пророк —
В немотству́ющей пустыне
Обретает свет высок!
Не в бесплодном развлеченьи
Общежительных страстей —
В одиноком упоеньи
Мгла падет с его очей!

⟨1835⟩

ОСЕНЬ

1

И вот сентябрь! замедля свой восход,
  Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зерцале зыбком вод
  Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виется вкруг холмов;
  Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
  И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2

И вот сентябрь! и вечер года к нам
  Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
  Свои сребристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол;
  Пред ним помчится прах летучий,
Качаяся, завоет роща, дол
  Покроет лист ее падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

3

Прощай, прощай, сияние небес!
  Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
  Златочешуйчатые воды!
Веселый сон минутных летних нег!
  Вот эхо в рощах обнаженных
Секирою тревожит дровосек,
  И скоро, снегом убеленных,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

4

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов сбирает;
Сметав в стога скошенный злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопы стоят в копнах блестящих
Иль тянутся, вдоль жнивы, на возах,
Под тяжкой ношею скрыпящих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъемлется кругом крестьянских хат.

5

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, зима! на строги дни себе
Припас оратай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага;
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее сбираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты,—

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащенные лелеял..

Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретенья!..
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

8

Твой день взошел, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушен.

9

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник
Вполне торжественный и дикой,—
Костями бы среди своих забав
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек!

10

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тороватый!
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блистает он!.. Но вкус один во всех
И, как могила, людям страшен;
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

11

Какое же потом в груди твоей
  Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
  Последнее вихревращенье —
Пусть в торжестве насмешливом своем
  Ум бесполезный сердца трепет
Угомонит и тщетных жалоб в нем
  Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

12

Иль, отряхнув видения земли
  Порывом скорби животворной,
Ее предел завидя невдали,
  Цветущий брег за мглою черной,
Возмездий край, благовестящим снам
  Доверясь чувством обновленным
И бытия мятежным голосам,
  В великом гимне примиренным,
Внимающий, как арфам, коих строй
Превыспренний не понят был тобой,—

13

Пред промыслом оправданным ты ниц
  Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
  И утоленным разуменьем,—
Знай, внутренней своей вовеки ты
  Не передашь земному звуку
И легких чад житейской суеты
  Не посвятишь в свою науку;
Знай, горняя иль дольная, она
Нам на земле не для земли дана.

14

Вот буйственно несется ураган,
  И лес подъемлет говор шумный,
И пенится, и ходит океан,
  И в берег бьет волной безумной;

Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдет отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешел.

15

Пускай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть заменит ее другая;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения ее далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Ее сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!

16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой —
Все образы годины бывшей
Сравняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей,—
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

1836—1837

* * *

Толпе тревожный день приветен, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится в ней она
Раскованной мечты видений своевольных.
Не легкокрылых грез, детей волшебной тьмы,
Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных.

Ощупай возмущенный мрак —
Исчезнет, с пустотой сольется
Тебя пугающий призрак,
И заблужденью чувств твой ужас улыбнется.

О сын фантазии! ты благодатных фей
Счастливый баловень, и там, в заочном мире,
Веселый семьянин, привычный гость на пире
Неосязаемых властей!
Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною:
Ей исполинский вид дает твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою —
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата.

⟨1839⟩

* * *

Благословен святое возвестивший!
Но в глубине разврата не погиб
Какой-нибудь неправедный изгиб
Сердец людских пред нами обнаживший.
Две области — сияния и тьмы —
Исследовать равно стремимся мы.
Плод яблони со древа упадает:
Закон небес постигнул человек!
Так в дикий смысл порока посвящает
Нас иногда один его намек.

⟨1839⟩

ПРИМЕТЫ

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала,
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подъемля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала.
В пустыне безлюдной он не был одним,
Нечуждая жизнь в ней дышала.

Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

⟨1839⟩

* * *

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

⟨1840⟩

МУДРЕЦУ

Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью, философ,
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой.
Нам, из ничтожества вызванным творчества словом тревожным,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье — одно.
Тот, кого миновали общие смуты, заботу
Сам вымышляет себе: лиру, палитру, резец;
Мира невежда, младенец, как будто закон его чуя,
Первым стенаньем качать нудит свою колыбель!

‹1840›

* * *

Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ее! тебе забвенья нет;
Всё тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

‹1840›

РИФМА

Когда на играх Олимпийских,
На стогнах греческих недавних городов,
Он пел, питомец муз, он пел среди валов
Народа, жадного восторгов мусикийских,—
В нем вера полная в сочувствие жила.
Свободным и широким метром,
Как жатва, зыблемая ветром,
Его гармония текла.
Толпа вниманием окована была,
Пока, могучим сотрясеньем
Вдруг побежденная, плескала без конца
И струны звучные певца
Дарила новым вдохновеньем.

Когда на греческий амвон,
Когда на римскую трибуну
Оратор восходил, и славословил он
Или оплакивал народную фортуну,
И устремлялися все взоры на него,
И силой слова своего
Вития властвовал народным произволом,—
Он знал, кто он; он ведать мог,
Какой могучий правит бог
Его торжественным глаголом.
Но нашей мысли торжищ нет,
Но нашей мысли нет форума!..
Меж нас не ведает поэт,
Высок полет его иль нет,
Велика ль творческая дума.
Сам судия и подсудимый,
Скажи: твой беспокойный жар —
Смешной недуг иль высший дар?
Реши вопрос неразрешимый!
Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света,
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, с родного брега,
Живую ветвь приносишь ты;
Одна с божественным порывом
Миришь его твоим отзывом
И признаешь его мечты!

⟨1840⟩

АХИЛЛ

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту
И кипящего Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимым лишь в пяту.

Обречен борьбе верховной,
Ты ли, долею своей
Равен с ним, боец духовный,
Сын купели новых дней?

Омовен ее водою,
Знай, страданью над собою
Волю полную ты дал,
И одной пятой своею
Невредим ты, если ею
На живую веру стал!

⟨1841⟩

СКУЛЬПТОР

Глубокий взор вперив на камень,
Художник нимфу в нем прозрел,
И пробежал по жилам пламень,
И к ней он сердцем полетел.

Но, бесконечно вожделенный,
Уже он властвует собой:
Неторопливый, постепенный
Резец с богини сокровенной
Кору снимает за корой.

В заботе сладостно-туманной
Не час, не день, не год уйдет,
А с предугаданной, с желанной
Покров последний не падет,

Покуда, страсть уразумея
Под лаской вкрадчивой резца,
Ответным взором Галатея
Не увлечет, желаньем рдея,
К победе неги мудреца.

⟨1841⟩

* * *

Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.

Гонит в нем наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолетнего отца.

Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай.

⟨1841⟩

НА ПОСЕВ ЛЕСА

Опять весна; опять смеется луг,
И весел лес своей младой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольный мир уходит от очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит,—
К ее сынам еще взывает лира.

Велик господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавый;
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей,
Могучие и сумрачные дети.

1843 (?)

* * *

Небо Италии, небо Торквата,
Прах поэтический Древнего Рима,
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?
Рвется душа, нетерпеньем объята,
К гордым остаткам падшего Рима!
Снятся мне долы, леса благовонны,
Снятся упадших чертогов колонны!

1843 (?)

ПИРОСКАФ

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан.
Визгнул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался недаром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!

Мчимся. Колеса могучей машины
Роют волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только что чайка вьется за нами
Белая, рея меж вод и небес.

Только вдали, океана жилица,
Чайке подобна, вод его птица,
Парус развив, как большое крыло,
С бурной стихией в томительном споре,
Лодка рыбачья качается в море,—
брегом набрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды симвóл!

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская,
Пеною здравия брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко ль до брега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду; мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизий земной!

1844

А. А. ДЕЛЬВИГ

К ДИОНУ

Сядем, любезный Дион, под сенью развесистой рощи,
Где прохлажденный в тени, сверкая, стремится источник,
Там позабудем на время заботы мирские и Вакху
Вечера час посвятим.

Мальчик, наполни фиал фалернским вином искрометным!
В честь вечно юному Вакху осушим мы дно золотое;
В чаше, обвитой венком, принеси дары щедрой Помоны,—
Вкусны, румяны плоды.

Тщетно юность спешит удержать престарелого Хрона,
Просит, молит его — не внимая, он далее мчится;
Маленький только Эрот смеется, поет и, седого
За руку взявши, бежит.

Что нам в жизни сей краткой за тщетною славой гоняться,
Вечно в трудах только жить, не видеть веселий до гроба? —
Боги для счастия нам и веселия дни даровали,
Для наслаждений любви.

Пой, в хороводе девиц белогрудых, песни веселью,
Прыгай под звонкую флейту; сплетяся руками, кружися,
И твоя жизнь протечет, как быстро в зеленой долине
Скачет и вьется ручей.

Друг, за лавровый венок не кланяйся гордым пританам.
Пусть за слепою богиней Лициний гоняется вечно,
Пусть и обнимет ее. Фортуна косы всеразящей
Не отвратит от главы.

Что нам богатства искать? им счастья себе не прикупим:
Всех на одной ладие, и бедного Ира и Креза,
В мрачное царство Плутона, чрез волны ужасного Стикса
Старый Харон отвезет.

Сядем, любезный Дион, под сенью развесистой рощи,
Где прохлажденный в тени, сверкая, стремится источник,—
Там позабудем на время заботы мирские и Вакху
Вечера час посвятим.

⟨1814⟩

К МАЛЬЧИКУ

Мальчик, солнце встретить должно
С торжеством в конце пиров!
Принеси же осторожно
И скорей из погребов
В кубках длинных и тяжелых,
Как любила старина,
Наших прадедов веселых
Пережившего вина.

Не забудь края златые
Плющем, розами увить!
Весело в года седые
Чашей молодости пить,
Весело, хоть на мгновенье,
Бахусом наполнив грудь,
Обмануть воображенье
И в былое заглянуть.

Между 1814 и 1819

ПУШКИНУ

Кто, как лебедь цветущей Авзонии,
Осененный и миртом и лаврами,
Майской ночью при хоре порхающих,
В сладких грезах отвился от матери,—

Тот в советах не мудрствует; нá стены
Побежденных знамена не вешает;

Столб кормами судов неприятельских
Он не красит пред храмом Ареевым;

Флот, с несчетным богатством Америки,
С тяжким золотом, купленным кровию,
Не взмущает двукраты экватора
Для него кораблями бегущими.

Но с младенчества он обучается
Воспевать красоты поднебесные,
И ланиты его от приветствия
Удивленной толпы горят пламенем.

И Паллада туманное облако
Рассевает от взоров,— и в юности
Он уж видит священную истину
И порок, исподлобья взирающий!

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

1815 (?)

НАДПИСЬ НА СТАТУЮ ФЛОРЕНТИНСКОГО МЕРКУРИЯ

Перст указует на даль, на главе развилися крылья,
Дышит свободою грудь; с легкостью дивною он,
В землю ударя крылатой ногой, кидается в воздух...
Миг — и умчится! Таков полный восторга певец.

1819 или 1820

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах ты, ночь ли,
Ноченька!
Ах ты, ночь ли,
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Всё темнеешь
Тучами?

И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною,
Молодцем,
Грусть-злодейка
Сведалась!
Как заляжет,
Лютая,
Там глубоко
На сердце —
Позабудешь
Девицам
Усмехаться,
Кланяться;

Позабудешь
С вечера
До глубокой
Полночи,
Припевая,
Тешиться
Хороводной
Пляскою!
Нет, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный

Молодец,
На постелю
Жесткую,
Как в могилу,
Кинешься!

1820 или 1821

ЭЛЕГИЯ

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия,—
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!

Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько долы и леса
И милый взгляд забыл,—
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного: люблю
Не повторяйте ей!

1821 или 1822

ВДОХНОВЕНИЕ

(Сонет)

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И краткий миг в душе оно горит;
Но этот миг любимец муз ценит,
Как мученик с землею разлученье.

В друзьях обман, в любви разуверенье
И яд во всем, чем сердце дорожит,
Забыты им: восторженный пиит
Уж прочитал свое предназначенье.

И пре́зренный, гонимый от людей,
Блуждающий один под небесами,
Он говорит с грядущими веками;

Он ставит честь превыше всех частей,
Он клевете мстит славою своей
И делится бессмертием с богами.

1822

РОМАНС

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

1823

РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день:
  И солнце, и любовь!
С нагих полей сбежала тень —
  Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
  Пусть жизнью всё кипит:
Она моя, она моя!
  Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,
  Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
  И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне,— и без тебя
  В певце любовь горит:
Она моя, она моя!
  Мне сердце говорит.

1823

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у младой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у младой

Жар-колечко на руке,
У меня ли у младой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимню ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

1825

ИДИЛЛИЯ

Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных платанов,
Первые чувства познали любви и, полные счастья,
Острым кремнем на коре сих дерев имена начертали:
Титир — Зои, а Титира — Зоя, богу Эроту
Шумных свидетелей страсти своей посвятивши. Под старость
К двум заветным платанам они прибрели и видят
Чудо: пни их, друг к другу склонясь, именами срослися.—
Нимфы дерев сих, тайною силой имен сочетавшись,
Ныне в древе двойном вожделеньем на путника веют;
Ныне в тени их могила, в могиле той Титир и Зоя.

1827

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как за реченькой слободушка стоит,
По слободке той дороженька бежит,
Путь-дорожка широка, да не длинна,
Разбегается в две стороны она:
Как налево на кладбище к мертвецам,
А направо — к закавказским молодцам.
Грустно было провожать мне, молодой,
Двух родимых и по той, и по другой:
Обручальника по левой проводя,
С плачем матерью-землей покрыла я;
А налетный друг уехал по другой,
На прощанье мне кивнувши головой.

1828

* * *

Не осенний частый дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман:
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

— Не тоска, друзья-товарищи,
Грусть запала глубоко,
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

— И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
Как пришлось мне горевать.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

1829

* * *

Смерть, души успокоенье!
Наяву или во сне
С милой жизнью разлученье
Объявить слетишь ко мне?
Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный пламенник ты мой
И в обмен его даруешь
Мне твой светоч неземной?

Утром вечного союза
Ты со мной не заключай!
По утрам со мною муза,
С ней пишу я — не мешай!
И к обеду не зову я:
Что пугать друзей моих;
Их люблю, как есть люблю я,
Иль как свой счастливый стих.

Вечер тоже отдан мною
Музам, Вакху и друзьям;
Но ночною тишиною
Съединиться можно нам:
На одре один в молчаньи
О любви тоскую я,
И в напрасном ожиданьи
Протекает ночь моя.

1830 или 1831

Н. М. ЯЗЫКОВ

⟨ИЗ ЦИКЛА⟩ «ПЕСНИ»

6

Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим
И пылкой вольности дары
Заботой светскою не губим;
Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим.

Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.
Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело?

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.
Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны.

Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.
Хоть громом бог в наш стол ударь,
Мы пировать не перестанем.
Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.

Друзья! бокалы к небесам!
Обет правителю природы:
«Печаль и радость — пополам,
Сердца — на жертвенник свободы!»
Друзья! бокалы к небесам!
Обет правителю природы:

«Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!
Им наши мысли и слова!
Им и занятье и безделье!»
Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!

Август — начало сентября 1823

ЭЛЕГИЯ

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

24 января 1824

ЭЛЕГИЯ

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.

О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут,—
И не пробудится Россия!

1824

РОДИНА

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды —
Всё мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов.

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница-мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует,
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,
И величава, и грозна,
И благодатна, как свобода,—
Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,
И люди мирно обреклись
Непринужденному забвенью.

Целуй меня, моя Лилета,
Целуй, целуй! Опять с тобой
Восторги вольного поэта,
И сила страсти молодой,

И голос лиры вдохновенной!
Покинув край непросвещенный,
Душой высокое любя,
Опять тобой воспламененный,
Я стану петь и шум военный,
И меченосцев, и тебя!

Январь 1825

НАСТОЯЩЕЕ

6 АПРЕЛЯ 1825

Элегия

Вчера гуляла непогода,
Сегодня то же, что вчера,—
И я от утра до утра
Уныл и мрачен, как природа.
Не то, не то в душе моей,
Что восхитительно и мило,
Что сердце юноше сулило
Для головы и для очей:
Болезнь встревоженного духа
Мне дум высоких не дает,
И, как сибирская пищуха,
Моя поэзия поет.

МОЛИТВА

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам.

12 апреля 1825

* * *

Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневыя,—
Рылеев умер, как злодей! —
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

7 августа 1826

К П. А. ОСИПОВОЙ

Благодарю вас за цветы:
Они священны мне; порою
На них задумчиво покою
Мои любимые мечты;
Они пленительно и живо
Те дни напоминают мне,
Когда на воле, в тишине,
С моей каменою ленивой,
Я своенравно отдыхал
Вдали удушливого света
И вдохновенного поэта
К груди кипучей прижимал!
И ныне с грустью безутешной
Мои желания летят
В тот край возвышенных отрад
Свободы милой и безгрешной.
И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,
И там, у берега, тень ивы —
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной;
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —

Вольтер, и Гете, и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый;
И ту площадку, где в тиши
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила —
Оселок сердца и души;
И всё божественное лето,
Которое из рода в род,
Как драгоценность, перейдет,
Зане Языковым воспето!
Златые дни! златые дни!
Взываю к вам, и где ж они?
Теперь не то: с утра до ночи
Мир политических сует
Мне утомляет ум и очи,
А пользы нет, и славы нет!
Скучаю горько, и едва ли
К поре, ко времени, пройдут
Мои учебные печали
И прозаический мой труд.
Но что бы ни было, оставлю
Незанимательную тра́влю
За дичью суетных наук,—
И, друг природы, лени друг,—
Беспечной жизнью позабавлю
Давно ожиданный досуг.
Итак, вперед! молюся богу,
Да он меня благословит,
Во имя Феба и харит,
На православную дорогу;
Да мой обрадованный взор
Увидит вновь, восторга полный,
Верхи и скаты ваших гор,
И темный сад, и дом, и волны!

1 мая 1827

К НЯНЕ А. С. ПУШКИНА

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как, сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки,

Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре камены,—
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта,
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство;
С каким радушием — красою древних лет
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас — добра и весела
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летали беззаботно!

17 мая 1827

ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помним хо́лмы, помним долы,
Наши храмы, наши села,
И в краю, краю чужом
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем.
Благодетельною силой
С нами немцев подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляем заодно.

Но с надеждою чудесной
Мы стакан, и полновесный,
Нашей Руси — будь она
Первым царством в поднебесной,
И счастлива и славна!

1827

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный,
Прям и крепок парус мой.

1829

ВОДОПАД

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы́ раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Вон пловец! Его от брега
Быстриною унесло;
В синий сумрак водобега
Упирает он весло...
Тщетно! бурную стремнину
Он не силен оттолкнуть;
Далеко его в пучину
Бросит каменная круть!

Мирно гибели послушный,
Убрал он свое весло;
Он потупил равнодушно
Безнадежное чело;
Он глядит спокойным оком...
И к пучине волн и скал
Роковым своим потоком
Водопад его помчал.

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы́ раздроблена;
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

1830

Д. В. ДАВЫДОВУ

Давным-давно люблю я страстно
Созданья вольные твои,
Певец лихой и сладкогласный
Меча, фиала и любви!

Могучи, бурно-удалыя,
Они мне милы, святы мне,—
Твои, которого Россия,
В свои годины роковыя,
Радушно видит на коне,
В кровавом зареве пожаров,
В дыму и прахе боевом,
Отваге пламенных гусаров
Живым примером и вождем;
И на скрижалях нашей Клии
Твои дела уже блестят:
Ты кровью всех врагов России
Омыл свой доблестный булат!
Прими рукою благосклонной
Мой дерзкий дар: сии стихи —
Души студентски-забубенной
Разнообразные грехи.
Там, в той стране полунемецкой,
Где безмятежные живут
Веселый шум, ученый труд
И чувства груди молодецкой,
Моя поэзия росла
Самостоятельно и живо,
При звонком говоре стекла,
При песнях младости гульливой,
И возросла она счастливо —
Резва, свободна и смела,
Певица братского веселья,
Друзей, да хмеля и похмелья
Беспечных юношеских дней;
Не удивляйся же ты в ней
Разливам пенных вдохновений,
Бренчанью резкому стихов,
Хмельному буйству выражений
И незастенчивости слов!

17 апреля 1832

Д. В. ДАВЫДОВУ

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил:

Не ошибся он в дитяти,
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд и радостен и смел.

Грудь твоя горит звездами,
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Где же вы, незванны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися еле живы
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

Вы отведать русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли!
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый,
С белым локоном на лбу!

Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь,
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара
Мчал врагам, с твоей толпой
Вездесущ, как божья кара,
Страх нежданного удара
И нещадный, дикий бой!

Лучезарна слава эта,
И конца не будет ей;
Но такие ж многи лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира:
И любовь и тишину
Нам поет златая лира,
Гордо певшая войну.
И как прежде громогласен

Был ее воинский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад.

Август 1835

БУРЯ

Громадные тучи нависли широко
Над морем и скрыли блистательный день.
И в синюю бездну спустилась глубоко
И в ней улеглася тяжелая тень;
Но бездна морская уже негодует,
Ей хочется света, и ропщет она,
И скоро, могучая, встанет грозна,
Пространно и громко она забушует.

Великую силу уже подымая,
Полки она строит из водных громад,
И вал-великан, головою качая,
Становится в ряд, и ряды говорят;
И вот, свои смуглые лица нахмуря
И белые гребни колебля, они
Идут. В черных тучах блеснули огни,
И гром загудел. Начинается буря.

15 декабря 1839
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

Из бездны морской белоглавая встала
Волна, и лучами прекрасного дня
Блестит, подвижна́я громада кристалла,
И тихо, качаясь, идет на меня.
Вот, словно в раздумьи, она отступила,
Вот берег она под себя покатила
И выше сама поднялась и падет;
И громом, и пеной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,

Кружит, и бросает, и душит, и бьет,
И стихла. Мне любо. Из грома, из пены
И холода — легок и свеж выхожу,
Живее мои выпрямляются члены,
Вольнее дышу, веселее гляжу
На берег, на горы, на светлое море.
Мне чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая ж, как прежде была,
Во мне встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распевать, красоваться готова
Свободно, беспечно,— резва, удала.

17 июня 1840
Ницца, предместье Мраморного креста

ЭЛЕГИЯ

Бог весть, не втуне ли скитался
В чужих стран́ах я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет.
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

1841
Швальбах

И. И. КОЗЛОВ

ВЕНЕЦИАНСКАЯ НОЧЬ

Фантазия

П. А. Плетневу

Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистый
От зеленых берегов.

Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимыя волны,
Померанцев, миртов шепот
И любовный свет луны,
Упоенья аромата
И цветов и свежих трав,
И вдали напев Торквата
Гармонических октав —

Всё вливает тайно радость,
Чувствам снится дивный мир,
Сердце бьется, мчится младость
На любви весенний пир;
По водам скользят гондолы,
Искры брызжут под веслом,

Звуки нежной баркаролы
Веют легким ветерком.

Что же, что не видно боле
Над игривою рекой
В светло-убранной гондоле
Той красавицы младой,
Чья улыбка, образ милый
Волновали все сердца
И пленяли дух унылый
Исступленного певца?

Нет ее: она тоскою
В замок свой удалена;
Там живет одна с мечтою,
Тороплива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манит сребристый ток,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Но густее тень ночная;
И красот цветущий рой,
В неге страстной утопая,
Покидает пир ночной.
Стихли пышные забавы,
Всё спокойно на реке,
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалеке.

Вот прекрасная выходит
На чугунное крыльцо;
Месяц бледно луч наводит
На печальное лицо;
В русых локонах небрежных
Рисовался легкий стан,
И на персях белоснежных
Изумрудный талисман!

Уж в гондоле одинокой
К той скале она плывет,
Где под башнею высокой
Море бурное ревет.
Там певца воспоминанье
В сердце пламенном живей,

Там любви очарованье
С отголоском прежних дней.

И в мечтах она внимала,
Как полночный вещий бой
Медь гудящая сливала
С вечно шумною волной.
Не мила ей прелесть ночи,
Душен свежий ветерок,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Тучи тянутся грядою,
Затмевается луна;
Ясный свод оделся мглою;
Тма внезапная страшна.
Вдруг гондола осветилась,
И звезда на высоте
По востоку покатилась
И пропала в темноте.

И во тме с востока веет
Тихогласный ветерок;
Факел дальний пламенеет,—
Мчится по морю челнок.
В нем уныло молодая
Тень знакомая сидит,
Подле арфа золотая,
Меч под факелом блестит.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкие мои:
Славной тени не гневите!..
О! свободы и любви
Где же, где певец чудесный?
Иль его не сыщет взор?
Иль угас огонь небесный,
Как блестящий метеор?

⟨1825⟩

НА ПОГРЕБЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ГЕНЕРАЛА СИРА ДЖОНА МУРА

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почесть к ночи́ отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.

На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе —
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.

Недолго, но жарко молилась творцу
Дружина его удалая
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.

Быть может, наутро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны.

О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.

Еще не свершен был обряд роковой,
И час наступил разлученья;
И с валу ударил перун вестовой,
И нам он не вестник сраженья.

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

⟨1825⟩

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Княгине З. А. Волконской

То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре —
В Путивле плачет Ярославна,
Одна, на городской стене:

«Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый
Я рукав мой обмочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его младой».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Ветер, ветер, о могучий,
Буйный ветер! что шумишь?
Что ты в небе черны тучи
И вздымаешь и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутил поток реки,
Вея ханскими стрелами
На родимые полки?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«В облаках ли тесно веять
С гор крутых чужой земли,
Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли?
Что же страхом ты усеял
Нашу долю? для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Днепр мой славный! ты волнами
Скалы половцев пробил;
Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил,—
Не волнуй же, Днепр широкий,
Быстрый ток студеных вод,
Ими князь мой черноокий
В Русь святую поплывет».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«О река! отдай мне друга —
На волнах его лелей,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей;
Чтоб я боле не видала
Вещих ужасов во сне,
Чтоб я слез к нему не слала
Синим морем на заре».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки с тетивами
Иссушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах».

И тихо в терем Ярославна
Уходит с городской стены.

11 октября 1825

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Т. С. Вдмрв-ой

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,

Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

⟨1827⟩

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

ПОЭТ

Тебе знаком ли сын богов,
Любимец муз и вдохновенья?
Узнал ли б меж земных сынов
Ты речь его, его движенья?
Не вспыльчив он, и строгий ум
Не блещет в шумном разговоре,
Но ясный луч высоких дум
Невольно светит в ясном взоре.
Пусть вкруг него, в чаду утех,
Бушует ветреная младость,—
Безумный крик, холодный смех
И необузданная радость:
Всё чуждо, дико для него,
На всё безмолвно он взирает,
Лишь редко что-то с уст его
Улыбку беглую срывает.
Его богиня — простота,
И тихий гений размышленья
Ему поставил от рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья —
Всё тайна в нем, всё в нем молчит:
В душе заботливо хранит
Он неразгаданные чувства...
Когда ж внезапно что-нибудь
Взволнует огненную грудь —
Душа, без страха, без искусства,
Готова вылиться в речах

И блещет в пламенных очах...
И снова тих он, и стыдливый
К земле он опускает взор,
Как будто слышит он укор
За невозвратные порывы.
О, если встретишь ты его
С раздумьем на челе суровом —
Пройди без шума близ него,
Не нарушай холодным словом
Его священных, тихих снов!
Взгляни с слезой благоговенья
И молви: это сын богов,
Любимец муз и вдохновенья!

Конец ноября — начало декабря 1826

ЖИЗНЬ

Сначала жизнь пленяет нас:
В ней всё тепло, всё сердце греет
И, как заманчивый рассказ,
Наш ум причудливый лелеет.
Кой-что страшит издалека,—
Но в этом страхе наслажденье:
Он веселит воображенье,
Как о волшебном приключенье
Ночная повесть старика.
Но кончится обман игривой!
Мы привыкаем к чудесам —
Потом на всё глядим лениво,
Потом и жизнь постыла нам:
Ее загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Как пересказанная сказка
Усталому пред часом сна.

Конец ноября — начало декабря 1826

ТРИ РОЗЫ

В глухую степь земной дороги,
Эмблемой райской красоты,
Три розы бросили нам боги,

Эдема лучшие цветы.
Одна под небом Кашемира
Цветет близ светлого ручья;
Она любовница зефира
И вдохновенье соловья.
Ни день, ни ночь она не вянет,
И если кто цветок сорвет,
Лишь только утра луч проглянет,
Свежее роза расцветет.

Еще прелестнее другая:
Она, румяною зарей
На раннем небе расцветая,
Пленяет яркой красотой.
Свежей от этой розы веет,
И веселей ее встречать:
На миг один она алеет,
Но с каждым днем цветет опять.

Еще свежей от третьей веет,
Хотя она не в небесах;
Ее для жарких уст лелеет
Любовь на девственных щеках.
Но эта роза скоро вянет:
Она пуглива и нежна,
И тщетно утра луч проглянет —
Не расцветет опять она.

1826 (?)

К МОЕМУ ПЕРСТНЮ

Ты был отрыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вечной
И над тобой, в тоске сердечной,
Святой обет произнесла...
Нет! дружба в горький час прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогом состраданья.

О, будь мой верный талисман!
Храни меня от тяжких ран,
И света, и толпы ничтожной,
От едкой жажды славы ложной,
От обольстительной мечты
И от душевной пустоты.
В часы холодного сомненья
Надеждой сердце оживи,
И если в скорбях заточенья,
Вдали от ангела любви,
Оно замыслит преступленье,—
Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадежной
И от груди моей мятежной
Свинец безумства отврати.
Когда же я в час смерти буду
Прощаться с тем, что здесь люблю,
Тебя в прощаньи не забуду:
Тогда я друга умолю,
Чтоб он с моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снимал,
Чтоб нас и гроб не разлучал.
И просьба будет не бесплодна:
Он подтвердит обет мне свой
Словами клятвы роковой.
Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нем тебя отроет вновь;
И снова робкая любовь
Тебе прошепчет суеверно
Слова мучительных страстей,
И вновь ты другом будешь ей,
Как был и мне, мой перстень верной.

Вторая половина ноября 1826 —
первая половина января 1827

ЭЛЕГИЯ

Волшебница! Как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Как я любил твои воспоминанья,

Как жадно я внимал словам твоим
И как мечтал о крае неизвестном!
Ты упилась сим воздухом чудесным,
И речь твоя так страстно дышит им!
На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла.
Душа твоя так ясно разгорелась
И новый огнь в груди моей зажгла.
Но этот огнь томительный, мятежной,
Он не горит любовью тихой, нежной,—
Нет! он и жжет, и мучит, и мертвит,
Волнуется изменчивым желаньем,
То стихнет вдруг, то бурно закипит,
И сердце вновь пробудится страданьем.
Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?

Январь 1827 (?)

ПОЭТ И ДРУГ

Друг

Ты в жизни только расцветаешь,
И ясен мир перед тобой,—
Зачем же ты в душе младой
Мечту коварную питаешь?
Кто близок к двери гробовой,
Того уста не пламенеют,
Не так душа его пылка,
В приветах взоры не светлеют,
И так ли жмет его рука?

Поэт

Мой друг! слова твои напрасны
Не лгут мне чувства — их язык
Я понимать давно привык,

И их пророчества мне ясны.
Душа сказала мне давно:
Ты в мире молнией промчишься!
Тебе всё чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Друг

Не так природы строг завет.
Не презирай ее дарами:
Она на радость юных лет
Дает надежды нам с мечтами.
Ты гордо слышал их привет;
Она желание святое
Сама зажгла в твоей крови
И в грудь для сладостной любви
Вложила сердце молодое.

Поэт

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не щадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознесся духом
И сердца трепет жадным слухом,
Как вещий голос, изловил!
Тому, кто жребий довершил,
Потеря жизни не утрата —
Без страха мир покинет он!
Судьба в дарах своих богата,
И не один у ней закон:
Тому — процвесть с развитой силой
И смертью жизни след стереть,
Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

Друг

Мой друг! зачем обман питать?
Нет! дважды жизнь нас не лелеет.

Я то люблю, что сердце греет,
Что я своим могу назвать,
Что наслажденье в полной чаше
Нам предлагает каждый день.
А что за гробом, то не наше:
Пусть величают нашу тень,
Наш голый остов отрывают,
По воле ветреной мечты
Дают ему лицо, черты
И призрак славой называют!

Поэт

Нет, друг мой! славы не брани:
Душа сроднилася с мечтою;
Она надеждою благою
Печали озаряла дни.
Мне сладко верить, что со мною
Не всё, не всё погибнет вдруг
И что́ уста мои вещали —
Веселья мимолетный звук,
Напев задумчивой печали,—
Еще напомнит обо мне,
И смелый стих не раз встревожит
Ум пылкий юноши во сне,
И старец со слезой, быть может,
Труды нелживые прочтет —
Он в них души печать найдет
И молвит слово состраданья:
«Как я люблю его созданья!
Он дышит жаром красоты,
В нем ум и сердце согласились
И мысли полные носились
На легких крылиях мечты.
Как знал он жизнь, как мало жил!»

Сбылись пророчества поэта,
И друг в слезах с началом лета
Его могилу посетил...
Как знал он жизнь! как мало жил!

Между 14 февраля и 1—2 марта 1827

С. П. ШЕВЫРЕВ

МЫСЛЬ

Падет в наш ум чуть видное зерно
И зреет в нем, питаясь жизни соком;
Но при́дет час — и вырастет оно
В создании иль подвиге высоком.
И разовьет красу своих рамен,
Как пышный кедр на высотах Ливана;
Не подточить его червям времен;
Не смыть корней волнами океана;
Не потрясти и бурям вековым
Его главы, увенчанной звездами,
И не стереть потопом дождевым
Его коры, исписанной летами.
Под ним идут неслышною стопой
Полки веков — и падают державы,
И племена сменяются чредой
В тени его благословенной славы.
И трупы царств под ним лежат без сил,
И новые растут для новых целей,
И миллион оплаканных могил,
И миллион веселых колыбелей.
Под ним и тот уже давно истлел,
Во чьей главе зерно то сокрывалось,
Отколь тот кедр родился и созрел,
Под тенью чьей потомство воспиталось.

⟨1828⟩

ПЕТРОГРАД

Море спорило с Петром:
«Не построишь Петрограда;
Покачу я шведский гром,
Кораблей крылатых стадо.
Хлынет вспfive моя Нева,
Ополченная водами:
За отъятые права
Отомщу ее волнами.

Что тебе мои поля,
Вечно полные волнений?
Велика твоя земля,
Не озреть твоих владений!»
Глухо Петр внимал речам:
Море злилось и шумело,
По синеющим устам
Пена белая кипела.

Речь Петра гремит в ответ:
«Сдайся, дерзостное море!..
Нет — так пусть узнает свет:
Кто из нас могучей в споре?
Станет град же, наречен
По строителе высоком:
Для моей России он
Просвещенья будет оком.

По хребтам твоих же вод,
Благодарна, изумленна,
Плод наук мне принесет,
В пользу чад моих, вселенна,—
И с твоих же берегов
Да узрят народы славу
Руси бодрственных сынов
И окрепшую державу».

Рек могучий — и речам
Море вторило сурово,
Пена билась по устам,
Но сбылось Петрово слово.
Чу!.. в Рифей стучит булат!..
Истекают реки злата,
И родится чудо-град
Из неплодных топей блата.

Тихой движется стопой
Исполин — гранит упорный
И приемлет вид живой,
Млату бодрому покорный.
И в основу зыбких блат
Улеглися миллионы:
Всходят храмы из громад
И чертоги и колонны.

Шпиц, прорезав недра туч,
С башни вспыхнул величавый,
Как ниспадший солнца луч
Или луч Петровой славы.
Что чернеет лоно вод?
Что шумят валы морские?
То дары Петру несет
Побежденная стихия.

Прилетели корабли,
Вышли чуждые народы
И России принесли
Дань наук и плод свободы.
Отряхнув она с очей
Мрак невежественной ночи,
К свету утренних лучей
Отверзает бодры очи.

Помнит древнюю вражду,
Помнит мстительное море,
И да мщенья примет мзду,
Шлет на град потоп и горе.
Ополчается Нева,
Но от твердого гранита,
Не отъяв свои права,
Удаляется сердита.

На отломок диких гор
На коне взлетел строитель:
На добычу острый взор
Устремляет победитель;
Зоркий страж своих работ
Взором сдерживает море
И насмешливо зовет:
«Кто ж из нас могучей в споре?»

9 августа 1829
Искио

А. С. ХОМЯКОВ

КЛИНОК

Не презирай клинка стального
В обделке древности простой
И пыль забвенья векового
Сотри заботливой рукой.
Мечи с красивою оправой,
В златых покояся ножнах,
Блистали тщетною забавой
На пышных роскоши пирах;
А он в порывах бурь военных
По латам весело стучал
И на главах иноплеменных
Об Руси память зарубал.
Но тяжкий меч, в ножнах забытый
Рукой слабеющих племен,
Давно лежит полусокрытый
Под едкой ржавчиной времен
И ждет, чтоб грянул голос брани,
Булата звонкого призыв,
Чтоб вновь воскрес в могущей длани
Его губительный порыв;
И там, где меч с златой оправой
Как хрупкий сломится хрусталь,
Глубоко врежет след кровавый
Его синеющая сталь.

Так не бросай клинка стального
В обделке древности простой
И пыль забвенья векового
Сотри заботливой рукой.

⟨1830⟩

* * *

Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпеньи,
Любви и мольбе.

Если сердце заныло
Перед злобой людской
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;
Если скорби земные
Жалом в душу впились,—
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.
Есть у *подвига* крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья
Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской!

Начало 1859

Ф. А. ТУМАНСКИЙ

ПТИЧКА

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей.
Она исчезла, утопая
В сияньи голубого дня,
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня.

⟨1827⟩

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

ПЕСНЬ ПЛЕННОГО ИРОКЕЗЦА

Я умру! на позор палачам
Беззащитное тело отдам!
    Равнодушно они
    Для забавы детей
    Отдирать от костей
    Станут жилы мои!
    Обругают, убьют
    И мой труп разорвут!
Но стерплю! Не скажу ничего,
Не наморщу чела моего,
    И, как дуб вековой,
    Неподвижный от стрел,
    Неподвижен и смел
    Встречу миг роковой,
    И, как воин и муж,
    Перейду в страну душ.
Перед сонмом теней воспою
Я бесстрашную гибель мою,
    И рассказ мой пленит
    Их внимательный слух,
    И воинственный дух
    Стариков оживит:
    И пройдет по устам
    Слава громким делам.
И рекут они в голос один:
«Ты достойный праправедов сын!»
    Совокупной толпой
    Мы на землю сойдем
    И в родных разольем
    Пыл вражды боевой,

Победим, поразим
И врагам отомстим!
Я умру! на позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Но, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Я недвижим и смел
Встречу миг роковой!

Между 1826—1828

ПЕСНЬ ПОГИБАЮЩЕГО ПЛОВЦА

I

Вот мрачится
Свод лазурный!
Вот крутится
Вихорь бурный!
Ветр свистит,
Гром гремит,
Море стонет —
Путь далек...
Тонет, тонет
Мой челнок!

II

Всё чернее
Свод надзвездный,
Всё страшнее
Воют бездны.
Глубь без дна —
Смерть верна!
Как заклятый
Враг грозит,
Вот девятый
Вал бежит!..

III

Горе, горе!
Он настигнет:

В шумном море
Челн погибнет!
Гроб готов...
Треск громов
Над пучиной
Ярых вод —
Вздох пустынный
Разнесет!

IV

Дар заветный
Провиденья,
Гость приветный
Наслажденья —
Жизнь иль миг!
Не привык
Утешаться
Я тобой —
И расстаться
Мне с мечтой!

V

Сокровенный
Сын природы,
Неизменный
Друг свободы,—
С юных лет
В море бед
Я направил
Быстрый бег
И оставил
Мирный брег!

VI

На равнинах
Вод зеркальных,
На пучинах
Погребальных
Я скользил;
Я шутил
Грозной влагой —

Смертный вал
Я отвагой
Побеждал!

VII

Как минутный
Прах в эфире,
Бесприютный
Странник в мире,
Одинок,
Как челнок,
Уз любови
Я не знал,
Жаждой крови
Не сгорал!

VIII

Парус белый
Перелетный,
Якорь смелый
Беззаботный,
Тусклый луч
Из-за туч,
Проблеск дали
В тьме ночей —
Заменяли
Мне друзей!

IX

Что ж мне в жизни
Безызвестной?
Что в отчизне
Повсеместной?
Чем страшна
Мне волна?
Пусть настигнет
С вечной мглой,
И погибнет
Труп живой!..

X

Всё чернее
Свод надзвездный;
Всё страшнее
Воют бездны;
Ветр свистит,
Гром гремит,
Море стонет —
Путь далек...
Тонет, тонет
Мой челнок!

⟨1832⟩

⟨ИЗ ЦИКЛА⟩ «РУССКИЕ ПЕСНИ»

1

Разлюби меня, покинь меня,
Доля, долюшка железная!
Опротивела мне жизнь моя,
Молодая, бесполезная!

Не припомню я счастливых дней —
Не знавал я их с младенчества!
Для измученной души моей
Нет в подсолнечной отечества!

Слышал я, что будто божий свет
Я увидел с тихим ропотом,
А потом житейских бурь и бед
Не избегнул горьким опытом.

Рано, рано ознакомился
Я на море с непогодою;
Поздно, поздно приготовился
В бой отчаянный с невзгодою!

Закатилася звезда моя,
Та ль звезда моя туманная,
Что следила завсегда меня,
Как невеста нежеланная!

Не ласкала, не лелеяла,
Как любовница заветная,
Только холодом обвеяла,
Как изменница всесветная!

⟨1836⟩

ОСУЖДЕННЫЙ

Нас было двое — брат и я...

А. П⟨ушкин⟩

I

Я осужден! К позорной казни
Меня закон приговорил!
Но я печальный мрак могил
На плахе встречу без боязни,
Окончу дни мои, как жил.

II

К чему раскаянье и слезы[1]
Перед бесчувственной толпой,
Когда назначено судьбой
Мне слышать вопли, и угрозы,
И гул проклятий за собой?

III

Давно душой моей мятежной
Какой-то демон овладел,
И я зловещий мой удел,
Неотразимый, неизбежный,
В дали туманной усмотрел!..

---

[1] К чему раскаянье и слезы и проч...

Это язык человека, закоренелого в злодействах. Отчаяние, верный спутник целой его жизни, оскверненный преступлениями, не оставляет своего любимца и на ступенях эшафота. Дантон, среди Конвента, читает оду Грекура, тогда как ему произносят смертный приговор; Анахарсис Клоц проповедует атеизм на гильотине, окруженный отрубленными головами его сообщников. Редко великие злодеи перед смертью говорят языком праведника. *(Примеч. автора.)*

IV

Не розы светлого Пафóса,
Не ласки гурий в тишине,
Не искры яхонта в вине,—
Но смерть, секира и колеса
Всегда мне грезились во сне!

V

Меня постигла дума эта
И ознакомилась со мной,
Как холод с южною весной
Или фантазия поэта
С унылой северной луной.

VI

Мои утраченные годы
Текли, как бурные ручьи,
Которых мутные струи
Не серебрят, а пенят воды
На лоне илистой земли.

VII

Они рвались, они бежали
К неверной цели без препон;
Но быстрый бег остановлен,
И мне размах холодной стали
Готовит праведный закон.

VIII

Взойдет она, взойдет, как прежде,
Заутра ранняя звезда,
Проснется неба красота,—
Но я, я небу и надежде
Скажу: «Простите навсегда!»

IX

Взгляну с улыбкою печальной
На этот мир, на этот дом,

Где я был с счастьем незнаком,
Где я, как факел погребальный,
Горел в безмолвии ночном;

X

Где, может быть, суровой доле
Я чем-то свыше обречен,
Где я страстями заклеймен,
Где чем-то свыше, поневоле
Я был на время заключен;

XI

Где я... Но что?.. Толпа народа
Уже кипит на площади́...
Я слышу: «Узник, выходи!»
Готов — иду!.. Прости, природа!
Палач, на казнь меня веди!..

⟨1837⟩

С. Н. СТРОМИЛОВ

* * *

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,—
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист, дрожит.

Извела меня кручина,
Подколодная змея!..
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой:
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручиться молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, мо́лодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тесной келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска...
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска!

1830-е годы

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ

* * *

Печальная душа, не сетуй, не болей,
Что в мире не сошлась с наперсницей своей.
Не мысли: дружбою ты уврачуешь горе,
Не мысли, что в любви земной таится рай,
Есть слезы у тебя — пусть лучше канут в море,
Есть вздохи — ветру их летучему отдай,
Но людям ничего святого не вверяй!..

Быть может, искренним участием богата,
В объятья примешь ты страдающего брата,
Поймешь его печаль — и с горестью чужой
Ты чувства теплого сольешься полнотой,
Тоски его себе отнимешь половину
И сгладишь мрачную с чела его морщину...
Благодари судьбу, когда он, в свой черед,
Тебе участия хоть признак принесет —
И, подавя в себе всё нетерпенье скуки,
Прослушает рассказ твоей сердечной муки.

1835

Н. В. КУКОЛЬНИК

АНГЛИЙСКИЙ РОМАНС

Уймитесь, волнения страсти!
Засни, безнадежное сердце!
Я плачу, я стражду,—
Душа истомилась в разлуке.
Я плачу, я стражду!
Не выплакать горя в слезах...

Напрасно надежда
Мне счастье гадает,—
Не верю, не верю
Обетам коварным:
Разлука уносит любовь...

Как сон, неотступный и грозный,
Соперник мне снится счастливый,
И тайно и злобно
Кипящая ревность пылает...
И тайно и злобно
Оружия ищет рука...

Минует печальное время,
Мы снова обнимем друг друга.
И страстно и жарко
Забьется воскресшее сердце,
И страстно и жарко
С устами сольются уста.

Напрасно измену
Мне ревность гадает,—

Не верю, не верю
Коварным наветам!
Я счастлив! Ты снова моя!

И всё улыбнулось в природе;
Как солнце, душа просияла;
Блаженство, восторги
Воскресли в измученном сердце!
Я счастлив: ты снова моя.

Август 1838

ЖАВОРОНОК

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.

Не видать певца полей,
Где поет так громко
Над подружкою своей
Жаворонок звонкой.

Ветер песенку несет,
А кому — не знает.
Та, к кому она, поймет,
От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
Песнь надежды сладкой...
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

11 июля 1840

К. С. АКСАКОВ

* * *

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из крыльев комаришки
Сделал две себе манишки
И — в крахмал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из грецкого ореха
Сделал стул, чтоб слушать эхо,
И кричал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из листика сирени
Сделал зонтик он для тени
И гулял!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы яичной
Фаэтон себе отличный
Заказал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы рачонка
Сшил четыре башмачонка
И — на бал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что, одувши одуванчик,
Он набил себе диванчик,
Тут и спал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что наткать себе холстины
Пауку из путины
Заказал!

1836

СВОБОДНОЕ СЛОВО

Ты чудо из божьих чудес,
Ты мысли светильник и пламя,
Ты луч нам на землю с небес,
Ты нам человечества знамя!
Ты гонишь невежества ложь,
Ты вечною жизнию ново,
Ты к свету, ты к правде ведешь,
Свободное слово!
Лишь духу власть духа дана,
В животной же силе нет прока:
Для истины — гибель она,
Спасенье — для лжи и порока.
Враждует ли с ложью — равно
Живет его жизнию новой...
Неправде опасно одно —
Свободное слово!
Ограды властям никогда
Не зижди на рабстве народа!
Где рабство, там бунт и беда;
Защита от бунта — свобода.
Раб в бунте опасней зверей,
На нож он меняет оковы...
Оружье свободных людей —
Свободное слово!
О, слово, дар бога святой!..
Кто слово, дар божеский, свяжет,
Тот путь человеку иной —
Путь рабства преступный — укажет
На козни, на вредную речь;
В тебе ж исцеленье готово,
О духа единственный меч,
Свободное слово!

1854
Москва

А. В. КОЛЬЦОВ

КОЛЬЦО

(Песня)

Я затеплю свечу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Без него — для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке —
Камень на сердце.

Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?

Нет надежды в душе...
Ты рассыпься же

Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно,
На огне кольцо,
И звенит по столу
Память вечную.

20 сентября 1830

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большова леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну, тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;

Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею.
Уроди мне, боже,
Хлеб — мое богатство!

26 ноября 1831

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе,
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,

В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

1834

КОСАРЬ

Не возьму я в толк...
Не придумаю...
Отчего же так —
Не возьму я в толк?
Ох, в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет.
У меня ль плечо —
Шире дедова,
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лице моем
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зорю красную.
Кудри черные
Лежат скобкою;
Что работаю —
Всё мне спорится!
Да в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А он, старый хрен,

Заупрямился!
За кого же он
Выдаст Грунюшку?
Не возьму я в толк,
Не придумаю...
Я ль за тем гонюсь,
Что отец ее
Богачом слывет?
Пускай дом его —
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо белое —
Заря алая,
Щеки полные,
Глаза темные
Свели молодца
С ума-разума...
Ах, вчера по мне
Ты так плакала;
Наотрез старик
Отказал вчера...
Ох, не свыкнуться
С этой горестью...
Я куплю себе
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее,—
И прости-прощай,
Село ро́дное!
Не плачь, Грунюшка,
Косой вострою
Не подрежусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста,—
В края дальние
Пойдет молодец —
Что вниз по́ Дону,
По набере́жью,
Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылой-травой
Расстилается!..

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой вострою;
Мне давно гулять
По траве степной,
Вдоль и по́перек
С ней хотелося...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с по́лудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошо́нная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!
Наряду с травой
Вы засохните,
Как по Груне я
Сохну, молодец!
Нагребу копён,
Намечу стогов;
Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь в село —
Прямо к старосте:
Не разжалобил
Его бедностью —
Так разжалоблю
Золотой казной!..

1836, Москва

ЛЕС

Посвящено памяти А. С. Пушкина

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою,

Ты стоишь — поник
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь — поник
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было́,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было́,
Дни — роскошество,—
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было́,
Поздно вечером

Грозно с бурею
Разговор пойдет;

Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплачется
Лешим, ведьмою
И несет свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, темный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,

Так дорезала
Осень черная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

1837

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА

С радости-веселья
Хмелем кудри вьются;
Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет —
Золотая доля,
Завивает в кольцы
Молодецка удаль.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:
По щучью веленью
Всё тебе готово.

Чего душа хочет —
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал —
Пошла шутка в дело;
А тряхнул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло!

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,
Весело на белом
С черными бровями.

Вовремя да в пору
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают
И о кудрях зиму
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется;
С ними всё на свете
Ловко удается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни!
Ходи, парень, браво!

1837

* * *

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работáют давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты был? и что стал?
И что есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клетей домовой
Сор метлою посмёл;
И лошадок за долг
По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И, погнувшись, изба,
Как старушка, стоит.

Вспомни время свое:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна,
По дорожке большой,
По селам, городам,
По торговым людям!

И как двери ему
Растворяли везде,
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях сиротой
Хлеб нескошен стоит.
Ветер точит зерно!
Птица клю́ет его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну,
Бражку ковшиком пьют.

25 сентября 1839

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

То ли дело — вдвоем
Над рекою сидеть,
На зеленую степь,
На цветочки глядеть!

То ли дело — вдвоем
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать;

Поутру, на заре,
Обнимать-провожать,
Вечерком у ворот
Его вновь поджидать!

1 апреля 1840

РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дубрава-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо всё вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося,—
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

21 мая 1840

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другие любить
Не смогу́т никогда!

Только с ним лишь одним
Я на свете жила;
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
И бледна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вот он и́дет, поет:
«Где ты, зорька моя?»
Вот он руку берет,
Вот целует меня!

«Милый друг, погаси
Поцелуи твои!
И без них при тебе
Огнь пылает в крови;

И без них при тебе
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь,
И кипит горячо!

И блистают глаза
Лучезарной звездой!»
Я жила для него —
Я любила душой!

20 декабря 1841

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

ОТРЫВКИ

(Из книги любви)

4

Пиши, поэт! Слагай для милой девы
Симфонии любовные свои!
Переливай в гремучие напевы
Палящий жар страдальческой любви!
Чтоб выразить таинственные муки,
Чтоб сердца огнь в словах твоих изник —
Изобретай неслыханные звуки,
Выдумывай неведомый язык!

И он поет. Любовью к милой дышит
Откованный в горниле сердца стих.
Певец поет: она его не слышит;
Он слезы льет: она не видит их.
Когда ж молва, все тайны расторгая,
Песнь жаркую по свету разнесет
И, может быть, красавица другая
Прочувствует ее, не понимая,
Она ее бесчувственно поймет;
Она пройдет, измерит без раздумья
Всю глубину поэта тяжких дум;
Ее живой быстролетучий ум
Поймет язык сердечного безумья,—
И, гордая могуществом своим
Пред данником и робким и немым,
На бурный стих порой ему укажет,
Где страсть его так бешено горит,
С улыбкою: «Как это мило!» — скажет
И, легкая, к забавам улетит.

А ты ступай, мечтатель умиленный,
Вновь расточать бесплатные мечты!
Или опять красавице надменной
Ковать венец, работник вдохновенный,
Ремесленник во славу красоты!

⟨*1837*⟩

И ТУДА

И туда — на грань Камчатки
Ты зашла для бранной схватки,
Рать британских кораблей,
И, пристав под берегами,
Яро грянули громами
Пришлецы из-за морей.

И, прикрыт звериной кожей,
Камчадал на них глядит:
Гости странные похожи
На людей: такой же вид!
Только чуден их обычай:
Знать, не ведая приличий,
С злостью выехали в свет,—
В гости едут — незнакомы;
И, приехав, мечут громы
Здесь хозяевам в привет!
Огнедышащих орудий
Навезли — дымят, шумят!
«А ведь всё же это — люди»,—
Камчадалы говорят.

«Камчадал! Пускай в них стрелы!
Ну, прицеливайся! Бей!
Не зевай! В твои пределы,
Видишь, вторгнулся злодей».
И дикарь в недоуменье
Слышит странное веленье:
«Как? Стрелять? В кого? В людей?»
И, ушам своим не веря:
«Нет,— сказал,— стрелу мою
Я пускаю только в зверя;
Человека я не бью».

Август — сентябрь 1854

Ф. И. ТЮТЧЕВ

ПРОБЛЕСК

Слыхал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полуночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшися, потух!

Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но, ах! не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем,—
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон,—

И отягченною главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

Осень 1825

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

1828; начало 1850-х

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.

⟨1828⟩

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
  И в оный час явлений и чудес
  Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах;
  Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
  Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

Первая половина 1829

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак, на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

⟨1829⟩

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво ка́тится река,
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

1829

СНЫ

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,—
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Начало 1830

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

1830

БЕЗУМИЕ

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод,—
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

1830

* * *

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает
И огнь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает,

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..

О Небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

1830

ЦИЦЕРОН

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавый!..

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

1830

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой Весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

1830

SILENTIUM![1]

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,—
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи,—
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи,—
Внимай их пенью — и молчи!..

1830

---

[1] Молчание! *(лат.)*

КОНЬ МОРСКОЙ

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смирный-ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле,
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег —
И — в брызги разлетишься!..

1830

* * *

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной,—

Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

1830

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,

Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветр порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

Осень 1830

PROBLEME[1]

С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? никто не знает ныне —
Сорвался ль он с вершины *сам* собой,
Иль был *низринут волею чужой?*

Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.

15 января 1833; 2 апреля 1857

* * *

Над виноградными холмами
Плывут златые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.

Там, в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет,
Туда взлетая, звук немеет...
Лишь жизнь природы там слышна,
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

Начало 1830-х

---

[1] Проблема (*франц.*).

* * *

О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

Начало 1830-х

* * *

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам годины буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

Начало 1830-х

* * *

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

1835

* * *

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток,
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

1835

* * *

Как птичка, раннею зарей
Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!..
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

1835

* * *

Вечер мглистый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час...
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

1835

* * *

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальный гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, темный, благовонный,
Всё залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

1835

* * *

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..

Весь день, в бездействии глубоком,
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить;
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набресть на свежий дух синели
Или на светлую мечту...

1835

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Всё выше, дале вьется он,
И вот ушел за небосклон!

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земли!..

1835

* * *

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

Апрель 1836

ФОНТАН

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Апрель 1836

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, знать, не дышат
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Орга́на жизнь глухонемой!
Души его, ах! не встревожит
И голос матери самой!

Апрель 1836

* * *

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край:
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит.

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Апрель 1836

29-ое ЯНВАРЯ 1837

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он высшею рукою
В «*цареубийцы*» заклеймен.

Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил —
И осененный опочил
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Май — июль (?) 1837

ВЕСНА

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены,—
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она:
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея;
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет,—
И страх кончины неизбежной
Не свеет с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

1838

ДЕНЬ И НОЧЬ

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

Начало 1839

КОЛУМБ

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело,
Ты за́весу расторг божественной рукой —
И новый мир, неведомый, нежданный,
Из беспредельности туманной
На божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

1844

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои младые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле,—
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

1848 или 1849

* * *

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит неуловима!..
«Вот наша жизнь,— промолвила ты мне,—
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

1848 или 1849

* * *

Когда в кругу убийственных забот
Нам всё мерзит — и жизнь, как камней груда,
Лежит на нас,— вдруг знает бог откуда
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее долы,
Вдруг ветр подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

22 октября 1849

* * *

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые,—
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

Октябрь (?) 1849

* * *

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный,
Как золотой покров она свила.
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —
Упра́зднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье родовое.

Между 1848 и мартом 1850

* * *

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой;

Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,

На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит.

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850

* * *

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участьем умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч.

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

15 сентября 1850

ДВА ГОЛОСА

1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

1850

* * *

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
Льдина за льдиною плывет.

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия,—
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое *Я*,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

Весна 1851

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...

Между июлем 1850 и
серединой 1851

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

Между июлем 1850 и
серединой 1851

* * *

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно устыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

Между июлем 1850 и
серединой 1851

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебны взоры, речи,
И смех младенческо-живой?

И что ж теперь? И где ж всё это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

Первая половина 1851

* * *

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Всё в зарницах трепетало...

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загоралися порою...

14 июля 1851

* * *

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

6 августа 1851

* * *

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

28 июля 1852

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован,—
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затре́пещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

31 декабря 1852

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,—
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Между серединой 1851 и
началом 1854

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

13 августа 1855

* * *

О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так ты — жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

* * *

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет,—
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

15 августа 1857

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде,—
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857

* * *

Она сидела на полу
И груду писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратимо пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени,—
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

Апрель? 1858

* * *

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как всё это я любила!»

. . . .

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

Октябрь или первая
половина декабря 1864

* * *

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней —
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.

Земное ль в ней очарованье
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

3 ноября 1864

* * *

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

21 ноября 1864

* * *

Как хорошо ты, о море ночное,—
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянье
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

Январь 1865

* * *

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг всё замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною,
На безымянном диком берегу.

О господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял *ее*, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней,—

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе,—

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

Конец марта 1865

* * *

Est in arundineis modulatio musica ripis[1].

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе,—
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

И от земли до крайних звезд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?

11 мая 1865

---

[1] Есть музыкальный строй в прибрежных тростниках (*лат.*).

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять всё потемнело,
Всё стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

18 августа 1865

* * *

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать,—

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;

От желчи горького сознанья,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор,—
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

Между 1 и 3 сентября 1866

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только *верить*.

28 ноября 1866

* * *

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья,—
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

14 октября 1867

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

2 августа 1868

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

27 февраля 1869

* * *

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Август 1869

К. Б.

Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас,—

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне,—
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,—
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

26 июля 1870

* * *

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят,— и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезою природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

17 августа 1871

К. К. ПАВЛОВА

* * *

> Salut, salut, consolatrice!
> Ouvre' tes bras, je viens chanter.
>
> *Mussel*[1]

Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих!
Мой светлый луч над пепелищем
Блаженств и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло;
Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло!

Проснись же, смолкнувшее слово!
Раздайся с уст моих опять;
Сойди к избраннице ты снова,
О роковая благодать!
Уйми безумное роптанье.
И обреки всё сердце вновь
На безграничное страданье,
На бесконечную любовь!

Февраль 1854
Дерпт

---

[1] Привет, привет, утешительница!
Открой объятья, я запою. *Мюссе (франц.).*

Э. И. ГУБЕР

НОВГОРОД

Время пролетело,
Слава прожита,
Вече онемело,
Сила отнята.

Город воли дикой,
Город буйных сил,
Новгород великой
Тихо опочил.

Слава отшумела,
Время протекло,
Площадь опустела,
Вече отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вече распустили,
Колокол снесли.

Порешили дело...
Всё кругом молчит,
Только Волхов смело
О былом шумит.

Белой плачет кровью
О былых боях
И поет с любовью
О старинных днях.

Путник тихо внемлет
Песне ярых волн
И опять задремлет,
Тайной думы полн.

Между 1838 и 1840

Е. П. РОСТОПЧИНА

К СТРАДАЛЬЦАМ-ИЗГНАННИКАМ

Соотчичи мои, заступники свободы,
О вы, изгнанники за правду и закон,
Нет, вас не оскорбят проклятием народы,
Вы не услышите укор земных племен!
Пусть сокрушились вы о силу самовластья,
Пусть угнетают вас тирановы рабы,—
Но ваш терновый путь, ваш жребий лучше счастья
И стоит всех даров изменчивой судьбы!..
Удел ваш — не позор, а слава, уваженье,
Благословения правдивых сограждáн,
Спокойной совести, Европы одобренье
И благодарный храм от будущих славян!
Хоть вам не удалось исполнить подвиг мести
И цепи рабства снять с России молодой,
Но вы страдаете для родины и чести,
И мы признания вам платим долг святой.
Быть может, между вас, в сибирских тундрах диких,
Увяли многие?.. Быть может, душный плен
И воздух ссылочный — отрава душ великих —
Убили в цвете лет жильцов подземных стен?..
Ни эпитафии, ни пышность мавзолеев
Их прах страдальческий, их память не почтут:
Загробная вражда их сторожей-злодеев
Украсить нам не даст последний их приют.
Но да утешатся священные их тени!
Их памятник — в сердцах отечества сынов,
В неподкупны́х хвалах свободных песнопений,
В молитвах русских жен, в почтеньи всех веков!

Мир им!.. Мир праху их!.. А вы, друзья несчастных,
Несите с мужеством крест неизбежный свой!..
Быть может, вам не век стонать в горах ужасных,
Не век терпеть в цепях, с поруганной главой...
Быть может, вам и нам ударит час священный
Паденья варварства, деспо́тства и царей,
И нам торжествовать придется день блаженный
Свободы для Руси, отмщенья за друзей!..
Тогда дойдут до вас восторженные клики
России, вспрянувшей от рабственного сна,
И к жизни из могил вас вырвет крик великий:
«Восстаньте!.. Наша Русь святая спасена!..»
Тогда сообщники, не ведомые вами,
Окончив подвиг ваш, свершив урочный бой,
С свободной вестию, с свободными мечтами
Пойдут вас выручать шумящею толпой!..
Тогда в честь падших жертв, жертв чистых, благородных,
Мы тризну братскую достойно совершим,
И слезы согражда́н, ликующих, свободных,
Наградой славною да вечно будут им!

Май 1831
Москва

И. С. ТУРГЕНЕВ

БАЛЛАДА

Перед воеводой молча он стоит;
Голову потупил — сумрачно глядит.

С плеч могучих сняли бархатный кафтан;
Кровь струится тихо из широких ран.

Скован по ногам он, скован по рукам:
Знать, ему не рыскать ночью по лесам!

Думает он думу — дышит тяжело:
Плохо!.. видно, время доброе прошло.

«Что́, попался, парень? Долго ж ты гулял!
Долго мне в тенёта волк не забегал!

Что же приумолк ты? Слышал я не раз —
Песенки ты мастер петь в веселый час;

Ты на лад сегодня вряд ли попадешь...
Завтра мы услышим, ка́к ты запоешь».

Взговорил он мрачно: «Не услышишь, нет!
Завтра петь не буду — завтра мне не след;

Завтра умирать мне смертию лихой;
Сам ты запоешь, чай, с радости такой!..

Мы певали песни, как из леса шли —
Как купцов с товаром мы в овраг вели...

Ты б нас тут послушал — ладно пели мы;
Да недолго песней тешились купцы...

Да еще певал я — в домике твоем;
Запивал я песни — всё твоим вином;

Заедал я чарку — барскою едой;
Целовался сладко — да с твоей женой».

⟨1841⟩

⟨ИЗ ЦИКЛА⟩ „ВАРИАЦИИ"

III

(В дороге)

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

Ноябрь 1843

Н. П. ОГАРЕВ

ДРУГУ ГЕРЦЕНУ

Прими, товарищ добрый мой,
Души мечтающей признанья;
С тобой связал я жребий свой,
Мои — и радость и страданья.
Друг! всё мое найдешь здесь ты:
И к миру лучшему стремленья,
О небе сладкие мечты
И на земле — разуверенья.

1833 (?)

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом, старый друг, посетил я
Наконец в запустенье тебя,
И былое опять воскресил я,
И печально смотрел на тебя.

Двор лежал предо мной неметеный,
Да колодец валился гнилой,
И в саду не шумел лист зеленый,
Желтый — тлел он на почве сырой.

Дом стоял обветшалый уныло,
Штукатурка обилась кругом,
Туча серая сверху ходила
И все плакала, глядя на дом.

Я вошел. Те же комнаты были;
Здесь ворчал недовольный старик;
Мы беседы его не любили,
Нас страшил его черствый язык.

Вот и комнатка: с другом, бывало,
Здесь мы жили умом и душой;
Много дум золотых возникало
В этой комнатке прежней порой.

В нее звездочка тихо светила,
В ней остались слова на стенах;
Их в то время рука начертила,
Когда юность кипела в душах.

В этой комнатке счастье былое,
Дружба светлая выросла там,
А теперь запустенье глухое,
Паутины висят по углам.

И мне страшно вдруг стало. Дрожал я,
На кладбище я будто стоял,
И родных мертвецов вызывал я,
Но из мертвых никто не восстал.

1839

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

Вдоль по улице широкой
Избы мужиков.
Ходит сторож одинокой,
Слышен скрип шагов.

Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вкруг него;
На морозе побелела
Борода его.

Скучно! радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждет
И в края доски чугунной
С тайной грустью бьет.

И, качаясь, завывает
Звонкая доска...
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска.

1840

ДОРОГА

Тускло месяц дальной
    Светит сквозь тумана,
И лежит печально
    Снежная поляна.

Белые с морозу,
    Вдоль пути рядами
Тянутся березы
    С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
    Колокольчик звонок;
Напевает тихо
    Мой ямщик спросонок.

Я в кибитке валкой
    Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
    Сторону родную.

1841, 15 декабря

ИЗБА

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.

Вечер зимний длится;
Дедушка в избе
На печи ложится,
И уж спит себе.

Помоляся богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь.

И лучина бледно
Перед ней горит.
Всё в избушке бедной
Тишиной томит;

Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

⟨1842⟩

ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели —
Река была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пели;
Тянулся за рекою дол,
Спокойно, пышно зеленея;
Вблизи шиповник алый цвел,
Стояла темных лип аллея.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели —
Во цвете лет была она,
Его усы едва чернели.
О, если б кто увидел их
Тогда, при утренней их встрече,
И лица б высмотрел у них
Или подслушал бы их речи —
Как был бы мил ему язык,
Язык любви первоначальной!
Он, верно б, сам, на этот миг,
Расцвел на дне души печальной!..
Я в свете встретил их потом:
Она была женой другого,
Он был женат, и о былом
В помине не было ни слова;
На лицах виден был покой,
Их жизнь текла светло и ровно,
Они, встречаясь меж собой,
Могли смеяться хладнокровно...
А там, по берегу реки,
Где цвел тогда шиповник алый,
Одни простые рыбаки
Ходили к лодке обветшалой
И пели песни — и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было там говорено,
И сколько было позабыто.

⟨1842⟩

* * *

К подъезду! — Сильно за звонок рванул я.—
Что, дома? — Быстро я взбежал наверх.
Уже ее я не видал лет десять;
Как хороша она была тогда!
Вхожу. Но в комнате всё дышит скукой,
И плющ завял, и сторы спущены.
Вот у окна, безмолвно за газетой,
Сидит какой-то толстый господин.
Мы поклонились. Это муж. Как дурен!
Широкое и глупое лицо.

В углу сидит на креслах длинных кто-то,
В подушки утонув. Смотрю — не верю!
Она — вот эта тень полуживая?
А есть еще прекрасные черты!
Она мне тихо машет: «Подойдите!
Садитесь! рада я вам, старый друг!»
Рука как желтый воск, чуть внятен голос,
Взор мутен. Сердце сжалось у меня.
«Меня теперь вы, верно, не узнали...
Да — я больна; но это всё пройдет:
Весной поеду непременно в Ниццу».
Что отвечать? Нельзя же показать,
Что слезы хлынули к глазам от сердца,
А слово так и мрет на языке.
Муж улыбнулся, что я так неловок.
Какую-то я пошлость ей сказал
И вышел. Трудно было оставаться —
Поехал. Мокрый снег мне бил в лицо,
И небо было тускло...

⟨1842⟩

* * *

В пирах безумно молодость проходит;
Стаканов звон да шутки, смех да крик
Не умолкают. А меж тем не сходит
С души тоска ни на единый миг;
Меж тем и жизнь идет, и тяготеет
Над ней судьба, и страшной тайной веет.
Мне пир наскучил — он не шлет забвенья
Душевной скорби; судорожный смех
Не заглушает тайного мученья!..

Начало 1840-х (?)

АРЕСТАНТ

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.

Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой.
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?» —
«Притворись, что ты заснул:
Мимо б я да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зеленый умирать!..»

«Рад помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тож и я!
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюся батожья!
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут,
Только ком окровавленный
На тележке увезут!»

Шепот смолк... Всё тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
И конца нет сколько жить!

1850, 24 февраля — 20 марта

〈Е. Ф.〉 КОРШУ

Из края бедных, битых и забитых
Я переехал в край иной —
Голодных, рубищем едва покрытых
На стуже осени сырой.
И то, что помню я, и то, что вижу ныне,
Не веет отдыхом недремлющей кручине.

Я помню смрад курной избы,
Нечистой, крошечной и темной,
И жили там мои рабы.
Стоял мужик пугливо-томный,
Возилась баба у печи
И ставила пустые щи,
Ребенок в масляной шубенке,
Крича, жевал ломо́ть сухой,
Спала свинья близ коровенки,
Окружена своей семьей.
Стуча в окно порой обычной,
На барщину десятский звал,
Спине послушной и привычной —
Без нужды розгой угрожал.
Я помню, как квартальный надзиратель,
Порядка русского блюститель и создатель,
Допрашивал о чем-то бедняка,
И кровь лилась под силой кулака,
И человек, весь в жалком беспорядке,
Испуганный, дрожал, как в лихорадке.
Я годы, годы не забыл,
Как этот вид противен был...
И после мы — друзей в беседе пылкой —
О родине скорбели за бутылкой.
И вижу я: у двери кабака,
Единого приюта бедняка,
Пред мужем пьяным совершенно
Полуодетая жена
В слезах, бледна, изнурена,
Стоит коленопреклоненна
И молит, чтобы шел домой,
Чтоб ради всей щедроты неба
Сберег бы грош последний свой,
Голодным детям дал бы хлеба.
А мимо их спешит народ,
Трещат без умолку коляски,
И чувствуешь — водоворот,
Круженье бесовской пляски...
О ты, который упрекал
Мой стих за мрачность настроенья,
За байронизм, и порицал
Меня с серьезной точки зренья,
Поди сюда, серьезный человек,
Отнюдь не верующий в бедство
И уважающий наш век!
Взгляни на лик, состарившийся с детства,

На хаос жизни пристально взгляни,
И лгать не смей, а прокляни
Весь этот род болезненный и злобный
И к лучшему нисколько не способный.

1856

ПРЕДИСЛОВИЕ К «КОЛОКОЛУ»

Россия тягостно молчала,
Как изумленное дитя,
Когда, неистово гнетя,
Одна рука ее сжимала;
Но тот, который что есть сил
Ребенка мощного давил,—
Он с тупоумием капрала
Не знал, что перед ним лежало,
И мысль его не поняла,
Какая есть в ребенке сила:
Рука ее не задушила —
Сама с натуги замерла.

В годину мрака и печали,
Как люди русские молчали,
Глас вопиющего в пустыне
Один раздался на чужбине;
Звучал на почве не родной —
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что из боязни
Он укрывался бы от казни;
А потому, что здесь язык
К свободомыслию привык —
И не касалася окова
До человеческого слова.

Привета с родины далекой
Дождался голос одинокой,
Теперь юней, сильнее он...
Звучит, раскачиваясь, звон,
И он гудеть не перестанет,
Пока — спугнув ночные сны —
Из колыбельной тишины
Россия бодро не воспрянет,
И крепко на ноги не станет,

И, непорывисто смела,
Начнет торжественно и стройно,
С сознаньем доблести спокойной,
Звонить во все колокола.

1857, май — июнь

* * *

Сторона моя родимая,
Велики твои страдания,
Но есть мощь неодолимая,
И полны мы упования:

Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие,—
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие!

Не пойдет волной обратною
Волга-матушка раздольная,
И стезею благодатною
Русь вперед помчится вольная!

1858

* * *

Свисти ты, о ветер, с бессонною силой
Во всю одинокую ночь,
Тоску твоей песни пустынно-унылой
Еще я берусь превозмочь.

Я стану мечтать величаво и стройно
Про будущность нашей страны,—
В доверчивой мысли светло и спокойно.
Мне делом покажутся сны.

Я вспомню о прошлом, о жизни сердечной,
Таинственном шепоте дев,
И детской дремотой забудусь беспечно
Под твой похоронный напев.

1859

* * *

Мой русский стих, живое слово
Святыни сердца моего,
Как звуки языка родного,
Не тронет сердца твоего.
На буквы чуждые взирая
С улыбкой ясною,— умей,
Их странных форм не понимая,
Понять в них мысль любви моей.
Их звук пройдет в тиши глубокой,
Но я пишу их потому,
Что этот голос одинокой —
Он нужен чувству моему.
И я так рад уединенью:
Мне нужно самому себе
Сказать в словах, подобных пенью,
Как благодарен я тебе —
За мягкость ласки бесконечной;
За то, что с тихой простотой
Почтила ты слезой сердечной,
Твоей сочувственной слезой —
Мое страданье о народе,
Мою любовь к моей стране
И к человеческой свободе...
За все доверие ко мне,
За дружелюбные названья,
За чувство светлой тишины,
За сердце, полное вниманья
И тайной, кроткой глубины.
За то, что нет сокрытых терний
В любви доверчивой твоей,
За то, что мир зари вечерней
Блестит над жизнию моей.

Между 1862 и 1864

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

* * *

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед.
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим,
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам
И за него снесем гоненье,
Простив безумным палачам!

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит;
И верьте, голос благородный
Не даром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед, и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

⟨1846⟩

* * *

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

Когда ж пробьет желанный час
И встанут спящие народы —
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

1846

* * *

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льется,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?

Еще просит сердце
Света и тепла!

Все тебе не рады!
Твой унылый вид
Горе да невзгоды
Бедному сулит.
Слышит он заране
Крик и плач ребят;
Видит, как от стужи
Ночь они не спят;
Нет одежды теплой,
Нету в печке дров...
Ты на чей же, осень,
Поспешила зов?

Вон и худ и бледен
Сгорбился больной...
Как он рад был солнцу,
Как был бодр весной!
А теперь — наводит
Желтых листьев шум
На душу больную
Рой зловещих дум!
Рано, рано, осень,
В гости к нам пришла...
Многим не дождаться
Света и тепла!

⟨*1860*⟩

* * *

Я у матушки выросла в холе
И кручины не ведала злой;
Да счастливой девической доле
Позавидовал недруг людской.

Речи сладкие стал он, лукавый,
Мне нашептывать ночью и днем;
И наскучили смех и забавы,
И наскучил мне матери дом.

Сердце билось испуганной пташкой,
Не давало ни часу заснуть;

Подымалась под тонкой рубашкой
Высоко моя белая грудь.

Я вставала с постели босая,
И, бывало, всю ночь напролет
Под окошком кого-то ждала я —
Всё казалось мне, кто-то идет...

Я ждала и дождалась милóва,
И уж как полюбился он мне;
Молодца не видала такого
Прежде я никогда и во сне.

Очи карие бойко глядели
На меня из-под черных бровей;
Допытать они, видно, хотели,
Что в душе затаилось моей.

Допытали они, что готова
Хоть на гибель для них я была...
И за милым из дома родного
Я, как малый ребенок, пошла.

Был он барин богатый и где-то
Всё в далеких краях проживал;
Слышь, лечился — и только на лето
Он в поместья свои наезжал.

Только лаской его и жила я,
Белый свет с ним казался милей;
Нипочем было мне, что дурная
Шла молва про меня у людей.

Да не думала я, не гадала,
Что любви его скоро конец;
Вдруг постыла милóму я стала:
И с другой он пошел под венец.

Не пригожим лицом, не красою
Приманила дворянка его:
Приманила богатой казною —
Много взял он за нею всего.

С той поры будто солнышка нету,
Всё глухая, осенняя ночь;
Как ни жди, не дождешься рассвету;
Как ни плачь, а беде не помочь.

И с красой я своей распрощалась,
Не узнала б теперь меня мать;
Ни кровинки в лице не осталось,
Словно зелья мне дали принять.

Ах! изменой своей — не отравой —
Он с лица мне румянец согнал...
Буду помнить я долго, лукавый,
Что ты ночью мне летней шептал!

⟨1860⟩

СТАРИК

У лесной опушки домик небольшой
Посещал я часто прошлою весной.

В том домишке бедном жил седой лесник.
Памятен мне долго будешь ты, старик.

Как приходу гостя радовался ты!
Вижу, как теперь я, добрые черты...

Вижу я улыбку на лице твоем —
И морщинкам мелким нет числа на нем!

Вижу армячишко рваный на плечах,
Шапку на затылке, трубочку в зубах;

Помню смех твой тихий, взгляд потухших глаз,
О житье минувшем сбивчивый рассказ.

По лесу бродили часто мы вдвоем;
Старику там каждый кустик был знаком.

Знал он, где какая птичка гнезда вьет,
Просеки, тропинки знал наперечет.

А какой охотник был до соловьев!
Всю-то ночь, казалось, слушать он готов,

Как в зеленой чаще песни их звучат;
И еще любил он маленьких ребят.

На своем крылечке сидя каждый день,
Ждет, бывало, деток он из деревень.

Много их сбегалось к деду вечерком;
Щебетали, словно птички перед сном:

«Дедушка, голубчик, сделай мне свисток».
«Дедушка, найди мне беленький грибок».

«Ты хотел мне нынче сказку рассказать».
«Посулил ты белку, дедушка, поймать».

«Ладно, ладно, детки, дайте только срок,
Будет вам и белка, будет и свисток!»

И смеясь, рукою дряхлой гладил он
Детские головки, белые как лен.

Ждал поры весенней с нетерпеньем я:
Думал, вот приеду снова в те края

И отправлюсь к другу старому скорей.
Он навстречу выйдет с трубочкой своей

И начнет о сельских новостях болтать.
По лесу бродить с ним будем мы опять,

Слушая, как в чаще свищут соловьи...
Но, увы! желанья не сбылись мои.

Как с деревьев падать начал лист сухой,
Смерть подкралась к деду тихою стопой.

Одинок угас он в домике своем,
И горюют детки больше всех по нем:

«Кто поймает белку, сделает свисток?»
Долго будет мил им добрый старичок.

И где спит теперь он непробудным сном,
Часто голоса их слышны вечерком...

⟨1877⟩

А. Н. МАЙКОВ

СОН

Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скирдами,
На синие леса, на влажный злак лугов;
Когда над озером белеет столп паров
И в редком тростнике, медлительно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на влаге отражаясь,—
Иду я под родной соломенный свой кров,
Раскинутый в тени акаций и дубов;
И там, в урочный час, с улыбкой уст приветных,
В венце дрожащих звезд и маков темноцветных,
С таинственных высот воздушною стезей
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сияньем палевым главу мне обливает,
И очи тихою рукою закрывает,
И, кудри подобрав, главой склонясь ко мне,
Лобзает мне уста и очи в тишине.

1839

* * *

На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой,
Покрытом кустарником ветхим и зеленью сосен,
Печальный Мениск, престарелый рыбак, схоронил
Погибшего сына. Его возлелеяло море,
Оно же его и приялло в широкое лоно,
И на берег бережно вынесло мертвое тело.

Оплакавши сына, отец под развесистой ивой
Могилу ему ископал и, накрыв ее камнем,
Плетеную вершу из ивы над нею повесил —
Угрюмой их бедности памятник скудный!

1840

СВИРЕЛЬ

Вот тростник сухой и звонкой...
Добрый Пан! Перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И в свирель его сложи!
Поделись со мной искусством
Трели в ней перебирать,
Оживлять их мыслью, чувством,
Понижать и повышать,
Чтоб мне в зной полдня́ златого
Рощи, горы усыпить
И из волн ручья лесного
В грот наяду приманить.

21 апреля 1840

ОКТАВА

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:
У брега сонных вод, один бродя, случайно,
Прислушайся душой к шептанью тростников,
Дубравы говору; их звук необычайный
Прочувствуй и пойми... В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы.

1841

* * *

Я в гроте ждал тебя в урочный час.
Но день померк; главой качаясь сонной,
Заснули тополи, умолкли гальционы:
Напрасно!.. Месяц встал, сребрился и угас;

Редела ночь; любовница Кефала,
Облокотясь на рдяные врата
Младого дня, из кос своих роняла
Златые зерна перлов и опала
На синие долины и леса,—
Ты не являлась...

1840—1841

ВАКХАНКА

Тимпан, и звуки флейт, и плески вакханалий
Молчанье дальних гор и рощей потрясали.
Движеньем утомлен, я скрылся в мрак дерёв;
А там, раскинувшись на мягкий бархат мхов,
У грота темного вакханка молодая
Покоилась, к руке склонясь, полунагая.
По жаркому лицу, по мраморной груди
Луч солнца, тень листов скользили, трепетали;
С аканфом и плющом власы ее спадали
На кожу тигрову, как резвые струи;
Там тирс изломанный, там чаша золотая...
Как дышит виноград на персях у нея,
Как алые уста, улыбкою играя,
Лепечут, полные томленья и огня!
Как тихо всё вокруг! лишь слышны из-за дали
Тимпан, и звуки флейт, и плески вакханалий...

Март 1841

БАРЕЛЬЕФ

Вот безжизненный отрубок
Серебра: стопи его
И вместительный мне кубок
Слей искусно из него.
Ни кипридиных голубок,
Ни медведиц, ни плеяд
Не лепи по стенкам длинным.
Отчекань: в саду пустынном,
Между лоз, толпы менад,
Выжимающих созрелый,

Налитой и пожелтелый
С пышной ветки виноград;
Вкруг сидят умно и чинно
Дети возле бочки винной;
Фавны с хмелем на челе;
Вакх под тигровою кожей
И силен румянорожий
На споткнувшемся осле.

1842

* * *

Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!
Под этаким небом невольно художником станешь.
Природа и люди здесь будто другие, как будто картины
Из ярких стихов антологии Древней Эллады.
Ну вот, поглядите: по каменной белой ограде разросся
Блуждающий плющ, как развешанный плащ иль завеса;
В средине, меж двух кипарисов, глубокая темная ниша,
Откуда глядит голова с преуродливой миной
Тритона. Холодная влага из пасти, звеня, упадает.
К фонтану альбанка (ах, что за глаза из-под тени
Покрова сияют у ней! что за стан в этом алом корсете!),
Подставив кувшин, ожидает, как скоро водою
Наполнится он, а другая подруга стоит неподвижно,
Рукой охватив осторожно кувшин на облитой
Вечерним лучом голове... Художник (должно быть, германец)
Спешит срисовать их, довольный, что случай нежданно
В их позах сюжет ему дал для картины, и вовсе не мысля,
Что я срисовал в то же время и чудное небо,
И плющ темнолистый, фонтан и свирепую рожу тритона,
Альбанок и даже — его самого с его кистью!

1844

AMOROSO[1]

Выглянь, милая соседка,
В окна комнаты своей!
Душит запертая клетка
Птичку вольную полей.

---

[1] Любовник *(итал.)*.

Выглянь! Солнце, потухая,
Лик твой ясный озарит
И угаснет, оживляя
Алый блеск твоих ланит.

Выглянь! глазками легонько
Или пальчиком грозя.
Где ревнивец твой, тихонько
Дай мне знать, краса моя!

О, как много б при свиданье
Я хотел тебе сказать;
Слышать вновь твое признанье
И ревнивца поругать...

Чу! твой голос! песни звуки...
И гитары тихий звон...
Усыпляй его, баюкай...
Тише... что?.. заснул уж он?

Ты в мантилье, в маске черной
Промелькнула пред окном;
Слышу, с лестницы проворно
Застучала башмачком...

1845

FORTUNATA[1]

Ах, люби меня без размышлений,
Без тоски, без думы роковой,
Без упреков, без пустых сомнений!
Что тут думать? Я твоя, ты мой!

Всё забудь, всё брось, мне весь отдайся!..
На меня так грустно не гляди!
Разгадать, что в сердце,— не пытайся!
Весь ему отдайся — и иди!

Я любви не числю и не мерю;
Нет, любовь есть вся моя душа.

---

[1] Счастливая (*итал.*).

Я люблю — смеюсь, клянусь и верю...
Ах, как жизнь, мой милый, хороша!..

Верь в любви, что счастью не умчаться,
Верь, как я, о гордый человек,
Что нам век с тобой не расставаться
И не кончить поцелуя век...

1845

ПЕЙЗАЖ

Люблю дорожкою лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь как будто по водам,—
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалека...
Вот на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет
На солнце вдруг, то в тень уйдет...
И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя,
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

1853

* * *

Весна! Выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

1854

* * *

Боже мой! вчера — ненастье,
А сегодня — что за день!
Солнце, птицы! блеск и счастье!
Луг росист, цветет сирень...

А еще ты в сладкой лени
Спишь, малютка!.. О, постой!
Я пойду нарву сирени
Да холодною росой

Вдруг на сонную-то брызну...
То-то сладко будет мне
Победить в ней укоризну
Свежей вестью о весне!

1855

ЖУРАВЛИ

От грустных дум очнувшись, очи
Я подымаю от земли:
В лазури темной к полуночи
Летят станицей журавли.

От криков их на небе дальном
Как будто благовест идет —

Привет лесам патриархальным,
Привет знакомым плесам вод!..

Здесь этих вод и лесу вволю,
На нивах сочное зерно...
Чего ж еще? ведь им на долю
Любить и мыслить не дано...

1855

БОЛОТО

Я целый час болотом занялся.
Там белоус торчит, как щетка, жесткий;
Там точно пруд зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, как на подмостки,
На старый пень, торчащий из воды,
На солнце нежится и дремлет... Белым
Пушком одеты тощие цветы;
Над ними мошки вьются роем целым;
Лишь незабудок сочных бирюза
Кругом глядит умильно мне в глаза,
Да оживляют бедный мир болотный
Порханье белой бабочки залетной
И хлопоты стрекозок голубых
Вокруг тростинок тощих и сухих.
Ах! прелесть есть и в этом запустенье!..
А были дни, мое воображенье
Пленял лишь вид подобных тучам гор,
Небес глубоких праздничный простор,
Монастыри да белых вилл ограда
Под зеленью плюща и винограда...
Или луны торжественный восход
Между колонн руины молчаливой,
Над серебром с горы падучих вод...
Мне в чудные гармоний переливы
Слагался рев катящихся зыбей;
В какой-то мир вводил он безграничный,
Где я робел душою непривычной
И радостно присутствие людей
Вдруг ощущал, сквозь этот гул упорный,
По погремушкам вьючных лошадей,
Тропинкою спускающихся горной...

И вот — теперь такою же мечтой
Душа полна, как и в былые годы,
И так же здесь заманчиво со мной
Беседует таинственность природы.

1856

ПОД ДОЖДЕМ

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от дома;
Мы спешили скрыться под мохнатой елью...
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли точно в клетке золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с игол,
Падали, блистая, на твою головку,
Или с плеч катились прямо под снуровку...
Помнишь — как всё тише смех наш становился...
Вдруг над нами прямо гром перекатился —
Ты ко мне прижалась, в страхе очи жмуря...
Благодатный дождик! Золотая буря!

1856

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

1856

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданьи конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

1856

ЛАСТОЧКИ

Мой сад с каждым днем увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст...

Мне грустно! Меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном;
В нем ласточек речи не слышу;
Солома обветрилась в нем...

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок!
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далёко, далёко, далёко...
О, если бы крылья и мне!

1856

ОСЕНЬ

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят;
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей.

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

Знаю, недаром средь мхов
  Ранний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
  Каждый цветок я встречал.

Что им сказала душа,
  Что ей сказали они —
Вспомню я, счастьем дыша,
  В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой...
  Смерть стелет жатву свою!
Только я весел душой —
  И, как безумный, пою!

1856

ВЕСНА

Голубенький, чистый
  Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
  Последний снежок...

Последние слезы
  О горе былом
И первые грезы
  О счастьи ином...

1857

* * *

Поле зыблется цветами...
В небе льются света волны...
Вешних жаворонков пенья
Голубые бездны полны.

Взор мой тонет в блеске полдня...
Не видать певцов за светом...
Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом...

И откуда раздаются
Голоса их, я не знаю...
Но, им внемля, взоры к небу,
Улыбаясь, обращаю.

1857

* * *

Душно! Иль опять сирокко?
И опять залив кипит,
И дыхание Сахары
В бурых тучах вихорь мчит?

В лицах страх, недоуменье...
Средь безмолвных площадей
Люди ждут в томленьи страстном,
Грянул гром бы поскорей...

Чу! уж за морем он грянул!
И Сицилия горит!
Знамя светлое свободы
Уж над островом стоит!

Миг еще — конец тревоги,
Ожиданья и тоски,
И народ вкруг Гарибальди
Кинет в воздух колпаки!

1860 (?)

⟨ИЗ ЦИКЛА⟩ „В СТЕПЯХ"

4

ПОЛДЕНЬ

Пар полуденный, душистый
Подымается с земли...
Что ж за звуки в серебристой
Всё мне чудятся дали?

И в душе моей, как тени
По степи от облаков,
Ряд проносится видений,
Рой каких-то давних снов.

Орды ль идут кочевые?
Рев верблюдов, скрип телег?..
Не стрельцы ль сторожевые?
Не казацкий ли набег?

Полоняночка ль родная
Песню жалкую поет
И, тата́рченка качая,
Голос милым подает?..

1863

* * *

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Всё гибнет, всё гибнет! ты черен и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришел!»

Не слышит тревоги их царственный лес.
Под темной лазурью суровых небес
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нем сила для новой весны.

1863

ЕМШАН[1]

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Всё обаянье воскрешает...

Когда в степях, за станом стан,
Бродили орды кочевые,
Был хан Отро́к и хан Сырчан,
Два брата, ба́тыри лихие.

---

[1] Рассказ этот взят из Волынской летописи.

Емшан — название душистой травы, растущей в наших степях,— вероятно, полынок. (*Примеч. автора.*)

И раз у них шел пир горой —
Велик полон был взят из Руси!
Певец им славу пел, рекой
Лился кумыс во всем улусе.

Вдруг шум, и крик, и стук мечей,
И кровь, и смерть, и нет пощады!
Всё врозь бежит, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То с русской силой Мономах
Всесокрушающий явился;
Сырчан в донских залег мелях,
Отро́к в горах кавказских скрылся!

И шли года... Гулял в степях
Лишь буйный ветер на просторе...
Но вот — скончался Мономах,
И по Руси — туга и горе.

Зовет к себе певца Сырчан
И к брату шлет его с наказом:
«Он там богат, он царь тех стран,
Владыка надо всем Кавказом,—

Скажи ему, чтоб бросил всё,
Что умер враг, что спали цепи,
Чтоб шел в наследие свое,
В благоухающие степи!

Ему ты песен наших спой,—
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется».

Отро́к сидит в златом шатре,
Вкруг — рой абхазянок прекрасных;
На золоте и серебре
Князей он чествует подвластных.

Введен певец. Он говорит,
Чтоб в степи шел Отро́к без страха,
Что путь на Русь кругом открыт,
Что нет уж больше Мономаха!

Отрок молчит, на братнин зов
Одной усмешкой отвечает,—
И пир идет, и хор рабов
Его что солнце величает.

Встает певец, и песни он
Поет о былях половецких,
Про славу дедовских времен
И их набегов молодецких,—

Отрок угрюмый принял вид
И, на певца не глядя, знаком,
Чтоб увели его, велит
Своим послушливым кунакам.

И взял пучок травы степной
Тогда певец и подал хану —
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,

За грудь схватился... Все глядят:
Он — грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат,—
Пучок травы целуя, плачет!

И вдруг, взмахнувши кулаком:
«Не царь я больше вам отныне! —
Воскликнул.— Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

Наутро, чуть осел туман
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван —
Отрок с немногою дружиной.

Минуя гору за горой,
Всё ждет он — скоро ль степь родная,
И вдаль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская.

1874

ВЕСНА

Посвящается Коле Трескину

Уходи, Зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что́ шума, что́ гуденья,
Теплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У нее не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон — уж пчел рои шумят,
И летит победным флагом
Пестрых бабочек отряд!

⟨1880⟩

ГРОЗА

Кругом царила жизнь и радость,
И ветер нес ржаных полей
Благоухание и сладость
Волною мягкою своей.

Но вот, как бы в испуге, тени
Бегут по золотым хлебам,
Промчался вихрь — пять-шесть мгновений,—
И, в встречу солнечным лучам,

Встают с серебряным карнизом
Чрез все полнеба ворота,
И там, за занавесом сизым,
Сквозят и блеск, и темнота.

Вдруг словно скатерть парчевую
Поспешно сдернул кто с полей,
И тьма за ней в погоню злую,
И всё свирепей и быстрей.

Уж расплылись давно колонны,
Исчез серебряный карниз,
И гул пошел неугомонный,
И огнь, и воды полились...

Где царство солнца и лазури!
Где блеск полей, где мир долин!
Но прелесть есть и в шуме бури,
И в пляске ледяных градин!

Их нахватать — нужна отвага!
И — вон как дети в удальце
Ее чéстят! Как вся ватага
Визжит и скачет на крыльце!

1887

* * *

Вчера — и в самый миг разлуки
Я вдруг обмолвился стихом —
Исчезли слезы, стихли муки,
И точно солнечным лучом
И близь, и даль озолотило...
Но не кори меня, мой друг!
Венец свой творческая сила
Кует лишь из душевных мук!
Глубоким выхвачен он горем
Из недр души заповедных,
Как жемчуг, выброшенный морем
Под грохот бури,— этот стих!

1889

А. А. ФЕТ

* * *

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздья винограда,
Ветвей концы висят,—
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей.

⟨1842⟩

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

⟨1842⟩

* * *

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

⟨1842⟩

* * *

Буря на небе вечернем,
Моря сердитого шум —
Буря на море и думы,
Много мучительных дум.
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум —
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

⟨1842⟩

* * *

Теплым ветром потянуло,
Смолк далекий гул,
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщик уснул.

В загородке улеглися
И жуют волы,
Звезды частые зажглися
По навесу мглы.

Только выше всё всплывает
Месяц золотой,
Только стадо обегает
Пес сторожевой.

Редко, редко кочевая
Тучка бросит тень...
Неподвижная, немая,
Ночь светла, как день.

⟨1842⟩

* * *

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких, и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатилась на запад...
Прости, золотая, прости!

⟨1842⟩

* * *

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга.
Валежник свистал на огне.

И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!

Березы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что́ с тобою?
Я знаю давно, что́ со мной!

⟨1842⟩

ВАКХАНКА

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьяненья,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая все ниже опускалась,
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

⟨1843⟩

* * *

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

⟨1843⟩

* * *

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа всё так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь,— но только песня зреет.

⟨1843⟩

* * *

Уж верба вся пушистая
  Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
  Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
  Тепло озарены,
И в душу снова просятся
  Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И над душою каждою
Проносится весна.

⟨1844⟩

* * *

Как мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.

Но цвет вдохновенья
Печален средь буднишних терний;
Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний.

Но память былого
Всё крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

1844

* * *

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;

Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

⟨1844⟩

* * *

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемым то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом.

⟨1844⟩

* * *

Ночь светла, мороз сияет,
Выходи — снежок хрустит;
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.

Сядем, полость застегну я,—
Ночь светла, и ровен путь.
Ты ни слова,— замолчу я,
И — пошел куда ни будь!

⟨1847⟩

* * *

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила,—
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастию сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.

⟨1847⟩

* * *

Как отрок зарею
Лукавые сны вспоминает,
Я звука душою
Ищу, что в душе обитает.

Хоть в сердце нет веры
В живое преданий наследство,
Люблю я химеры,
Где рдеет румяное детство.

Быть может, что сонный
Со сном золотым встрепенется
Иль стих благовонный
Из уст разомкнутых польется.

⟨1847⟩

* * *

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красён,
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несется рысью.

⟨1847⟩

* * *

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное,— и тихо, улыбаясь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь,— и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья,—
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

⟨1847⟩

* * *

Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой
Каймою тень легла от сосен в лунный свет...
Какая тишина! Из-за горы высокой
Сюда и доступа мятежным звукам нет.

Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,
Летит на хрящ морской; где в море вал огромный
Придет — и убежит в объятия валов.

Одна передо мной, под мирными звездами,
Ты здесь, царица чувств, властительница дум...
А там придет волна — и грянет между нами...
Я не пойду туда: там вечный плеск и шум!

⟨1847⟩, 1855

* * *

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе — и судьбе я молча предаюсь.

Без клятв и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.

Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.

И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.

⟨1847⟩

ДИАНА

Богини девственной округлые черты,
Во всем величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами.

С продолговатыми, бесцветными очами
Высоко поднялось открытое чело,—
Его недвижностью вниманье облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Но ветер на заре между листов проник,—
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал,— она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад,
На стогны длинные... Но мрамор недвижимый
Белел передо мной красой непостижимой.

(1847)

* * *

Уснуло озеро; безмолвен черный лес;
Русалка белая небрежно выплывает;
Как лебедь молодой, луна среди небес
Скользит и свой двойник на влаге созерцает.

Уснули рыбаки у сонных огоньков;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Порой тяжелый карп плеснет у тростников,
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой.

Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерывают,—
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на воде русалки колыхают...

(1847)

* * *

Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
Что не выскажешь словами —
Звуком на́ душу навей.

(1847)

* * *

О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребенок,
Я так привык!

Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.

Скажи, не я ль на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет?

Что ж? Рухнула с разбега колесница,
Хоть цель вдали,
И, распростерт, заносчивый возница
Лежит в пыли.

Я это знал — с последним увлеченьем
Конец всему;
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.

Так предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.

И не зови — но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу —
И за тобой!

⟨1847⟩

ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ

Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгающим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.

Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

1848

* * *

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

⟨1850⟩

* * *

Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей...
Да и тот не слышит,— песнь его громка;
Разве слышат только сердце да рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастия сюда мы принесли;

Да рука, услыша, сердцу говорит,
Что чужая в ней пылает и дрожит,
Что и ей от этой дрожи горячо,
Что к плечу невольно клонится плечо...

⟨1853⟩

ШАРМАНЩИК

К окну я в потемках приник —
Ну, право, нельзя неуместней:
Опять в переулке старик
С своей неотвязною песней!

Те звуки свистят и поют
Нескладно-тоскливо-неловки...
Встают предо мною, встают
За рамой две светлых головки.

Над ними поверхность стекла
При месяце ярко-кристальна.
Одна так резво́-весела,
Другая так томно-печальна.

И — старая песня! — с тоской
Мы прошлое нежно лелеем,
И жаль мне и той и другой,
И рад я сердечно обеим.

Меж них в промежутке видна
Еще голова молодая,—
И всё он хорош, как одна,
И всё он грустит, как другая.

Он предан навеки одной
И грусти терзаем приманкой...
Уйдешь ли ты, гаер седой,
С твоей неотвязной шарманкой?..

⟨1854⟩

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМ

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом,
Пропал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огня иль песни — и не ждешь!
Всё степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

За облаком до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрыпят коростели.

Уж сумраком пытливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И как река засветит Млечный Путь.

⟨1854⟩

* * *

Какое счастие: и ночь, и мы одни!
Река — как зеркало и вся блестит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Я болен, я влюблен; но, мучась и любя —
О, слушай! о, пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

⟨1854⟩

ПЧЕЛЫ

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.

Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет всё боле и боле,
Точно уголь в груди я несу.

Нет, постой же! С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах, опять эти пчелы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.

⟨1854⟩

ИВА

Сядем здесь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На коре вокруг дупла!
А под ивой как красивы
Золотые переливы
Струй дрожащего стекла!

Ветви сочные дугою
Перегнулись над водою,
Как зеленый водопад;
Как живые, как иглою,
Будто споря меж собою,
Листья воду бороздят.

В этом зеркале под ивой
Уловил мой глаз ревнивый
Сердцу милые черты...
Мягче взор твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Как в воде дрожишь и ты.

⟨1854⟩

* * *

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

⟨1854⟩

БУРЯ

Свежеет ветер, меркнет ночь,
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит —
То прянет, то отхлынет прочь.

Всё раздражительней бурун;
Его шипучая волна
Так тяжела и так плотна,
Как будто в берег бьет чугун.

Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
Готов воскликнуть: «Вот я вас!»

1854

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШ

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой,—
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

⟨1854⟩

* * *

Как здесь свежо под липою густою —
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал.

А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колебляся, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.

За мглой ветвей синеют неба своды,
Как дымкою подернуты слегка,
И, как мечты почиющей природы,
Волнистые проходят облака.

⟨1854⟩

* * *

Над озером лебедь в тростник протянул,
В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес.

И воздухом чистым усталая грудь
Дышала отрадно. Легли

Вечерние тени.— Вечерний мой путь
Краснел меж деревьев вдали.

А мы — мы на лодке сидели вдвоем,
Я смело налег на весло,
Ты молча покорным владела рулем,
Нас в лодке как в люльке несло.

И детская челн направляла рука
Туда. где, блестя чешуей,
Вдоль сонного озера быстро река
Бежала, как змей золотой.

Уж начали звезды мелькать в небесах...
Не помню, как бросил весло,
Не помню, что пестрый нашептывал флаг,
Куда нас потоком несло!

⟨1854⟩

* * *

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекати-поле
Прыгает как мяч.

⟨1854⟩

ВЕСНА НА ДВОРЕ

Как дышит грудь свежо и емко —
Слова не выразят ничьи!
Как по оврагам в полдень громко
На пену прядают ручьи!

В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь —
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь!»

⟨1855⟩

ВЕЧЕР

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном,—
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

⟨1855⟩

* * *

В темноте, на треножнике ярком,
Мать варила черешни вдали...
Мы с тобой отворили калитку
И по темной аллее пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.

Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.

Как-то странно мы оба молчали
И странней сторонилися прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь.

⟨1856⟩

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ

И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.

Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось!

Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.

1856

У КАМИНА

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылек.

Видений пестрых вереница
Влечет, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

Встает ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

1856

* * *

Весна и ночь покрыли дол,
Душа бежит во мрак бессонный,
И внятно слышен ей глагол
Стихийной жизни, отрешенной,

И неземное бытиё
Свой разговор ведет с душою
И веет прямо на нее
Своею вечною струею.

Но вот заря! Бледнеет тень,
Туман волнуется и тает,—
И встретить очевидный день
Душа с восторгом вылетает.

1856 или 1857 (?)

ЕЩЕ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

⟨1857⟩

ПЕВИЦЕ

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря,—
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И всё выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.

⟨1857⟩

* * *

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон, немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.

⟨*1857*⟩

БАЛ

Когда трепещут эти звуки
И дразнит ноющий смычок,
Слагая на коленях руки,
Сажусь в забытый уголок.

И, как зари румянец дальный
Иль дней былых немая речь,
Меня пленяет вихорь бальный
И шевелит мерцанье свеч.

О, как, ничем не укротимо,
Уносит к юности былой
Вблизи порхающее мимо
Круженье пары молодой!

Чего хочу? Иль, может статься,
Бывалой жизнию дыша,
В чужой восторг переселяться
Заране учится душа?

⟨*1857*⟩

* * *

Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,

Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!

Полночный свет, ты тот же день:
Белей лишь блеск, чернее тень,
Лишь тоньше запах сочных трав,
Лишь ум светлей, мирнее нрав,
Да вместо страсти хочет грудь
Вот этим воздухом вздохнуть.

1857 (?)

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

1857 (?)

ЦВЕТЫ

С полей несется голос стада,
В кустах малиновки звенят,
И с побелевших яблонь сада
Струится сладкий аромат.

Цветы глядят с тоской влюбленной,
Безгрешно чисты, как весна,
Роняя с пылью благовонной
Плодов румяных семена.

Сестра цветов, подруга розы,
Очами в очи мне взгляни,
Навей живительные грезы
И в сердце песню зарони.

⟨1858⟩

* * *

Заря прощается с землею,
Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.

Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!

И всё таинственней, безмерней
Их тень растет, растет, как сон;
Как тонко по заре вечерней
Их легкий очерк вознесен!

Как будто, чуя жизнь двойную
И ей овеяны вдвойне,—
И землю чувствуют родную,
И в небо просятся оне.

⟨1858⟩

* * *

Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
  И, сжимаясь, трещит можжевельник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
  Раскрасневшись, шатается ельник.

Я и думать забыл про холодную ночь,—
  До костей и до сердца прогрело;
Что смущало, колеблясь умчалося прочь,
  Будто искры в дыму, улетело.

Пусть на зорьке, всё ниже спускаясь, дымок
  Над золою замрет сиротливо;
Долго-долго, до поздней поры огонек
  Будет теплиться скупо, лениво.

И лениво и скупо мерцающий день
  Ничего не укажет в тумане;
У холодной золы изогнувшийся пень
  Прочернеет один на поляне.

Но нахмурится ночь — разгорится костер,
  И, виясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
  Покраснев, зашатается ельник.

⟨1859⟩

* * *

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

Конец 50-х годов

* * *

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи всё гладко, всё бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А всё надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста,—
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

1862

* * *

Солнце нижет лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой!

Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

1863

* * *

Кому венец: богине ль красоты
Иль в зеркале ее изображенью?
Поэт смущен, когда дивишься ты
Богатому его воображенью.

Не я, мой друг, а божий мир богат,
В пылинке он лелеет жизнь и множит,
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может.

⟨1865⟩

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Отсталых туч над нами пролетает
Последняя толпа.
Прозрачный их отрезок мягко тает
У лунного серпа.

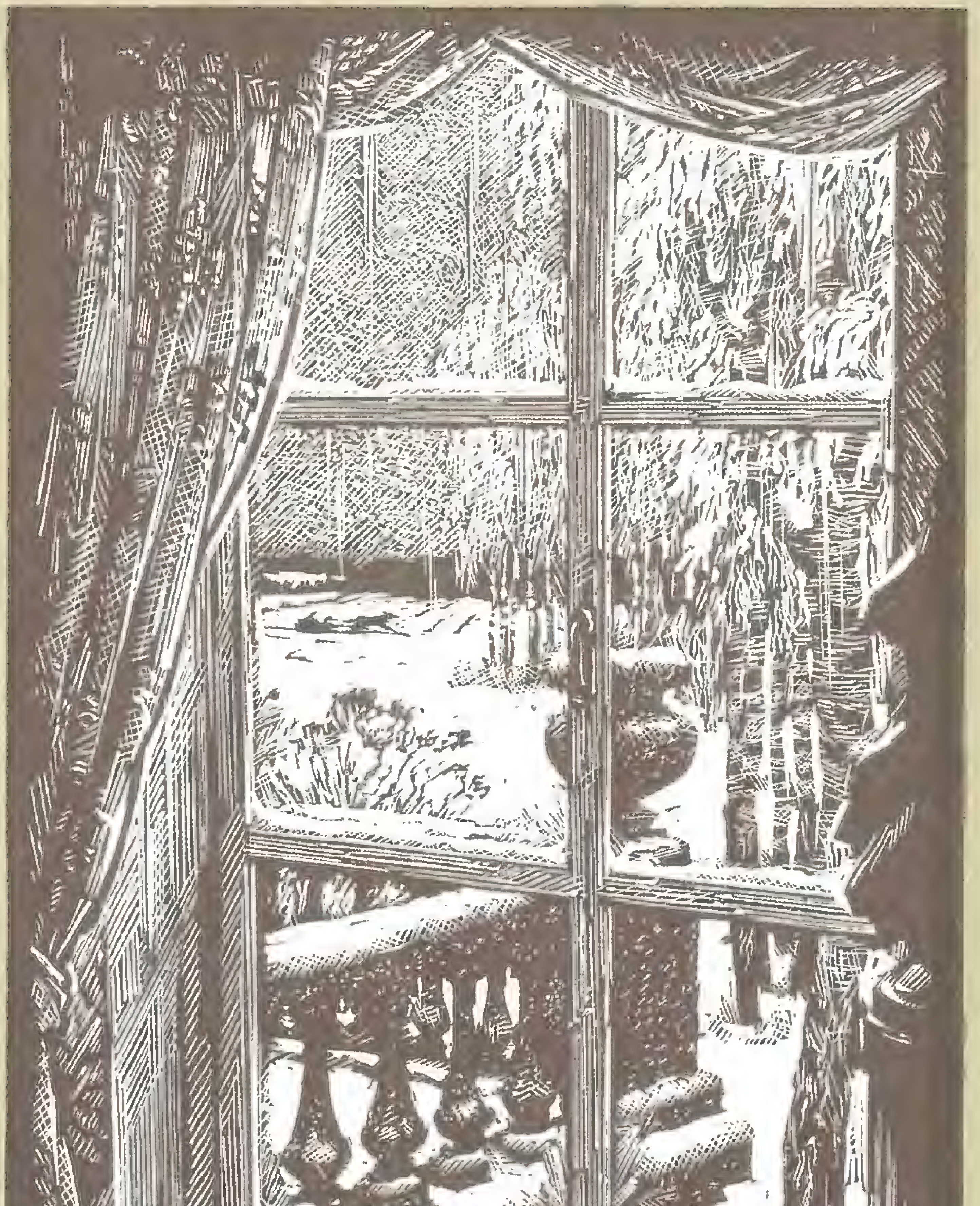
Царит весны таинственная сила
С звездами на челе.—
Ты, нежная! Ты счастье мне сулила
На суетной земле.

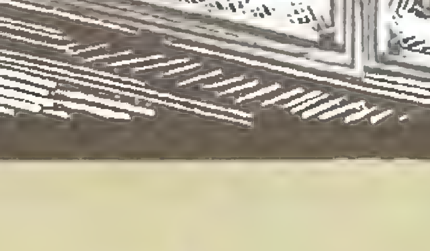
А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
А вон оно — как дым.
За ним! за ним! воздушною дорогой —
И в вечность улетим!

1870

* * *

Всю ночь гремел овраг соседний,
Ручей, бурля, бежал к ручью,
Воскресших вод напор последний
Победу разглашал свою.





Ты спал. Окно я растворила,
В степи кричали журавли,
И сила думы уносила
За рубежи родной земли,

Лететь к безбрежью, бездорожью,
Через леса, через поля,—
А подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля.

Как верить перелетной тени?
К чему мгновенный сей недуг,
Когда ты здесь, мой добрый гений,
Бедами искушенный друг?

1872

* * *

Только встречу улыбку твою
Или взгляд уловлю твой отрадный,—
Не тебе песнь любви я пою,
А твоей красоте ненаглядной.

Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленною трелью
Восхвалять неумолчно он рад
Над душистой ее колыбелью.

Но безмолвствует, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

1873 (?)

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Как ястребу, который просидел
На жердочке суконной зиму в клетке,
Питаяся настрелянною птицей,
Весной охотник голубя несет
С надломленным крылом — и, оглядев

Живую пищу, старый ловчий щурит
Зрачок прилежный, поджимает перья
И вдруг нежданно, быстро, как стрела,
Вонзается в трепещущую жертву,
Кривым и острым клювом ей взрезает
Мгновенно грудь и, весело раскинув
На воздух перья, с алчностью забытой
Рвет и глотает трепетное мясо,—
Так бросил мне кавказские ты песни,
В которых бьется и кипит та кровь,
Что мы зовем поэзией.— Спасибо,
Полакомил ты старого ловца!

1875

СРЕДИ ЗВЕЗД

Пусть мчитесь вы, как я, покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных числ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.

В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных,
Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: «Вечность — мы, ты — миг.

Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день.

Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где всё темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло».
22 ноября 1876

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

2 августа 1877

ALTER EGO[1]

Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа, и чья,—
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?

Ты душою младенческой всё поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой.

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

Январь 1878

---

[1] Второе я (*лат.*).

* * *

Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять.

А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей.—
Как не цвести всевидящему маю
При отблеске родном таких очей!

Очей тех нет — и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твое небытие!

4 ноября 1878

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Далекий друг, пойми мои рыданья,
Ты мне прости болезненный мой крик.
С тобой цветут в душе воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвык.

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это всё? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир объять.
Напрасный жар! Никто не отвечает,
Воскреснут звуки — и замрут опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес,
В ланитах кровь, и в сердце вдохновенье.—
Прочь этот сон,— в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что́ жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.

28 января 1879

* * *

Не тем, господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознаньем,
Что в звездный день твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданьем

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти твои законы,
Всё пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной.

Меж тем как я — добыча суеты,
Игралище ее непостоянства,—
Во мне он вечен, вездесущ, как ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

1879

* * *

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
Этот пух — не лист,
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,

Эти зори без затменья,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,

Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это всё — весна.

1881(?)

МУЗЕ

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.

Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

1882

* * *

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски-задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.

3 апреля 1883

ОСЕНЬ

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

8 октября 1883

* * *

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Всё злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

31 декабря 1883

ЛАСТОЧКИ

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши всё кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечереющим прудом.

Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя,—
Не таково ли вдохновенье
И человеческого я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

⟨1884⟩

БАБОЧКА

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла.

Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась
И вот — дышу.

Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

⟨1884⟩

* * *

Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов.

О, как ничтожно всё! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых —
Лишь тайная тоска в душе осиротелой
Да тени бледные у лепестков сухих.

Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них всё прошлое — один жестокий бред,
Без них — один укор, без них — одно терзанье,
И нет прощения, и примиренья нет!

29 мая 1884

* * *

Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне,—
Ничего ты на всё не ответила мне.

Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине,—
Ничего ты на всё не ответила мне.

Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты,—
Мне и тут ничего не ответила ты.

С опочившей я глаз был не в силах отвесть,—
Всю погасшую тайну хотел я прочесть.
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, ничего не ответила ты!

⟨1885⟩

* * *

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что́ я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

2 сентября 1885

* * *

Жду я, тревогой объят,
Жду тут на самом пути:
Этой тропой через сад
Ты обещалась прийти.

Плачась, комар пропоет,
Свалится плавно листок...
Слух, раскрываясь, растет,
Как полуночный цветок.

Словно струну оборвал
Жук, налетевши на ель;
Хрипло подругу позвал
Тут же у ног коростель.

Тихо под сенью лесной
Спят молодые кусты...
Ах, как пахнуло весной!..
Это наверное ты!

13 декабря 1886

* * *

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки,—
Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел,—
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!

15 февраля 1887

* * *

Как беден наш язык! — Хочу и не могу.—
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец.
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

11 июня 1887

* * *

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветр с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упиться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец —
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец!

28 октября 1887

* * *

Прости! во мгле воспоминанья
Всё вечер помню я один,—
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.

Глядя в огонь, я забывался,
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался
Избыток счастия и сил.

Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твое тепло?

Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..

22 января 1888

* * *

На кресле отвалясь, гляжу на потолок,
  Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
  Вертится призрачною тенью.

Зари осенней след в мерцанье этом есть:
  Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
  Грачи кружатся темным стадом...

Нет, то не крыльев шум, то кони у крыльца!
  Я слышу трепетные руки...
Как бледность холодна прекрасного лица!
  Как шепот горестен разлуки!..

Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
  Из-за темнеющего сада,—
И кружится еще, приюта не найдя,
  Грачей встревоженное стадо.

15 декабря 1890

* * *

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь заныть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.

7 сентября 1891

* * *

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело,—
Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом всё гудет и колышется,
Листья кружатся у ног.
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что́ мне листы!
Кажется, издали странника бедного
Нежно приветствуешь ты.

4 ноября 1891

* * *

Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчас сердцем не вспорхнуть;
Не могу, наперекор привычке,
Как войдешь,— хоть молча не вздохнуть.

Ты не вспыхнешь, ты не побледнеешь,
Взоры полны тихого огня;

Больно видеть мне, как ты умеешь
Не видать и не слыхать меня.

Я тебя невольно беспокою,
Торжество должна ты искупить:
На заре без туч нельзя такою
Молодой и лучезарной быть!

16 февраля 1892

А. А. ГРИГОРЬЕВ

КОМЕТА

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозда́нная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,—
Что́ нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

Июнь 1843

* * *

Над тобою мне тайная сила дана,
  Это — сила звезды роковой.
Есть преданье — сама ты преданий полна,—
  Так послушай: бывает порой,
В небесах загорится, средь сонма светил,
  Небывалое вдруг иногда,
И гореть ему ярко господь присудил —
  Но падучая это звезда...

И сама ли нечистым огнем сожжена,
Или, звездному кругу чужда,
Серафимами свержена с неба она,—
Рассыпается прахом звезда;
И дано, говорят, той печальной звезде
Искушенье посеять одно,
Да лукавые сны, да страданье везде,
Где рассыпаться ей суждено.

Над тобою мне тайная сила дана,
Эту силу я знаю давно:
Так уносит в безбрежное море волна
За собой из залива суднó,
Так, от дерева лист оторвавши, гроза
В вихре пыли его закружит,
И, с участьем следя, не увидят глаза,
Где кружится, куда он летит...
Над тобою мне тайная сила дана,
И тебя мне увлечь суждено,
И пускай ты горда, и пускай ты скрытна,—
Эту силу я понял давно.

Август 1843

⟨ИЗ ЦИКЛА⟩ «БОРЬБА»

1

Я ее не люблю, не люблю...
Это — сила привычки случайной!
Но зачем же с тревогою тайной
На нее я смотрю, ее речи ловлю?

Что мне в них, в простодушных речах
Тихой девочки с женской улыбкой?
Что в задумчиво-робко смотрящих очах
Этой тени воздушной и гибкой?

Отчего же — и сам не пойму —
Мне при ней как-то сладко и больно,
Отчего трепещу я невольно,
Если руку ее на прощанье пожму?

Отчего на прозрачный румянец ланит
Я порою гляжу с непонятною злостью
И боюсь за воздушную гостью,
Что, как призрак, она улетит?

И спешу насмотреться, и жадно ловлю
Мелодически-милые, детские речи;
Отчего я боюся и жду с нею встречи?..
Ведь ее не люблю я, клянусь, не люблю.

⟨1853, 1857⟩

13

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.

Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Вся жизнь моя прикована...

И сердце ведает мое,
Отравою облитое,
Что я впивал в себя ее
Дыханье ядовитое...

Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, сетую...
Допой же мне — договори
Ты песню недопетую.

Договори сестры твоей
Все недомолвки странные...
Смотри: звезда горит ярчей...
О, пой, моя желанная!

И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я...
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

⟨1857⟩

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

ЖНИЦЫ

Пой, пой, свирель!.. Погас последний луч денницы...
Вон, в сумраке долин, идут толпами жницы,
На месяце блестят и серп их, и коса;
Пыль мягкая чуть-чуть дымится под ногами,
Корзины их шумят тяжелыми снопами,
Далеко звонкие их слышны голоса...
Идут... прошли... чуть слышно их... Бог с ними!
Я жду ее одну, с приветом на устах,
В венке из полевых цветов, с серпом в руках,
Обремененную плодами золотыми...
Пой, пой, свирель!..

1840

ДОРОГА

Глухая степь — дорога далека,
Вокруг меня волнует ветер поле,
Вдали туман — мне грустно поневоле,
И тайная берет меня тоска.

Как кони ни бегут — мне кажется, лениво
Они бегут. В глазах одно и то ж —
Всё степь да степь, за нивой снова нива.
«Зачем, ямщик, ты песни не поешь?»

И мне в ответ ямщик мой бородатый:
«Про черный день мы песню бережем».—

«Чему ж ты рад?» — «Недалеко от хаты —
Знакомый шест мелькает за бугром».

И вижу я: навстречу деревушка,
Соломой крыт, стоит крестьянский двор,
Стоят скирды.— Знакомая лачужка,
Жива ль *она*, здорова ли с тех пор?

Вот крытый двор. Покой, привет и ужин
Найдет ямщик под кровлею своей.
А я устал — покой давно мне нужен;
Но нет его... Меняют лошадей.

Ну-ну, живей! Долга моя дорога —
Сырая ночь — ни хаты, ни огня.
Ямщик поет — в душе опять тревога —
Про черный день нет песни у меня.

⟨1842⟩

* * *

Пришли и стали тени ночи
На страже у моих дверей!
Смелей глядит мне прямо в очи
Глубокий мрак ее очей;
Над ухом шепчет голос нежный,
И змейкой бьется мне в лицо
Ее волос моей небрежной
Рукой измятое кольцо.

Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный мир любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!

Но покачнулись тени ночи,
Бегут, шатаяся, назад.
Ее потупленные очи
Уже глядят и не глядят;
В моих руках рука застыла,
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О солнце, солнце! Погоди!

1842

ТИШЬ

Душный зной над океаном,
Небеса без облаков;
Сонный воздух не колышет
Ни волны, ни парусов.
Мореплаватель, сердито
В даль пустую не гляди:
В тишине, быть может, буря
Притаилась, погоди!

‹1843›

ЗИМНИЙ ПУТЬ

Ночь холодная мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
А ямщик погоняет коней.

За горами, лесами, в дыму облаков
Светит пасмурный призрак луны.
Вой протяжный голодных волков
Раздается в тумане дремучих лесов.—
Мне мерещатся странные сны.

Мне всё чудится: будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядет,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поет.

И я вижу во сне, как на волке верхом
Еду я по тропинке лесной
Воевать с чародеем-царем
В ту страну, где царевна сидит под замком,
Изнывая за крепкой стеной.

Там стеклянный дворец окружают сады,
Там жар-птицы поют по ночам
И клюют золотые плоды,
Там журчит ключ живой и ключ мертвой воды —
И не веришь и веришь очам.

А холодная ночь так же мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
И ямщик погоняет коней.

1844

* * *

Уже над ельником из-за вершин колючих
Сияло золото вечерних облаков,
Когда я рвал веслом густую сеть плавучих
Болотных трав и водяных цветов.

То окружая нас, то снова расступаясь,
Сухими листьями шумели тростники;
И наш челнок шел, медленно качаясь,
Меж топких берегов извилистой реки.

От праздной клеветы и злобы черни светской
В тот вечер, наконец, мы были далеко —
И смело ты могла с доверчивостью детской
Себя высказывать свободно и легко.

И голос твой пророческий был сладок,
Так много в нем дрожало тайных слез,
И мне пленительным казался беспорядок
Одежды траурной и светло-русых кос.

Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я в глубину глядел, где тысяча корней
Болотных трав невидимо сплеталась,
Подобно тысяче живых зеленых змей.

И мир иной мелькал передо мною —
Не тот прекрасный мир, в котором ты жила;
И жизнь казалась мне суровой глубиною
С поверхностью, которая светла.

⟨1844⟩

ВЫЗОВ

За окном в тени мелькает
  Русая головка.
Ты не спишь, мое мученье!
  Ты не спишь, плутовка!

Выходи ж ко мне навстречу!
  С жаждой поцелуя
К сердцу сердце молодое
  Пламенно прижму я.

Ты не бойся, если звезды
  Слишком ярко светят:
Я плащом тебя одену
  Так, что не заметят!

Если сторож нас окликнет —
  Назовись солдатом;
Если спросят, с кем была ты,—
  Отвечай, что с братом!

Под надзором богомолки
  Ведь тюрьма наскучит;
А неволя поневоле
  Хитрости научит!

1844, октябрь

* * *

Развалину башни, жилище орла,
Седая скала высоко подняла
И вся наклонилась над бездной морской,
Как старец под ношей ему дорогой.

И долго та башня уныло глядит
В глухое ущелье, где ветер свистит;
И слушает башня — и слышится ей
Веселое ржанье и топот коней.

И смотрит седая скала в глубину,
Где ветер качает и гонит волну,
И видит — в обманчивом блеске волны
Шумят и мелькают трофеи войны.

1845

ЗАТВОРНИЦА

В одной знакомой улице —
  Я помню старый дом,
С высокой, темной лестницей,
  С завешенным окном.
Там огонек, как звездочка,
  До полночи светил,
И ветер занавескою
  Тихонько шевелил.
Никто не знал, какая там
  Затворница жила,
Какая сила тайная
  Меня туда влекла,
И что за чудо-девушка
  В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
  С распущенной косой.
Какие речи детские
  Она твердила мне:
О жизни неизведанной,
  О дальней стороне.
Как не по-детски пламенно,
  Прильнув к устам моим,
Она дрожа шептала мне:
  «Послушай, убежим!
Мы будем птицы вольные —
  Забудем гордый свет...
Где нет людей прощающих,
  Туда возврата нет...»
И тихо слезы капали,
  И поцелуй звучал,
И ветер занавескою
  Тревожно колыхал.

Тифлис,
1846. июля 20

КАЧКА В БУРЮ

(Посв. М. Л. Михайлову)

Гром и шум. Корабль качает;
Море темное кипит;
Ветер парус обрывает
И в снастях свистит.

Помрачился свод небесный,
И, вверяясь кораблю,
Я дремлю в каюте тесной...
Закачало — сплю.

Вижу я во сне: качает
Няня колыбель мою
И тихонько запевает:
«Баюшки-баю!»

Свет лампады на подушках;
На гардинах свет луны...
О каких-то всё игрушках
Золотые сны.

Просыпаюсь.... Что случилось?
Что такое? Новый шквал? —
«Плохо — стеньга обломилась,
Рулевой упал».

Что же делать? что могу я?
И, вверяясь кораблю,
Вновь я лег и вновь дремлю я...
Закачало — сплю.

Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен, мечты кипят...
От зари роскошный холод
Проникает в сад.

Скоро ночь — темнеют ели...
Слышу ласково-живой,
Тихий лепет: «На качели
Сядем, милый мой!»

Стан ее полувоздушный
Обвила моя рука,

И качается послушно
Зыбкая доска...

Просыпаюсь... Что случилось? —
«Руль оторван; через нос
Вдоль волна перекатилась,
Унесен матрос!»

Что же делать? Будь что будет!
В руки бога отдаюсь:
Если смерть меня разбудит —
Я не здесь проснусь.

Пароход «Тамань». Сентябрь 1850

НОЧЬ

Отчего я люблю тебя, светлая ночь,—
Так люблю, что страдая любуюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь!
Ты не мне, а другим посылаешь покой!..

Что́ мне звезды — луна — небосклон — облака —
Этот свет, что, скользя на холодный гранит,
Превращает в алмазы росинки цветка,
И, как путь золотой, через море бежит?

Ночь! — за что мне любить твой серебряный свет!
Усладит ли он горечь скрываемых слез,
Даст ли жадному сердцу желанный ответ,
Разрешит ли сомненья тяжелый вопрос!

Что́ мне сумрак холмов — трепет сонных листов —
Моря темного вечно шумящий прибой —
Голоса насекомых во мраке садов —
Гармонический говор струи ключевой?

Ночь! — за что мне любить твой таинственный шум!
Освежит ли он знойную бездну души,
Заглушит ли он бурю мятежную дум —
Всё, что жарче впотьмах и слышнее в тиши!

Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь,—
Так люблю, что страдая любуюсь тобой!
Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь,—
Оттого, может быть, что далек мой покой!

30 августа 1850
Массандра, на южном берегу Крыма

* * *

Не мои ли страсти
Поднимают бурю?
С бурями бороться
Не в моей ли власти?..

Пронеслася буря —
И дождем и градом
Пролилася туча
Над зеленым садом.

Боже! на листочках
Облетевшей розы,
Как алмазы, блещут
Не мои ли слезы?

Или у природы,
Как у сердца в жизни,
Есть своя улыбка
И свои невзгоды?

1850

ВЕСНА

Воротилась весна, воротилась!
Под окном я встречаю весну.
Просыпаются силы земные,
А усталого клонит ко сну.

И напрасно черемухи запах
Мне приносит ночной ветерок;

Я сижу и тружусь; сердце плачет,
А нужда задает мне урок.

Ты, любовь — праздной жизни подруга,—
Не сумела ужиться с трудом...
Со слезами со мной ты простилась —
И другим улыбнулась тайком...

⟨1853⟩

ПЕСНЯ ЦЫГАНКИ

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

⟨1853⟩

КОЛОКОЛЬЧИК

Улеглася метелица... путь озарен...
Ночь глядит миллионами тусклых очей...
Погружай меня в сон, колокольчика звон!
Выноси меня, тройка усталых коней!

Мутный дым облаков и холодная даль
Начинают яснеть; белый призрак луны
Смотрит в душу мою — и былую печаль
    Наряжает в забытые сны.

То вдруг слышится мне — страстный голос поет,
    С колокольчиком дружно звеня:
«Ах, когда-то, когда-то мой милый придет —
    Отдохнуть на груди у меня!

У меня ли не жизнь!.. чуть заря на стекле
Начинает лучами с морозом играть,
Самовар мой кипит на дубовом столе,
И трещит моя печь, озаряя в угле,
    За цветной занавеской, кровать!..

У меня ли не жизнь!.. ночью ль ставень открыт,
По стене бродит месяца луч золотой,
Забушует ли вьюга — лампада горит,
И, когда я дремлю, мое сердце не спит,
    Всё по нем изнывая тоской».

То вдруг слышится мне, тот же голос поет,
    С колокольчиком грустно звеня:
«Где-то старый мой друг?.. Я боюсь, он войдет
    И, ласкаясь, обнимет меня!

Что за жизнь у меня! и тесна, и темна,
И скучна моя горница; дует в окно.
За окошком растет только вишня одна,
Да и та за промерзлым стеклом не видна
    И, быть может, погибла давно!..

Что за жизнь!.. полинял пестрый полога цвет,
Я больная брожу и не еду к родным,
Побранить меня некому — милого нет,
Лишь старуха ворчит, как приходит сосед,
    Оттого, что мне весело с ним!..»

1854

У АСПАЗИИ

Гость

Что б это значило — вижу, сегодня ты
Дом свой, как храм, убрала:
Между колонн занавесы приподняты,
Благоухает смола.
Цитра настроена; свитки разбросаны;
У посыпающих пол
Смуглых рабынь твоих косы расчесаны...
Ставят амфоры на стол.
Ты же бледна,— словно всеми забытая,
Молча стоишь у дверей.

Аспазия

Площадь отсюда видна мне, покрытая
Тенью сквозных галерей,
Шум ее замер — и это молчание
В полдень так странно, что вновь
Сердце мне мучит тоска ожидания,
Радость, тревога, любовь.
Буйных Афин тишину изучила я:
Это — Перикл говорит;
Если бледна и молчит его милая,
Значит, весь город молчит...
Чу! шум на площади — рукоплескания —
Друга венчает народ,—
Но и в лавровом венке из собрания
Он к этой двери придет.

1854

* * *

Мое сердце — родник, моя песня — волна,
Пропадая вдали,— разливается...
Под грозой — моя песня, как туча, темна,
На заре — в ней заря отражается.
Если ж вдруг вспыхнут искры нежданной любви
Или на́ сердце горе накопится —
В лоно песни моей льются слезы мои,
И волна уносить их торопится.

⟨1856⟩

* * *

«Подойди ко мне, старушка,
Я давно тебя ждала».
И косматая, в лохмотьях,
К ней цыганка подошла.
«Я скажу тебе всю правду;
Дай лишь на руку взглянуть:
Берегись, тебя твой милый
Замышляет обмануть...»

И она в открытом поле
Сорвала себе цветок
И лепечет, обрывая
Каждый белый лепесток:
«Любит — нет — не любит — любит».
И, оборванный кругом,
«Да» сказал цветок ей темным,
Сердцу внятным языком.

На устах ее — улыбка,
В сердце — слезы и гроза.
С упоением и грустью
Он глядит в ее глаза.
Говорит она: «Обман твой
Я предвижу — и не лгу,
Что тебя возненавидеть
И хочу и не могу».

Он глядит всё так же грустно,
Но лицо его горит...
Он, к плечу ее устами
Припадая, говорит:
«Берегись меня! я знаю,
Что тебя я погублю,
Оттого что я безумно,
Горячо тебя люблю!..»

⟨1856⟩

НА ЖЕНЕВСКОМ ОЗЕРЕ

На Женевском озере
Лодочка плывет —
Едет странник в лодочке,
Тяжело гребет.
Видит он — по злачному
Скату берегов
Много в темной зелени
Прячется домов.
Видит — под окошками
Возле синих вод
В виноградном садике
Красный мак цветет.
Видит — из-за домиков,
В вековой пыли,
Колокольни серые
Подняли шпили,
А за ними — вечные
В снежных пеленах
Выси допотопные
Тонут в облаках.
И душой мятежною
Погрузился он
О далекой родине
В неотвязный сон —
У него на родине
Ни озер, ни гор,
У него на родине
Степи да простор.
Из простора этого
Некуда бежать,
Думы с ветром носятся,
Ветра не догнать.

‹1859›

* * *

Признаться сказать, я забыл, господа,
Что думает алая роза, когда
Ей где-то во мраке поет соловей,
И даже не знаю, поет ли он ей.
Но знаю, что думает русский мужик,
Который и думать-то вовсе отвык...

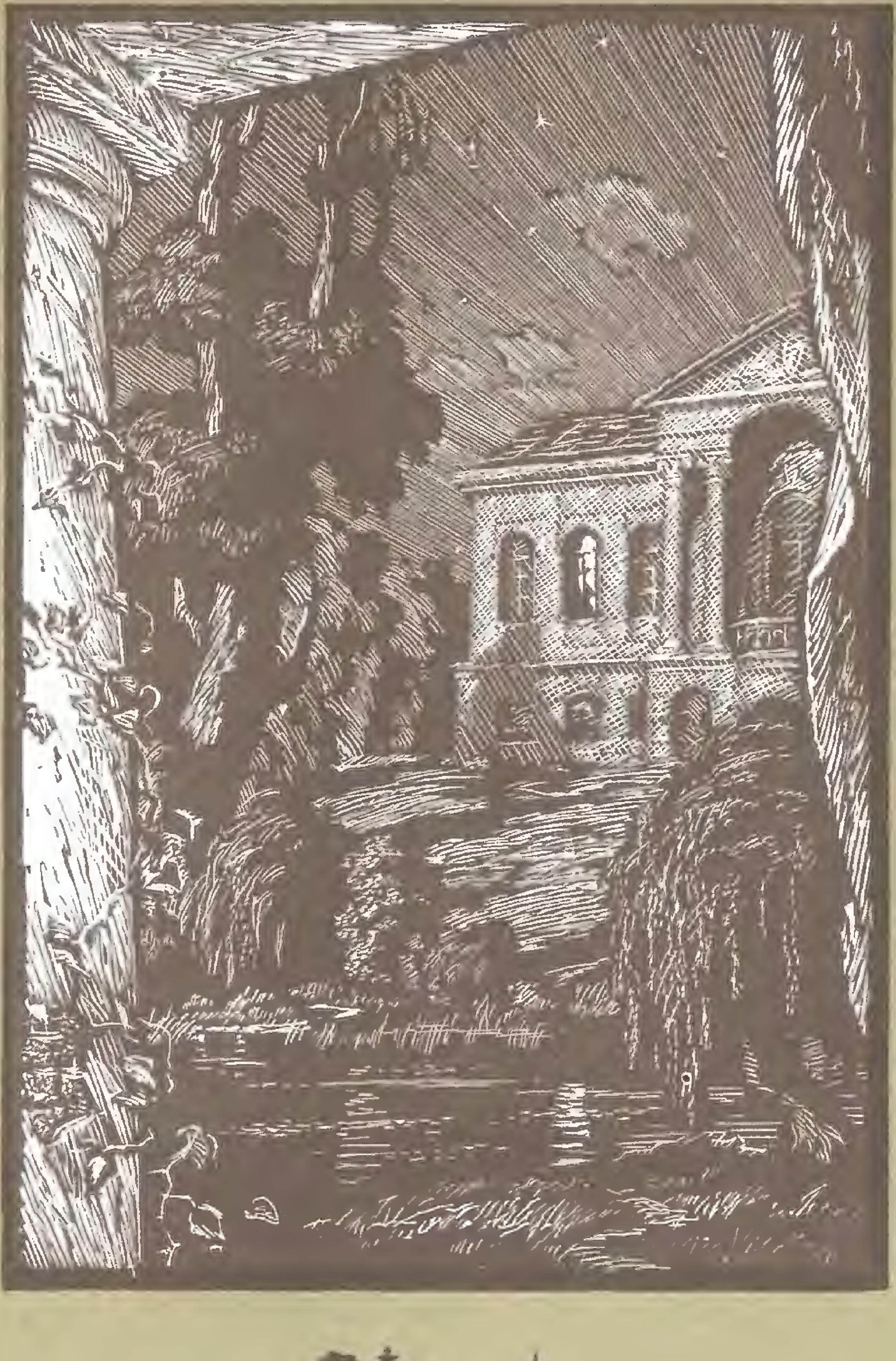
Освобождаемый добрым царем,
Всё розги да розги он видит кругом.
И думает он: «То-то станут нас бить,
Как мы захотим на свободе-то жить...»

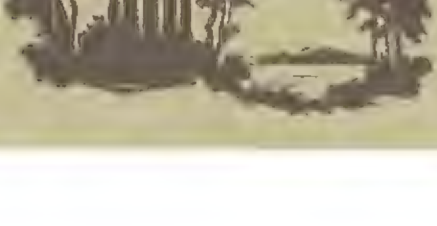
Признаться, забыл я — не знаю, о чем
Беседуют звезды на небе ночном
И точно ли жаждут упиться росой
Цветы полевые в полуденный зной.
Но знаю, о чем тайно плачет бедняк,
Когда, запирая свой пыльный чердак,
Лежит он, и мрачен и зол оттого,
Что даже не смеет любить никого,
И зол он на звезды — что с неба глядят,
Как люди глядят — и помо́чь не хотят.

Я вам признаю́сь, что я знать не могу,
Что думает птица, когда на лугу
Холодный туман начинает бродить,
А солнце встает и не смеет светить.
Но знаю — ох знаю, что мыслит поэт,
Когда для него гаснет солнечный свет.
«Ведь я у цензуры слуга крепостной»,—
Так думает он — и, холодной рукой
Сдавя свою голову, тихо поет,
Когда его музу цензура сечет.

Признаться, не знаю, что думает пес,
Когда птички кра́дут в навозе овес,
Когда кот пушистым виляет хвостом,
Не знаю, что думают мыши об нем,
Но знаю, что думают слуги царя,
Ближайшие слуги!
                              Усердьем горя,
Они день и ночь молят господа сил,
Чтоб он взволновать им народ пособил:
«Дай, боже! царя убедить нам хоть раз,
Что плохо бы было престолу без нас;
Ведь эдакий глупый, презренный народ:
Как хочешь дразни — ничего не берет».

20 марта 1861





БЕГЛЫЙ

«Ты куда, удалая ты башка?
Уходи ты к лесу темному пока:
Не сегодня-завтра свяжут молодца.
Не ушел ли ты от матери-отца?
Не гулял ли ты за Волгой в степи?
Не сидел ли ты в остроге на цепи?»

«Я сидел и в остроге на цепи,
Я гулял и за Волгой в степи,
Да наскучила мне волюшка моя,
Воля буйная, чужая, не своя.
С горя, братцы, изловить себя я дал —
Из острога, братцы, с радости бежал.

Как в остроге-то послышалося нам,
Что про волю-то читают по церквам,—
Уж откуда сила-силушка взялась:
Цепь железная и та, вишь, порвалась!
И задумал я на родину бежать;
Божья ночка обещалась покрывать.

Я бежал — ног не чуял под собой...
Очутился на сторонушке родной,
Тут за речкой моя матушка живет,
Не разбойничка, а сына в гости ждет,
Я сначала постучуся у окна —
«Выходи, скажу, на улицу, жена!

Ты не спрашивай, в лицо мне не гляди,
От меня, жена, гостинчика не жди.
Много всяких я подарков тебе нес,
Да, вишь, как-то по дороге всё растрес;
Я вина не пил — с воды был пьян,
Были деньги — не зашил карман».

Как нам волю-то объявят господа,
Я с воды хмелен не буду никогда;
Как мне землю-то отмерят на миру —
Я в кармане-то зашью себе дыру.
Буду в праздники царев указ читать...
Кто же, братцы, меня может забижать?»

«Ты куда, удалая ты башка?
Уходи ты к лесу темному пока.

Хоть родное-то гнездо недалеко,—
Ночь-то месячна: признать тебя легко.
Знать, тебе в дому хозяином не быть,
По дорогам, значит, велено ловить».

1861

ПОЦЕЛУЙ

И рассудок, и сердце, и память губя,
Я недаром так жарко целую тебя:
Я целую тебя и за ту, перед кем
Я таил мои страсти — был робок и нем,
И за ту, что меня обожгла без огня,
И смеялась, и долго терзала меня,
И за ту, чья любовь мне была бы щитом,
Да, убитая, спит под могильным крестом.
Всё, что в сердце моем загоралось для них,
Догорая, пусть гаснет в объятьях твоих.

⟨1863⟩

* * *

Чтобы песня моя разлилась, как поток,
Ясной зорьки она дожидается:
Пусть не темная ночь, пусть горящий восток
Отражается в ней, отливается.
Пусть чиликают вольные птицы вокруг,
Сонный лес пусть проснется-наря́дится,
И сова — пусть она не тревожит мой слух
И, слепая, подальше усядется.

⟨1864⟩

* * *

Заплетя свои темные косы венцом,
Ты напомнила мне полудетским лицом
Всё то счастье, которым мы грезим во сне,
Грезы детской любви ты напомнила мне.

Ты напомнила мне зноем темных очей
Лучезарные тени восточных ночей —
Мрак цветущих садов — бледный лик при луне,—
Бури первых страстей ты напомнила мне.

Ты напомнила мне много милых теней
Простотой, темным цветом одежды твоей.
И могилу, и слезы, и бред в тишине
Одиноких ночей ты напомнила мне.

Всё, что в жизни с улыбкой навстречу мне шло,
Всё, что время навек от меня унесло,
Всё, что гибло, и всё, что стремилось любить,—
Ты напомнила мне.— Помоги позабыть!

⟨1864⟩

* * *

И в праздности горе, и горе в труде...
Откликнитесь, где вы, счастливые, где?
        Довольные, бодрые, где вы?
Кто любит без боли, кто мыслит без страха?
Кого не тревожит упрек или плач?
Суда и позора боится палач —
        Свободе мерещится плаха...
Хоть сотую долю тяжелых задач
Реши ты нам, жизнь бестолковая,
        Некстати к нам нежная,
        Некстати суровая,
Слепая,— беспутно мятежная!..

⟨1865⟩

В АЛЬБОМ К. Ш...

Писатель, если только он
Волна, а океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.
Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода.

1860-е

* * *

Когда октава за октавой
Неслась и голос твой звучал
Далекой, отзвучавшей славой,—
Верь, не о славе я мечтал!

Нет! воротясь к весне погибшей,
Моя мечта ласкала вновь
Цветущий образ, переживший
В душе погибшую любовь.

Опять остывшей скорби сила
Сжимала сердце — и опять
Меня гармония учила
По-человечески страдать...

1860-е

ИЗ БУРДИЛЬЁНА

The night has a thousand eyes[1].

Ночь смотрит тысячами глаз,
А день глядит одним;
Но солнца нет — и по земле
Тьма стелется, как дым.

Ум смотрит тысячами глаз,
Любовь глядит одним;
Но нет любви — и гаснет жизнь,
И дни плывут, как дым.

⟨1874⟩

УЗНИЦА

Что мне она! — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь!

---

[1] Ночь смотрит тысячами глаз (*англ.*).

Спать не дает, оттого что мне грезится
Молодость в душной тюрьме,
Вижу я — своды... окно за решеткою,
Койку в сырой полутьме...

С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до полу темные
Космы тяжелых волос.

Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди...

Что мне она! — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь!

1878

* * *

Если б смерть была мне мать родная,
Как больное, жалкое дитя,
На ее груди заснул бы я
И, о злобах дня позабывая,
О самом себе забыл бы я.

Но она — не мать, она — чужая,
Грубо мстит тому, кто смеет жить,
Мыслить и мучительно любить,
И, покровы с вечности срывая,
Не дает нам прошлое забыть.

⟨1897⟩

А. К. ТОЛСТОЙ

* * *

Колокольчики мои
Цветики степные!
Что́ глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой,
А куда? не знаю!

Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле;
И не блещет как огонь
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? кручиной?
Знать не может человек —
Знает бог единый!

Упаду ль на солончак
Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак,
С бритой головою,
Молча свой натянет лук,
Лежа под травою,
И меня догонит вдруг
Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град
Со Кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
Гулом колокольным,
И на площади народ,
В шумном ожиданье,
Видит: с запада идет
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,
С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
Машут булавами,
Подбочась, за строем строй
Чинно выступает,
Рукава их за спиной
Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;
Его светлое лицо
Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
И любви и страха,
На челе его горит
Шапка Мономаха.

«Хлеб да соль! И в добрый час! —
Говорит державный,—
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»
И они ему в ответ:
«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!»

Громче звон колоколов,
Гусли раздаются,
Гости сели вкруг столов,
Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу —
И ковшей славянских звук
Немцам не по сердцу!

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

1840-е

* * *

Дождя отшумевшего капли
Тихонько по листьям текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

Луна на меня из-за тучи
Смотрела, как будто в слезах;
Сидел я под кленом и думал,
И думал о прежних годах.

Не знаю, была ли в те годы
Душа непорочна моя?
Но многому б я не поверил,
Не сделал бы многого я.

Теперь же мне стали понятны
Обман, и коварство, и зло,
И многие светлые мысли
Одну за другой унесло.

Так думал о днях я минувших,
О днях, когда был я добрей;
А в листьях высокого клена
Сидел надо мной соловей,

И пел он так нежно и страстно,
Как будто хотел он сказать:
«Утешься, не сетуй напрасно —
То время вернется опять!»

1840-е

* * *

Ой, стоги́, стоги́,
На лугу широком!
Вас не перечесть,
Не окинуть оком!

Ой, стоги́, стоги́,
В зеленом болоте,
Стоя на часах,
Что́ вы стережете?

«Добрый человек,
Были мы цветами,—
Покосили нас
Острыми косами!

Раскидали нас
Посредине луга,
Раскидали врозь,
Дале друг от друга!

От лихих гостей
Нет нам обороны,
На главах у нас
Черные вороны!

На главах у нас,
Затмевая звезды,
Галок стая вьет
Поганые гнезда!

Ой, орел, орел,
Наш отец далекий,
Опустися к нам,
Грозный, светлоокий!

Ой, орел, орел,
Внемли нашим стонам,
Доле нас срамить,
Не давай воронам!

Накажи скорей
Их высокомерье,
С неба в них ударь,
Чтоб летели перья,

Чтоб летели врозь,
Чтоб в степи широкой
Ветер их разнес
Дале́ко, далёко!

1840-е

* * *

По гребле неровной и тряской,
Вдоль мокрых рыбачьих сетей,
Дорожная едет коляска,
Сижу я задумчиво в ней,—

Сижу и смотрю я дорогой
На серый и пасмурный день,
На озера берег отлогий,
На дальний дымок деревень.

По гребле, со взглядом угрюмым,
Проходит оборванный жид,
Из озера с пеной и шумом
Вода через греблю бежит.

Там мальчик играет на дудке,
Забравшись в зеленый тростник;
В испуге взлетевшие утки
Над озером подняли крик.

Близ мельницы старой и шаткой
Сидят на траве мужики;
Телега с разбитой лошадкой
Лениво подвозит мешки...

Мне кажется всё так знакомо,
Хоть не был я здесь никогда:
И крыша далекого дома,
И мальчик, и лес, и вода,

И мельницы говор унылый,
И ветхое в поле гумно...
Всё это когда-то уж было,
Но мною забыто давно.

Так точно ступала лошадка,
Такие ж тащила мешки,
Такие ж у мельницы шаткой
Сидели в траве мужики,

И так же шел жид бородатый,
И так же шумела вода...
Всё это уж было когда-то,
Но только не помню когда!

1840-е

* * *

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод.

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!

Мы песенок знаем так много,
Мы так тебя любим давно —
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

1840-е

ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ

Князь Курбский от царского гнева бежал,
  С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь. Конь измученный пал.
  Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храня,
  Свого отдает воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
  Авось я пешой не отстану».

И князь доскакал. Под литовским шатром
  Опальный сидит воевода,
Стоят в изумленье литовцы кругом,
  Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздает;
  Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом:
  «Князь Курбский нам сделался другом».

Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То всё я пространно к царю напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо».

И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит,
Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело, ему на отраду,
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не люба на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмется?
Невольно сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов в поту и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»

И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки».

Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опричнины кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный богом Басманов.

Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского князя Андрея!»

И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу, Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль — и внимает:

«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?

Безумный! Иль мнишись бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием нам предреченный,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лиях и лиях,
С тобой пред судьею предстану!»
Так Курбский писал к Иоанну.

Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
  Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
  Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
  Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали;
  И все в ожиданье молчали.

И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
  И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
  Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
  И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
  Ступай же с Малютой в застенок!»

Пытают и мучат гонца палачи,
  Друг к другу приходят на смену:
«Товарищей Курбского ты уличи,
  Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
  Назвал ли он вора друзей наконец?» —
«Царь, слово его всё едино:
  Он славит своего господина!»

День меркнет, приходит ночная пора,
  Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера,
  Опять зачалася работа.
«Ну что же, назвал ли злодеев гонец?» —
  «Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его всё едино,
  Он славит своего господина:

«О князь, ты, который предать меня мог
  За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе бог
  Измену твою пред отчизной!
Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,
  Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье,
  Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое всё едино:
За грозного, боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.

1840-е

КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИН

Без отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный под матушкой-Москвой.

Ковшами золотыми столов блистает ряд,
Разгульные за ними опричники сидят.

С вечерни льются вина на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гусляры,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

Но голос прежней славы царя не веселит,
Подать себе личину он кравчему велит:

«Да здравствуют тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!

Себе личину, други, пусть каждый изберет,
Я первый открываю веселый хоровод,

За мной, мои тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»

И все подъяли кубки. Не поднял лишь один;
Один не поднял кубка, Михайло князь Репнин.

«О, царь! Забыл ты бога, свой сан ты, царь, забыл!
Опричниной на горе престол свой окружил!

Рассыпь державным словом детей бесовских рать!
Тебе ли, властелину, здесь в ма́шкаре плясать!»

Но царь, нахмуря брови: «В уме ты, знать, ослаб
Или хмелен не в меру? Молчи, строптивый раб!

Не возражай ни слова и машкару надень —
Или, клянусь, что прожил ты свой последний день!»

Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый князь.
«Опричнина да сгинет! — он рек, перекрестясь.—

Да здравствует вовеки наш православный царь!
Да правит человеки, как правил ими встарь!

Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час!»

Он молвил и ногами личину растоптал;
Из рук его на землю звенящий кубок пал...

«Умри же, дерзновенный!» — царь вскрикнул, разъярясь,
И пал, жезлом пронзенный, Репнин, правдивый князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучат,
За длинными столами опричники шумят,

И смех их раздается, и пир опять кипит,
Но звон ковшей и кубков царя не веселит:

«Убил, убил напрасно я верного слугу,
Вкушать веселье ныне я боле не могу!»

Напрасно льются вины на царские ковры,
Поют царю напрасно лихие гусляры,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

1840-е

* * *

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

1851

* * *

Ты не спрашивай, не распытывай.
Умом-разумом не раскидывай:
Как люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю, и надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:
Что сестра ль ты мне, молода ль жена
Или детище ты мне малое?

И не знаю я, и не ведаю,
Как назвать тебя, как прикликати.
Много цветиков во чисто́м поле,
Много звезд горит по подне́бесью,
А назвать-то их нет умения,
Распознать-то их нету силушки.
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытывал;
Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

30 октября 1851

* * *

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты —
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна.
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом.
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье...

1851 или 1852 (?)

* * *

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

⟨1854⟩

КОЛОДНИКИ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,—
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет всё боле,— а цепи
Дорогу метут да метут...

Первая половина 1850-х

* * *

Край ты мой, родимый край,
  Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
  Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
  Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
  Ветер, степь да тучи!

⟨1856⟩

* * *

Колышется море; волна за волной
  Бегут и шумят торопливо...
О друг ты мой бедный, боюся, со мной
  Не быть тебе долго счастливой:
Во мне и надежд и отчаяний рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
  Приливы любви и отливы!

⟨1856⟩

* * *

О, не пытайся дух унять тревожный,
Твою тоску я знаю с давних пор,
Твоей душе покорность невозможна,
Она болит и рвется на простор.

Но все ее невидимые муки,
Нестройный гул сомнений и забот,
Все меж собой враждующие звуки
Последний час в созвучие сольет,

В один порыв смешает в сердце гордом
Все чувства, врозь которые звучат,
И разрешит торжественным аккордом
Их голосов мучительный разлад.

⟨1856⟩

⟨ИЗ ЦИКЛА⟩ «КРЫМСКИЕ ОЧЕРКИ»

12

Солнце жжет; перед грозою
Изменился моря вид:
Засверкал меж бирюзою
Изумруд и малахит.

Здесь на камне буду ждать я,
Как, вздымая корабли,
Море бросится в объятья
Изнывающей земли,

И, покрытый пеной белой,
Утомясь, влюбленный бог
Снова ляжет, онемелый,
У твоих, Таврида, ног.

⟨1856⟩

* * *

Не верь мне, друг, когда, в избытке горя,
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

Лето 1856

* * *

Острою секирой ранена береза,
По коре сребристой покатились слезы;
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечится к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!

Лето 1856

* * *

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!
Вечно носились они над землею, незримые оку.
Нет, то не Фидий воздвиг олимпийского славного Зевса!
Фидий ли выдумал это чело, эту львиную гриву,
Ласковый, царственный взор из-под мрака бровей громоносных?
Нет, то не Гете великого Фауста создал, который,
В древнегерманской одежде, но в правде глубокой, вселенской,
С образом сходен предвечным своим от слова до слова.
Или Бетховен, когда находил он свой марш похоронный,
Брал из себя этот ряд раздирающих сердце аккордов,
Плач неутешной души над погибшей великою мыслью,
Рушенье светлых миров в безнадежную бездну хаоса?
Нет, эти звуки рыдали всегда в беспредельном пространстве,
Он же, глухой для земли, неземные подслушал рыданья.
Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков,
Много чудесных в нем есть сочетаний и слова и света,
Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть и слышать,

Кто, уловив лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
Целое с ним вовлекает созданье в наш мир удивленный.
О, окружи себя мраком, поэт, окружися молчаньем,
Будь одинок и слеп, как Гомер, и глух, как Бетховен,
Слух же душевный сильней напрягай и душевное зренье,
И как над пламенем грамоты тайной бесцветные строки
Вдруг выступают, так выступят вдруг пред тобою картины,
Выйдут из мрака всё ярче цвета, осязательней формы,
Стройные слов сочетания в ясном сплетутся значенье...
Ты ж в этот миг и внимай, и гляди, притаивши дыханье,
И, созидая потом, мимолетное помни виденье!

Октябрь 1856

* * *

Он водил по струнам; упадали
Волоса на безумные очи,
Звуки скрыпки так дивно звучали,
Разливаясь в безмолвии ночи.
В них рассказ убедительно-лживый
Развивал невозможную повесть,
И змеиного цвета отливы
Соблазняли и мучили совесть;
Обвиняющий слышался голос,
И рыдали в ответ оправданья,
И бессильная воля боролась
С возрастающей бурей желанья,
И в туманных волнах рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземные слова раздавались
И манили назад с укоризной,
И так билося сердце тревожно,
Так ему становилось понятно
Всё блаженство, что было возможно
И потеряно так невозвратно,
И к себе беспощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звездной
Уж полнеба луна обогнула;
Звуки пели, дрожали так звонко,
Замирали и пели сначала,
Беглым пламенем синяя жженка
Музыканта лицо освещала...

Начало 1857

* * *

Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив,

И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землей.

⟨1858⟩

* * *

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядючи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю.

⟨1858⟩

* * *

Источник за вишневым садом,
Следы голых девичьих ног,
И тут же оттиснулся рядом
Гвоздями подбитый сапог.
Всё тихо на месте их встречи,
Но чует ревниво мой ум
И шепот, и страстные речи,
И ведер расплесканных шум...

⟨1858⟩

* * *

Когда природа вся трепещет и сияет,
Когда ее цвета ярки и горячи,
Душа бездейственно в пространстве утопает
И в неге врозь ее расходятся лучи.
Но в скромный, тихий день, осеннею погодой,
Когда и воздух сер, и тесен кругозор,
Не развлекаюсь я смиренною природой,
И немощен ее на жизнь мою напор.
Мой трезвый ум открыт для сильных вдохновений,
Сосредоточен я живу в себе самом,
И сжатая мечта зовет толпы видений,
Как зажигательным рождая их стеклом.

Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
Иду меж озимей чернеющей дорогой;
Смотрю на кучу скирд, на сломанный забор,
На пруд и мельницу, на дикий косогор,
На берег ручейка болотисто-отлогий
И в ближний лес вхожу. Там покрасневший клен,
Еще зеленый дуб и желтые березы
Печально на меня свои стряхают слезы;
Но дале я иду, в мечтанья погружен,
И виснут надо мной полунагие сучья,
А мысли между тем слагаются в созвучья,
Свободные слова теснятся в мерный строй,
И на душе легко, и сладостно, и странно,
И тихо всё кругом, и под моей ногой
Так мягко мокрый лист шумит благоуханный.

⟨1858⟩

* * *

Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре,
О, не грусти, ты всё мне дорога,
Но я любить могу лишь на просторе,
Мою любовь, широкую как море,
Вместить не могут жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озарила,
И лишь на землю к нам ее светила
Нисходят порознь редкие лучи.

И, порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
О ней поток гремит струею хладной
И говорят, качаяся, цветы.

И любим мы любовью раздробленной
И тихий шепот вербы над ручьем,
И милой девы взор, на нас склоненный,
И звездный блеск, и все красы вселенной,
И ничего мы вместе не сольем.

Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще, неволя недолга —
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные берега!

⟨1858⟩

* * *

Ты клонишь лик, о нем упоминая,
И до чела твоя восходит кровь —
Не верь себе! Сама того не зная,
Ты любишь в нем лишь первую любовь;

Ты не его в нем видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя он мог —
Лишь тайных дум, мучений и блаженства
Он для тебя отысканный предлог;

То лишь обман неопытного взора,
То жизни луч из сердца ярко бьет
И золотит, лаская без разбора,
Всё, что к нему случайно подойдет.

⟨1858⟩

⟨СЕРЕНАДА ДОН-ЖУАНА⟩

Гаснут дальней Альпухарры
Золотистые края,
На призывный звон гитары
Выйди, милая моя!
Всех, кто скажет, что другая
Здесь равняется с тобой,
Всех, любовию сгорая,
Всех зову на смертный бой!
От лунного света
Зардел небосклон,
О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

От Севильи до Гренады
В тихом сумраке ночей
Раздаются серенады,
Раздается стук мечей;
Много крови, много песней
Для прелестных льется дам,—
Я же той, кто всех прелестней,
Песнь и кровь мою отдам!
От лунного света
Горит небосклон,
О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

1860

* * *

На нивы желтые нисходит тишина;
В остывшем воздухе от меркнущих селений,
Дрожа, несется звон. Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что́ мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что́ внутри себя я схоронил сурово!

⟨1862⟩

НА ТЯГЕ

Сквозит на зареве темнеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листы едва одетый лес,
На луг болотистый спускаясь косогором.
И глушь и тишина. Лишь сонные дрозды
Как нехотя свое доканчивают пенье;
От луга всходит пар... Мерцающей звезды
У ног моих в воде явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодний лист
Зашелестел в дубах... Внезапно легкий свист
Послышался; за ним, отчетисто и внятно,
Стрелку знакомый хрип раздался троекратно,
И вальдшнеп протянул — вне выстрела. Другой
Летит из-за́ лесу, но длинною дугой
Опушку обогнул и скрылся. Слух и зренье
Мои напряжены, и вот через мгновенье,
Свистя, еще один, в последнем свете дня,
Чертой трепещущей несется на меня.
Дыханье притаив, нагнувшись под осиной,
Я выждал верный миг — вперед на пол-аршина
Я вскинул — огнь блеснул, по лесу грянул гром —
И вальдшнеп падает на землю колесом.
Удара тяжкого далекие раскаты,
Слабея, замерли. Спокойствием объятый,
Вновь дремлет юный лес, и облаком седым
В недвижном воздухе висит ружейный дым.
Вот донеслась еще из дальнего болота
Весенних журавлей ликующая нота —
И стихло всё опять — и в глубине ветвей
Жемчужной дробию защелкал соловей.
Но отчего же вдруг, мучительно и странно,
Минувшим на меня повеяло нежданно,
И в этих сумерках, и в этой тишине,
Упреком горестным оно предстало мне?
Былые радости! Забытые печали!
Зачем в моей душе вы снова прозвучали
И снова предо мной, средь явственного сна,
Мелькнула дней моих погибшая весна?

Май 1871

* * *

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый,—
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастие! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!

Май 1871

* * *

Прозрачных облаков спокойное движенье,
Как дымкой солнечный перенимая свет,
То бледным золотом, то мягкой синей тенью
Окрашивает даль. Нам тихий свой привет
Шлет осень мирная. Ни резких очертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пережита
Пора роскошных сил и мощных трепетаний;
Стремленья улеглись; иная красота

Сменила прежнюю; ликующего лета
Лучами сильными уж боле не согрета,
Природа вся полна последней теплоты;
Еще вдоль влажных меж красуются цветы,
А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины;
Кружася медленно в безветрии лесном,
На землю желтый лист спадает за листом;
Невольно я слежу за ними взором думным,
И слышится мне в их падении бесшумном:
«Всему настал покой, прими ж его и ты,
Певец, державший стяг во имя красоты;
Проверь, усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,
По совести ль тобой задача свершена
И жатва дней твоих обильна иль скудна?»

Сентябрь 1874

КОЗЬМА ПРУТКОВ

РАЗНИЦА ВКУСОВ

БАСНЯ[1]

Казалось бы, ну как не знать
Иль не слыхать
Старинного присловья,
Что спор о вкусах — пустословье?
Однако ж раз, в какой-то праздник,
Случилось так, что с дедом за столом
В собрании гостей большом
О вкусах начал спор его же внук, проказник.
Старик, разгорячась, сказал среди обеда:
«Щенок! тебе ль порочить деда?
Ты молод: всё тебе и редька и свинина;
Глотаешь в день десяток дынь;
Тебе и горький хрен — малина,
А мне и бланманже — полынь!»

Читатель! в мире так устроено издавна:
Мы разнимся в судьбе,
Во вкусах и подавно;
Я это басней пояснил тебе.
С ума ты сходишь от Берлина;
Мне ж больше нравится Медынь.
Тебе, дружок, и горький хрен — малина;
А мне и бланманже — полынь.

⟨1854⟩

---

[1] В 1-м издании (см. журнал «Современник», 1853 г.) эта басня была озаглавлена: *«Урок внучатам»* — в ознаменование действительного происшествия в семье Козьмы Пруткова. *(Примеч. автора.)*

ПИСЬМО ИЗ КОРИНФА

Древнее греческое

Посвящено г. Щербине

Я недавно приехал в Коринф.
Вот ступени, а вот колоннада.
Я люблю здешних мраморных нимф
И истмийского шум водопада.

Целый день я на солнце сижу.
Трусь елеем вокруг поясницы.
Между камней паросских слежу
За извивом слепой медяницы.

Померанцы растут предо мной,
И на них в упоенье гляжу я.
Дорог мне вожделенный покой.
«Красота! красота!» — всё твержу я.

А на землю лишь спустится ночь,
Мы с рабыней совсем обомлеем...
Всех рабов высылаю я прочь
И опять натираюсь елеем.

⟨1854⟩

ЮНКЕР ШМИДТ

Вянет лист. Проходит лето.
  Иней серебрится...
Юнкер Шмидт из пистолета
  Хочет застрелиться.

Погоди, безумный, снова
  Зелень оживится!
Юнкер Шмидт! честно́е слово,
  Лето возвратится!

⟨1854⟩

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура.
Дремлет зáмок Памбра.
Спит Эстремадура.

Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.

Дайте руку верную,
Два вершка булату,
Ревность непомерную,
Чашку шоколату.

Закурю сигару я,
Лишь взойдет луна...
Пусть дуэнья старая
Смотрит из окна!

За двумя решетками
Пусть меня клянет;
Пусть шевелит четками,
Старика зовет.

Слышу на балконе
Шорох платья,— чу! —
Подхожу я к донне,
Сбросил епанчу.

Погоди, прелестница!
Поздно или рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана!..

О синьора милая,
Здесь темно и серо...
Страсть кипит унылая
В вашем кавальеро.

Здесь, перед бананами,
Если не наскучу,
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.

Но в такой позиции
Я боюся, страх,
Чтобы инквизиции
Не донес монах!

Уж недаром мерзостный
Старый альгвазил
Мне рукою дерзостной
Давеча грозил.

Но его для сраму я
Маврою[1] одену;
Загоню на самую
На Сьерра-Морену!

И на этом месте,
Если вы мне рады,
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.

Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире;

Об улыбках, взорах,
Вечном идеале,
О тореадорах
И об Эскурьяле...

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура.
Дремлет за́мок Памбра.
Спит Эстремадура.

⟨1854⟩

---

[1] Здесь, очевидно, разумеется племенное имя: *мавр, мавританин*, а не женщина *Мавра*. Впрочем, это объяснение даже лишнее, потому что о другом магометанском племени тоже говорят иногда в женском роде: *турка*. Ясно, что этим определяются восточные нравы. (*Примеч. К. Пруткова.*)

ЭПИГРАММА

№ III

Пия душистый сок цветочка,
Пчела дает нам мед взамен;
Хотя твой лоб — пустая бочка,
Но всё же ты не Диоген.

⟨1854⟩

ОСАДА ПАМБЫ

Романсеро, с испанского

Девять лет дон Педро Гомец,
По прозванью Лев Кастильи,
Осаждает замок Памбу,
Молоком одним питаясь.
И всё войско дона Педра,
Девять тысяч кастильянцев,
Все, по данному обету,
Не касаются мясного,
Ниже хлеба не снедают,
Пьют одно лишь молоко.
Всякий день они слабеют,
Силы тратя по-пустому.
Всякий день дон Педро Гомец
О своем бессилье плачет,
Закрываясь епанчою.
Настает уж год десятый.
Злые мавры торжествуют;
А от войска дона Педра
Налицо едва осталось
Девятнадцать человек.
Их собрал дон Педро Гомец
И сказал им: «Девятнадцать!
Разовьем свои знамена,
В трубы громкие взыграем
И, ударивши в литавры,
Прочь от Памбы мы отступим
Без стыда и без боязни.

Хоть мы крепости не взяли,
Но поклясться можем смело
Перед совестью и честью:
Не нарушили ни разу
Нами данного обета —
Целых девять лет не ели,
Ничего не ели ровно,
Кроме только молока!»
Ободренные сей речью,
Девятнадцать кастильянцев
Все, качаяся на седлах,
В голос слабо закричали:
«Sancto Jago Compostello![1]
Честь и слава дону Педру,
Честь и слава Льву Кастильи!»
А каплан его Диего
Так сказал себе сквозь зубы:
«Если б я был полководцем,
Я б обет дал есть лишь мясо,
Запивая сантуринским».
И, услышав то, дон Педро
Произнес со громким смехом:
«Подарить ему барана:
Он изрядно подшутил».

‹1854›

НЕМЕЦКАЯ БАЛЛАДА

Барон фон Гринва́льдус,
Известный в Германьи,
В забралах и в латах,
На камне пред за́мком,
Пред замком Амальи,
Сидит, принахмурясь;
  Сидит и молчит.

Отвергла Амалья
Баронову руку!..
Барон фон Гринвальдус
От за́мковых окон
Очей не отводит

---

[1] Святой Иаков Компостельский *(искаж. исп.)*.

И с места не сходит;
  Не пьет и не ест.

Года за годами...
Бароны воюют,
Бароны пируют;
Барон фон Гринвальдус,
Сей доблестный рыцарь,
Всё в той же позицьи
  На камне сидит.

⟨1854⟩

ДРЕВНИЙ ПЛАСТИЧЕСКИЙ ГРЕК

Люблю тебя, дева, когда золотистый
И солнцем облитый ты держишь лимон,
И юноши зрю подбородок пушистый
Меж листьев аканфа и белых колонн.

Красивой хламиды тяжелые складки
  Упали одна за другой...
Так в улье шумящем вкруг раненой матки
  Снует озабоченный рой.

⟨1854⟩

ДОБЛЕСТНЫЕ СТУДИОЗУСЫ

Как будто из Гейне

Фриц Вагнер, студьозус из Иены,
Из Бонна Иеро́нимус Кох,
Вошли в кабинет мой с азартом,
Вошли, не очистив сапог.

«Здорово, наш старый товарищ!
Реши поскорее наш спор:
Кто доблестней — Кох или Вагнер?» —
Спросили с бряцанием шпор.

«Друзья! вас и в Иене и в Бонне
Давно уже я оценил.

Кох логике славно учился,
А Вагнер искусно чертил».

Ответом моим недовольны:
«Решай поскорее наш спор!» —
Они повторили с азартом
И с тем же бряцанием шпор.

Я комнату взглядом окинул
И, будто узором прельщен,
«Мне нравятся очень... *обои*!» —
Сказал им и выбежал вон.

Понять моего каламбура
Из них ни единый не мог,
И долго стояли в раздумье
Студьозусы Вагнер и Кох.

⟨1854⟩

МОЙ ПОРТРЕТ

Когда в толпе ты встретишь человека,
    Который наг[1];
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
    Неровен шаг;
Кого власы подъяты в беспорядке;
    Кто, вопия,
Всегда дрожит в нервическом припадке,—
    Знай: это я!
Кого язвят, со злостью вечно новой,
    Из рода в род;
С кого толпа венец его лавровый
    Безумно рвет;
Кто ни пред кем спины не клонит гибкой,—
    Знай: это я!..
В моих устах спокойная улыбка,
    В груди — змея!

⟨1860⟩

---

[1] Вариант: «На коем фрак». *(Примеч. К. Пруткова.)*

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

Спит залив. Эллада дремлет.
Под портик уходит мать
Сок гранаты выжимать...
Зоя! нам никто не внемлет!
Зоя, дай себя обнять!

Зоя, утренней порою
Я уйду отсюда прочь;
Ты смягчись, покуда ночь!
Зоя, утренней порою
Я уйду отсюда прочь...

Пусть же вихрем сабля свищет!
Мне Костаки не судья!
Прав Костаки, прав и я!
Пусть же вихрем сабля свищет;
Мне Костаки не судья!

В поле брани Разорваки
Пал за вольность, как герой.
Бог с ним! Рок его такой.
Но зачем же жив Костаки,
Когда в поле Разорваки
Пал за вольность, как герой?!

Видел я вчера в заливе
Восемнадцать кораблей;
Все без мачт и без рулей...
Но султана я счастливей;
Лей вина мне, Зоя, лей!

Лей, пока Эллада дремлет,
Пока тщетно тщится мать
Сок гранаты выжимать...
Зоя, нам никто не внемлет!
Зоя, дай себя обнять!

1860

И. С. АКСАКОВ

〈ИЗ ПОЭМЫ〉 «БРОДЯГА»

3

Жар свалил. Повеяла прохлада.
Длинный день покончил ряд забот;
По дворам давно загнали стадо,
И косцы вернулися с работ.
Потемнеть заря уже готова;
Тихо всё. Час ночи недалек.
Подымался и улегся снова
На закате легкий ветерок!..
Говор смолк; лишь изредка собачий
Слышен лай; промолвят голоса...
Пыль слеглась; остыл песок горячий,
Пала сильно на землю роса.
По краям темнеющего свода
Тени все, широкие, слились:
Встретить ночь готовится природа;
Запахи отвсюду понеслись.
В тишине жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встает, и будто шевелится,
И растет, и шепчется трава!..

Где ж крестьяне? День работав бодро,
Все теперь за ужином они:
Толк идет, чтоб устояло вёдро,
Чтоб еще продлились эти дни!

Нет, уж дождь их к у́тру не разбудит,
Облака давно сбежали прочь!..
Что за вечер!.. И какая будет
Теплая и месячная ночь!

ШОССЕ

1

Прямая дорога, большая дорога!
Простору немало взяла ты у бога,
Ты вдоль протянулась, пряма как стрела,
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнем убита, жестка для копыта,
Ты мерена мерой, трудами добыта!..
В тебе что ни шаг, то мужик работа́л:
Прорезывал горы, мосты настилал;
Всё дружною силой и с песнями взято,—
Вколачивал молот, и рыла лопата,
И дебри топор вековые просек...
Куда как упорен в труде человек!
Чего он ни сможет, лишь было б терпенье,
Да разум, да воля, да божье хотенье!..

А с каменкой рядом, поодаль немножко,
Окольная вьется, живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
Без званья ли ты иль со званьем слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвам и долинам, чрез речку и гору!
Немного ты места себе отняла:
Простором тележным легла, где могла!
Тебя не ровняли топор и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки местами, и взрежет соха...
Грязна ты в ненастье, а в вёдро суха!..

1846 — 1848

* * *

Пусть гибнет всё, к чему сурово
Так долго дух готовлен был:
Трудилась мысль, дерзало слово,
В запасе много было сил...
Слабейте, силы! вы не нужны!

Засни ты, дух! давно пора!
Рассейтесь все, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Бесплодны все труды и бденья,
Бесплоден слова дар живой,
Бессилен подвиг обличенья,
Безумен всякий честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности — и с ней
Безумны все желанья блага,
Святые бредни юных дней!

Так сокрушись, души гордыня,
В борьбе неравной ты падешь:
Сплошного зла стоит твердыня,
Царит бессмысленная Ложь!
Она страшней врагов опасных,
Сильна не внешнею бедой,
Но тратой дней и сил прекрасных
В борьбе пустой, тупой, немой!..

Ликуй же, Ложь, и нас, безумцев,
Уроком горьким испытуй,
Гони со света вольнодумцев,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабейте ж, силы!.. Вы не нужны!
Засни ты, дух! давно пора!
Рассейтесь все, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Февраль 1849

Л. А. МЕЙ

ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол.
Для чего созывает он Новгород?
Не меняют ли снова посадника?
Не волнуется ль Чудь непокорная?
Не вломились ли шведы иль рыцари?
Да не время ли кликнуть охотников
Взять неволей иль волей с Югории
Серебро и меха драгоценные?
Не пришли ли товары ганзейские,
Али снова послы сановитые
От великого князя Московского
За обильною данью приехали?
Нет! Уныло гудит-поет колокол...
Поет тризну свободе печальную,
Поет песню с отчизной прощальную...

«Ты прости, родимый Новгород!
Не сзывать тебя на вече мне,
Не гудеть уж мне по-прежнему:
Кто на бога? Кто на Новгород?
Вы простите, храмы божии,
Терема мои дубовые!
Я пою для вас в последний раз,
Издаю для вас прощальный звон.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты язык чугунный мой,
Ты разбей края мне медные,
Чтоб не петь в Москве, далекой мне,

Про мое ли горе горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтоб не тешить песнью грустною
Мне царя Ивана в тереме.

Ты прости, мой брат назва́ный, буйный Волхов мой, прости!
Без меня ты празднуй радость, без меня ты и грусти.
Пролетело это время... не вернуть его уж нам,
Как и радость, да и горе мы делили пополам!
Как не раз печальный звон мой ты волнами заглушал,
Как не раз и ты под гул мой, буйный Волхов мой, плясал.
Помню я, как под ладьями Ярослава ты шумел,
Как напутную молитву я волнам твоим гудел.
Помню я, как Боголюбский побежал от наших стен,
Как гремели мы с тобою: «Смерть вам, суздальцы, иль плен!»
Помню я: ты на Ижору Александра провожал;
Я моим хвалебным звоном победителя встречал.
Я гремел, бывало, звучный: собирались молодцы,
И дрожали за товары иноземные купцы,
Немцы рижские бледнели, и, заслышавши меня,
Погонял литовец дикий быстроногого коня.
А я город, а я вольный звучным голосом зову
То на немцев, то на шведов, то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая: наступило время бед!
Если б мог, я б растопился в реки медных слез, да нет!
Я не ты, мой буйный Волхов! Я не пла́чу — я пою!
Променяет ли кто слезы и на песню — на мою?
Слушай... нынче, старый друг мой, по тебе я поплыву,
Царь Иван меня отвозит во враждебную Москву.
Собери скорей все волны, все валуны, все струи —
Разнеси в осколки, в щепки ты московские ладьи,
А меня на дне песчаном синих вод твоих сокрой
И звони в меня почаще серебристою волной:
Может быть, из вод глубоких вдруг услыша голос мой,
И за вольность и за вече встанет город наш родной».

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол;
Волхов плещет, и бьется, и пенится
О ладьи москвитян острогрудые,
А на чистой лазури, в подне́бесье,
Главы храмов святых, белокаменных
Золотистыми слезками светятся.

1840

ПЕСНЯ

Как у всех-то людей светлый праздничек,
День великий — помин по родителям,
Только я, сиротинка безродная,
На погосте поминок не правила.
Я у мужа вечор отпросилася:
«Отпусти, осударь,— похристосуюсь
На могиле со свекором-батюшкой».
Идучи́, я с дороженьки сбилася,
Во темном во лесу заплуталася,
У оврага в лесу опозналася.
В том овраге могила бескрёстная:
Всю размыло ее ливнем-дождиком,
Размело-разнесло непогодушкой...
Подошла я к могиле — шатнулася,
Белой грудью о землю ударилась:
«Ты скажи мне, сырая могилушка!
Таково ли легко было молодцу
Загубить свою душеньку грешную?
Каково-то легко было девице
Под невольный венец снаряжатися?»

⟨1855⟩

ЗАПЕВКА

Ох, пора тебе на волю, песня русская,
Благовестная, победная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, в слезах крещеная-омытая!
Ох, пора тебе на волю, песня русская!
Не сама собой ты спелася-сложилася:
С пустырей тебя намыло снегом-дождиком,
Нанесло тебя с пожарищ дымом-копотью,
Намело тебя с сырых могил метелицей...

1856

СУМЕРКИ

Оттепель... Поле чернеет;
Кровля на церкви обмокла;
Так вот и веет и веет —
Пахнет весною сквозь стекла.

С каждою новой ложбинкой
Во́дополь всё прибывает,
И ограненною льдинкой
Вешняя звездочка тает.

Тени в углах шевельнулись,
Темные, сонные тени,
Вдоль по стенам потянулись,
На пол ложатся от лени...

Сон и меня так и клонит...
Тени за тенями — грезы...
Дума в неведомом тонет...
На́ сердце — крупные слезы.

Ох, если б крылья да крылья,
Если бы доля да доля,
Не было б мысли *«бессилья»*,
Не было б слова — *«неволя»*.

22 марта 1858

* * *

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

И пусть бы то слово печали
По ветру к тебе донеслось,
И пусть бы всегда и повсюду
Оно тебе в сердце лилось!

И если б усталые очи
Сомкнулись под грезой ночной,
О пусть бы то слово печали
Звучало во сне над тобой!

⟨1859⟩

⟨ИЗ ЦИКЛА⟩ «ФРЕСКИ»

ПЛЯСУНЬЯ

Окрыленная пляской без роздыху,
Закаленная в серном огне,
Ты, помпеянка, мчишься по воздуху,
Не по этой спаленной стене.

Опрозрачила ткань паутинная
Твой призывно откинутый стан;
Ветром пашет коса твоя длинная,
И в руке замирает тимпан.

Пред твоею красой величавою
Без речей и без звуков уста,
И такой же горячею лавою,
Как и ты, вся душа облита.

Но не сила Везувия знойная
Призвала тебя к жизни — легка
И чиста, ты несешься, спокойная,
Как отчизны твоей облака.

Ты жила и погибла тедескою[1]
И тедескою стала навек,
Чтоб в тебе, по́д воскреснувшей фрескою,
Вечность духа прозрел человек.

1859

---

[1] Тедеска — по-римски и итальянски германка. *(Примеч. автора.)*

Н. Ф. ЩЕРБИНА

СТИХ

Пусть будет стих его понятен и высок
И блещет всех лучей слиянием чудесным;
Да примирится в нем всё дольнее с небесным,
Да будет он меж нас как признанный пророк,
Чтоб мощной мыслию, как дланию Зевеса,
Собою обнял он весь безграничный мир,
Чтоб в звуках зрели мы, прозрачных, как эфир,
И мрамор Фидия, и краски Апеллеса.

28 января 1845

КУПАНЬЕ

Вечером ясным она у потока стояла,
Мо́я прозрачные ножки во влаге жемчужной;
Струйка воды их с любовью собой обвивала,
Тихо шипела и брызгала пеной воздушной...
Кто б любовался красавицей этой порою,
Как над потоком она, будто лотос, склонилась,
Змейкою стан изогнула, и белой ногою
Стала на черный обрывистый камень, и мылась,
Грудь наклонивши над зыбью зеркальной потока;
Кто б посмотрел на нее, облитую лучами,
Или увидел, как страстно, привольно, широко
Прядали волны на грудь ей толпами
И, как о мрамор кристалл, разбивались, бледнея,—

Тот пожелал бы, клянусь я, чтоб в это мгновенье
В мрамор она превратилась, как мать — Ниобея,
Вечно б здесь мылась грядущим векам в наслажденье.

1847

ПРОСЬБА ХУДОЖНИКА

О, не стыдись, не бойся, не красней
Своих одежд изорванных и бедных:
От пурпура и льна не будешь ты милей,
Не нужно лилии для персей темно-бледных...

Боишься ль ты, что я не полюблю
Твою красу под этой епанчою?..
О нет, дитя!.. Но я тебя молю
Художника восторженной мольбою:

Полна невинности, явись ты предо мной,
Чтоб не была ничем краса твоя покрыта,
Как вышла некогда богиня Афродита
Из пены волн, блистая наготой.

1847

И. С. НИКИТИН

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг:
Нивы зрелые,
Что́ камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу:
Там, в глуши пустынь,
Снег, что́ белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань,—
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглися спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям
Из далеких стран
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что́,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

1851

УТРО

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом,— на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок,— воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылися.
Далеко, далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудилися,
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...
А восток всё горит-разгорается.

Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит;
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки ракит
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поет,
По плечу молодцу всё тяжелое...
Не боли ты, душа! Отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

16 ноября 1854

ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

Кипит вода, ревет ручьем,
На мельнице и стук и гром,
Колеса-то в воде шумят,
А брызги вверх огнем летят,
От пены-то бугор стоит,
Что мост живой, весь пол дрожит
Шумит вода, рукав трясет,
На камни рожь дождем течет,
Под жерновом муку родит,
Идет мука, в глаза пылит.
Об мельнике и речи нет.
В пыли, в муке, и лыс, и сед,
Кричит весь день про бедный люд:
Вот тот-то мот, вот тот-то плут...
Сам, старый черт, как зверь, глядит,
Чужим добром и пьян, и сыт;
Детей забыл, жену извел;
Барбос с ним жил, барбос ушел...

Одна певунья-ласточка
Под крышей обжилась,
Свила-слепила гнездышко,
Детьми обзавелась.

Поет, пока не выгнали.
Чужой-то кров — не свой;
Хоть не́ любо, не весело,
Да свыкнешься с нуждой.

В ночь темную под крылышко
Головку подогнет
И спит себе под гром и стук,
Носком не шевельнет.

1856

* * *

Первый гром прогремел. Яркий блеск в синеве,
В теплом воздухе песни и нега;
Голубые цветки в прошлогодней траве
Показались на свет из-под снега.

Пригреваются стекла лучом золотым;
Вербы почки свои распустили;
И с надворья гнездо над окошком моим
Сизокрылые голуби свили!

Что за робкие гости! чуть мимо идешь —
Торопливо головки поднимут,
Смотрят долго и зорко... Того только ждешь,
Что бедняжки приют свой покинут.

Как я рад им! Боюсь и окно отворять:
Всё мне кажется, их испугаю;
Беззащитным созданьям легко помешать,
А легко ль им живется — я знаю.

Чуть окрасится небо полоской огня
И сквозь стекла рассвет забелеет,—
Воркотнею своей они будят меня:
Посмотри, мол, как зорька алеет.

Стал уютней, светлей уголок мой теперь:
Этой кроткой семьи новоселье,
Может быть, после смут, и борьбы, и потерь
Предвещает мне мир и веселье!

1857

* * *

Ярко звезд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведен костер.

По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьем свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь и блеск озер,
Светлые заливы,
Без конца простор.

Звезды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

Июль 1858

ПЕСНЯ БОБЫЛЯ

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток...
Эх, живи — не тужи,
Умрешь — не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;
Бобыль гол, как сокол,
Поет-веселится.

Он идет да поет,
Ветер подпевает;
Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны...
Эх, присвистни, бобыль!
Слушай, лес зеленый!

Уж ты плачь ли, не плачь,—
Слез никто не видит,
Оробей, загорюй,—
Курица обидит.

Уж ты сыт ли, не сыт,—
В печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути-улыбайся!

Поживем да умрем,—
Будет голь пригрета...
Разумей, кто умен,—
Песенка допета!

1858

* * *

. . . .

Падет презренное тиранство,
И цепи с пахарей спадут,
И ты, изнеженное барство,
Возьмешься нехотя за труд.

Не нам, иному поколенью,
Отдашь ты бич свой вековой
И будешь ненавистной тенью,
Пятном в истории родной...
Весь твой разврат и вероломство,
Все козни — время обнажит,
И просвещенное потомство
Тебя проклятьем поразит.
Мужик — теперь твоя опора,
Твой вол — и больше ничего —
Со славой выйдет из позора,
И вновь не купишь ты его.
Уж всходит солнце земледельца!..
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владельца
Давно уж точит он топор...

Между 1857—1861

* * *

Вырыта заступом яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая,—
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонек, замерла.

Что же? усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая.
Плотно сырою землею придавится,
Только одним человеком убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о нем никому не нужна!..

Вот она — слышится песнь беззаботная,—
Гостья погоста, певунья залетная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается...
Тише!.. О жизни покончен вопрос.
Больше не нужно ни песен, ни слез!

1860

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

* * *

Еще работы в жизни много,
Работы честной и святой.
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.

Еще пристрастьем ни единым
Своей судьбы я не связал
И сердца полным господином
Против соблазнов устоял.

Я ваш, друзья,— хочу быть вашим.
На труд и битву я готов,—
Лишь бы начать в союзе нашем
Живое дело вместо слов.

Но если нет — мое презренье
Меня далеко оттолкнет
От тех кружков, где словопренье
Опять права свои возьмет.

И сгибну ль я в тоске безумной
Иль в мире с пошлостью людской,—
Всё лучше, чем заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.

Но знаю я — дорога наша
Уж пилигримов новых ждет,
И не минет святая чаша
Всех, кто ее не оттолкнет.

1860 или 1861

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЭСКИЗОВ

1

В ПРУССКОМ ВАГОНЕ

По чугунным рельсам
Едет поезд длинный;
Не свернет ни разу
С колеи рутинной.

Часом в час рассчитан
Путь его помильно...
Воля моя, воля!
Как ты здесь бессильна!

То ли дело с тройкой!
Мчусь, куда хочу я,
Без нужды, без цели
Землю полосуя.

Не хочу я прямо —
Забирай налево,
По лугам направо,
Взад через посевы...

Но увы! — уж скоро
Мертвая машина
Стянет и раздолье
Руси-исполина.

Сыплют иностранцы
Русские мильоны,
Чтобы русской воле
Положить препоны.

Но не поддадимся
Мы слепой рутине:
Мы дадим дух жизни
И самой машине.

Не пойдет наш поезд,
Как идет немецкий:
То соскочит с рельсов
С силой молодецкой;

То обвалит насыпь,
То мосток продавит,
То на встречный поезд
Ухарски направит.

То пойдет потише,
Опоздает вволю,
За метелью станет
Сутки трои в поле.

А иной раз просто
Часика четыре
Подождет особу,
Сильную в сем мире.

Да, я верю твердо:
Мертвая машина
Произвол не свяжет
Руси-исполина.

Верю: все машины
С русскою природой
Сами оживятся
Духом и свободой.

1860

* * *

О, подожди еще, желанная, святая!
Помедли приходить в наш боязливый круг!
Теперь на твой призыв ответит тишь немая,
И лучшие друзья не приподымут рук.

1860 или 1861

* * *

Пускай умру — печали мало,
Одно страшит мой ум больной:
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.

Боюсь, чтоб над холодным трупом
Не пролилось горячих слез,
Чтоб кто-нибудь в усердьи глупом
На гроб цветов мне не принес,

Чтоб бескорыстною толпою
За ним не шли мои друзья,
Чтоб под могильною землею
Не стал любви предметом я,

Чтоб всё, чего желал так жадно
И так напрасно я живой,
Не улыбнулось мне отрадно
Над гробовой моей доской.

1861

* * *

Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен;
Но зато родному краю
Верно буду я известен.

Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

1861

М. Л. МИХАЙЛОВ

ГРЕНАДЕРЫ

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до Немецкой земли.

Придется им — слышат — увидеть
В позоре родную страну...
И храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат!
Болит мое скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ!
И мне умереть бы пора;
Но дома жена, малолетки:
У них ни кола ни двора.

Да что мне? просить Христа ради
Пущу и детей и жену...
Иная на сердце забота:
В плену император! в плену!

Исполни завет мой: коль здесь я
Окончу солдатские дни,
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию! там схорони!

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье.

И смирно и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу...
Заслышу я конское ржанье,
И пушечный гром, и трубу.

То Он над могилою едет!
Знамена победно шумят...
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!»

⟨1846⟩, ⟨1858⟩

НА ПУТИ

Предо мной лежит
Степь печальная.
Всё мне слышится
Речь прощальная.

Всё мне видятся
Взоры милые,
Всё твержу *прости*
Через силу я.

И всё та ж в ответ
Речь прощальная...
Но молчит кругом
Степь печальная.

⟨1848⟩

* * *

Джон Андерсон, сердечный друг!
Как я сошлась с тобой,
Был гладок лоб твой и как смоль
Был черен волос твой.

Теперь морщины по лицу,
И снег житейских вьюг
В твоих кудрях; но — бог храни
Тебя, сердечный друг!

Джон Андерсон, сердечный друг!
Мы вместе в гору шли,
И сколько мы счастливых дней
Друг с другом провели!
Теперь нам под гору плестись;
Но мы рука с рукой
Пойдем — и вместе под горой
Заснем, сердечный мой!

⟨*1856*⟩

* * *

О сердце скорбное народа!
Среди твоих кромешных мук
Не жди, чтоб счастье и свобода
К тебе сошли из царских рук.

Не эти ль руки заковали
Тебя в неволю и позор?
Они и плахи воздвигали
И двигали топор.

Не царь ли век в твоей отчизне
Губил повсюду жизнь сплеча?
Иль ты забыл, что дара жизни
Не ждут от палача?

Не верь коварным обещаньям!
Дар царский — подкуп и обман.
Он, равный нищенским даяньям,
Их не введет в изъян.

Оставь напрасные надежды,
Само себе защитой будь!
На их привет закрой ты вежды,
Их злодеяний не забудь!

Ты сильно! Дремлющие силы
В глуби болящей воскреси!
Тысячелетние могилы
О гнете вековом спроси!

И всё, что прожито страданий,
Что в настоящем горя есть,
Весь трепет будущих желаний
Соедини в святую месть.

О, помни! чистый дар свободы
Назначен смелым лишь сердцам.
Ее *берут* себе народы;
И царь не даст ее рабам.

О, помни! и без боя злого
Твердыню зла шатнет твой клик.
Восстань из рабства векового,
Восстань свободен и велик!

1861 (?)

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Вечный враг всего живого,
Тупоумен, дик и зол,
Нашу жизнь за мысль и слово
Топчет произвол.

И чем жизнь честней и чище,
Тем нещаднее судьба;
Раздвигайся ты, кладбище,—
Принимай гроба!

Гроб вчера, и гроб сегодня,
Завтра гроб... А мы стоим
Средь могил и — «власть господня»,
Как рабы, твердим.

Вот и твой смолк голос честный,
И смежился честный взгляд,
И уложен в гроб ты тесный,
Отстрадавший брат.

Жаждой правды изнывая,
В темном царстве лжи и зла
Жизнь зачахла молодая,
Гнета не снесла.

Ты умолк; но нам из гроба
Скорбный лик твой говорит:
«Что ж молчит в вас, братья, злоба?
Что любовь молчит?

Иль в любви у вас лишь слезы
Есть для ваших кровных бед?
Или сил и для угрозы
В вашей злобе нет?

Братья, пусть любовь вас тесно
Сдвинет в дружный ратный строй,
Пусть ведет вас злоба в честный
И открытый бой!»

Мы стоим, не слыша зова,—
И, ликуя, зверски зол,
Тризну мысли, тризну слова
Правит произвол.

20 ноября 1861

* * *

Крепко, дружно вас в объятья
Всех бы, братья, заключил
И надежды и проклятья
С вами, братья, разделил.

Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.

Но и там, назло гоненью,
Веру лучшую мою
В молодое поколенье
Свято в сердце сохраню.

В безотрадной мгле изгнанья.
Твердо буду света ждать
И души одно желанье,
Как молитву, повторять:

Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас.

Ноябрь 1861

ПЯТЕРО

Над вашими телами наругавшись,
В безвестную могилу их зарыли
И над могилой выровняли землю,
Чтоб не было ни знака, ни отметы,
Где тлеют ваши кости без гробов,—
Чтоб самый след прекрасной жизни вашей
Изгладился, чтоб ваши имена
На смену вам идущим поколеньям
С могильного креста не говорили,
Как вы любили правду и свободу,
Как из-за них боролись и страдали,
Как шли на смерть с лицом спокойно-ясным
И с упованьем, что пора придет —
И вами смело начатое дело
Великою победой завершится.

Пора та близко. Пусть могила ваша
Незнаема, пусть царственная зависть
Старается стереть повсюду память
О вашем деле, ваших именах,—
В глуби живых сердец она живет!
И с каждым днем таких сердец всё больше,
Самоотверженных, могучих, смелых
И любящих.

Близ места вашей казни
Есть пышный храм. Там гордыми рядами
Стоят великолепные гробницы,
Блестя резьбой и золотом. Над ними
Курится ладан, теплятся лампады,

И каждый день священство в черных ризах
Поет заупокойные обедни.
Гробницы эти прочны; имена
Их мертвецов угодливой рукою
Глубоко в камень врезаны. Напрасно!
От одного дыхания Свободы
Потухнет ладан и елей в лампадах,
Наемный клир навеки онемеет,
И прахом распадется твердый мрамор,
Последняя их память на земле.

Пора близка. Уже на головах,
Обремененных ложью, и коварством,
И преступленьем, шевелится волос
Под первым дуновеньем близкой бури,—
И слышатся, как дальний рокот грома,
Врагам народа ваши имена,
Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол,
Бестужев и Каховский! Буря грянет,
Под этой бурей дело ваших внуков
Вам памятник создаст несокрушимый.
Не золото стирающихся букв
Предаст святые ваши имена
Далекому потомству — песнь народа
Свободного; а песнь не умирает!
Не хрупкие гробницы сохранят
Святую вашу память, а сердца
Грядущих просветленных поколений,—
И в тех сердцах народная любовь
Из рода в род вам будет неизменно
Гореть неугасимою лампадой.

1861 или 1862 (?)

* * *

Вышел срок тюремный:
По горам броди;
Со штыком солдата
Нет уж позади.

Воли больше; что же
Стены этих гор
Пуще стен тюремных
Мне теснят простор?

Там под темным сводом
Тяжело дышать:
Сердце уставало
Биться и желать.

Здесь над головою
Под лазурный свод
Жаворонок вьется
И поет, зовет.

1862 (?)

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Много у нас толковали в журналах о прессе свободной.
  Публика так поняла: гни нас свободно под пресс!

Между 1862 и 1864 (?)

ПРЕДАННОСТЬ

Преданность вечно была в характере русского люда.
  Кто же не предан теперь? Ни одного не найдешь.
Каждый, кто глуп или подл, наверное, предан престолу;
  Каждый, кто честен, умен, предан, наверно, суду.

Между 1862 и 1864 (?)

В. С. КУРОЧКИН

СТАРЫЙ КАПРАЛ

В ногу, ребята, идите.
Полно, не вешать ружья!
Трубка со мной... проводите
В отпуск бессрочный меня.
Я был отцом вам, ребята...
Вся в сединах голова...
Вот она — служба солдата!..
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера!
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова —
Тень императора встала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата
Орден не выслужить вам.
Я поплатился когда-то,
Задали мы королям.
Эх! наша слава пропала...

Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хныч, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись;
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хныч, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хныч, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?
Нет, затянусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! не завязывать глаз.
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хныч, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

⟨1855⟩

* * *

Я не поэт — и, не связанный узами
С музами,
Не обольщаюсь ни лживой, ни правою
Славою.
Родине предан любовью безвестною,
Честною,
Не воспевая с певцами присяжными,
Важными
Злое и доброе, с равными шансами,
Стансами,
Я положил свое чувство сыновнее
Всё в нее.

Но не могу же я плакать от радости
С гадости,
Или искать красоту в безобразии
Азии,
Или курить в направлении заданном
Ладаном,
То есть — заигрывать с злом и невзгодами
Одами.

С рифмами лазить особого счастия
К власти я
Не нахожу — там какие бы ни были
Прибыли.
Рифмы мои ходят поступью твердою,
Гордою,
Располагаясь богатыми парами —
Барами!
Ну, не дадут мне за них в Академии
Премии,
Не приведут их в примерах пиитики
Критики:
«Нет ничего, мол, для «чтенья народного»
Годного,
Нет возносящего душу парения
Гения,
Нету воинственной, храброй и в старости,
Ярости
И ни одной для Петрушки и Васеньки
Басенки».
Что ж? Мне сама мать-природа оставила
Правила,

Чувством простым одарив одинаково
Всякого.
Если найдут книжку с песнями разными
Праздными
Добрые люди внимания стоящей —
Что еще?
Если ж я рифмой свободной и смелою
Сделаю,
Кроме того, впечатленье известное,
Честное,—
В нем и поэзия будет обильная,
Сильная
Тем, что не связана даже и с музами
Узами.

⟨1859⟩

ИДЕАЛЬНАЯ РЕВИЗИЯ

— Дороги у вас в околодке!
Ухабы, озера, бугры!
— Пожалуста, рюмочку водки;
Пожалуста, свежей икры.
— Выходит, что вы не по чину..
За это достанется вам...
— Пожалуста, кюммелю, джину,
Пожалуста, рижский бальзам..
— Пословица службы боярской:
Бери, да по чину бери.
— Пожалуста, честер, швейцарский,
Пожалуста, стильтону, бри.
— Дороги, положим, безделки;
Но был я в остроге у вас...
— Пожалуста, старой горелки,
Галушек, грибочков, колбас.
— Положим, что час адмиральский,
Да вот и купцы говорят...
— Угодно-с ветчинки вестфальской?
Стерлядка-с, дичинка, салат...
— Положим, что в вашу защиту
Вы факт не один привели...
— Угодно-с икемцу, лафиту?
Угодно-с рейнвейну, шабли?
— Положим, что вы увлекались...

Сходило предместнику с рук...
— Сигарочку вам-с: имперьялис,
Регалия, упман, трабук.
— Положим, я строг через меру,
И как-нибудь дело сойдет...
— Пожалуста... Эй! Редереру!
Поставить две дюжины в лед!

⟨1860⟩

ГОСПОДИН ИСКАРИОТОВ

Господин Искариотов —
  Добродушнейший чудак:
Патриот из патриотов,
  Добрый малый, весельчак,
Расстилается, как кошка,
  Выгибается, как змей...
  Отчего ж таких людей
Мы чуждаемся немножко?
  И коробит нас, чуть-чуть
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов —
  Подвернется где-нибудь?

Чтец усердный всех журналов,
  Он способен и готов
Самых рьяных либералов
  Напугать потоком слов.
Вскрикнет громко: «Гласность! гласность!
  Проводник святых идей!»
  Но кто ведает людей,
Шепчет, чувствуя опасность:
  «Тише, тише, господа!
  Господин Искариотов,
  Патриот из патриотов —
  Приближается сюда».

Без порывистых ухваток,
  Без сжиманья кулаков
О всеобщем зле от взяток
  Он не вымолвит двух слов.
Но с подобными речами
  Чуть он в комнату ногой —

Разговор друзей прямой
Прекращается словами:
«Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда».

Он поборник просвещенья;
Он бы, кажется, пошел
Слушать лекции и чтенья
Всех возможных видов школ:
«Хлеб, мол, нужен нам духовный!»
Но заметим мы его —
Тотчас все до одного,
Сговорившиеся ровно:
«Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда».

Чуть с женой у вас неладно,
Чуть с детьми у вас разлад —
Он уж слушает вас жадно,
Замечает каждый взгляд.
Очень милым в нашем быте
Он является лицом,
Но едва вошел в ваш дом,
Вы невольно говорите:
«Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда».

⟨1861⟩

* * *

Юмористическим чутьем
Под вашей докторскою тогой,
Под вашим мудрым париком,
В изгибах речи вашей строгой
Нагайку чуем казака,
Хоть видим в выпушках, петличках
И в полемических привычках,
Что вы не нашего полка.

1862

ПРИРОДА, ВИНО И ЛЮБОВЬ

(Из былых времен)

Трагедия в трех действиях, без соблюдения трех единств, так как происходит в разное время, в разных комнатах и под влиянием различных страстей и побуждений

Лица:

Поэт, Редактор, Цензор

ДЕЙСТВИЕ I. ПРИРОДА

Комната Поэта

Поэт

(пишет и читает)

Пришла весна. Увы! Любовь
Не манит в тихие дубравы.
Нет! негодующая кровь
Зовет меня на бой кровавый!

Кабинет Редактора

Редактор

(поправляет написанное Поэтом и читает)

Пришла весна. Опять любовь
Раскрыла тысячу объятий,
И я бы, кажется, готов
Расцеловать всех меньших братий.

Кабинет Цензора

Цензор

(поправляет написанное Поэтом и поправленное Редактором и читает)

Пришла весна. Но не любовь
Меня влечет под сень дубравы,
Не плоть, а дух! Я вижу вновь
Творца во всем величьи славы.

(Подписывает: «Одобрено цензурою».)

ДЕЙСТВИЕ II. ВИНО

Поэт

Люблю вино. В нем не топлю,
Подобно слабеньким натурам,
Скорбь гражданина — а коплю
Вражду к проклятым самодурам!

Редактор

(поправляет)

Люблю вино. Я в нем топлю
Свои гражданские стремленья,
И видит бог, как я терплю
И как тяжел мой крест терпенья!

Цензор

(поправляет)

Люблю вино. Но как люблю?
Как сладкий мед, как скромный танец.
Пью рюмку в день — и не терплю
Косматых нигилистов-пьяниц.

(Подписывает.)

ДЕЙСТВИЕ III. ЛЮБОВЬ

Поэт

Люблю тебя. Любовь одна
Дает мне бодрость, дух и силу,
Чтоб, чашу зла испив до дна,
Непобежденным лечь в могилу.

Редактор

(поправляет)

Люблю тебя. Любовь к тебе
Ведет так сладко до могилы
В неравной роковой борьбе
Мои погубленные силы.

Цензор

(поправляет)

Люблю тебя. И не скорбя,
Подобно господам писакам,
Обязан век любить тебя,
Соединясь законным браком.

(Подписывает.)

Занавес падает. В печати появляется стихотворение «Природа, вино и любовь», под которым красуется имя Поэта. В журналах выходят рецензии, в которых говорится о вдохновении, непосредственном творчестве, смелости мысли, оригинальности оборотов речи и выражений, художественной целости и гражданских стремлениях автора.

⟨1863⟩

* * *

Нет, положительно, роман
  «Что делать?» нехорош!
Не знает автор ни цыган,
Ни дев, танцующих канкан,
  Алис и Ригольбош.
Нет, положительно, роман
  «Что делать?» нехорош!

Великосветскости в нем нет
  Малейшего следа.
Герой не щеголем одет
И под жилеткою корсет
  Не носит никогда.
Великосветскости в нем нет
  Малейшего следа.

Жена героя — что за стыд! —
  Живет своим трудом;
Не наряжается в кредит
И с белошвейкой говорит,
  Как с равным ей лицом.
Жена героя — что за стыд! —
  Живет своим трудом.

Нет, я не дам жене своей
Читать роман такой!
Не надо новых нам людей
И идеальных этих швей
В их новой мастерской!
Нет, я не дам жене своей
Читать роман такой!

Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!
В пирушках романист — профан,
И чудеса белил, румян
Не ставит он ни в грош.
Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!

1863

ЗАВЕЩАНИЕ

Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты;
Сказал бы: в рай, да не скажу,
И не поверишь ты.
Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты.

Мой сын, вверяясь небесам,
Надейся, уповай;
Но, на́ бога надеясь, сам,
Мой милый, не плошай.
Мой сын, вверяясь небесам,
Надейся, уповай.

Мой сын, учись — ученье свет,
А неученье тьма;
А жизнь на всё уж даст ответ,
По-своему, сама...
Мой сын, учись — ученье свет,
А неученье тьма.

Мой сын, любовь — союз сердец,
К блаженству первый шаг;
Второй шаг будет под венец,
А третий под башмак.

Мой сын, любовь — союз сердец,
К блаженству первый шаг.

Мой сын, твоя опора — труд,
Твое всё счастье в нем;
Хотя с трудом в больницах мрут
Живущие трудом.
Мой сын, твоя опора — труд,
Твое всё счастье в нем.

Мой сын, спокойствие души —
Отрада беднякам;
Зато уж в нем все барыши
И все утехи нам.
Мой сын, спокойствие души —
Отрада беднякам.

Мой сын, будь честен и горяч
В борьбе для счастья всех,
Да только после уж не плачь,
Услышав общий смех.
Мой сын, будь честен и горяч
В борьбе для счастья всех.

Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты;
Сказал бы: в рай, да не скажу,
И не поверишь ты.
Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты.

⟨1865⟩

Д. Д. МИНАЕВ

СОВЕТ

> В собственном сердце и уме человека должна быть внутренняя полиция...
>
> *Н. Павлов*

От увлечений, ошибок горячего века
Только «полиция в сердце» спасет человека;

Только тогда уцелеет его идеал,
Если в душе он откроет бессменный квартал.

Мысль, например, расшалится в тебе не на шутку —
Тотчас ее посади ты в моральную будку;

В голову ль вдруг западет неприличная блажь —
Пусть усмирит ее сердца недремлющий страж;

Кровь закипит, забуянит в тебе через меру —
С ней не стесняясь, прими полицейскую меру,

Стань обличителем собственной злобы и лжи
И на веревочке ум свой строптивый держи.

Знайте ж, российские люди, и старцы и дети:
Только «с полицией в сердце» есть счастье на свете.

⟨1863⟩

* * *

Жизнь наша вроде плац-парада;
И в зной и в холод на ветру
Маршировать тем плацем надо,
Как на инспекторском смотру.

Как рекрут, выучись смиряться,
Но забегать не хлопочи:
Похвалят — крикни: «Рад стараться!»
А не похвалят — промолчи.

Тебе прикажут — делай дело!
Терпи — вот лучший твой паек,
А в остальное время смело
Носок вытягивай, носок!..

Лето (?) 1864

МОТИВЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

1

МОТИВ МРАЧНО-ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЙ

Мир — это шайка мародеров,
Где что ни шаг, то лжец иль тать:
Мне одному такой дан норов,
Чтоб эту сволочь усмирять.

Не буду петь я: mia cara![1]
«Ночной зефир струит эфир»,
Но как гроза, как божья кара,
Заставлю дрогнуть целый мир.

Во все трактиры, рестораны,
Как зоркий страж, начну ходить,
Для вас, общественные раны,
Я буду пластырем служить.

Во всех приказных, бравших взятки
(Подогревая в сердце злость),

---

[1] Моя дорогая! (*итал.*)

Во всех, кто грубы, грязны, гадки,
Мой стих вопьется, словно гвоздь.

Рысак ли бешеный промчится,
Спадет ли с здания кирпич,
Хожалый вздумает напиться —
Я буду всех разить, как бич,
И стану сам себе дивиться.

Людей сдержу я, как уздой,
И буду в жизненном потоке
Для них живой сковородой,
Где станут жариться пороки.

2

МОТИВ СЛЕЗНО-ГРАЖДАНСКИЙ

Мне жаль тебя, несчастный брат!..
Тяжел твой крест — всей жизни ноша.
Не предложу тебе я гроша,
Но плакать, плакать буду рад.

Пусть возбуждают жалость в мире
Твои лохмотья, чахлый вид —
Тебе угла не дам в квартире,
Но плакать буду хоть навзрыд.

Ходи босой в мороз и слякоть,
Я корки хлеба не подам,
Но о тебе в альбомах дам
Я стану плакать, плакать, плакать!..

3

МОТИВ ЯСНО-ЛИРИЧЕСКИЙ

Тихий вечер навевает
  Грезы наяву,
Соловей не умолкает...
  Вот я чем живу.
Месяц льет потоки света...
  Сел я на траву,—
Огоньки сверкают где-то...

Вот я чем живу.
В летний день, в затишье сада,
Милую зову,
Поджидаю в поле стадо...
Вот я чем живу.
Лаской девы ненаглядной,
Rendez-vous[1] во рву,
Видом бабочки нарядной —
Вот я чем живу.
Я срываю шишки с ели,
Незабудки рву
И пою, пою без цели...
Вот я чем живу.

4

ЮБИЛЕЙНЫЙ МОТИВ

(Кому угодно)

Когда сном крепким спал народ
И спячка длилась год за годом...
(Тут нужно древний эпизод
Сравнить с новейшим эпизодом.)

Когда на всех, в ком сила есть,
Смотрела Русь в немом испуге...
(Поэт обязан перечесть
Здесь юбилятора заслуги.)

Тогда *(обеденный певец*
Встает в порыве вдохновенья)
Ты появился наконец!
(Сбегают слезы умиленья.)

Как луч из мрачных облаков,
Ты вдруг сверкнул, нам дал отвагу!..
(Чтоб не забыть своих стихов,
Поэт косится на бумагу.)

И вот теперь весь этот зал
Тебя помянет в общем тосте!..
(Певец хватает свой бокал,
А лоб певца целуют гости.)

---

[1] Свиданием *(франц.)*.

5

МОТИВ БЕШЕНО-МОСКОВСКИЙ

Русь героями богата,
Словно вылита она
Из гранита и булата,
И прихода супостата
Не боится вся страна,
Не обдаст врагов картечью,
Не покажет им штыка,
Но отбросит перед сечью
Молодецкой, русской речью,
Просолив ее слегка,
Этой речью сочной, рьяной,
Крепкой, цепкой так и сяк,
Забубенной, грозной, пряной,
Удальством славянским пьяной,
Едкой, меткой, как кулак.
Кто ж противиться нам может?
Славянин перед врагом
Руку за́ ухо заложит,
Гаркнет, свистнет и положит
Супостатов всех кругом.

⟨1865⟩

АНАЛОГИЯ СТИХОТВОРЦА

«Я — новый Байрон!» — так кругом
Ты о себе провозглашаешь.
   Согласен в том:
Поэт Британии был хром,
А ты — в стихах своих хромаешь.

⟨1865⟩

У ВХОДА В ПРЕССУ

«Кто там?» — «Я истина».— «Назад!
В вас наша пресса не нуждается».—
«Я честность!» — «Вон!» — «Я разум!» — «Брат,
Иди ты прочь: вход запрещается.

Ты кто такая?» — «Пропусти
Без разговоров. Я — субсидия!..» —
«А, вы у нас в большой чести:
Вас пропущу во всяком виде я!»

⟨1867⟩

БЕЗЫМЕННОМУ ЖУРНАЛИСТУ

Сразить могу тебя без всякого усилья,
Журнальный паразит:
Скажу, кто ты и как твоя фамилья,
И ты — убит.

⟨1868⟩

* * *

В стихах и в прозе, меньший брат,
Мы о судьбе твоей кричали;
О, в честь тебе каких тирад
Мы в кабинетах не слагали!
А там, среди убогих хат,
За лямкой, в темном сеновале,
Всё те же жалобы звучат
И песни, полные печали.
Всё та же бедность мужиков;
Всё так же в лютые морозы,
В глухую ночь, под вой волков
Полями тянутся обозы...
Терпенье то же, те же слезы...
Хлеб не растет от нашей прозы,
Не дешевеет от стихов.

⟨1870⟩

* * *

Нельзя довериться надежде,
Она ужасно часто лжет:
Он подавал надежды прежде,
Теперь доносы подает.

⟨1870⟩

* * *

Поэт понимает, как плачут цветы,
О чем говорит колосистая рожь,
Что шепчут под вечер деревьев листы,
Какие у каждой капусты мечты,
Что думает в мире древесная вошь.
Он ведает чутко, что мыслит сосна,
Как бредит под раннее утро, со сна,
И только поэт одного не поймет:
О чем это думает бедный народ?

⟨1873⟩

ЖИТЕЙСКАЯ ИЕРАРХИЯ

Строго различаем мы с давнишних пор:
Маленький воришка или крупный вор.

Маленький воришка — пища для сатир,
Крупный вор — наверно, где-нибудь кассир;

Маленького вора гонят со двора,
Крупного сажают и в директора;

Маленький воришка сцапал и пропал,
Крупный тоже сцапал — нажил капитал;

Маленький воришка угодил в острог,
Крупному же вору — впору всё и впрок;

Маленьким воришкам — мачеха зима,
Крупных не пугает и сама тюрьма,

И они спокойно ждут законных кар...
Там, где шмель прорвется, берегись комар!..

⟨1878⟩

ХЛЕБ И СОЛЬ

Хлеб с солью дружен... Так подчас
Болтаем мы иль просто мелем;
Но часто «*соль* земли» у нас
Сидит без *хлеба* — по неделям.

⟨1880⟩

ЛИБЕРАЛ ОТ «ПОРЯДКА»

Либерал от ног до темени,
Возвещал он иногда:
«До поры лишь и до времени
Я молчу,— но, господа,
Будет случай, и могучее
Слово я скажу, клянусь!»
И — того дождался случая:
«Говорите, сударь, ну-с!»
И, прищуря глазки карие,
На свой фрак роняя пот,
Из времен Гистаспа Дария
Рассказал он анекдот.

Ноябрь 1880

ДВЕ СМЕРТИ

(Баллада)

1

Действительный статский советник Курдюк,
Дородный, румяный, как солнечный круг,

Обедов хороших знаток и ценитель
И пола прекрасного страстный любитель,

Позавтракав плотно в трактире «Москва»
И шубу медвежью надевши, едва

На улицу вышел, как скрыть удивленья
Не мог. Никогда он такого движенья

Не видел, не помнил таких похорон:
Как тихое море, с различных сторон

Вокруг колесницы толпа тысяч во сто
Содвинулась как-то торжественно просто...

Отдельными группами шла молодежь
С венками лавровыми — их не сочтешь,—

И убраны пышно венки были эти.
Смешались мужчины, и дамы, и дети,

Печально у многих потуплен был взор,
За хором одним новый следовал хор,

И весь подвижной погребальный тот клирос
От самой Литейной до Знаменской вырос.

2

Действительный статский советник Курдюк,
Толпой увлеченный, смотреть стал вокруг

На пышный кортеж, на толпу вокруг гроба,
И думал: «Конечно, большая особа

Скончалась, вельможа помре, крупный чин,
А иначе не было б вовсе причин

В столице его хоронить так парадно...
Однако... однако тут что-то неладно,—

Курдюк с беспокойством раздумывать стал.—
Я сам в крупном чине, я сам генерал,

Различных особ хоронил я немало
И знаю, что так на Руси генерала

Нельзя, невозможно никак погребать.
Во-первых, регалий нигде не видать,

А их для парада,— они не игрушки,—
Всегда до кладбища несут на подушке;

Затем нет мундиров, чиновных фигур;
Толпа либеральна на вид чересчур,

И слишком уж много в ней «длинноволосых»:
Сюда пять-шесть тысяч, не меньше, сошлось их...

Притом полицейских не видно почти,
Хотя образцовый порядок в пути

Народ соблюдает... Теряюсь в догадках!
Приходится век доживать при порядках

Таких, что идет кругом вся голова.
Бывало, два-три человека едва

Сойдутся случайно,— глядь, бог весть откуда
Является чин полицейский как чудо,

А нынче посмотришь... Однако кого б
Спросить: в Лавру, что ли, несут этот гроб?

И кто был покойник: почтенье внушая
Такое, он, верно, особа большая...»

3

«Позвольте спросить,— оглянувшись вокруг,
Действительный статский советник Курдюк

Спросил одного господина в еноте,—
Кого хоронить, господа, вы идете?»

«Кого? — с изумленьем заметил енот,
Невольно свой шаг замедляя.— Идет

За гробом почти целый город, и вдруг вы
(Курдюк стал красней кумача или клюквы)

С вопросом подобным!..» — «За этот вопрос
Прошу извиненья,— но умер-то кто-с?»

«Не знаете разве? Известный писатель».—
«Писатель, и только,— что слышу, создатель!

Подобный кортеж... цугом шесть лошадей...» —
«Покойник был автором «Бедных людей»

И «Мертвого дома»... Вам этого мало?» —
«Простите, я думал, везут генерала

Иль знатного барина, что ли,— а он...» —
«А он был бедняк, и чинов всех лишен,

И выдержал каторгу даже в Сибири,
Но чтут его память в читающем мире,

И имя его, хоть кого ни спроси,
Известно повсюду у нас на Руси

И лишь незнакомо безграмотным людям,
Которых за то и винить мы не будем...»

4

Курдюк не дослушал его до конца.
Курдюк то горел, то бледней мертвеца

От мыслей, бушующих в нем, становился;
Курдюк поскакал и дорогой крепился;

Когда же завидел квартиры порог,
В дверях оборвал он мгновенно звонок,

Рванул ручку двери, и ахнула громко,
Всплеснувши руками, его экономка;

Но, сбросивши шубу с себя и сюртук,
Действительный статский советник Курдюк

Дал полную волю проклятьям и гневу,
Смутив экономку, почтенную деву,

Потоком ругательств отборных таких,
Что немка застыла, услышавши их.

Та дева из Риги, лет за́ сорок с лишком,
Хотя к генеральским капризам и вспышкам

Давно попривыкла, робка по натуре,
Но всё ж не слыхала она такой бури.

Курдюк же ревел, словно раненый: «Как?
Писака какой-нибудь... нищий... голяк

(Он тут оборвал у сорочки весь ворот)
Такой удостоился чести! Весь город

За гробом его нес хоругви, венки!..
Что власти смотрели? Мои кулаки

Сжимались всё время при этом скандале...
О, если бы волю... сегодня... мне дали,

То я...» Тут упал как подкошенный вдруг
Действительный статский советник Курдюк,

И — был генерал оскорблен очень тяжко —
Хватил его на́смерть в то утро кондрашка,

И доктор, взглянувши на казус такой,
Ушел, безнадежно махнувши рукой.

5

Прошло трое суток. По грязной дороге
На Волково двигались крытые дроги,

На них возвышался глазетовый гроб,
За гробом, нахмуривши низкий свой лоб,

Плелась экономка, с ней две-три старушки;
Несли ордена на обычной подушке,

А сзади шла кучка знакомых, родных,—
Покойник едва ли узнал бы иных,

Отставши от многих родных и знакомых:
Путейский полковник, что выпить не промах

И ради поминок покушать, кадет,
Чиновник из банка— партнер и сосед

Умершего, писарь, какая-то полька,
Курьер да племянник с супругой — и только.

И если бы мог оглянуться вокруг
Действительный статский советник Курдюк,

Слегка приподняв над собой крышку гроба,
Такая б проснулась в нем дикая злоба,

Увидя своих провожатых, что вновь
Застыла б слегка забродившая кровь,

И, выбранив эту компанию зычно,
С досады, наверно б, он умер вторично.

Февраль 1881

КОРОЛЬ И ШУТ

Король негодует, то взад, то вперед
  По зале пустынной шагая;
Как раненый зверь, он и мечет, и рвет,
  Суровые брови сдвигая.

Король негодует: «Что день, то беда!
  Отвсюду зловещие вести.
Везде лихоимство, лесть, подкуп, вражда,
  Ни в ком нет ни правды, ни чести...

Поджоги, убийства, разврат, грабежи,
  Иуда сидит на Иуде...»
Король обратился к шуту: «О, скажи:
  Куда делись честные люди?»

И шут засмеялся: «Ах, ты чудодей!
  Очистив весь край понемногу,
Ты в ссылку отправил всех честных людей
  И — сам поднимаешь тревогу!»

⟨1882⟩

П. И. ВЕЙНБЕРГ

* * *

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь;
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

Пошел титулярный советник
И пьянствовал с горя всю ночь,
И в винном тумане носилась
Пред ним генеральская дочь.

⟨1859⟩

Л. И. ПАЛЬМИН

REQUIEM[1]

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружьем в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца!

⟨1865⟩

---

[1] **Реквием** *(франц.)*.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ

* * *

О, скоро ль минет это время,
Весь этот нравственный хаос,
Где прочность убеждений — бремя,
Где подвиг доблести — донос;
Где после свалки безобразной,
Которой кончилась борьба,
Не отличишь в толпе бессвязной
Ни чистой личности от грязной,
Ни вольнодумца от раба;
Где быта старого оковы
Уже поржавели на нас,
А светоч, путь искавший новый,
Чуть озарив его, погас;
Где то, что прежде создавала
Живая мысль, идет пока
Как бы снаряд, идущий вяло
И силой прежнего толчка;
Где стыд и совесть убаюкать
Мы все желаем чем-нибудь
И только б нам ладонью стукать
В «патриотическую» грудь!..

1870

⟨ИЗ ЦИКЛА⟩ «ЭПИТАФИИ»

2

НАШЕМУ ПРОГРЕССУ

Он рос так честен, так умен,
Он так радел о ме́ньших братьях,
Что был Россией задушен
В ее признательных объятьях.

3

НАШЕЙ ЦЕНЗУРЕ

Тебя уж нет!.. Рука твоя
Не подымается, чтоб херить,—
Но дух твой с нами, и нельзя
В его бессмертие не верить!..

1871

ЗАБЫТЫЕ СЛОВА

Посвящается памяти М. Е. Салтыкова

Слова священные, слова времен былых,
Когда они еще знакомо нам звучали...
Увы! Зачем же, полн гражданственной печали,
Пред смертью не успел ты нам напомнить их?
Те лучшие слова, так людям дорогие,
В ком сердце чувствует, чья мыслит голова:
Отчизна, совесть, честь и многие другие
Забытые слова.

Быть может, честное перо твое могло б
Любовь к отечеству напомнить «патриотам»,
Поднять подавленных тяжелым жизни гнетом;
Заставить хоть на миг поникнуть медный лоб;
Спасти обрывки чувств, которые остались;

Уму отвоевать хоть скромные права;
И, может быть, средь нас те вновь бы повторялись
Забытые слова.

Преемника тебе не видим мы пока.
Чей смех так зол? и чья душа так человечна?
О, пусть твоей души нам память будет вечна,
Земля ж могильная костям твоим легка!
Ты, правдой прослужив весь век своей отчизне,
Уж смерти обречен, дыша уже едва,
Нам вспомнить завещал, средь пошлой нашей жизни,
Забытые слова.

13 мая 1889
Рунторт

КОНЬ КАЛИГУЛЫ

Калигула, твой конь в сенате
Не мог сиять, сияя в злате;
Сияют добрые дела

Так поиграл в слова Державин,
Негодованием объят.
А мне сдается (виноват!),
Что тем Калигула и славен,
Что вздумал лошадь, говорят,
Послать присутствовать в сенат.
Я помню: в юности пленяла
Его ирония меня;
И мысль моя живописала
В стенах священных трибунала,
Среди сановников, коня.
Что ж, разве там он был некстати?
По мне — в парадном чепраке
Зачем не быть коню в сенате,
Когда сидеть бы людям знати
Уместней в конном деннике?
Что ж, разве звук веселый ржанья
Был для империи вредней
И раболепного молчанья,
И лестью дышащих речей?
Что ж, разве конь красивой мордой
Не затмевал ничтожных лиц

И не срамил осанкой гордой
Людей, привыкших падать ниц?..
Я и теперь того же мненья,
Что вряд ли где встречалось нам
Такое к трусам и к рабам
Великолепное презренье.

1892
Стенькино

Л. Н. ТРЕФОЛЕВ

ПЕСНЯ О КАМАРИНСКОМ МУЖИКЕ

Ах ты, милый друг, камаринский мужик,
Ты зачем, скажи, по улице бежишь?

Народная песня

1

Как на улице Варваринской
Спит Касьян, мужик камаринский.
Борода его всклокочена
И *дешевкою* подмочена;
Свежей крови струйки алые
Покрывают щеки впалые.

Ах ты, милый друг, голубчик мой, Касьян!
Ты сегодня именинник, значит — пьян.
Двадцать девять дней бывает в феврале,
В день последний спят Касьяны на земле.
В этот день для них зеленое вино
Уж особенно пьяно, пьяно, пьяно.

Февраля двадцать девятого
Целый штоф вина проклятого
Влил Касьян в утробу грешную,
Позабыл жену сердешную
И своих родимых деточек,
Близнецов двух, малолеточек.

Заломивши лихо шапку набекрень,
Он отправился к куме своей в курень.
Там кума его калачики пекла;
Баба добрая, румяна и бела,
Испекла ему калачик горячо
И уважила... еще, еще, еще.

2

В это время, за лучиною,
С бесконечною кручиною
Дремлет-спит жена Касьянова,
Вспоминая мужа пьяного:
«Пресвятая богородица!
Где злодей мой хороводится?»

Бабе снится, что в веселом кабаке
Пьяный муж ее несется в трепаке,
То прискочит, то согнется в три дуги,
Истоптал свои смазные сапоги,
И руками, и плечами шевелит...
А гармоника пилит, пилит, пилит.

Продолжается видение:
Вот приходят в *заведение*
Гости, старые приказные,
Отставные, безобразные,
Красноносые алтынники,—
Все Касьяны-именинники.

Пуще прежнего веселье и содом.
Разгулялся, расплясался пьяный дом.
Говорит Касьян, схватившись за бока:
«А послушай ты, приказная *строка*,
У меня бренчат за пазухой гроши:
Награжу тебя... Пляши, пляши, пляши!»

3

Осерчало *благородие*:
«Ах ты, хамово отродие!
За такое поношение
На тебя подам прошение.
Накладу еще в потылицу!
Целовальник, дай чернильницу!»

Продолжается всё тот же вещий сон:
Вот явился у чиновных у персон
Лист бумаги с государственным орлом.
Перед ним Касьян в испуге бьет челом,
А обиженный куражится, кричит
И прошение строчит, строчит, строчит.

«Просит... имя и фамилия...
Надо мной чинил насилия
Непотребные, свирепые
И гласил слова нелепые:
Звал *строкой*, противно званию...
Подлежит сие к поданию...»

Крепко спит-храпит Касьянова жена.
Видит баба, в вещий сон погружена,
Что мужик ее хоть пьян, а не дурак,
К двери пятится сторонкою, как рак,
Не замеченный чиновником-врагом,
И — опять к куме бегом, бегом, бегом.

4

У кумы же печка топится,
И кума спешит, торопится,
Чтобы трезвые и пьяные
Калачи ее румяные
Покупали, не торгуяся,
На калачницу любуяся.

Эко горе, эко горюшко, хоть плачь!
Подгорел совсем у кумушки калач.
Сам Касьян был в этом горе виноват:
Он к куме своей явился невпопад,
Он застал с дружком изменницу-куму,
Потому что, потому что, потому...

«Ах ты, кумушка-разлапушка,
А зачем с тобой Потапушка?
Всех людей считая братцами,
Ты не справилась со святцами.
Для Потапа-безобразника
Нынче вовсе нету праздника!»

Молодецки засучивши рукава,
Говорит Потап обидные слова:
«Именинника поздравить мы не прочь,
А куму мою напрасно не порочь!»
А кума кричит: «Ударь его, ударь!
Засвети ему фонарь, фонарь, фонарь!»

5

Темной тучей небо хмурится.
Вся покрыта снегом улица;
А на улице Варваринской
Спит... мертвец, мужик камаринский,
И, идя из храма божия,
Ухмыляются прохожие.

Но нашелся наконец из них один,
Добродетельный, почтенный господин,—
На Касьяна сердобольно посмотрел:
«Вишь, налопался до чертиков, пострел!»
И потыкал нежно тросточкой его:
«Да уж он совсем... того, того, того!»

Два лица официальные
На носилки погребальные
Положили именинника.
Из кармана два полтинника
Вдруг со звоном покатилися
И... сквозь землю провалилися.

Засияло у хожалых «рождество»:
Им понравилось такое колдовство,
И с носилками идут они смелей,
Будет им ужо на водку и елей;
Марта первого придут они домой,
Прогулявши ночь... с кумой, с кумой, с кумой.

1867

И. З. СУРИКОВ

РЯБИНА

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

«С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листами
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

1864

В СТЕПИ

Кони мчат-несут,
Степь всё вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берет;
Про моздокскую
Степь ямщик поет...

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит,—
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Вороных коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их батюшке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой...

Кстати, ей еще
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне ее кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится...
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик».

1865

ДЕТСТВО

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,—
Руки не согнешь,—
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.

Ветхую шубенку
Скинешь с плеч долой;
Заберешься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь: воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетет;
Матушка за прялкой
Молча лен прядет.

Избу освещает
Огонек светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнет мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку —
Сердце так и мрет;
А в трубе сердито
Ветер злой поет.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветет;
В том саду большое
Дерево растет.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица,
Точно жар, горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поет,
Ярким, чудным светом
Сад весь обдает.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хвать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

1865 или 1866

* * *

Сиротой я росла,
Как былинка в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.

Я с тринадцати лет
По людям ходила:
Где качала детей,
Где коров доила.

Светлой радости я,
Ласки не видала:
Износилась моя
Красота, увяла.

Износили ее
Горе да неволя:
Знать, такая моя
Уродилась доля.

Уродилась я
Девушкой красивой:
Да не дал только бог
Доли мне счастливой.

Птичка в темном саду
Песни распевает,
И волчица в лесу
Весело играет.

Есть у птички гнездо,
У волчицы дети —
У меня ж ничего,
Никого на свете.

Ох, бедна я, бедна,
Плохо я одета,—
Никто замуж меня
И не взял за это!

Эх ты, доля моя,
Доля-сиротинка!
Что полынь ты трава,
Горькая осинка!

1867

НА БЕРЕГУ

Как в сумерки легко дышать на берегу!
Померкли краски дня, картины изменились;
Ряды больших стогов, стоящих на лугу,
Туманом голубым, как дымкою, покрылись.

На пристани давно замолкли шум и стук;
Всё реже голоса доносятся до слуха;
Как будто стихло всё,— но всюду слышен звук,
И тихий плеск воды так сладко нежит ухо.

Вот черный жук гудит... вот свистнул коростель...
Вот где-то вдалеке плеснулось уток стадо...
Пора бы мне домой — за ужин и в постель;
Но этой тишине душа моя так рада.

И я готов всю ночь сидеть на берегу,
И не ходить домой, и вовсе не ложиться,
Чтоб запахом травы на скошенном лугу
И этой тишиной целебной насладиться.

На ширь глухих полей, под тень лесов густых
Душа моя рвалась, измучена тревогой,—
И, может быть, вдали от горьких слез людских
Я создал бы в тиши здесь светлых песен много.

Но жизнь моя прошла в заботе городской,
И сил моих запас иссяк в борьбе суровой...
И вот теперь сюда приплелся я больной.
Природа-мать! врачуй и дай мне силы снова!

1876

КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Точно море в час прибоя,
Площадь Красная гудит.
Что за говор? Что там против
Места лобного стоит?

Плаха черная далеко
От себя бросает тень...
Нет ни облачка на небе...
Блещут главы... Ясен день.

Ярко с неба светит солнце
На кремлевские зубцы,
И вокруг высокой плахи
В два ряда стоят стрельцы.

Вот толпа заколыхалась,—
Проложил дорогу кнут:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведут.

С головы казацкой сбриты
Кудри, черные как смоль;
Но лица не изменили
Казни страх и пытки боль.

Так же мрачно и сурово,
Как и прежде, смотрит он,—
Перед ним былое время
Восстает, как яркий сон:

Дона тихого приволье,
Волги-матушки простор,
Где с судов больших и малых
Брал он с вольницей побор;

Как он с силою казацкой
Рыскал вихорем степным
И кичливое боярство
Трепетало перед ним.

Душит злоба удалого,
Жгет огнем и давит грудь,
Но тяжелые колодки
С ног не в силах он смахнуть.

С болью тяжкою оставил
В это утро он тюрьму:
Жаль не жизни, а свободы,
Жалко волюшки ему.

Не придется Стеньке кликнуть
Клич казацкой голытьбе
И призвать ее на помощь
С Дона тихого к себе.

Не удастся с этой силой
Силу ратную тряхнуть —
Воевод, бояр московских
В три погибели согнуть.

«Как под городом Симбирском
(Думу думает Степан)
Рать казацкая побита,
Не побит лишь атаман.

Знать, уж долюшка такая,
Что на Дон казак бежал,
На родной своей сторонке
Во поиманье попал.

Не больна мне та обида,
Та истома не горька,
Что московские бояре
Заковали казака,

Что на помосте высоком
Поплачусь я головой
За разгульные потехи
С разудалой голытьбой.

Нет, мне та больна обида,
Мне горька истома та,
Что изменною неправдой
Голова моя взята!

Вот сейчас на смертной плахе
Срубят голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помост я полью...

Ой ты, Дон ли мой родимый!
Волга — матушка-река!
Помяните добрым словом
Атамана-казака!..»

Вот и помост перед Стенькой...
Разин бровью не повел.
И наверх он по ступеням
Бодрой поступью взошел.

Поклонился он народу,
Помолился на собор...
И палач в рубахе красной
Высоко взмахнул топор...

«Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва!..»
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

⟨1877⟩

* * *

Не корите, други,
Вы меня за это,
Что в моих твореньях
Нет тепла и света.

Как кому на свете
Дышится, живется —
Такова и песня
У него поется...

Жизнь дает для песни
Образы и звуки:
Даст ли она радость,
Даст ли скорбь и муки,

Даст ли день роскошный,
Тьму ли без рассвета —
То и отразится
В песне у поэта.

Песнь моя тоскλива...
Виноват в том я ли,
Что мне жизнь ссудила
Горе да печали?

1878

С. Д. ДРОЖЖИН

МОЯ МУЗА

1

Моя муза роди́лась в крестьянской избе,
Ни читать, ни писать не умела,
Только сердце простое имела
И, мой славный народ, о тебе
Много искренних песен пропела.

2

Моя муза роди́лась крестьянкой простой
И простым меня песням учила,
Из деревни родной часто в город большой
За собою певца уводила.
Когда пели мы с ней, то бедняк забывал
Всё, что в сердце его наболело,
Когда пашню пахал иль железо ковал,
С этой песней работа кипела;
По села́м, деревням, по большим городам
Она тихою грустью звучала
И участье ко всем горемычным людя́м
У счастливых людей вызывала.

4 марта 1875

* * *

Честным порывам дай волю свободную,
Начатый труд довершай
И за счастливую долю народную
Жизнь всю до капли отдай!

Теплой любви — векового призвания —
В сердце своем не гаси,
Чудною силою — светочем знания
Будь на Руси.

30 марта 1879

* * *

Жар весенних лучей
И томит и живит,
С гор спадая, ручей
По каменьям журчит,

Старый пахарь межой
За сохою идет,
А в селе за рекой
Кто-то песню ведет.

Смотрит весело день
На поля и леса,
Только облачка тень
Бороздит небеса.

1880

* * *

Я для песни задушевной
Взял лесов зеленых шепот,
А у Волги в жар полдневный
Темных струй подслушал ропот;
Взял у осени ненастье,
У весны — благоуханье;
У народа взял я счастье
И безмерное страданье.

1891

* * *

Ценою жгучих слез и муки,
Среди томительных ночей,
Купил я вас, живые звуки,
У бедной родины моей.
Не будьте ж в мире сиротами,
Идите, скорбные, в народ,
Который чуткими сердцами
Вас приласкает и поймет.

1892

А. Л. БОРОВИКОВСКИЙ

К СУДЬЯМ

Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский
Суди, судья, но проще, но скорей:
Без мишуры, без маски фарисейской,
Без защитительных речей...

Крестьянскую дерюгу вместо платья
Одев и сняв «преступно» башмаки,
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд и бедняки.

Застигнута на месте преступленья,
С «поличным» я на суд приведена...
Зачем же тут «свидетели» и «пренья»?
Ведь я кругом уличена!

Оставь, судья, ненужные вопросы...
Взгляни — я вся в уликах: на плечах
Мужицкая одежа, ноги босы,
Мозоли видны на руках.

Тяжелою работой я разбита...
Но знаешь ли, в душе моей, на дне,
Тягчайшая из всех улик сокрыта:
Любовь к родимой стороне.

Но знай и то, что, как я ни преступна,
Ты надо мной бессилен, мой судья...
Нет, я суровой каре недоступна,
И победишь не ты, а я.

«Пожизненно» меня ты погребаешь,
Но мой недуг уж написал протест...
И мне грозит — сам видишь ты и знаешь —
Лишь кратковременный арест...

А я умру всё с тою же любовью...
И, уронив тюремные ключи,
С молитвою приникнут к изголовью
И зарыдают палачи!..

12 марта 1877

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

* * *

Я пою для тех, чьи души юны,
Кто болел, как за себя, за брата.
Музой был мне сумрак каземата,
Цепь с веревкой — лиры были струны.
Вам заботы об искусстве строгом,
Вам, певцы любви и ликованья!
Я пою великие страданья
Поколенья про́клятого богом.

Июль 1884

* * *

Не за каждым всплеском моря
Кормчий с трепетом следит:
Всё решит последний, грозный,
Всё девятый вал решит!

Но чтоб вал пришел девятый,
Вал последний, роковой,—
Нужны первые усилья,
Нужен первый вал... второй...

Пусть они едва заметны,
Пусть они отражены:
Ждите, братья, ждите с верой
Побеждающей волны!

27 ноября 1884

* * *

Ни о чем не жалею я в прошлом, друзья,
Ни одной бы черты в нем не вычеркнул я...

Боль и слезы его — звучной песни слова:
Слово выкинешь вон — и вся песня мертва!

Там, за каждой слезой, в каждом сумрачном дне
Солнца яркого луч вспоминается мне:

Это солнце я в сердце горячем носил —
Я одними страданьями с родиной жил!

Жизнь мелькнула волшебным, сверкающим сном...
Ни о чем не жалею, друзья, ни о чем!

1903

В. Н. ФИГНЕР

МАТЕРИ

Если, товарищ, на волю ты выйдешь,
Всех, кого любишь, увидишь, обнимешь,
То не забудь мою мать!
Ради всего, что есть в жизни святого,
Чистого, нежного, нам дорогого,
Дай обо мне ты ей знать!
Ты ей скажи, что жива я, здорова,
Что не ищу я удела иного —
Всем идеалам верна...
Было мне трудно здесь первое время:
Страшно разлуки тяжелое бремя...
Думала — сломит она.
Но не сломила... Теперь не бледнею,
Что уж надежды в душе не имею
Мать дорогую обнять!..
Мать не прошу я любить: сердце чует,
Что и без просьб она любит, горюет,
Образ мой в сердце хранит.
Но пусть не плачет, меня вспоминая:
Я весела... я бодра... Пусть родная
Горем себя не томит!
Пусть лишь в молитвах меня поминает,
Пусть лишь крестом издали осеняет —
Дочь трудный путь да свершит!..

16 января 1888
Шлиссельбургская крепость

* * *

Пали все лучшие... В землю зарытые,
В месте пустынном безвестно легли!
Кости, ничьею слезой не омытые,
Руки чужие в могилу снесли...

Нет ни крестов, ни оград, и могильная
Надпись об имени славном молчит...
Выросла травка, былинка бессильная,
Долу склонилась — и тайну хранит...

Были свидетелем волны кипучие,
Гневно вздымаются, берег грызут...
Но и они, эти волны могучие,
Родине весточку вдаль не снесут!

1897
Шлиссельбургская крепость

С. Я. НАДСОН

* * *

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой.
Пусть неправда и зло полновластно царят
Над омытой слезами землей,
Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь,—
Верь: настанет пора — и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!

Не в терновом венце, не под гнетом цепей,
Не с крестом на согбенных плечах,—
В мир придет она в силе и славе своей,
С ярким светочем счастья в руках.
И не будет на свете ни слез, ни вражды,
Ни бескрестных могил, ни рабов,
Ни нужды, беспросветной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорных столбов!

О мой друг! Не мечта этот светлый приход,
Не пустая надежда одна:
Оглянись — зло вокруг чересчур уж гнетет,
Ночь вокруг чересчур уж темна!
Мир устанет от мук, захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой —
И поднимет к любви, к беззаветной любви,
Очи, полные скорбной мольбой!..

1880

* * *

Я плакал тяжкими слезами,
Слезами грусти и любви,
Да осияет свет лучами
Мир, утопающий в крови,—
И свет блеснул передо мною
И лучезарен и могуч,
Но не надеждой, а борьбою
Горел его кровавый луч.
То не был кроткий отблеск рая —
Нет, в душном сумраке ночном
Зажглась зарница роковая
Грозы, собравшейся кругом!..

1881

* * *

Одни не поймут, не услышат другие,
И песня бесплодно замрет,—
Она не разбудит порывы святые,
Не двинет отважно вперед.

Что теплая песня для мертвого мира?
Бездушная звонкость речей,
Потеха в разгаре позорного пира,
Бряцанье забытых цепей!

А песне так отдано много!.. В мгновенья,
Когда создавалась она,
В мятежной душе разгорались мученья,
Душа была стонов полна.

Грозою по ней вдохновение мчалось,
В раздумье пылало чело,
И то, что толпы лишь слегка прикасалось,
Певца до страдания жгло!

О сердце певца, в наши тяжкие годы
Ты светоч в пустыне глухой;
Напрасно во имя любви и свободы
Ты борешься с черною мглой;

В безлюдье не нужны тепло и сиянье,—
Кого озарить и согреть?
О, если бы было возможно молчанье,
О, если бы власть не гореть!

1882

* * *

...И крики оргии и гимны ликованья
В сияньи праздничном торжественных огней,
А рядом — жгучий стон мятежного страданья,
И кровь пролитая, и резкий звон цепей...
Разнузданный разврат, увенчанный цветами,—
И труд поруганный... Смеющийся глупец —
И плачущий в тиши незримыми слезами,
Затерянный в толпе, непонятый мудрец!..
И это значит жить?.. И это — перл творенья,
Разумный человек?.. Но в пошлой суетне
И в пестрой смене лиц — ни мысли, ни значенья,
Как в лихорадочном и безобразном сне...
Но эта жизнь томит, как склеп томит живого,
Как роковой недуг, гнетущий ум и грудь,
В часы бессонницы томит и жжет больного —
И некуда бежать... и некогда вздохнуть!
Порой прекрасный сон мне снится: предо мною
Привольно стелется немая даль полей,
И зыблются хлеба, и дремлет над рекою
Тенистый сад, в цветах и в золоте лучей...
Родная глушь моя таинственно и внятно
Зовет меня прийти в объятия свои,
И всё, что потерял я в жизни невозвратно,
Вновь обещает мне для счастья и любви.
Но не тому сложить трудящиеся руки
И дать бездействовать тревожному уму,
Кто понял, что борьба, проклятия и муки —
Не бред безумных книг, не грезятся ему;
Как жалкий трус, я жизнь не прятал за обманы
И не рядил ее в поддельные цветы,
Но безбоязненно в зияющие раны,
Как врач и друг, вложил пытливые персты;

Огнем и пыткою правдивого сомненья
Я всё проверил в ней, боясь себе солгать,—
И нету для меня покоя и забвенья,
И вечно буду я бороться и страдать!..

1882

* * *

Только утро любви хорошо: хороши
Только первые, робкие речи,
Трепет девственно-чистой, стыдливой души,
Недомолвки и беглые встречи,
Перекрестных намеков и взглядов игра,
То надежда, то ревность слепая;
Незабвенная, полная счастья пора,
На земле — наслаждения рая!..
Поцелуй — первый шаг к охлажденью: мечта
И возможной и близкою стала;
С поцелуем роняет венок чистота,
И кумир низведен с пьедестала;
Голос сердца чуть слышен, зато говорит
Голос крови и мысль опьяняет:
Любит тот, кто безумней желаньем кипит,
Любит тот, кто безумней лобзает...
Светлый храм в сладострастный гарем обращен.
Смолкли звуки священных молений,
И греховно-пылающий жрец распален
Знойной жаждой земных наслаждений.
Взгляд, прикованный прежде к прекрасным очам
И горевший стыдливой мольбою,
Нагло бродит теперь по открытым плечам,
Обнаженным бесстыдной рукою...
Дальше — миг наслажденья, и пышный цветок
Смят и дерзостно сорван, и снова
Не отдаст его жизни кипучий поток,
Беспощадные волны былого...
Праздник чувства окончен... погасли огни,
Сняты маски и смыты румяна;
И томительно тянутся скучные дни
Пошлой прозы, тоски и обмана!..

1883

* * *

Как каторжник влачит оковы за собой,
Так всюду я влачу среди моих скитаний
Весь ад моей души, весь мрак пережитой,
И страх грядущего, и боль воспоминаний...
Бывают дни, когда я жалок сам себе:
Так я беспомощен, так робок я, страдая,
Так мало сил во мне в лицо моей судьбе
Взглянуть без ужаса, очей не опуская...
Не за себя скорблю под жизненной грозой:
Не я один погиб, не находя исхода;
Скорблю, что я не мог всей страстью, всей душой
Служить тебе, печаль родимого народа!
Скорблю, что слабых сил беречь я не умел,
Что, полон святостью заветного стремленья,
Я не раздумывал, я не жил,— а горел,
Богатствами души соря без сожаленья;
И в дни, когда моя родная сторона
Полна уныния, смятенья и испуга,—
Чтоб в песне вылиться, душа моя должна
Красть редкие часы у жадного недуга.
И больно мне, что жизнь бесцельно догорит,
Что посреди бойцов — я не боец суровый,
А только стонущий, усталый инвалид,
Смотрящий с завистью на их венец терновый...

27 июля 1884

* * *

Есть у свободы враг опаснее цепей,
Страшней насилия, страданья и гоненья;
Тот враг неотразим, он — в сердце у людей,
Он — всем врожденная способность примиренья.
Пусть цепь раба тяжка... Пусть мощная душа,
Тоскуя под ярмом, стремится к лучшей доле,
Но жизнь еще вокруг так чудно хороша,
И в ней так много благ и кроме гордой воли!..

1884

* * *

Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокие дни;
Облетели цветы, догорели огни,
Непроглядная ночь, как могила, темна!..
Тщетно в сердце, уставшем от мук и тревог,
Исцеляющих звуков я жадно ищу:
Он растоптан и смят, мой душистый венок,
Я без песни борюсь и без песни грущу!..
А в былые года сколько тайн и чудес
Совершалось в убогой каморке моей:
Захочу — и сверкающий купол небес
Надо мной развернется в потоках лучей,
И раскинется даль серебристых озер,
И блеснут колоннады роскошных дворцов,
И подымут в лазурь свой зубчатый узор
Снеговые вершины гранитных хребтов!..
А теперь — я один... Неприютно, темно
Опустевший мой угол в глаза мне глядит;
Словно черная птица, пугливо в окно
Непогодная полночь крылами стучит...
Мрамор пышных дворцов разлетелся в туман,
Величавые горы рассыпались в прах —
И истерзано сердце от скорби и ран,
И бессильные слезы сверкают в очах!..
Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокие дни;
Облетели цветы, догорели огни,
Непроглядная ночь, как могила, темна!..

Март 1885

* * *

Это не песни — это намеки:
Песни невмочь мне сложить;
Некогда мне эти беглые строки
В радугу красок рядить;
Мать умирает,— дитя позабыто,
В рваных лохмотьях оно...
Лишь бы хоть как-нибудь было излито,
Чем многозвучное сердце полно!..

1885

* * *

1

По смутным признакам, доступным для немногих,
По взгляду вдумчивых, тоскующих очей,
По очертанью уст, загадочных и строгих,
По звуку теплому ласкающих речей,—
Я разгадал тебя... Я понял: ты страдала,
Ты суетной толпе душой была чужда;
Иная скорбь тебя над нею возвышала,
Иная даль звала, иная жгла вражда...
И луч участия и горечь сожаленья
Мне тихо сжали грудь... Несчастная, к чему,
К чему не кукла ты, без смысла и значенья,
Без гордых помыслов — рассеять эту тьму?
Он мне знаком, твой путь... Лишения, тревоги,
В измученной груди немолчный стон: «За что?»
А после, как сведешь последние итоги,
Поруганная жизнь и жалкое ничто.
И все-таки иди — и все-таки смелее
Иди на тяжкий крест, иди на подвиг твой,
И пусть бесплоден он, но жить другим светлее,
Молясь пред чистою, возвышенной душой!

1885

МАТЬ

Тяжелое детство мне пало на долю:
Из прихоти взятый чужою семьей,
По темным углам я наплакался вволю,
Изведав всю тяжесть подачки людской.
Меня окружало довольство; лишений
Не знал я,— зато и любви я не знал,
И в тихие ночи тревожных молений
Никто над кроваткой моей не шептал.
Я рос одиноко... я рос позабытым,
Пугливым ребенком,— угрюмый, больной,
С умом, не по-детски печалью развитым,
И с чуткой, болезненно-чуткой душой...
И стали слетать ко мне светлые грезы,
И стали мне дивные речи шептать
И детские слезы, безвинные слезы,
С ресниц моих тихо крылами свевать!..

Ночь... В комнате душно... Сквозь шторы струится
Таинственный свет серебристой луны...
Я глубже стараюсь в подушки зарыться,
А сны надо мной уж, заветные сны!..
Чу! Шорох шагов и шумящего платья...
Несмелые звуки слышней и слышней...
Вот тихое «здравствуй», и чьи-то объятья
Кольцом обвилися вкруг шеи моей!

«Ты здесь, ты со мной, о моя дорогая,
О милая мама!.. Ты снова пришла!
Какие ж дары из далекого рая
Ты бедному сыну с собой принесла?
Как в прошлые ночи, взяла ль ты с собою
С лугов его ярких, как день, мотыльков,
Из рек его рыбок с цветной чешуею,
Из пышных садов — ароматных плодов?
Споешь ли ты райские песни мне снова?
Расскажешь ли снова, как в блеске лучей
И в синих струях фимиама святого
Там носятся тени безгрешных людей?
Как ангелы в полночь на землю слетают,
И бродят вокруг поселений людских,
И чистые слезы молитв собирают
И нижут жемчужные нити из них?..
Сегодня, родная, я сто́ю награды,
Сегодня — о, как ненавижу я их! —
Опять они сердце мое без пощады
Измучили злобой насмешек своих...
Скорей же, скорей!..»

И под тихие ласки,
Обвеян блаженством нахлынувших грез,
Я сладко смыкал утомленные глазки,
Прильнувши к подушке, намокшей от слез!..

1886
С. Носковицы, Подольской губернии

А. Н. АПУХТИН

* * *

Гремела музыка, горели ярко свечи,
Вдвоем мы слушали, как шумный длился бал,
Твоя дрожала грудь, твои пылали плечи,
Так ласков голос был, так нежны были речи;
Но я в смущении не верил и молчал.

В тяжелый горький час последнего прощанья
С улыбкой на лице я пред тобой стоял,
Рвалася грудь моя от боли и страданья,
Печальна и бледна, ты жаждала признанья...
Но я в волнении томился и молчал.

Я ехал. Путь лежал передо мной широко...
Я думал о тебе, я всё припоминал,
О, тут я понял всё, я полюбил глубоко,
Я говорить хотел, но ты была далёко,
Но ветер выл кругом... я плакал и молчал.

22 июля 1858

* * *

О, боже, как хорош прохладный вечер лета!
Какая тишина!
Всю ночь я просидеть готов бы до рассвета
У этого окна.
Какой-то темный лик мелькает по аллее,
И воздух недвижим,
И кажется, что там еще, еще темнее,
За садом молодым.

Уж поздно... Всё сильней цветов благоуханье,
Сейчас взойдет луна...
На небесах покой, и на земле молчанье,
И всюду тишина.

Давно ли в этот сад, в чудесный вечер мая,
Входили мы вдвоем?
О, сколько, сколько раз его мы, не смолкая,
Бывало, обойдем!
И вот я здесь один, с измученной, усталой,
Разбитою душой.
Мне хочется рыдать, припавши, как бывало,
К груди твоей родной...
Я жду... но не слыхать знакомого привета,
Душа болит одна...
О, боже, как хорош прохладный вечер лета,
Какая тишина!

14 июня 1859

АСТРАМ

Поздние гости отцветшего лета,
Шепчутся ваши головки понурые,
Словно клянете вы дни без просвета,
Словно пугают вас ноченьки хмурые...

Розы — вот те отцвели, да хоть жили...
Нечего вам помянуть пред кончиною:
Звезды весенние вам не светили,
Песней не тешились вы соловьиною...

Начало 1860-х

* * *

Ни отзыва, ни слова, ни привета,
Пустынею меж нами мир лежит,
И мысль моя с вопросом без ответа
Испуганно над сердцем тяготит:

Ужель среди часов тоски и гнева
Прошедшее исчезнет без следа,
Как легкий звук забытого напева,
Как в мрак ночной упавшая звезда?

1867

* * *

Сухие, редкие, нечаянные встречи,
Пустой, ничтожный разговор,
Твои умышленно-уклончивые речи
И твой намеренно холодный, строгий взор,—
Всё говорит, что надо нам расстаться,
Что счастье было и прошло...

Но в этом так же горько мне сознаться,
Как кончить с жизнью тяжело.
Так в детстве, помню я, когда меня будили
И зимний день глядел в замерзшее окно,—
О, как остаться там уста мои молили,
Где так тепло, уютно и темно!
В подушки прятался я, плача от волненья,
Дневной тревогой оглушен,
И засыпал, счастливый на мгновенье,
Стараясь на лету поймать недавний сон,
Боясь потерять ребяческие бредни...
Такой же детский страх теперь объял меня.
Прости мне этот сон последний
При свете тусклого, грозящего мне дня!

1869, 1874

* * *

Честь имею донести Вашему
Высокоблагородию, что в огородах мещанки
Ефимовой найдено мертвое тело.

(Из полицейского рапорта)

В убогом рубище, недвижна и мертва,
Она покоилась среди пустого поля.
К бревну прислонена, лежала голова.
Какая выпала вчера ей злая доля?
Зашиб ли хмель ее среди вечерней тьмы,
Испуганный ли вор хватил ее в смятеньи,
Недуг ли поразил,— еще не знали мы
И уловить в лице старались выраженье.
Но веяло оно покоем неземным;
Народ стоял кругом, как бы дивяся чуду,
И каждый клал свой грош в одну большую груду,
И деньги сыпались к устам ее немым.

Вчера их вымолить она бы не сумела...
Да, эти щедрые и поздние гроши,
Что, может быть, спасли б нуждавшееся тело,
Народ охотнее бросает для души.—
Был чудный вешний день. По кочкам зеленели
Побеги свежие рождавшейся травы,
И дети бегали, и жаворонки пели...
Прохладный ветерок, вкруг мертвой головы
Космáми жидкими волос ее играя,
Казалось, лепетал о счастье и весне,
И небо синее в прозрачной вышине
Смеялось над землей, как эпиграмма злая!

1871(?)

МУХИ

Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою:
Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!
Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,
Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,
Валится книга из рук, разговор упадает, бледнея...
Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!

Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою:
Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою!
Только прогонишь одну, а уж в сердце впилася другая,—
Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах прожитая!
Хочешь забыть, разлюбить, а всё любишь сильней и больнее...
Эх! кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!

1873

* * *

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Всё же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

1876

* * *

Мне не жаль, что тобою я не был любим,—
Я любви недостоин твоей!
Мне не жаль, что теперь я разлукой томим,—
Я в разлуке люблю горячей;

Мне не жаль, что и налил и выпил я сам
Унижения чашу до дна,
Что к проклятьям моим, и к слезам, и к мольбам
Оставалася ты холодна;

Мне не жаль, что огонь, закипевший в крови,
Мое сердце сжигал и томил,—
Но мне жаль, что когда-то я жил без любви,
Но мне жаль, что я мало любил!

1870-е

* * *

Всё, чем я жил, в чем ждал отрады,
Слова развеяли твои...
Так снег последний без пощады
Уносят вешние ручьи...
И целый день, с насмешкой злою,
Другие речи заглушив,
Они носились надо мною,
Как неотвязчивый мотив.

Один я. Длится ночь немая.
Покоя нет душе моей...
О, как томит меня, пугая,
Холодный мрак грядущих дней!
Ты не согреешь этот холод,
Ты не осветишь эту тьму...
Твои слова, как тяжкий молот,
Стучат по сердцу моему.

1892

В. С. СОЛОВЬЕВ

* * *

У царицы моей есть высокий дворец,
О семи он столбах золотых,
У царицы моей семигранный венец,
В нем без счету камней дорогих.

И в зеленом саду у царицы моей
Роз и лилий краса расцвела,
И в прозрачной волне серебристый ручей
Ловит отблеск кудрей и чела.

Но не слышит царица, что шепчет ручей,
На цветы и не взглянет она:
Ей туманит печаль свет лазурных очей,
И мечта ее скорби полна.

Она видит: далёко, в полночном краю,
Средь морозных туманов и вьюг,
С злою силою тьмы в одиночном бою
Гибнет ею покинутый друг.

И бросает она свой алмазный венец,
Оставляет чертог золотой
И к неверному другу — нежданный пришлец —
Благодатной стучится рукой.

И над мрачной зимой молодая весна —
Вся сияя, склонилась над ним
И покрыла его, тихой ласки полна,
Лучезарным покровом своим.

И низринуты темные силы во прах,
Чистым пламенем весь он горит,
И с любовию вечной в лазурных очах
Тихо другу она говорит:

«Знаю, воля твоя волн морских не верней:
Ты мне верность клялся сохранить,—
Клятве ты изменил, но изменой своей
Мог ли сердце мое изменить?»

1876
Каир

* * *

День прошел с суетой беспощадною.
Вкруг меня благодатная тишь,
А в душе ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздельно царишь.

Все порывы и чувства мятежные,
Злую жизнь, что кипела в крови,
Поглотило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви.

Днем луна, словно облачко бледное,
Чуть мелькнет белизною своей,
А в ночи — перед ней, всепобедною,
Гаснут искры небесных огней.

1892

ПАРОДИИ НА СТИХИ СБОРНИКОВ «РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ»

1

Горизонты вертикальные
В шоколадных небесах,
Как мечты полузеркальные
В лавровишневых лесах.

Призрак льдины огнедышащей
В ярком сумраке погас,
И стоит меня не слышащий
Гиацинтовый Пегас.

Мандрагоры имманентные
Зашуршали в камышах,
А шершаво-декадентные
Вирши в вянущих ушах.

2

Над зеленым холмом,
Над холмом зеленым,
Нам влюбленным вдвоем,
Нам вдвоем влюбленным,
Светит в полдень звезда,
Она в полдень светит,
Хоть никто никогда
Той звезды не заметит.
Но волнистый туман,
Но туман волнистый,
Из лучистых он стран,
Из страны лучистой,
Он скользит между туч,
Над сухой волною,
Неподвижно летуч
И с двойной луною.

3

На небесах горят паникадила,
А снизу — тьма.
Ходила ты к нему иль не ходила?
Скажи сама!

Но не дразни гиену подозренья,
Мышей тоски!
Не то смотри, как леопарды мщенья
Острят клыки!

И не зови сову благоразумья
Ты в эту ночь!
Ослы терпенья и слоны раздумья
Бежали прочь.

Своей судьбы родила крокодила
Ты здесь сама.
Пусть в небесах горят паникадила,
В могиле — тьма.

1895

К. М. ФОФАНОВ

* * *

Потуши свечу, занавесь окно.
По постелям все разбрелись давно.
Только мы не спим, самовар погас,
За стеной часы бьют четвертый раз!

До полу́ночи мы украдкою
Увлекалися речью сладкою:
Мы замыслили много чистых дел...
До утра б сидеть, да всему предел!..

Ты задумался, я сижу — молчу...
Занавесь окно, потуши свечу!..

Сентябрь 1881

* * *

У поэта два царства: одно из лучей
Ярко блещет — лазурное, ясное;
А другое безмесячной ночи темней,
Как глухая темница, ненастное.
В темном царстве влачится ряд пасмурных дней,
А в лазурном — мгновенье прекрасное.

1882

* * *

Мы при свечах болтали долго
О том, что мир порабощен
Кошмаром мелочного торга,
Что чудных снов не видит он.

О том, что тернием повита
Святая правда наших дней;
О том, что светлое разбито
Напором бешеных страстей.

Но на прощанье мы сказали
Друг другу: будет время, свет
Блеснет, пройдут года печали,
Борцов исполнится завет!

И, весь растроганный мечтами,
Я тихо вышел на крыльцо.
Пахнул холодными волнами
Осенний ветер мне в лицо.

Дремала улица безгласно,
На небе не было огней,
Но было мне тепло и ясно:
Я солнце нес в душе своей!..

6 мая 1883

МАЙ

Бледный вечер весны и задумчив и тих,
Зарумянен вечерней зарею,
Грустно в окна глядит; и слагается стих,
И теснится мечта за мечтою.

Что-то грустно душе, что-то сердцу больней,
Иль взгрустнулося мне о бывалом?
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.

Там, за душной чертою столичных громад,
На степях светозарной природы,
Звонко птицы поют, и плывет аромат,
И журчат сладкоструйные воды.

И дрожит под росою душистых полей
Бледный ландыш склоненным бокалом,—
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.

Дорогая моя! Если б встретиться нам
В звучном празднике юного мая —
И сиренью дышать, и внимать соловьям,
Мир любви и страстей обнимая!

О, как счастлив бы стал я любовью твоей,
Сколько грез в моем сердце усталом
Этот май-баловник, этот май-чародей
Разбудил бы своим опахалом!..

1 мая 1885

* * *

Не правда ль, всё дышало прозой,
Когда сходились мы с тобой?
Нам соловьи, пленившись розой,
Не пели гимны в тьме ночной.

И друг влюбленных — месяц ясный —
Нам не светил в вечерний час,
И ночь дремотой сладострастной
Не убаюкивала нас.

А посмотри — в какие речи,
В какие краски я облек
И наши будничные встречи,
И наш укромный уголок!..

В них белопенные каскады
Шумят, свергаяся с холма;
В них гроты, полные прохлады,
И золотые терема.

В них ты — блистательная фея;
В них я — восторженный боец —
Тебя спасаю от злодея
И торжествую наконец.

Июнь 1885

* * *

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.

И цветы, опьяненные росами,
Рассказали ветрам сказки нежные,—
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.

И земля, под весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.

И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные!..

Декабрь 1885

* * *

Была ль то песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта,—
Не знаю я, но в этот миг со мною
Роднилися добро и красóта.

От светлых дум сомненья исчезали,
Как легкий дым от гаснущей золы;
Я был далек от сумрачной печали,
От злых обид и дерзостной хулы.

Я мир любил, и был любим я миром;
Тая в душе неугасимый свет,
Я в бездне бездн носился по эфирам,
С толпою звезд, за сонмищем планет.

И видел я пленительные тайны
Бессмертного, божественного сна...
Я постигал, что зло и смерть случайны,
А жизнь с добром — и вечна и сильна.

Я ликовал смущенною душою,
И жар молитв сжигал мои уста...
Была ль то песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта?..

1888

* * *

На волне колокольного звона
К нам плывет голубая весна
И на землю из божьего лона
Сыплет щедрой рукой семена.

Проходя по долине, по роще,
Ясным солнцем роняет свой взор
И лучом отогретые мощи
Одевает в зеленый убор.

Точно после болезни тяжелой,
Воскресает природа от сна,
И дарит всех улыбкой веселой
Золотая, как утро, весна.

Ах, когда б до небесного лона
Мог найти очарованный путь,—
На волне колокольного звона
В голубых небесах потонуть!..

1892

* * *

Как стучит уныло маятник,
Как темно горит свеча;
Как рука твоя дрожащая
Беспокойно горяча!

Очи ясные потуплены,
Грустно никнет голова,
И в устах твоих прощальные
Недомолвлены слова.

Под окном шумят и мечутся
Ветки кленов и берез...
Без улыбок мы встречалися
И расстанемся без слез.

Только что-то недосказано
В наших думах роковых,
Только сердцу несогретому
Жаль до боли дней былых.

Ум ли ищет оправдания,
Сердце ль памятью живет
И за смутное грядущее
Прошлых мук не отдает?

Или две души страдающих,
Озарив любовью даль,
Лучезарным упованием
Могут сделать и печаль?

1893

* * *

Пел соловей, цветы благоухали.
Зеленый май, смеясь, шумел кругом.
На небесах, как на остывшей стали
Алеет кровь,— алел закат огнем.

Он был один, он — юноша влюбленный,
Вступивший в жизнь, как в роковую дверь,
И он летел мечтою окрыленной
К ней, только к ней,— и раньше и теперь.

И мир пред ним таинственным владыкой
Лежал у ног, сиял со всех сторон,
Насыщенный весь полночью безликой
И сладкою весною напоен.

Он ждал ее, в своей разлуке скорбной,
Весь счастие, весь трепет и мечта...
А эта ночь, как сфинкс женоподобный,
Темнила взор и жгла его уста.

Май 1897

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

* * *

Я видел свое погребенье.
Высокие свечи горели,
Кадил непроспавшийся дьякон,
И хриплые певчие пели.

В гробу на атласной подушке
Лежал я, и гости съезжались,
Отходную кончил священник,
Со мною родные прощались.

Жена в интересном безумье
Мой сморщенный лоб целовала,
И, крепом красиво прикрывшись,
Кузену о чем-то шептала.

Печальные сестры и братья
(Как в нас непонятна природа!)
Рыдали при радостной встрече
С четвертою частью дохода.

В раздумьи, насупивши брови,
Стояли мои кредито́ры,
И были и мутны и страшны
Их дико блуждавшие взоры.

За дверью молились лакеи,
Прощаясь с потерянным местом,
А в кухне объевшийся повар
Возился с поднявшимся тестом.

Пирог был удачен. Зарывши
Мои безответные кости,
Объелись на сытных поминках
Родные, лакеи и гости.

⟨1859⟩

НЕВЕСТА

В пышном гробе меня разукрасили,—
А уж я ли красой не цвела?
Восковыми свечами обставили,—
Я и так бесконечно светла!

Медью темной глаза придавили мне,—
Чтобы глянуть они не могли;
Чтобы сердце во мне не забилося,
Образочком его нагнели!

Чтоб случайно чего не сказала я,
Краткий срок положили — три дня!
И цветами могилу засыпали,
И цветы придушили меня...

⟨1874⟩

* * *

За то, что вы всегда от колыбели лгали,
А может быть, и не могли не лгать;
За то, что, торопясь, от бедной жизни брали
Скорей и более, чем жизнь могла вам дать;

За то, что с детских лет в вас жажда идеала
Не в меру чувственной и грубою была,
За то, что вас печаль порой не освежала,
Путем раздумия и часу не вела;

Что вы не плакали, что вы не сомневались,
Что святостью труда и бодростью его
На новые труды идти не подвизались,—
Обманутая жизнь не даст вам ничего!

⟨1880⟩

КАМАРИНСКАЯ

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать.

«Ручку в ручку дай, а плечико к плечу...
Не вернуться ли нам жить?» — «Ой, не хочу!
Из покойничков в живые нам не лезть,—
Знаем, видим — лучше смерть, как ни на есть!»

Ах! Одно же сердце у людей, одно!
Истомилося, измаялось оно;
Столько горя, нýжды, столько лжи кругом,
Что гуляет зло по свету ходенем.

Дай копеечку, кто может, беднякам,
Дай копеечку и нищим духом нам!
Торопитесь! Будет поздно торопить,
Сами станете копеечки просить...

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать...

⟨1880⟩

* * *

Что, камни не живут? Не может быть! Смотри,
Как дружно все они краснеют в час зари,
Как сохраняют в ночь то мягкое тепло,
Которое с утра от солнца в них сошло!
Какой ужасный гул идет от мостовых!
Как крепки камни все в призваниях своих,—
Когда они реку вдоль берега ведут,
Когда покойников, накрывши, стерегут,
И как гримасничают долгие века,
Когда ваятеля искусная рука
Увековечит нам под лоском красоты
Чьи-либо гнусные, проклятые черты!

⟨1883⟩

* * *

В костюме светлом Коломбины
Лежала мертвая она,
Прикрыта вскользь, до половины,
Тяжелой завесью окна.
И маска на сторону сбилась;
Полуоткрыт поблекший рот...
Чего тем ртом не говорилось?
Теперь он в первый раз не лжет!

⟨*1883*⟩

* * *

По крутым по бокам вороного
Месяц блещет, вовсю озарил!
Конь! Поведай мне доброе слово!
В сказках конь с седоком говорил!

Ох, и лес-то велик и спокоен!
Ох, и ночь-то глубоко синя́!
Да и я безмятежно настроен...
Конь, голубчик! Поба́луй меня!

Ты скажи, что за де́вицей едем;
Что она, прикрываясь фатой,
Ждет... глаза проглядит... Нет! Мы бредим,
И никто-то не ждет нас с тобой!

Конь не молвит мне доброго слова!
Это сказка, чтоб конь говорил!
Но зачем же бока вороного
Месяц блеском таким озарил?

⟨*1883*⟩

* * *

Полдневный час. Жара гнетет дыханье;
Глядишь прищурясь,— блеск глаза слезит,
И над землею воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит.

И тени нет. Повсюду искры, блестки;
Трава слегла, до корня прожжена.
В ушах шумит, как будто слышно всплески,
Как будто где-то подле бьет волна...

Ужасный час! Везде оцепененье:
Жмет лист к ветвям нагретая верба́,
Укрылся зверь, затем что жжет движенье,
По щелям спят, приткнувшись, ястреба.

А в поле труд... Обычной чередою
Идет косьба: хлеба́ не будут ждать!
Но это время названо страдою,—
Другого слова нет его назвать...

Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

⟨1884⟩

* * *

В душе шел светлый пир. В одеждах золотых
Виднелись на пиру: желанья, грезы, ласки;
Струился разговор, слагался звучный стих,
И пенился бокал, и сочинялись сказки.

Когда спускалась ночь, на пир являлся сон,
Туманились огни, виденья налетали,
И сладкий шепот шел, и несся тихий звон
Из очень светлых стран, и из далекой дали...

Теперь совсем не то. Под складками одежд,
Не двигая ничуть своих погасших ликов,
Виднеются в душе лишь остовы надежд!
Нет песен, смеха нет, и нет заздравных кликов.

А дремлющий чертог по всем частям сквозит,
И только кое-где, под тяжким слоем пыли,
Светильник тлеющий дымится и коптит,
Прося, чтоб и его скорее погасили...

⟨1889⟩

* * *

Скажите дереву: ты перестань расти,
Не оживай к весне листами молодыми,
Алмазами росы на солнце не блести
И птиц не осеняй с их песнями живыми;

Ты не пускай в земле питательных корней,
Их нежной белизне не спорить с вечной тьмою...
Взгляни на кладбище кругом гниющих пней,
На сушь валежника с умершею листвою.

Всё это, были дни, взрастало, как и ты,
Стремилось в пышный цвет и зрелый плод давало,
Ютило песни птиц, глядело на цветы,
И было счастливо, и счастья ожидало.

Умри! Не стоит жить! Подумай и завянь!
Но дерево растет, призванье совершая;
Зачем же людям, нам, дано нарушить грань
И жизнь свою прервать, цветенья не желая?

⟨1890⟩

* * *

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А всё как будто, бедная, тоскует,
И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!..
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

⟨1898⟩

* * *

Воспоминанья вы убить хотите?!
Но — сокрушите помыслом скалу,
Дыханьем груди солнце загасите,
Огнем костра согрейте ночи мглу!..

Воспоминанья — вечные лампады,
Былой весны чарующий покров,
Страданий духа поздние награды,
Последний след когда-то милых снов.

На склоне лет живешь, годами согнут,
Одна лишь память светит на пути...
Но если вдруг воспоминанья дрогнут,—
Погаснет всё, и некуда идти...

Копилка жизни! Мелкие монеты!
Когда других монет не отыскать —
Они пригодны! Целые банкеты
Воспоминанья могут задавать.

Беда, беда, когда средь них найдется
Стыд иль пятно в свершившемся былом!
Оно к банкету скрытно проберется
И тенью Ба́нко сядет за столом.

⟨1898⟩

И. А. БУНИН

* * *

Шире, грудь, распахнись для принятия
Чувств весенних — минутных гостей!
Ты раскрой мне, природа, объятия,
Чтоб я слился с красою твоей!

Ты, высокое небо, далекое,
Беспредельный простор голубой!
Ты, зеленое поле, широкое!
Только к вам я стремлюся душой!

28 III 1886

* * *

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах свалялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва.

А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж — и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень.

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном однотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

1889

РОДИНА

Под небом мертвенно-свинцовым
Угрюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.

Один туман молочно-синий,
Как чья-то кроткая печаль,
Над этой снежною пустыней
Смягчает сумрачную даль.

1896

* * *

Нет солнца, но све́тлы пруды,
Стоят зеркала́ми литыми,
И чаши недвижной воды
Совсем бы казались пустыми,
Но в них отразились сады.

Вот капля, как шляпка гвоздя,
Упала — и, сотнями игол
Затоны прудов бороздя,
Сверкающий ливень запрыгал —
И сад зашумел от дождя.

И ветер, играя листвой,
Смешал молодые березки,
И солнечный луч, как живой,
Зажег задрожавшие блестки,
А лужи налил синевой.

Вон радуга... Весело жить
И весело думать о небе,
О солнце, о зреющем хлебе
И счастьем простым дорожить:

С открытой бродить головой,
Глядеть, как рассыпали дети
В беседке песок золотой...
Иного нет счастья на свете.

1900

УЧАН-СУ

Свежее, слаще воздух горный.
Невнятный шум идет в лесу:
Поет веселый и проворный,
Со скал летящий Учан-Су!
Глядишь — и, точно застывая,
Но в то же время ропот свой,
Свой легкий бег не прерывая,—
Прозрачной пылью снеговой
Несется вниз струя живая,—
Как тонкий флер, сквозит огнем,
Скользит со скал фатой венчальной
И, вдруг и пеной и дождем
Свергаясь в черный водоем,
Бушует влагою хрустальной...

1900

* * *

На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Быть может, и доныне
Снега хранят мой одинокий след.

На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.

И весело мне думать, что поэт
Меня поймет. Пусть никогда в долине
Его толпы не радует привет!

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в полдневный час сонет
Лишь для того, кто на вершине.

1901

ТРОПАМИ ПОТАЕННЫМИ

Тропами потаенными, глухими,
В лесные чащи сумерки идут.
Засыпанные листьями сухими,
Леса молчат — осенней ночи ждут.

Вот крикнул сыч в пустынном буераке...
Вот темный лист свалился, чуть шурша...
Ночь близится: уж реет в полумраке
Ее немая, скорбная душа.

‹1903›

ДЮНЫ

За сизыми дюнами — северный тусклый туман.
За сизыми дюнами — серая даль океана.
На зыби холодной, у берега — черный баклан,
На зыби маячит высокая шейка баклана.

За сизыми дюнами — север. Вдали иногда
Проходят, как тени, норвежские старые шхуны —
И снова всё пусто. Холодное небо, вода,
Туман синеватый и дюны.

Между 1903 и 1906

* * *

В лесу, в горе родник, живой и звонкий,
Над родником старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике березовый корец.

Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиренные, родимые черты!

1905

* * *

Густой зеленый ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шел олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь елку гнул и белым зубом скреб —
И много хвойных крестиков, остинок
Осыпалось с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной
Он красоту от смерти уносил!

1906

ПАХАРЬ

Легко и бледно небо голубое,
Поля в весенней дымке. Влажный пар
Взрезаю я — и лезут на подвои
Пласты земли, бесценный божий дар.

По борозде спеша за сошниками,
Я оставляю мягкие следы,—
Так хорошо разутыми ногами
Ступать на бархат теплой борозды!

В лилово-синем море чернозема
Затерян я. И далеко за мной,
Где тусклый блеск лежит на кровле дома,
Струится первый зной.

‹1906›

ПЕСНЯ

Я — простая девка на баштане,
Он — рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь — с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

‹1906›

ОДИНОЧЕСТВО

И ветер, и дождик, и мгла
  Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
  До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
  Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
  Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены...

Сегодня идут без конца
  Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
  Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вослед:
  «Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
  Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

⟨1906⟩

СОБАКА

Мечтай, мечтай. Всё у́же и тусклей
Ты смотришь золотистыми глазами
На вьюжный двор, на снег, прилипший к раме,
На метлы гулких, дымных тополей.

Вздыхая, ты свернулась потеплей
У ног моих — и думаешь... Мы сами
Томим себя — тоской иных полей,
Иных пустынь... за пермскими горами.

Ты вспоминаешь то, что чуждо мне:
Седое небо, тундры, льды и чумы
В твоей студеной дикой стороне.

Но я всегда делю с тобою думы:
Я человек: как бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.

4 VIII 1909

НОЧЛЕГ

Мир — лес, ночной приют птицы.

Брамины

В вечерний час тепло во мраке леса,
И в теплых водах меркнет свет зари.
Пади во мрак зеленого навеса —
И, приютясь, замри.

А ранним утром, белым и росистым,
Взмахни крылом, среди листвы шурша,
И растворись, исчезни в небе чистом —
Вернись на родину, душа!

Февраль 1911
Индийский океан

СТЕПЬ

Синий ворон от падали
Алый клюв поднимал и глядел.
А другие косились и прядали,
А кустарник шумел, шелестел.

Синий ворон пьет глазки до донушка,
Собирает по косточкам дань.
Сторона ли моя, ты сторонушка,
Вековая моя глухомань!

21 IX 1912

СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости,—
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

7 I 1915

* * *

Настанет день — исчезну я,
А в этой комнате пустой
Всё то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно,
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой.

10 VIII 1916

ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЙ

Тает, сияет луна в облаках.
Яблони в белых кудрявых цветах.

Зыбь облаков и мелка и нежна.
Возле луны голубая она.

В холоде голых, прозрачных аллей
Пробует цокать, трещит соловей.

В доме, уж темном, в раскрытом окне,
Девочка косы плетет при луне.

Сладок и нов ей весенний рассказ,
Миру рассказанный тысячу раз.

2 X 1916

СРЕДИ ЗВЕЗД

Настала ночь, остыл от звезд песок.
Скользя в песке, я шел за караваном,
И Млечный Путь, двоящийся поток,
Белел над ним светящимся туманом.

Он дымчат был, прозрачен и высок.
Он пропадал в горах за Иорданом,
Он ниспадал на сумрачный восток,
К иным звезда́м, к забытым райским странам.

Скользя в песке, шел за верблюдом я.
Верблюд чернел, его большое тело
На верховом качало ствол ружья.
Седло сухое деревом скрипело,
И верховой кивал, как неживой,
Осыпанной звездами головой.

28 X 1916

ЛАНДЫШ

В голых рощах веял холод...
Ты светился меж сухих,
Мертвых листьев... Я был молод.
Я слагал свой первый стих —

И навек сроднился с чистой,
Молодой моей душой
Влажно-свежий, водянистый,
Кисловатый запах твой!

19 IX 1917

* * *

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я всё — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

14 VII 1918

КОММЕНТАРИИ

В книгу «Русские поэты XVIII—XIX веков. Антология» вошли избранные произведения, преимущественно лирические, русских поэтов от В. К. Тредиаковского до И. А. Бунина. Сочинения Крылова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока не включены в настоящий том, так как они публиковались в других томах «Библиотеки мировой литературы для детей». Стихотворения некоторых поэтов (Дрожжина, Случевского, Бунина и других), созданные в начале XX века, помещены в данном издании с тем, чтобы читатель мог составить целостное представление о творчестве авторов, выступавших в конце XIX столетия, но продолжавших писать и по его истечении.

Тексты произведений печатаются по авторитетным изданиям и располагаются в хронологическом порядке. Под каждым произведением стоит год первой публикации, взятый в угловые скобки, например: 〈1799〉. Предположительные даты сопровождаются знаком вопроса, например: 1825 (?). В спорных случаях помещаются две даты, например: 1833 или 1834. Если определение времени написания оказывается затруднительным, то под произведением даются даты, раньше и позже которых не могло быть создано, например: между 1833 и 1840. Если уже написанное автором произведение подвергалось существенной переработке спустя много лет, то под ним также помещается две даты, например: 1821, 1835. Орфография и пунктуация, где это возможно, приближены к современным.

В комментариях, помимо необходимых сведений о произведениях, даются краткие справки об авторах, пояснения к устаревшим словам, мифологическим именам и конкретным реалиям.

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

(Стр. 17)

Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1768) родился в Астрахани, в семье священника. Первоначальное образование получил в школе монахов-капуцинов, где преподавание велось на латинском языке. Отец его настаивал на духовной карьере, но Тредиаковского увлекла литература, и он в 1723 г. бежал из родительского дома в Москву. Там он поступил в класс риторики Славяно-греко-латинской академии. Тогда же сочинил первые стихи и две драмы — «Язон» и «Тит», а затем плач о смерти Петра Великого и несколько веселых песенок. В начале 1726 г. Тредиаковский отправился за границу, побывал в Голландии, где в течение двух лет обучался иностранным языкам, знакомился с европейской литературой и во Франции. В Сорбоне слушал лекции по математике, богословию и философии. Большая часть его стихотворений написана в это время на французском языке.

Возвратившись в Россию (1730), Тредиаковский выпустил перевод любовно-галантного романа «Езда в остров любви» французского писателя Поля Тальмана. Это сочинение обратило на него внимание придворных кругов и доставило ему место переводчика Академии наук. Спустя три года писатель занял пост секретаря Академии, с обширными обязанностями.

Жизнь Тредиаковского, не принадлежавшего к привилегированному сословию, была трудна и унизительна, так как зависела от прихотей и капризов вельмож. Он испытывал на себе пренебрежительное отношение сановников, писал множество мелких стихов на случай, для поздравлений, переводил глупые комедии для придворных спектаклей и воинские уставы. Эти никчемные занятия мешали Тредиаковскому создавать крупные научные труды, но ему все же удалось совершить целый ряд открытий. Уже в предисловии к переводу романа «Езда в остров любви» он глубоко обосновал свою языковую позицию, отказавшись от непонятного читателям и устарелого «славенского языка» и объяснив необходимость этого содержанием романа — «сия книга есть сладкия любви». Тем самым он связал тему и жанр произведения со стилем. В 1734 г. он написал необычным размером поздравительное стихотворение, а в 1735-м опубликовал «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий». В своем трактате Тредиаковский провозгласил коренную реформу русского стихосложения, введя в него тоническую систему и опираясь как на опыт западной поэзии, так и на русский народный стих. Тредиаковский предложил для русского стиха понятие стопы, но ограничился двумя размерами — ямбом и хореем. Для творческой же практики он непоследовательно признавал возможным лишь хорей, предав забвению не только трехсложные размеры, но и ямб. Эти и другие недостатки теории Тредиаковского были вскрыты М. В. Ломоносовым. Под влиянием его трудов Тредиаковский, переиздавая позднее свой «Новый способ...», внес в него много изменений. В ту же пору он посвятил ряд работ теории жанров, поэтической речи, обосновывая принципы русского классицизма.

Между тем положение Тредиаковского в Академии все более осложнялось. Причиной тому было засилье немцев и проигранное на поэтическом поприще состязание с Ломоносовым и Сумароковым. Лишь в 1745 г. Тредиаковскому после многочисленных прошений удалось «первым из россиян» стать профессором «как латинския, так и российския элоквенции» (то есть красноречия). С 1746 г. он приступил к чтению лекций по истории и теории ораторского искусства и поэтике. Через шесть лет Тредиаковский издал трактат «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», посвященный истории стихотворства в России, и двухтомное собрание своих сочинений. Однако успехи в науках не изменили отношения к нему в Академии, и с 1757 г. он перестал ее посещать. Объясняя свой шаг, он с глубокой горечью писал: «Ненавидимый в лице, презираемый в словах, уничтожаемый в делах, осуждаемый в искусстве, прободаемый сатирическими рогами, всеконечно уже изнемог я в силах...» Спустя два года его уволили из Академии. Тредиаковский не бросил литературных занятий, но оказался в тяжелейшей нужде, добывая на пропитание уроками. Умер он в Петербурге.

Тредиаковский известен как своими научными трудами, так и переводными сочинениями. Наиболее значительные из его переводов — «История древнего мира» Роллена, «Тилемахида» (знаменитый прозаический роман Фенелона Тредиаковский перевел стихами, что вызвало впоследствии горячее одобрение Пушкина), «Аргениды» Барклая и книга о Бэконе. В оригинальных художественных произведениях писатель часто не достигал чистоты и гармонии слога, хотя отдельные места в стихах и прозе дышали подлинным чувством, отличались силой и смелостью.

При жизни Тредиаковский не был по достоинству оценен, но затем потомки воздали должное этому замечательному патриоту, всем сердцем любившему Россию и много сделавшему для ее просвещения и культуры. Среди тех, кто с уважением отнесся к его деятельности, были Радищев и Пушкин.

Стихотворение Тредиаковского «Стихи похвальные России» печатается по тексту издания: В. К. Тредиаковский. Избранные произведения. М.— Л. «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1963.

Стихи похвальные России.— Написано в Париже (1728). *Днесь* — сегодня. *Красно* — прекрасно, красиво. *Изводство* — произведение, создание. *В тебе не будет веры двойныя...*— То есть в тебе не будет двух вероисповеданий. Этот стих нацелен против иезуитов, которые хотели подчинить русскую православную церковь католическому Риму.

А. Д. КАНТЕМИР

(Стр. 19)

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708—1744) родился в Константинополе в семье господаря (правителя) Молдавии. Его отец был убежденным сторонником России и сподвижником Петра I. Кантемир получил прекрасное домашнее образование, которое продолжил в Академии наук в Петербурге, где брал уроки у иностранных профессоров по математике, физике, истории, нравственной философии. В 1725 г. он поступил на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк и в 1728-м был произведен в поручики. Тогда же началась его литературная деятельность и проявился интерес к французским драматургам Мольеру и Мариво. Он сочинял любовные песенки, перевел четыре сатиры Буало и написал оригинальные стихотворения «О жизни спокойной», «На Зоила». Первым опубликованным произведением была «Симфония на Псалтырь» (1727). Вскоре Кантемир приступил к созданию знаменитых сатир. Всего им сочинено 9 (первые сатиры в 1729—1732-м, остальные — в конце 1730-х). Сатиры Кантемира — произведения огромного политического звучания. Уже первая из них была направлена против невежества, которое представляло собой в те времена реальную социальную силу. В борьбе с петровскими реформами и просвещением России объединились все реакционные круги — и старое боярство, и церковники. Под пером Кантемира сатира — жанр дидактической поэзии, воспринятый писателем из античности и от западных литератур,— превратилась в острую и живую форму, в которой защищались передовые идеи того времени и бичевались общественные пороки. По словам Белинского, Кантемир во второй сатире, например, выражал «святые истины о человеческом достоинстве». Заслуги Кантемира состояли в том, что он широко ввел в сатиры просторечие, пословицы и поговорки, обороты разговорного языка и заметно потеснил славянские слова.

Будучи убежденным сторонником петровских преобразований, Кантемир вместе с Феофаном Прокоповичем и историком Татищевым участвовал в возведении на престол Анны Иоанновны (1730), но никаких наград не получил. Тогда же он закончил перевод трактата Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», заявив себя приверженцем системы Коперника. Это сочинение увидело свет десять лет спустя из-за цензурных препятствий, но и затем подвергалось гонениям со стороны синода.

В ноябре 1731 г. Кантемир был назначен на пост русского дипломатического представителя (резидента) в Лондоне. В течение двенадцати лет он пробыл на дипломатическом поприще и достойно представлял русские интересы. Он проявил себя талантливым, умелым, настойчивым дипломатом. В Лондоне Кантемир работал над переводом «Анакреонтовых песен».

Дипломатические успехи Кантемира были оценены, и его назначили русским посланником в Париже (1737). Там писатель познакомился с французским просветителем Монтескье, драматургом Пьером Мораном, актером итальянского театра в столице Франции и историком театра Луиджи Риккобони, натуралистом и математиком Пьером Луи Мопертюи и другими замечательными представителями французской интеллигенции.

За границей Кантемир в течение шести лет писал мало. Им созданы последние пять сатир, переводы «Персидских писем» Монтескье, трактат «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских», в котором он отверг тонический способ Тредиаковского. Хотя Кантемир угадал роль ударения в стихе, но остался верен силлабическому принципу.

Умер Кантемир в Париже, похоронен в Москве.

Самые значительные произведения Кантемира — его сатиры не были изданы при жизни поэта. Сначала их опубликовали в Лондоне (1749) и в Берлине (1752) и только потом в России (1762). Но они широко ходили в списках. Новаторство Кантемира состояло в том, что он стал одним из зачинателей светской литературы гражданского содержания, открыл обличительную линию русской литературы и, по словам Белинского, «первым свел поэзию с жизнью».

Первая сатира Кантемира «На хулящих учения. К уму своему» печатается по тексту издания: Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия). 1956.

На хулящих учения. К уму своему. — Первая редакция относится к 1729 г., окончательная — к 1743-му. Кантемир обычно дает два названия своим сатирам. Первое из них — тематическое, второе — адресат. Писатель снабдил сатиру примечаниями, часть которых воспроизводится в настоящем издании с указанием: *(примеч. автора)*. *Уме недозрелый, плод* и проч.— «Тут наука значит наставление, действо того, кто другого кого учит. Так, в пословице говорим: «Плеть не мука, да впредь наука» *(примеч. автора)*. *Нетрудные в наш век.*— «В наш век посмешкою поставлены. Путь к истинной славе всегда бывал весьма труден, но в наш век легко многими дорогами к ней дойти можно, понеже не нужны нам уже добродетели к ея приобретению» *(примеч. автора)*. *Всех неприятнее тот, что босы проклали Девять сестр.*— «Всего труднее славы добиться чрез науки. *Девять сестр* — музы, богини и изобретательницы наук, Юпитера и Памяти дочери. Имена их: Клио, Урания, Евтерпе, Ератон, Фалия, Мельпомене, Каллиопе и Полимния. Обычайно имя муз стихотворцы за самые науки употребляют. *Босы* — сиречь убогие, для того, что редко ученые люди богаты» *(примеч. автора)*. *В нашем молодом монархе.*— «О Петре Втором говорит, который вступал тогда в пятое на десять лето своего возраста, рожде быв 12 октября 1715 г.» *(примеч. автора)*. *Аполлон.*— «Сын Юпитера и Латоны, брат Дианы, у древних за бога наук и начальника муз почитан» *(примеч. автора)*. *Чтяща свою свиту Видел его самого.*— «В Аполлоновой свите находятся музы 〈...〉» *(примеч. автора)*. *Жителей парнасских.*— «Парнас есть гора в Фоциде, провинции греческой, посвящена музам, на которой они свое жилище имеют. Ученые люди фигурально парнасскими жительми называются. Сим стихом стихотворец припоминает великодушие монарха к учителям, которые на его величества иждивении тщатся приумножить науки и ученых людей» *(примеч. автора)*. *Приходит в безбожие.*— «Обыкновенное невежд мнение есть, что все, которые многому книг чтению вдаются, напоследок не признают бога. Весьма то ложно 〈...〉» *(примеч. автора)*. *Критон с четками в руках ворчит.*— «Вымышленным именем Критона 〈...〉 означается тут притворного богочтения человек, невежда и суеверный, который наружности закона существу его предпочитает для своей корысти» *(примеч. автора)*. *Поместья и вотчины весьма не пристали.*— В начале XVIII века русская церковь владела огромными земельными угодьями. Петр I ограничил церковные землевладения и установил государственный контроль над ними. Это вызвало гнев церковников, так как подрывалась их экономическая мощь и независимость. Критон, разделяя позиции церкви, осуждает тех, кто полагал, что духовенству не следует владеть поместьями, вотчинами. *Сильван другую вину.*— «Под именем Сильвана означен старинный скупой дворянин, который об одном своем поместье радеет, охуждая то, что к распространению его доходов не служит» *(примеч. автора)*. *Гораздо в невежестве больше хлеба жали.*— «Не гораздо ли смешно приписывать наукам то 〈...〉» *(примеч. автора). Подлых* — то есть недворян. *Буки, веди* — названия букв «б» и «в» в церковно-славянской азбуке. *В четверти делить без Евклида смыслим.*— «Четверть есть часть земли или пашни в 20 сажен ширины и 80 длины. Евклид был славный математик александрийский 〈...〉» *(примеч. автора). Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает.*— «Лука — пьяница, с вина румяный и с вина, часто рыгая, говорит и проч.» *(примеч. автора). Для мертвых друзей.*— «То есть для книг» *(примеч. автора). Песок.*— Песком присыпали написанное, чтобы чернила быстрее просохли. *Когда в пост чернец одну есть станет вязигу.*— Монахи в период поста не употребляют в пищу мясо. *Медор.*— «Щеголь тем именем означен» *(примеч. автора). Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры.*— «То есть не сменит на книгу Сенекову фунт пудры. *Сенека* был философ секты стоической 〈...〉» *(примеч. автора); пудра* употреблялась для париков. *Пред Егором Виргилий.*—«Егор был славный сапожник в Москве, умер 1729 г. *Виргилий* — стихотворец латинский, был сын некоего горшечника из города Аиды в провинции Мантуанской 〈...〉» *(примеч. автора). Рексу — не Цицерону.*— «Рекс был славный портной в Москве, родом немчин; Марко Туллий *Цицерон* был сын некоего всадника 〈...〉» *(примеч. автора). Немее быть клуши.*— Здесь: курицы-наседки. *Твой суд.*— «Твое рассуждение» *(примеч. автора). Ключари святые.*— «Церковные пастыри, епископы» *(примеч. автора). Им же Фемис вески вверила златые.*— «То есть судьи. *Фемис* — богиня правосудия, дочь Земли и Неба, пишется с *весками* 〈весами〉 в руках» *(примеч. автора). Мало любят, чуть не все, истину украсу.*— «Истинною украсою называет стихотворец науку; и подлинно невежество голо и срамно» *(примеч. автора). Епископом хочешь быть — уберися в рясу* и сл.—В образе епископа воплощены черты реального лица — Гео́ргия (Егора) Дашкова, ростовского архиепископа, державшегося крайне реакционных взглядов. *Клобук* — высокая шапка с покрывалом, надеваемая епископами. *Брюхо — бородою.*— «Широкую бороду и по брюху распущену невежды священническому чину за особливую украсу приписуют 〈...〉» *(примеч. автора). Клюку пред тобою.*— «То есть патерицу. Когда архиерей выезжает с двора, один из его певцов верхом везет патерицу епископскую в знак его церковной власти» *(примеч. автора). Праву и леву.*— То есть по правую и левую руку, на правую и левую стороны. *Выпись позабудет.*— «Выпись есть письмо приказное, которым судья удостоверяет, что товар какой чист и что с него в государственную казну пошлина взята, или подтверждает владение земли, деревни, двора и проч.» *(примеч. автора). Вздень перук с узлами.*— То есть надень парик с буклями; такие парики носили судьи. *Кто просит с пустыми руками.*— «То есть челобитчик, который подарков не дает, который ничего, прося, не подносит» *(примеч. автора). Подьячий* — мелкий чиновник, писец, помощник дьяка; позднее — синоним взяточника и крючкотвора. *Лезть на бумажны горы.*— «То есть шевелить, читать такое множество книг» *(примеч. автора). Крепить приговоры.*— Подписывать приговоры, скреплять приговоры подписью. *Науку невежеством место уж посело...*— То есть невежество одолело науку. *Под митрой.*— «Митра есть шапка архиерейская 〈...〉 *(примеч. автора). Гордится то...*— То есть гордится невежество. *В шитом платье ходит.*— Имеется в виду невежда придворный как собирательное лицо (придворные), одетый в вышитые одежды. *Судит за красным сукном.*— «Во всех приказах стол, за которым судьи заседают, покрыт обычайно красным сукном» *(примеч. автора). Как, страдавши на море, корабельной службы.*— То есть подобно тому, как страдавшие от морской болезни избегают служить на кораблях. *Карты мешать* — играть в карты. *На дудочке песни три играет.*— «Дудочка тут значит косой флейт, который был, когда сатира сия писана, в славе, и почти все молодые люди на нем играть обучалися» *(примеч. автора). Семи мудрецов.*— «Славные в Греции семь мудрецов были: Фалес, Питакус, Биас, Солон, Клеобул, Минос и Хилон. Некоторые вместо трех последних кладут Периандра, Анахарса и Эпаминонда; иные же — Писистрата, Трасибула, милетского тирана, и Феницида Сирийского. Смотри де Ларея в житии семи мудрецов, лист 1-й» *(примеч. автора). Часовник.*— «Книга, содержащая повседневные молитвы греческой церкви» *(примеч. автора). Псалтырь и послания.*— «То есть книгу царя Давида и апостолов послания» *(примеч. автора). В Златоусте не запнусь.*— «В Златоустовском толковании на Евангелие, которое переведено с греческого весьма неясно» *(примеч. автора). Воин ропщет, что своим полком не владеет...*— То есть не командует. *Писец тужит, что за сукном что не сидит красным...— Писец* (подьячий) тужит о том, что еще не стал судьей. *Письмом ясным.*— «Наши подьячие, когда пишут, об одном только тщатся, чтоб письмо их было четко и красиво; что же до правописания касается, так мало к тому принадлежат, что и не нужно, то чают; для того, если желаешь какую книгу неразуметь, отдай ее подьячему переписать» *(примеч. автора). Семь бояр.*— «Известно есть, что боярский чин бывал в великом почтении, потому знать, что благородным звать себя может тот, из чьего роду семеро честь боярскую на себе носили» *(примеч. автора). Изъясняя тую...*— То есть изъясняя пользу наук.

М. В. ЛОМОНОСОВ

Стр. 24

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) родился в деревне Денисовке, близ г. Холмогор Архангельской губернии, в крестьянской семье. В 1730 г. Ломоносов ушел из родительского дома в Москву и поступил в Славяно-греко-латинскую академию, которую окончил за пять лет вместо восьми. Для продолжения образования Ломоносова в числе лучших учеников послали в Петербургскую Академию наук, а в 1736 г. командировали в Германию для изучения химии, физики, механики, горного дела и языков. Возвратившись в 1741 г. в Петербург, он получил звание адъюнкта по физическому классу, а в 1745 г. его удостоили звания профессора. С этого времени вся деятельность Ломоносова связана с Академией наук и имела целью широкое и всестороннее просвещение России.

Литературная деятельность Ломоносова началась в середине 1730-х годов одой «На взятие Хотина» и «Письмом о правилах российского стихотворства». В 1757 г. он написал сочинение «О пользе книг церковных в российском языке», в котором изложил знаменитую теорию «трех штилей». Ломоносов тесно связал стиль и жанр. Его реформы соответствовали культурным потребностям нации.

Последовательный сторонник просвещения и ревностный защитник высокой темы в поэзии, Ломоносов писал в жанрах похвальной торжественной и философской оды. Главными предметами оды стали темы преобразования государства на разумных началах, просвещения нации, восхищения всесильным разумом человека и мудрым устройством Вселенной. Патриотический пафос нашел выражение также в похвальных надписях и в «научной» поэзии. Ломоносову принадлежат большая эпическая поэма героического содержания и две трагедии.

Стихотворения М. В. Ломоносова печатаются по тексту издания: М. В. Ломоносов. Избранные произведения. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия). 1965.

Утреннее размышление о божием величестве.— В этом философском стихотворении Ломоносов касается проблем строения Вселенной. Слово «бог» становится у него синонимом слов «природа», «натура», «естество». Выдвинутые Ломоносовым гипотезы о строении Вселенной опередили его время. Как поэт-философ Ломоносов оказал значительное влияние на развитие русской философской лирики.

Вечернее размышление о божием величеств...— Северные сияния, их происхождение и природа, интересовали Ломоносова всю жизнь. Стихотворение сочинено в период регулярных научных наблюдений над северными сияниями и «содержит», по словам Ломоносова, его «давнишнее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может». *Там разных множество светов...*— Во времена Ломоносова существовало мнение о том, что во Вселенной есть много населенных миров; против этой теории выступили церковники, с ними Ломоносов и полемизирует. *О вы, которых быстрый зрак...*— Эти слова обращены к ученым. *Иль тучных гор верьхи горят...*— По тогдашнему мнению некоторых немецких ученых-натуралистов, огонь исландского вулкана Геклы, отражаясь от движущихся северных льдов, образует северные сияния.

Ода, выбранная из Иова...— Вольный перевод последних четырех глав Ветхого завета, книги Иова, одной из частей Библии. *Иов* — библейский герой-мученик, которому бог, желая испытать его веру, послал лишения и болезни. В оде Ломоносов значительно отступил от образца, использовав библейскую форму с поэтической целью. *Чин* — порядок. *Верьви* — веревки. *Левиафан* — морское чудовище, упоминаемое в Библии (древнеевр. миф.). *Толикий* — столький, столь многий, великий, сильный. *Персть* — прах, пыль, земля. *Часть* — участь, судьба.

«Я знак бессмертия себе воздвигнул...» — Перевод 30-й оды из III книги Горация (65—8 гг. до н. э.), римского поэта. *Аквилон* — северный и северо-восточный ветер (римск. миф.). *Авфид* — река в Южной Италии, родине Горация. *Стихи эольски...*— Древнегреческое племя эолийцев прославилось своими лириками. *Алцейской лирой...*— то есть лирой поэта Алкея (конец VII— первая половина VI в. до н. э.). *Дельфийский лавр* — священное дерево храма Аполлона (бога поэзии), который находился в городе Дельфы (греч. миф.).

Ода на день восшествия... Елисаветы Петровны 1747 года.— Написана к шестилетней годовщине вступления на престол Елизаветы Петровны. Два события особенно волновали Ломоносова в это время. Летом 1747 г. был оглашен регламент Академии наук, который предусматривал преимущественные права русских людей при занятии академических должностей, а также увеличение академического бюджета. В течение 1747 г. шли переговоры России с Австрией, Англией и Голландией о посылке русских войск к берегам Рейна для войны с Пруссией и Францией. Елизавета дала обещание снарядить военную экспедицию. Ломоносов же, признавая лишь оборонительные войны, предостерегал императрицу. Ратуя за развитие отечественной науки и одобряя правительственные меры относительно регламента Академии наук, поэт связывал наибольшие успехи науки с мирной, а не военной политикой правительства. *Класы* — колосья. *Зефир* — бог западного ветра, теплого, легкого и приятного (греч. миф.); здесь: ветер. *Зрак* — образ, облик, взор. *Войне поставила конец...*— Имеется в виду победоносное окончание русско-шведской войны 1741—1743 гг. *Когда ты крест несла рукою...*— 25 ноября 1741 г. Елизавета вышла к гренадерам Преображенского полка с крестом в руке и привела их к присяге — так начался дворцовый переворот, поставивший у власти Елизавету. *Понт* — море. *В полях кровавых Марс страшился...*— Этот и следующие стихи посвящены основанию Петербурга. *Марс* — бог войны. *Нептун* — бог моря, изображался с трезубцем в руке (римск. миф.). *Полезны видеть их труды.*— Петр I замыслил создать Академию наук и мечтал привлечь в нее выдающихся иностранных ученых. *Нас в плаче погрузил глубоком!* — Имеется в виду смерть Петра I, последовавшая в год основания Академии наук. *Верьхи Парнасски* — вершины горного хребта в Греции; считались обиталищем Аполлона и муз (греч. миф.). *Сомненный их смущался путь...*— Иностранные ученые после смерти Петра I колебались принять приглашение Академии наук, опасаясь за судьбу его просветительских идей. *Но кроткая Екатерина... приемлет щедрой их рукой.*— Открытие Академии наук состоялось 27 декабря 1725 г. в царствование вдовы Петра I — Екатерины I. *Давно б Секвана постыдилась...*— *Секвана* — латинское название Сены; здесь под Секваной Ломоносов имеет в виду Парижскую Академию наук. *И к счастью отверзает дверь.*— Речь идет о регламенте Академии наук и об увеличении ее бюджета. *Борей* — бог северного ветра (греч. миф.). *Но бог меж льдистыми горами велик своими чудесами...*— Во время Ломоносова было распространено убеждение, что в теплых странах родится больше полезных ископаемых, чем в холодных; с этим мнением Ломоносов горячо спорил. *Паства* — пастбище. *Паки* — снова. *Запона* — завеса. *Колумб российский* — Витус Беринг (1681—1741), знаменитый русский мореплаватель, возглавивший экспедицию к берегам Дальнего Востока и Америки. *Там тьмою островов посеян...*— Имеются, вероятно, в виду Курильские острова. *И се Минерва ударяет в верьхи Рифейски копием...*— то есть наука изучает богатства Уральских гор и подчиняет их человеку. *Минерва* — богиня мудрости (римск. миф.). *Рифей* — Урал. *Плутон* — бог подземного царства и царства мертвых (греч. миф.). *О вы, которых ожидает...*— обращение к настоящим и будущим русским студентам Академического университета. *Раченье* — усердие. *Платон* — знаменитый греческий философ-идеалист (ок. 427— ок. 347 гг. до н. э.). *Невтон* — Исаак Ньютон (1643—1727), великий английский физик и математик. *Науки юношей питают...*— В этой строфе Ломоносов, вероятно, использовал «Речь в защиту поэта Архия» прославленного римского оратора Цицерона, в которой есть слова: «... Эти занятия (имеется в виду словесность.— *В. К.*) юность питают, старость утешают, в счастье облагораживают, в несчастии доставляют убежище и утешение, радуют дома, не служат помехой в пути, вместе с нами пребывают ночью, в странствии, в деревне».

Разговор с Анакреоном.— Ломоносов перевел четыре оды, приписанные древнегреческому поэту-лирику Анакреону (ок. 570—478 гг. до н. э.). *Троя* — легендарный город, разрушенный греками во время Троянской войны, воспетой Гомером в «Илиаде», находился в Малой Азии. *Кадм* — основатель и царь города Фивы (греч. миф.). *Алкид* — одно из имен Геракла, внука царя Алкея (греч. миф.). *Забобоны* — вздор, пустяки, нелепицы. *Возьмите прочь Сенеку...*— имеется в виду Сенека Младший, Люций Анней (3 г. до н. э.— 65 г. н. э.), римский философ, политический деятель и писатель, проповедовавший покорность судьбе и отказ от наслаждений, но образ его жизни не соответствовал провозглашенному им аскетизму. *Катон* Младший (95—46 гг. до н. э.) — римский политический деятель, убежденный сторонник республики; заколол себя кинжалом в знак протеста против диктатуры Юлия Цезаря и в отчаянии от крушения республиканского режима. *И сим от Кесаря...*— то есть от Юлия Цезаря. *Зерном твой отнял дух приятной виноград...*— По преданию, Анакреон умер, подавившись виноградным зернышком. *Упрямка славная...*— то есть упорство, энергия. *Несходства чудны вдруг и сходства понял я...*— Ломоносов имеет в виду Анакреона и Катона; их «несходства» — в разности жизненных целей; «сходства» же — в том, что эти жизненные цели определялись у них моральными воззрениями. *Умнее кто из вас, другой будь в том судья.*— Речь идет об оценке позиции Катона и Анакреона; в этих словах исследователи видят выражение глубокой горечи, накопившейся у Ломоносова за годы борьбы с врагами русского просвещения. *Мастер в живопистве первой...*— Апеллес (IV в. до н. э.) греческий живописец, родился на острове Кос, расположенном недалеко от острова Родос. *Венера* — богиня любви и красоты (римск. миф.). *И брови выведи дугой, что кажет после туч покой...*— то есть наподобие радуги. *И повели войнам престать.*— Имеется в виду Семилетняя война, в которой Россия принимала участие (1756—1763).

Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф...— Вольное переложение анакреонтического стихотворения «К цикаде». Стихотворение написано в тот период, когда Ломоносов был занят хлопотами по делам Академического университета, в связи с чем ему и приходилось часто ездить к императрице.

А. П. СУМАРОКОВ

Стр. 42

Александр Петрович Сумароков (1717—1777) родился в старинной дворянской семье и получил хорошее домашнее образование. В 1732 г. его приняли в Сухопутный шляхетский кадетский корпус. При выпуске из корпуса (1740) Сумароков был назначен адъютантом вице-канцлера графа М. Г. Головкина, а затем адъютантом графа А. Г. Разумовского. Через несколько лет его произвели в генерал-адъютанты, а в 1756 г. в чине бригадира он получил назначение на должность директора Русского театра. В 1761 г. он оставил этот пост. С 1769 г. почти безвыездно проживал в Москве, где умер в жестокой нищете.

Сумароков был сторонником просвещенного абсолютизма. Он считал, что высокий долг монарха состоит в заботе о благе подчиненных, в соблюдении законов. Поскольку идеалы Сумарокова не находили воплощения в действительности, в его творчестве с годами усиливались сатирически-обличительные тенденции.

Сумароков был популярен среди современников как автор трагедий. Он известен также и своими торжественными духовными одами, баснями и лирическими стихотворениями, в особенности любовными элегиями и песнями, которые проникли в демократическую среду.

Стихотворения А. П. Сумарокова печатаются по тексту издания: Поэзия XVIII века («Библиотека мировой литературы»). М., «Художественная литература», 1972.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

Стр. 44

Гаврила Романович Державин (1743—1816) родился в небогатой дворянской семье. Образование получил в казанской гимназии, окончить которую ему, однако, не удалось. В 1762 г. он прибыл в Преображенский полк, где через десять лет, в 1772 г., был произведен в прапорщики. Осенью 1773 г. его прикомандировали к секретной следственной комиссии, и он в течение 1774 г. служил в войсках, действовавших против Пугачева. После подавления крестьянского восстания Державин в 1777 г. был переведен на статскую службу в чине коллежского советника. В 1784 г. его назначили правителем Олонецкой губернии, а в 1785 — Тамбовской. В 1791 г. он вступил в должность кабинет-секретаря Екатерины II, но вскоре был переведен в сенаторы. Павел I произвел Державина в государственные казначеи, Александр I сделал его министром юстиции. Последние годы жизни Державин всецело отдал литературному труду. Умер Державин в своем имении Званка, похоронен же в Петербурге.

Творчество Державина развивалось в русле русского классицизма, но своими произведениями Державин расшатывал принципиальные устои этого направления. Он смело разнообразил жанры, вводил в «высокие» жанры бытовые сцены, слова «низкого» стиля, сближал классицистические формы с сентиментальными и даже с нарождающимися романтическими.

Державин вошел в русскую поэзию как поэт-гражданин и сатирик, смело обличавший пороки вельмож, как возвышенный философ и мастер батальной и бытовой живописи, а в отдельных стихотворениях и как проникновенный знаток сердечных радостей и утрат.

Стихотворения Державина печатаются по тексту издания: Г. Р. Державин. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия). 1957.

На смерть князя Мещерского.— Стихотворение вызвано внезапной кончиной князя Александра Ивановича Мещерского (ум. в 1779 г.), который был очень богат и вел роскошную жизнь. *Глагол времен, металла звон!* — Имеется в виду бой часов, олицетворяющий неизбежный ход времени. *Тать* — вор. *Купно* — вместе. *Лики* — здесь: хор певцов. *Перфильев* Степан Васильевич (1734—1793) — генерал-майор, друг Мещерского, один из воспитателей великого князя, будущего императора Павла I.

Властителям и судиям.— Переложение 81-го псалма. Предполагают, что внешним толчком к написанию оды послужил случай, переданный самим автором: «В 1779 г. был перестроен под смотрением его (то есть Державина.— *В. К.*) Сенат, а особливо зала общего собрания, украшенная... лепными барельефами... между прочими фигурами была изображена скульптором Рашетом Истина нагая, и стоял тот барельеф к лицу сенаторов, присутствующих за столом; то когда изготовлена была та зала и генерал-прокурор князь Вяземский осматривал оную, то, увидев обнаженную Истину, сказал экзекутору: «Вели ее, брат, несколько прикрыть». И подлинно, с тех пор стали отчасу более прикрывать правду в правительстве». *Страстны* — одержимы страстями.

На птичку.— Написано в связи с назначением (13 декабря 1791 г.) на должность статс-секретаря Екатерины II. В этой должности Державин оставался до конца 1793 г.

Вельможа.— В примечаниях к этому и другим стихотворениям частично используются «Объяснения на все свои сочинения», данные Державиным, с указанием: «*об. Д.*»... *поставленный в позор...* — выставленный на всеобщее обозрение, напоказ. *Перлы перские, бразильски звезды* — персидский жемчуг, бриллианты; вельможи украшали ими «звезды своих орденов» *(об. Д.). Калигула! твой конь в Сенате...*— По преданию, римский император Гай Цезарь Калигула (12—41), отличавшийся деспотизмом и непомерным честолюбием, возвел своего коня в высшую государственную должность, назначив консулом и введя в сенат. *Он только хлопает ушами.*— «Автор, присутствуя тогда в сенате, видел многих своих товарищей без всяких способностей, которые, слушая дело, подобно ослам, хлопали только ушами» *(об. Д.). Шумиха* — сусальное золото; здесь: дорогие одежды. *Чтоб мужу бую умудриться...*— то есть глупому стать умным; Державин относил эти стихи к генерал-прокурору сената А. Н. Самойлову (1744—1814). *Всяк думает, что я Чупятов В марокккских лентах и звездах.*— Гжатский купец Чупятов торговал в петербургском порту пенькой. После пожара своих амбаров объявил себя банкротом (по уверениям некоторых, притворно). Чтобы избежать неприятностей от своих верителей, притворился сумасшедшим, навесил на себя множество разноцветных лент и медалей, будто бы присланных влюбленной в него марокккской принцессой. Смысл примера с Чупятовым очевиден: тот, кто не имеет подлинных заслуг перед отечеством, похож в своих орденах и лентах на помешанного купца. *А ты, второй Сарданапал!* — *Сарданапал* — царь Древней Ассирии. Имя его стало нарицательным, обозначая неслыханную роскошь и безудержный разврат. Державин эту и последующие строфы относил к Потемкину, Зубову и другим вельможам. *Мусия* — мозаика. *Токай* — город в Венгрии, в окрестностях которого производится знаменитое вино. *Левант* — Турция. *Нимфы* — многочисленные и разнообразные божества, олицетворявшие силы и явления природы; изображались в виде юных девушек (греч. миф.). *Цирцея* — прекрасная волшебница, возлюбленная Одиссея, с которой он жил в неге и довольстве («Одиссея» Гомера). *А там израненный герой, как лунь во бранях поседевший...* — «Лунь — белая цветом птица, род ястреба. Многие седые заслуженные генералы у кн. Потемкина и гр. Безбородко и у прочих вельмож сиживали несколько часов в передней между их людей, покуда они проснутся и выйдут в публику» *(об. Д.)*. *А там — вдова стоит в сенях...* — «Вдова Костогорова, которой муж был полковник, оказывал многие услуги Потемкину и был из числа его приближенных, имел несчастие, поссорясь за него, выйти на поединок с известным Иваном Петровичем Горичем, храбрым человеком, который уже после был генерал-аншефом; сей убил его выстрелом из пистолета, как говорили тогда, умышленно тремя пулями заряженного; вдова Костогорова после смерти мужа, прося покровительства князя, часто хаживала к нему и с грудным младенцем на руках стаивала, ожидая на лестнице его выезду» *(об. Д.)*. *Проснися, сибарит! — Ты спишь...* — «Сибаритяне (жители древнегреческого города Сибариса.— *В. К.*) были народ роскошный, изнеженный, который все свое блаженство поставлял в сластолюбии» *(об. Д.)*. *И сил у рук не отнимает...* —«Императрица давала нередко волю любимцам своим вмешиваться в дела других министров, как то гр. Зубов через генерал-прокурора Самойлова делал что хотел» *(об. Д.)*. Ущемление своих служебных обязанностей Державин испытал на себе: по наветам Трощинского и управляющих таможнею императрица приказала объявить Державину, чтоб он, будучи президентом коммерц-коллегии, не исполнял этой должности и не вмешивался в ее дела, предоставив управление петербургской таможней вице-губернатору Петербурга Алексееву, а таврической — генерал-губернатору екатеринославскому и таврическому Пл. Зубову. *Здесь дал бесстрашный Долгоруков...* — «Славный сенатор кн. Яков Федорович Долгоруков, который разодрал определение сената, подписанное Петром I» *(об. Д.)*. *Того я славного Камила...* — «Камилл был консул и диктатор римский, который, когда не было в нем нужды, слагал с себя свое достоинство и жил в деревне. Сравнение сие относится к гр. Румянцеву-Задунайскому, который, будучи утесняем через интриги кн. Потемкина, считался хоть фельдмаршалом, но почти ничем не командовал, как в своих деревнях» *(об. Д.)*. *Румяна вечера заря.* — «Стих, изображающий прозвище, преклонность лет и славу Румянцева» *(об. Д.)*.

Приглашение к обеду.— *Каймак и борщ* — «Малороссийские обыкновенные кушания» *(об. Д.)*. *Каймак* — сливки, снятые с охлажденного кипяченого или топленого молока. *Хозяйка статная, младая...* — «Автор говорит сие про вторую свою жену Д. А. Дьякову» *(об. Д.)*. *...благодетель давный...* — В «Объяснениях» Державин писал, что сначала имел в виду И. И. Шувалова, а позже графа А. А. Безбородко. *Случай* — незаслуженные милости и почести при дворе. *А если ты иль кто другие...* — «Был зван между прочими любимец императрицы князь Зубов и обещал приехать, но пред обедом прислал сказать, что его государыня удержала; то сей куплет и относится к нему» *(об. Д.)*.

Памятник.— Вольное подражание Горацию (ода «К Мельпомене»).

Русские девушки.— *Певец Тиискиий* — Анакреон, родившийся в городе Теос. *Бычок* — крестьянская пляска. *Эрот* — бог любви (греч. миф.; в римск. миф.— Амур, Купидон).

Снигирь.— Державин присутствовал в квартире графа Д. И. Хвостова при кончине А. В. Суворова (6 мая 1800 г.). *Что ты заводишь песню военну...* и след.— «У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя возвратился в дом, то, услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь славного мужа» *(об. Д.). С кем мы пойдем войной на Гиену?* — «Гиена, злейший африканский зверь, под коей здесь разумеется революционный дух Франции» *(об. Д.)*. В последние годы Суворов командовал русско-австрийской армией, действовавшей против французов. *Скиптры давая, зваться рабом...*— В европейские государства, завоеванные Суворовым, возвращались монархи, изгнанные войсками республиканской Франции. Сам же Суворов находился в немилости у Павла I.

Лебедь.— Подражание оде Горация «К Меценату». *Лебедь* — символ света и поэзии, считался птицею Аполлона. Согласно Аристотелю, дýши поэтов после смерти обращаются в лебедей и сохраняют дар поэтического вдохновения. *Не задержусь в вратах мытарств...* — «Как у католиков признается чистилище — в греко-российской церкви мытарства или заставы, из духов состоящие, где умершие души должны дать отчет в злых и добрых своих делах добрым и злым духам по имеющимся у них записным тетрадям» *(об. Д.). Средь звезд не превращусь я в прах...*— «Средь звезд, или орденов совсем не сгнию так, как другие» *(об. Д.). Чтобы услышать богу песнь.*— Державин имеет в виду свою оду «Бог». *И, проповедуя мир миру, Себя всех счастьем веселил.*— «Сими двумя стихами означает автор, что он сочинил миролюбивые правила третейского совестного суда, которые хотя императором Александром благосклонно приняты во время его отправления должности министра юстиции, но чрез пронырство его завистников в свет не вышли» *(об. Д.)*.

Признание.— В этом стихотворении Державин, по его собственным словам, подвел итог своей поэтической деятельности.

«Река времен в своем стремленьи...» — Последнее стихотворение Державина. *Река времен* — «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории» (составлена Страссом, пер. с нем. А. Варенцова).

Д. И. ФОНВИЗИН

Стр. 59

Денис Иванович Фонвизин (1744 или 1745—1792) родился в Москве, в дворянской семье. Первоначальное образование и воспитание получил дома под руководством отца, а затем в гимназии при Московском университете, по окончании которой был зачислен студентом Московского университета. С 1763 г. находился на службе в канцелярии кабинет-министра И. П. Елагина, а в 1769 г. стал секретарем и доверенным лицом гр. Н. И. Панина, управлявшего Коллегией иностранных дел. 1777—1778 гг. проводит во Франции. По возвращении в Россию выходит в отставку в связи с болезнью и для поправки здоровья дважды уезжает за границу, сначала в Италию (1784—1785), а затем в Австрию (1786—1787). Однако лечение не помогло. Скончался Фонвизин в Петербурге и там же похоронен.

Литературная деятельность Фонвизина началась с перевода «Басен нравоучительных» датского сатирика Л. Гольберга. Тогда же Фонвизин пробовал свое перо в жанре стихотворной сатиры и эпиграммы. К концу 1760-х гг. поэтическую деятельность прекращает, сосредоточивается на драматургии и достигает в ней замечательных успехов («Бригадир», «Недоросль»). В 1788 г. задумывает издание журнала «Стародум, или Друг честных людей», но встречает препятствия из-за развернувшейся несколько лет ранее полемики с Екатериной II в журнале «Собеседник любителей российского слова». В последнее десятилетие проявляет пристальный интерес к эпическим жанрам, продолжая развивать принципы классицистической сатиры. В творчестве Фонвизина, которое протекало в русле классицизма, весьма заметно стремление обновить условную поэтику комедии и других жанров. С этим связано проникновение непосредственной и живой правды в сатиру Фонвизина, что повлияло на описание нравов и на язык.

Басня «Лисица-Кознодей» печатается по тексту издания: Поэты XVIII века, т. 1. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972.

Лисица-Кознодей.— Басня представляет собой, как установлено немецким ученым Х. Грасхофом, вольный перевод прозаической басни немецкого поэта Христиана Фридриха Даниэля Шубарта (1739—1791) «In Libien starb mal ein Löwe...» («Однажды в Ливии умер лев...»). *Кознодей* — проповедник.

И. И. ХЕМНИЦЕР

Стр. 61

Иван Иванович Хемницер (1745—1784) родился в Енотаевской крепости Астраханской губернии в семье штаб-лекаря, приехавшего в Россию из Саксонии. Учился сначала у местного пастора и инженерного офицера, а затем в Петербурге во врачебном училище, из которого ушел и добровольно поступил в Нотербургский (Шлиссельбургский) полк. В 1766 г. получил первый офицерский чин, а в 1769 г. оставил военную службу и занялся минералогией в Горном училище. В начале 1770-х годов совершил заграничное путешествие, посетив Францию, Германию и Голландию. По возвращении в Россию оставил службу, но в 1782 г. получил место консула в турецком городке Смирна, где и скончался. Прах Хемницера был перевезен в Николаев и там погребен.

Хемницер писал в разных литературных жанрах (оды, сатиры, эпиграммы); наибольшую же известность ему принесли басни, отличавшиеся литературными достоинствами.

Басня «Метафизический Ученик» печатается по изданию: Русская басня XVIII—XIX веков. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1977.

Н. М. КАРАМЗИН

Стр. 63

Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) родился в селе Знаменское Симбирской губернии в дворянской семье. Первоначальное образование получил дома, а затем был отдан в Московский пансион проф. Шадена. В 1783 г., будучи зачисленным в Преображенский полк, живет в Петербурге, но на следующий год в связи со смертью отца выходит в отставку и уезжает в Симбирск. В конце 1784 г. Карамзин приехал в Москву с намерением всецело заняться литературной деятельностью. В 1789—1790 гг. Карамзин совершил путешествие по Европе, посетив Германию, Швейцарию, Францию и Англию. Возвратившись в Россию, он приступил к изданию «Московского журнала». В 1790-е гг. издает также ряд альманахов, а с 1802 по 1803 г.— журнал «Вестник Европы». В 1803 г. получает звание историографа и посвящает себя историческому труду «История государства Российского», который был встречен русским обществом как необыкновенное событие культурной жизни.

Литературная деятельность Карамзина началась с переводов иностранных авторов. В мировоззрении Карамзина консервативные черты уживались с демократическими. Он сочувствовал «низшим» сословиям, проникался интересом к простым людям, утверждал значительность и неповторимость их внутреннего мира. Все это сделало Карамзина крупнейшим писателем и теоретиком русского сентиментализма. Карамзин развивал типичные жанры сентиментализма — «путешествие» и «повесть». В лирике он разрабатывал жанры элегии, послания. Карамзин дал толчок широкому проникновению в русскую поэзию баллады и романса. С обновлением жанрового диапазона русской литературы связана и реформа литературного языка: Карамзин приблизил повествовательный слог и поэтический язык к разговорной речи образованного дворянского общества и тем способствовал расширению его выразительных возможностей. Неоценим подвиг Карамзина и как историка, положившего в основание своего многотомного труда изучение документальных фактов.

Стихотворения Н. М. Карамзина печатаются по тексту издания: Н. М. Карамзин. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1966.

Меланхолия.— Вольное переложение отрывка из третьей песни поэмы «L'Imagination» («Воображение») французского поэта Жака Делиля (1738—1813).

И. И. ДМИТРИЕВ

стр. 66

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) родился в селе Богородское Казанской губернии в семье помещика. Образование получил в частных пансионах Казани и Симбирска. В 1772 г. был записан в Семеновский полк солдатом. В начале

1790-х гг. познакомился с Н. М. Карамзиным и стал его ближайшим другом и литературным приверженцем. В 1795 г. Дмитриев выпустил сборник «И мои безделки», упрочивший за ним репутацию поэта-сентименталиста. В 1796 г. Дмитриев был произведен в капитаны, но вскоре ложно обвинен в покушении на императора. По оправдании был назначен сначала товарищем министра уделов, а потом обер-прокурором сената. В 1799 году Дмитриев вышел в отставку, но в 1806-м вновь вернулся на государственную службу. С 1810 по 1814 г. занимал пост министра юстиции. Выйдя в отставку, переселился в Москву.

Литературная карьера Дмитриева началась одическими произведениями в духе классицизма, но затем Дмитриев стал одним из крупнейших поэтов-сентименталистов. Он обращался к жанрам лирической песни, сатиры, сказки и басни, достигнув в них значительных успехов.

Произведения И. И. Дмитриева печатаются по тексту издания: И. И. Дмитриев. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1967.

Чужой толк.— *Флакк* Квинт Гораций (I в. до н. э.) — римский поэт. *Рамлер* Карл Вильгельм (1725—1798) — немецкий поэт, прозванный «немецким Горацием», переводчик древнегреческих и древнеримских авторов. *...зари багряны персты, И райский крин, и Феб, и небеса отверсты!* — Дмитриев пародирует шаблонные образы и рифмы из разных од, в частности из од В. Петрова. *Крин* — лилия. *Аристарх* (ок. 217—145 гг. до н. э.) — александрийский грамматик и критик, комментировал сочинения Гомера, Эсхила, Гесиода, Пиндара и поправлял в них ошибки; синоним строгого и справедливого критика. *Пиндар* (ок. 518 или 522 — ок. 442 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик, автор торжественных од и гимнов. *На пробу...*— на репетицию. *Делия* — возлюбленная Горация, воспетая им в стихах. *Как думал о стихах один стихотворитель, Которого трудов «Меркурий» наш, и «Зритель»...*— Предполагают, что речь идет о поэте Н. Николеве (1758—1815), который в послании Е. Р. Дашковой (1791), представляющем трактат в стихах, отстаивал принципы классицизма. Свои оды Николев печатал в журналах И. Крылова и А. Клушина «Зритель» (1792) и «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793), занимавших враждебную по отношению к Дмитриеву и Карамзину позицию. В 1792 г. Николев написал несколько од «На заключение мира с Оттоманскою Портою». *На взморье в хижину, как Демосфен, забиться...*— Древнегреческий политический деятель и великий оратор Демосфен (384—322 гг. до н. э.), по преданию, обрек себя на длительное уединение: чтобы избавиться от физического недостатка речи, он поселился на берегу моря и произносил перед морем речи. *Рымникский Алкид* — А. В. Суворов (1730—1800), граф Рымникский, командовал русскими войсками при взятии Варшавы (1794). *Ферзен* Иван Евстафьевич (1747—1799) — русский генерал, принимал участие в польской кампании. *Костюшко* Тадеуш (1746—1817) — польский патриот и республиканец; в марте 1794 года поднял национально-освободительное восстание, которое 10 октября 1794 года было подавлено, а Костюшко пленен. *Он тотчас за перо и разом вывел: ода!* — Здесь и далее Дмитриев пародирует стиль торжественной оды, характерный для многих поэтов-классицистов. *Румянцев* Петр Александрович (1725—1796) — знаменитый русский полководец. *Грейг* Самуил Карлович (1736—1788) и *Орлов* Алексей Григорьевич (1737—

1808) командовали русским флотом в Чесменской морской битве (1770), в ходе которой турецкий флот был сожжен. *Пиндарил* — витийствовал, высоко парил в стихах (от имени Пиндар). *Клеврет* — приспешник, приверженец. *Марсий* — силен (демон); из тщеславия вызвал Аполлона на музыкальное состязание флейты против кифары; Аполлон, одержавший победу, повесил Марсия на сосне и содрал с него кожу (греч. миф.); имя Марсия стало нарицательным для обозначения тщеславных и бездарных поэтов.

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

Стр. 71

Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752—1828) родился в Петербурге в семье знатного вельможи и воспитывался у своих бабушек сначала с отцовской, а затем с материнской стороны. Для продолжения образования в 1769 г. вместе со своими двоюродными братьями уехал учиться во Францию и поступил в Страсбургский университет, но через год вернулся в Россию. В 1770 г. принял участие в русско-турецкой войне, в рядах русских войск штурмовал крепость Бендеры. В 1774 г. Нелединский-Мелецкий получил чин премьер-майора, а в 1775—1776 гг. был зачислен в состав русского посольства в Константинополе. Затем он продолжил военную службу в Псковском и Киевском полках (1776—1785). В 1785 г. Нелединский-Мелецкий в чине полковника вышел в отставку и поселился в Москве. Но Екатерина II вновь призвала его на государственную службу. Павел I сделал его своим статс-секретарем. В этой должности Нелединский-Мелецкий прослужил два года и был неожиданно уволен вследствие придворной интриги. Однако в 1800 г. его простили и назначили сенатором в Москве. После смерти Павла I его приближает к себе императрица Мария Федоровна. В 1804—1813 гг. поэт жил в Москве, а с 1813 по 1826 г.— в Петербурге. В 1826-м он вышел в отставку, поселился в Калуге, где и умер.

Литературное наследство Нелединского-Мелецкого невелико по объему. «Общенародную известность» (П. А. Вяземский) ему принесли песни, в которых проявился заметный народный элемент и интерес к душевным переживаниям простого человека.

Песни Ю. А. Нелединского-Мелецкого печатаются по тексту издания: Поэты XVIII века, т. 2. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972.

Песня («Ах! тошно мне...»).— Переработка народной песни «Ах, тошно мне...».

«Выйду я на реченьку...» — Вариация на тему народной песни «Выйду я на реченьку...», из которой взяты два первых стиха.

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Стр. 74

Василий Андреевич Жуковский (1783—1852) — крупнейший поэт-романтик. Внебрачный сын богатого помещика А. И. Бунина и пленной турчанки Сальхи. Фамилию получил от усыновившего его бедного дворянина А. Г. Жуковского. С 1797 по 1801 г. учился в Благородном пансионе при Московском университете. В 1802 г. напечатал перевод элегии Грея «Сельское кладбище» в журнале «Вестник Европы». Тогда же сблизился с Карамзиным. В 1802 г. начал занятия со своими племянницами Протасовыми и к одной из них — Марии Андреевне Протасовой (в замужестве Мойер) — испытал чувство глубокой любви, которое нашло выражение во множестве элегий, песен и баллад. В 1808—1810 гг. редактировал журнал «Вестник Европы». Ополченцем участвовал в войне 1812 года. С 1815 по 1818 г. входил в общество «Арзамас» и занимал в нем место секретаря. В начале 20-х гг. путешествовал по странам Западной Европы. С 1815 по 1839 г. служил при дворе сначала в должности чтеца при вдовствующей императрице Марии Федоровне, а затем воспитателя наследника, будущего царя Александра II. В 1832—1833 и 1837—1839 гг. жил за границей. В 1841 г. поселился в Германии, где и умер (в Баден-Бадене). Прах Жуковского был перевезен в Петербург и погребен на кладбище Александро-Невской лавры.

По своим политическим взглядам Жуковский был монархистом, противником революции. Однако его мировоззрение шире и глубже верноподданнического монархизма. Жуковский требовал от монарха любви к народу, осуждал жестокость и произвол самодержавия, видел в крепостничестве зло, несовместимое с нравственным достоинством человека. Эти стороны мировоззрения Жуковского выразились в том, что он отпустил на волю своих крестьян, содействовал выкупу из крепостной зависимости Т. Шевченко, принимал деятельное участие в судьбе Герцена, скульптора Витберга, философа и критика И. Киреевского, поэтов Е. Баратынского и А. Кольцова. Он встал на защиту ссыльных декабристов и пытался уберечь Пушкина от клеветы и придворных интриг, не раз добивался смягчения его участи.

Жуковский положил начало развитию русского романтизма. Впервые предметом поэзии стал внутренний мир человека, полный глубокого драматизма. Человеческой душе, по мысли Жуковского, присуще стремление к счастью и блаженству. В этом смысл жизни человека. Но прекрасный идеал несовместим с грубой, жестокой и обыденной жизнью. Жуковский находит его в неведомом, очарованном «там», в глубинах человеческой души. Человек, однако, по мысли Жуковского, никогда не может достичь счастья и блаженства в реальной жизни. Отсюда в его поэзии глубокая грусть и тихое «томление». Счастье может быть обретено только в потустороннем мире. Так возникают религиозные мотивы в поэзии Жуковского. Романтические идеи и чувства были воплощены в лирических жанрах элегий, посланий, а ранее — в жанре баллад. В зрелый период творчества (1808—1833) расцветают лиро-эпические жанры. По своему художественному содержанию и поэтическим особенностям баллады Жуковского близки его лирике, главное в них — выражение души рассказчика, его внутреннего мира. Жуковский познакомил русскую публику с крупнейшими произведениями мировой художественной культуры (перевел «Одиссею» Гомера, «Орлеанскую деву» Шиллера, «Наль и Дамаянти» — отрывок из «Махабхараты» и др.). Он был поэтом-новатором, открывшим новые поэтические средства для выражения душевных движений человека.

Тексты печатаются по изданию: В. А. Жуковский. Собрание сочинений в четырех томах, т. 1 и 2. М.— Л., Гослитиздат, 1959.

Сельское кладбище.— Вольный перевод европейски знаменитой элегии «Elegy written in a Country Churchyard» («Элегия, написанная на сельском кладбище») английского поэта-сентименталиста Томаса Грея (1716—1771). Эту элегию Жуковский считал началом своей поэтической деятельности и в 1839 г. еще раз перевел ее. Он отступил в переводе от подлинника и внес чувствительные, меланхолические ноты. *Лишь слышится... рогов унылый звон.*— «В Англии привязывают колокольчики к рогам баранов и коров» (примеч. В. А. Жуковского). Лишь дикая сова...— Сова, как ночная птица, считалась стражем покоя мертвых и была также олицетворением мудрости. *Гампден надменный* — Джон *Гампден* (Гемпден; 1594—1643), крупный английский землевладелец, посчитавший незаконной небольшую корабельную подать, востребованную королем, и отказавшийся уплатить ее; сыграл активную роль на первых этапах английской буржуазной революции XVII в. *Иль кровию граждан Кромвель необагренный...*— Оливер *Кромвель* (1599—1658) — вождь английской революции XVII в. Жуковский ошибался в его характеристике: Кромвель, по словам Ф. Энгельса, соединял «в одном лице Робеспьера и Наполеона». Он сурово расправлялся с демократическими элементами, подавил восстание в Ирландии и Шотландии. *Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах.*— Имеется в виду Джон *Мильтон* (1608—1674), великий английский поэт, публицист и политический деятель, перу которого принадлежат знаменитые поэмы «Потерянный рай», «Возвращенный рай», а также яркие памфлеты в защиту республики. Возможно, Жуковский ошибся: Мильтон был слеп, а не нем. Но более вероятно другое: Мильтон был активным участником английской революции, а после восстановления монархии Стюартов (1660) публицистическая деятельность стала для него невозможной. Умер Мильтон гонимым, в безвестности и в бедности.

Дружба.— *Перуны* — молнии и громы; *Перун* — бог грома и молнии (слав. миф.).

Вечер.— *Струги* — лодки. *Бразды* — борозды. *Оратаи* — пахари. *Петел* — петух. *Филомела* — соловей. *Вакховы пиры* — праздники (вакханалии) в честь бога растительности, виноградарства и виноделия *Вакха* (Бахуса) (римск. миф.; в греч. миф. — Диониса). *Один — минутный цвет — почил, и непробудно...*— Речь идет об Андрее Ивановиче Тургеневе, умершем в 1803 году. *Другой... о небо правосудно!* — С. Е. Родзянко, вскоре после окончания Университетского благородного пансиона (в котором, кстати, учился и Жуковский) сошедший с ума. *Минвана и Альпин* — условные поэтические имена. Строфы 6—8 (от стиха «Уж вечер... облаков померкнули края...» и кончая стихом «И гибкой ивы трепетанье!») использованы Чайковским в опере «Пиковая дама» для дуэта Лизы и Полины.

Песня («Мой друг, хранитель-ангел мой...»).— Переложение песни «Je t'aime tant, je t'aime tant...» («Я так люблю тебя, так люблю тебя...») французского поэта, драматурга и политического деятеля Ф. Фабра д'Эглантина (1750—1794).

Певец.— *Он дружбу пел, дав другу нежну руку...*— Речь идет об Ан. Тургеневе. *Он пел любовь...*— Имеется в виду любовь Жуковского к М. А. Протасовой. На стихи «Певца» написаны романсы М. И. Глинки и А. Н. Верстовского.

Светлана.— Свободное переложение баллады «Ленора» («Lenore») Бюргера. Баллада предназначалась в качестве свадебного подарка племяннице Жуковского Александре Андреевне Протасовой, выходившей замуж за А. Ф. Воейкова. С легкой руки поэта за ней сохранилось поэтическое имя Светлана. Отрывок «Раз в крещенский вечерок...» положен на музыку А. Е. Варламовым. *Крещенский вечерок...*—Имеется в виду религиозный праздник крещенья. *За ворота башмачок, Сняв с ноги, бросали; Снег пололи; под окном слушали; кормили Счетным курицу зерном; Ярый воск топили...*— Жуковский описывает разнообразные виды новогодних гаданий о суженом (женихе). *Счетное зерно* — отборное. *Ярый воск* — белый и чистый. *Песенки подблюдны*.— После совершения обряда, описанного в предшествующих стихах Жуковского, вынимали «перстень золотой» или «серьги изумрудны» и к их владельцам относили соответствующие слова песни; песни, сопровождавшие это гаданье, назывались *подблюдными*. *Спасов лик* — так называлась икона, на которой изображен Иисус Христос (Спаситель). *Перси* — грудь.

Эолова арфа.— Оригинальная баллада Жуковского, в которой тема «запрещенной любви» носит автобиографический характер (в ней отразились драматические отношения между Жуковским и М. А. Протасовой). *И долго, безмолвны...*— Следующий затем любовный диалог Минваны и Арминия напоминает, как отмечено комментаторами, сцену прощания Ромео и Джульетты в трагедии Шекспира (начало 3-го акта). *И арфу унылый Певец привязал под наклоном ветвей...*— Образ арфы навеян стихотворениями немецкого поэта Фридриха Маттисона (1761—1831) «Lied aus der Ferne» («Песнь издалека») и И. И. Дмитриева «Лира».

Теон и Эсхин.— *Пенаты* — боги домашнего очага (римск. миф.). *Алфей* — бог одноименной реки в Элиде; здесь: река. *Праг* — порог.

Славянка.— *Славянка* — река в Павловске (царской летней резиденции). *Мыза* — хутор, усадьба.

Песня («К востоку всё, к востоку...»).— Перевод стихотворения «Nach Osten». («К востоку») немецкого поэта-романтика Ф.-Г. Ветцеля (1779—1819). Стихотворение положено на музыку А. С. Даргомыжским.

«Кто слёз на хлеб свой не ронял...» — Перевод стихотворения Гете «Wer nie sein Brot mit Tränen ass...» («Кто никогда не ел свой хлеб со слезами...»), вошедшего в роман «Года учения Вильгельма Мейстера» (кн. II, гл. XIII) и в цикл «Из Вильгельма Мейстера».

Песня («Кольцо души-девицы...»).— Вольный перевод немецкой народной песни «Der Ring ist mir entfallen...» («Кольцо у меня выпало...»). Стихи положены на музыку А. А. Алябьевым.

Весеннее чувство.— Стихотворение положено на музыку А. Г. Рубинштейном.

«Там небеса и воды ясны!..» — Вольный перевод романса «Combien j'ai douce sou-venance» («Как сладко мне воспоминанье...») французского романтика Франсуа-Рене Шатобриана (1768—1848). Стихотворение Шатобриана вошло в его роман «Les aventures du Dernier Abencerage» («История последнего из Абенсеражей»).

Лесной царь.— Перевод баллады Гете «Erlkönig», сюжет которой Гете нашел у немецкого историка, поэта и философа И.-Г. Гердера (1744—1803), а последний — в датских народных песнях (Ellenkonge — король эльфов, то есть король лесных духов; сканд. миф.). Музыку Ф. Шуберта для исполнения на слова Жуковского обработал А. Г. Рубинштейн. Известна также баллада для соло, хора и оркестра А. С. Аренского.

Песня («Минувших дней очарованье...»).— Стихотворение посвящено Екатерине Федоровне Вадковской (ум. в 1861 г.), племяннице родственницы и приятельницы Жуковского Анны Ивановны Плещеевой (ум. в 1817 г.), которая горячо поддерживала намерение Жуковского жениться на М. А. Протасовой. *Там есть один жилец безгласный...*— Имеется в виду Е. Ф. Вадковская. Положено на музыку П. П. Булаховым и др.

На кончину ее величества королевы Виртембергской.— В первой публикации тексту элегии предшествовали два эпиграфа из Ф. Шиллера. Первый — из монолога Теклы (последний стих) в трагедии «Смерть Валленштейна» (действие IV, явление XII); он повторен Жуковским в переводе (конец первой строфы): «Таков удел прекрасного на свете!» Второй — третья строфа из стихотворения «Hoffnung» («Надежда»). *Королева Виртембергская* — Екатерина Павловна, сестра Александра I; стихотворение вызвано ее внезапной смертью 28 декабря 1818 года в Штутгарте. Жуковский снабдил элегию примечаниями. Объясняя их необходимость, он писал: «Некоторые стихи сей элегии покажутся непонятными для читателя, если он не будет знать обстоятельств того печального происшествия, которое в ней описано. Кончина незабвенной Екатерины была разительно неожиданная: она ужасно напомнила нам о неверности земного величия и счастья. Еще никакое известие о потере нашей не могло до нас достигнуть, а уже какое-то неизъяснимое предчувствие распространило пророческие о ней слухи, и горестная истина скоро их подтвердила».

К мимопролетевшему знакомому Гению.— Вольный перевод стихотворения Ф.-В. Шеллинга «Lied» («Песня»). Образ «гения вдохновения» связывают с графиней С. А. Самойловой, которой Жуковский увлекался. А. С. Пушкин высоко ценил это стихотворение.

К портрету Гете.— Надпись, возможно, приготовлена к 70-летию Гете (родился 28 августа 1749 года). Жуковский, вероятно, воспользовался четверостишием Андрея Тургенева, который переводил на русский язык «Страдания молодого Вертера».

«Взошла заря. Дыханием приятным...» — Перевод первых двух строф «посвящения» Гете к собранию лирических стихотворений: «Der Morgen kam; es scheuchten seine Tritte» («Утро настало; его шаги изгнали чуткий сон...»).

Песня («Отымает наши радости...»).— Вольный перевод стихотворения Джорджа Гордона Ноэля Байрона «Stanzas for music» («Стансы для музыки»). Жуковский не сохранил размера подлинника, а куплетную строфу заменил восьмистишием. Байрон считал стихотворение одним из «наиболее меланхолических», когда-либо им написанных. Жуковский нашел в этом стихотворении родственное себе чувство и настроение, заметно усилив меланхолическую грусть и переведя энергию байроновского отчаяния в план элегического размышления.

Победитель.— Перевод одноименного стихотворения немецкого поэта-романтика И.-Л. Уланда (1787—1862). Положено на музыку М. И. Глинкой и другими композиторами.

Замок Смальгольм, или Иванов вечер.— Перевод баллады Вальтера Скотта (1771—1832) «The Eve of St. John» («Канун святого Джона»). В балладе воспроизведены события XVI века, когда Англия и Шотландия вели непрерывные феодальные войны. В примечаниях к своему переводу Жуковский писал: «Вальтер Скотт, автор сей баллады, в младенчестве своем жил в соседстве Смальгольм, иногда в самом замке, который принадлежал одному из его родственников (Вальтер Скотт назвал его имя: Хью Скотт.— *В. К.*), и по чувству благодарности поэтической захотел прославить его стихотворною сказкою: формы оной (между прочим частые рифмы на полустишия) заимствованы им из былевых песен южной Шотландии... содержание имеет сходство с одним старинным преданием, доныне сохранившимся у суеверных ирландцев». Жуковский воспроизвел и примечания к балладе Вальтера Скотта. *...торопясь в Бротерстон...*— «Бротерстон, уединенная лощина в горах, за несколько миль от Смальгольма». *Анкрам-морския битвы барон не видал...*— Имеется в виду битва при Анкрам-муре (1545), в которой были разбиты английские войска, вторгшиеся в Шотландию; англичанами командовали упомянутый в балладе лорд Эверс и баронет Бриан Латон (оба пали в сражении), шотландцами — Арчибальд Дуглас, граф Ангусский и баронет Вальтер Скотт-Боклю. *Где подъемлется мрачный Эльдон.*— «Эльдон — высокий холм с тремя коническими вершинами, над самым городом Мельрозом, в который любопытные приезжают смотреть развалины великолепного монастыря». *...ты спасен или нет?* — Имеется в виду религиозное «спасение души», то есть прощение грешника богом на том свете. *Есть монахиня в древних Драйбургских стенах...*— Драйбургское аббатство расположено на берегу реки Твид. До Вальтера Скотта дошли рассказы старожилов о монахине, которая в начале 1770-х гг. поселилась в развалинах Драйбургского замка, жила там в полном одиночестве и «выходила только ночью за пищей, которую ей оставляли добрые люди».

Ночь.— Перевод романса неизвестного автора «Schon sank auf rosiger Bahn Der Tag in wallende Fluten...» («Уже опускался по розовой дороге День в кипящие волны...»). *Геспер* — божество вечерней звезды (греч. миф.; в римск. миф.— Веспер); одно из прозвищ Венеры. *Фиал* — у древних греков и римлян плоский и низкий сосуд для питья и для возлияния при жертвоприношениях.

«Я Музу юную, бывало...» — Стихотворение представляет собой своеобразное посвящение нового издания стихотворений поэтическому вдохновению — «Гению чистой красоты».

Элевзинский праздник.— Перевод одноименной баллады Ф. Шиллера «Eleusische Fest». В основу легли античные мифы о богине плодородия Деметре (греч. миф.; в римск. миф.— Церера). *Цианы* — васильки. *Троглодит* — первобытный пещерный человек; в переносном смысле — грубый, неотесанный. *Номад* — кочевник. *Фемида* — богиня права, законности и предсказаний; изображалась с весами и повязкой на глазах в знак беспристрастия (греч. миф.). *Ком* —

бог пиршеств (греч. миф.). *Бог ремесл, изобретатель...*— бог огня и кузнечного ремесла Гефест (греч. миф.). *Термин* — бог межей и пограничных межевых знаков, столбов, камней, считавшихся священными (римск. миф.). *Ореады* — божества гор (греч. миф.). *Бог, осокою венчанный...*— морское божество Нерей (греч. миф.). *Оры* — богини, ведавшие сменой времен года и наблюдавшие за порядком в природе (греч. миф.). *Посидон* (Посейдон) — бог морей, изображавшийся с трезубцем (греч. миф.; в римск. миф.— Нептун). *Камены* — музы (римск. миф.). *Цибела* (Кибела) — великая матерь богов и всего живущего на земле (греч. миф.). *Киприда* — прозвище Афродиты (Венеры).

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

Стр. 133

Алексей Федорович Мерзляков (1778—1830) родился в семье пермского купца. Окончил Московский университет, в котором затем преподавал свыше двадцати пяти лет, дослужившись до профессора и декана. В конце 50-х гг. сблизился с А. Тургеневым, Жуковским, Кайсаровым, Воейковым, а в 1801 г. вместе с Андреем Ивановичем Тургеневым организовал «Дружеское литературное общество». В 1803—1806 гг. в творчестве Мерзлякова возникает интерес к русскому фольклору, он создает целый ряд песен, замеченных и сочувственно оцененных современниками. Песни Мерзлякова были написаны в содружестве с крепостным композитором М. Кашиным. Поэт был известен также как критик и теоретик литературы. Последние годы жизни Мерзляков провел в бедности и умер в Москве забытым поэтом.

Песня А. Ф. Мерзлякова печатается по тексту издания: А. Ф. Мерзляков. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1958.

«Среди долины ровныя...» — По свидетельству современника, «...песня Мерзлякова «Среди долины ровныя...» написана была в доме Вельяминовых-Зерновых. Он разговорился о своем одиночестве, говорил с грустию, взял мел и на открытом ломберном столе написал почти половину этой песни. Потом ему подложили перо и бумагу: он переписал написанное и кончил тут же всю песню» (М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, с. 164). Поэт был влюблен в А. Ф. Вельяминову-Зернову (1788—1876).

М. В. МИЛОНОВ

Стр. 135

Михаил Васильевич Милонов (1792—1821) родился в семье небогатого, но просвещенного воронежского помещика. В 1809 г. он окончил Московский университет. Служил в министерстве иностранных дел, а потом в министерстве юстиции. После 1815 г., бросив службу, испытал тяжелую материальную нужду.

Друзья из сострадания пытались помочь больному и голодному поэту, но их усилия ни к чему не привели.

Милонов — поэт-сатирик, примкнул к гражданскому течению русского просветительства и продолжил традиции высокой сатиры XVIII в. Предметом сатир и эпиграмм Милонова были не только политические события, но и литературная борьба его времени: Милонов высмеивал и шишковистов и карамзинистов. Кроме сатир и эпиграмм, поэт разрабатывал жанры послания и в особенности элегии.

Стихотворение М. В. Милонова печатается по тексту издания: Поэты 1790—1810-х годов. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1971.

Падение листьев.— Перевод одноименной элегии французского поэта Шарля-Юбера Мильвуа (1782—1816). Некоторые стихи из перевода Милонова были включены Пушкиным в предсмертную элегию Ленского. *О Эпидавра прорицатель!* — Имеется в виду Асклепий, бог врачебного искусства; центром его культа был *Эпидавр* — город в Древней Греции (греч. миф.).

А. И. ТУРГЕНЕВ

Стр. 137

Андрей Иванович Тургенев (1781—1803) — критик, поэт и переводчик. Родился в семье ректора Московского университета. Образование получил в Благородном пансионе при Московском университете. Одаренный блестящими способностями, он очень скоро выдвигается среди университетской молодежи и организует в 1801 г. (вместе с А. Ф. Мерзляковым) «Дружеское литературное общество». В том же году переезжает в Петербург и вскоре отправляется в качестве дипломатического курьера в Вену. В феврале 1803 г. Тургенев возвратился в Петербург, а в июле скоропостижно скончался от «горячки с пятнами».

Первоначально А. И. Тургенев заявил себя сторонником Карамзина, но затем продолжил традиции гражданской поэзии русского просветительства XVIII в. и выступил одним из предшественников лирики декабристов. Не чуждался он и философского размышления, испытывая глубокую неудовлетворенность окружающей жизнью.

Стихотворение А. И. Тургенева печатается по тексту издания: Поэты 1790—1810-х годов. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1971.

Д. В. ДАВЫДОВ

Стр. 138

Денис Васильевич Давыдов (1784—1839) — поэт. Родился в старинной дворянской семье. В 1801 г. переехал в Петербург и стал юнкером кавалергардского полка. Большую часть жизни Давыдов провел на службе в армии, выйдя в отставку в 1823 г. в чине генерал-лейтенанта.

Давыдов начал Отечественную войну подполковником Ахтырского гусарского полка. Он первый подал записку «о выгоде партизанского действия», которая была одобрена Багратионом и Кутузовым. Опираясь на широкое патриотическое движение крестьян, он создал большой партизанский отряд, выполнявший сложные военные операции в тылу французской армии. Беззаветно храбрый гусарский офицер, умный военачальник, стал народным героем и по праву осознал себя «одним из самых поэтических лиц русской армии». В 1816 г. он был принят в «Арзамас» и сблизился с Пушкиным, Жуковским, Вяземским, а позднее с Баратынским, Языковым. В 1826 и 1831 гг. Давыдов участвовал в персидской и польской кампаниях, но его военная карьера, по существу, закончилась. На склоне лет Давыдов не растерял связей со своими «арзамасскими» друзьями. Он поддерживал «Литературную газету» Дельвига и «Современник» Пушкина, живо интересуясь литературными новостями. Отставным генералом Давыдов провел последние годы жизни в деревенском уединении, в симбирском поместье Верхняя Маза, где и скончался.

Литературное творчество Давыдова включает стихи, прозу, мемуары. Начав с сатирического жанра эпиграмм и басен, поэт вскоре переходит к посланию и песне, наполняя их необычным для русской литературы содержанием.

Основной темой лирики после 1806 г. становится гусарство, с которым связаны многие чувства и понятия. Поэт создал выразительный и психологически глубокий образ лихого гусара, певца-воина, прямого и храброго, озорного и бесшабашного. Гусарство противостояло бытовавшим в обществе отношениям и воспринималось как враждебное им. Тема гусарства перерастает рамки анакреонтики и становится вольнолюбивой и патриотической. Давыдов обратился к традиции «домашней», интимной лирики XVIII в., но освободил ее от условного поэтического стиля. Опора на просторечие, военный словарный слог и солдатский фольклор сочетаются в лирике Давыдова с живой разговорной интонацией, несколько грубоватой, но эмоциональной и темпераментной, с напряженным, энергичным стихом. В позднейших стихотворениях появляется образ старого гусара, которого «судьба губит забвеньем».

Стихотворения Д. В. Давыдова печатаются по тексту издания: Денис Давыдов. Сочинения. М., Гослитиздат, 1962.

Бурцову.— *Фланкировка* — защита, прикрытие с фланга. *Фортуна* — судьба; *Фортуна* — богиня счастья, случая, судьбы и удачи; изображалась с рогом изобилия и с повязкой на глазах в знак изменчивости счастья (римск. миф.). *И «Георгья» за совет!* — Имеется в виду награждение Георгиевским крестом за участие в военном совете, а не в бою.

Элегия IV.— Обращение к Елизавете Антоновне Злотницкой (1800—1864), дочери генерал-лейтенанта, с которой Давыдов познакомился в Кременчуге и которой сделал предложение. Злотницкая дала согласие, но в отсутствие Давыдова была помолвлена с князем П. А. Голицыным. *В память Лизу приведу...*— Речь идет о Е. А. Злотницкой.

Песня старого гусара.— *Доломан* — гусарский мундир. *Ментик* — короткая гусарская куртка с меховой опушкой; носился внакидку. *Жомини да Жомини!* — Имеется в виду Г. В. Жомини (1779—1869), известный теоретик военного искусства и военно-исторический писатель, с 1813 года военный советник Александра I; выражение «Жомини да Жомини! А об водке — ни полслова!» стало поговоркой. В. И. Ленин использовал это выражение в статье «Кабинет Бриана» (1913).

Ответ.— *Я иногда бывал на Пиндс...— Пинд* — горный хребет, владение Аполлона (греч. миф.); в переносном смысле — приют поэзии.

Полусолдат.— *Куртинец* — курд. *Торнео* — Торнио-йоки — река в Швеции. *Горит родимая звезда.*— Полярная звезда.

Бородинское поле.— *Вождь Гомерический, Багратион великий!* — Давыдов называл Багратиона «Ахиллом наполеоновских войн».

Вальс.— *Хариты* — богини красоты, радости, олицетворения женских прелестей (греч. миф.); здесь: иносказательно — красавица, обладающая всеми совершенствами; возлюбленная.

К. Н. БАТЮШКОВ

Стр. 150

Константин Николаевич Батюшков (1788—1855) родился в Вологде, в старинной дворянской семье. После окончания пансиона в 1802 г. он поступил на службу в министерство народного просвещения. В 1805 г. его избирают членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». В 1807 г. поэт участвует в качестве ополченца в войне с Наполеоном, в 1808-м воюет в составе русской армии со шведами. Болезнь помешала Батюшкову в 1812 г. вступить в армию, но, как только здоровье улучшилось, он с 1813 г. принимал участие в сражениях. В 1815 г. Батюшкова избирают членом «Арзамаса». В 1818 г. он получает назначение в дипломатическую миссию в Неаполь. В 1822 г. его постигает тяжелая болезнь. Душевный недуг мучил поэта в течение тридцати с лишним лет, пока смерть от тифа в Вологде не избавила страдальца от невыносимых мучений.

Первые литературные опыты Батюшкова относятся к началу XIX в. Поэт сразу же заявил себя сторонником карамзинистов. До 1812 г. в творчестве Батюшкова господствуют анакреонтические мотивы. Поэт прославляет простые земные радости, независимость и достоинство человека; он утверждает, что «домашний», интимный мир, подчас отмеченный печатью бедности, нравственнее, чище, благороднее и возвышеннее блестящей, роскошной, но мертвой действительности, окружающей поэта. После войны 1812 г. в лирике Батюшкова появляются ноты сомнения, глубокой грусти. Он становится поэтом-философом. Создает жанр исторической элегии, в которой пластичность образов и верность психологических переживаний сочетаются с глубоко трагическим взглядом на жизнь. Трагизму мироощущения Батюшков, однако, противопоставляет стойкость, мужество.

Произведения К. Н. Батюшкова печатаются по изданию: К. Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. М., «Наука» («Литературные памятники»), 1977

Выздоровление.— Стихотворение навеяно действительным фактом. В 1807 г. Батюшков был ранен и для лечения перевезен в Ригу. Там он встретился с дочерью купца Мюгеля и влюбился в нее. *Эреб* — самая мрачная часть подземного царства, где помещается дворец Плутона (греч. миф.). *Орковы поля* — подземное царство мертвых (римск. миф.). *Лета* — река забвения в царстве мертвых, Аиде (греч. миф.). *Мне сладок будет час и муки роковой...* — перефразировка заключительного стиха («et dolce incominciò la morte...» — «и сладкой начала становиться смерть...») из CCCLII сонета «*Spirto felice che si dolcemente...*» («Счастливое дуновение, которое меня нежно...») итальянского поэта Франческо Петрарки (1304—1374). См.: К. Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. М., «Наука» («Литературные памятники»), 1977, с. 538.

Элизий. — *Элизий* — загробный мир, где блаженствуют души праведников (греч. миф.). *То, как лозы винограда Обвивают тонкий вяз...* — Навеяно XV эподом Горация к Ниэре («...Теснее, чем плющом высокий обвивается дуб, Обнимая гибкими руками...»). См. К. Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. М., «Наука» («Литературные памятники»), 1977, с. 572.

Надпись на гробе пастушки. — Сюжет стихотворения навеян картиной французского художника Пуссена (1594—1665). На ней изображено надгробие, возле которого стоят пастухи. Надпись на камне гласит: «И я жил в Аркадии». Стихи использованы П. И. Чайковским в опере «Пиковая дама» (романс Полины).

Мои пенаты. — Литературными источниками послужили: стихотворение «A mes pénates» («Моим пенатам») Жана-Франсуа Дюси (1733—1816), французского поэта-классика, и стихотворение «La chartreuse» («Обитель») Жана-Батиста Грессе (1709—1777), французского сатирического поэта, новеллы которого были направлены против духовенства и монахов, а ранее автора эпикурейских посланий. *Богинь пермесских дар* — вдохновение. *Лары* — боги домашнего очага (римск. миф.). *В Аонии прелестной...* — *Аония — область Древней Греции*, где находился Геликон и обитали музы (греч. миф.). *Сретать* — встречать. *Стигийских берегов...* — то есть берега Стикса. *Парнасский исполин* — Г. Р. Державин, автор стихотворений «Лебедь» (ср. у Батюшкова: «Наш лебедь величавый...»), в котором он вольно подражал Горацию, и «Соловей» (ср.: «Как вешний соловей...») — образца интимной лирики. Отсюда последующее сравнение Державина с Пиндаром и Горацием, заимствованное, как установлено, из посвящения Державину трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах»; Озеров называет Державина поэтом, который с парением Пиндара согласил философию Горация... «коего стихотворство шумно, быстро и чудесно, как водопад Суны». *Как Суна средь степей...* — На реке Суне, в Карелии, находится водопад Кивач, воспетый Державиным в оде «Водопад». *То мудрого Платона Описывает нам. И ужин Агатона...* — В пьесе Карамзина «Афинская жизнь» изображены греческий философ Платон и его друг трагик Агатон. *То Древню Русь и нравы Владимира времян, И в колыбели славы Рождение славян.* — В 1802 г. Карамзин напечатал несколько статей по русской истории. В статье «О любви к отечеству и народной гордости» есть такие слова: «Слава была колыбелью народа русского, а победы вестницею бытия его». *За ними сильф прекрасной...* — Имеется в виду И. Ф. Богданович. *Мелецкий* — Ю. А. Нелединский-Мелецкий. *Федр* (I в. н. э.) — латинский баснописец. *Пильпай* (Бидпай) — древнеиндийский баснописец. *Дмитриев* — И. И. Дмитриев. *Хемницер* — И. И. Хемницер. *Сложи печалей бремя...* — Возможно, намек на трагически сложившиеся отношения Жуковского с М. А. Протасовой. *О Аристиппов внук!* — Имеется в виду П. А. Вяземский, названный так за прославление культа наслаждений; *Аристипп* (V—IV в. до н. э.) — греческий философ, видевший смысл жизни в разумных наслаждениях. Вяземский не согласился с этим сравнением, на что Батюшков шутливо писал ему 19 декабря 1811 г.: «Твои замечания справедливы. Но почему не назвать тебя внуком Аристиппа, внуком Анакреона или черта, если хочешь... это значит то, что ты, то есть, имеешь качества, как будто нечто свойственное... Ну, понял ли, понял ли, Анакреонович?» *Пока бежит за нами...* — Высказано предположение, что образ бегущего седого бога навеян итальянским поэтом Ариосто. *Наемных ликов глас...* — Имеется в виду хор, отпевающий покойников.

К Д‹ашко›ву.— *Д. В. Дашков* (1788—1839) — приятель Батюшкова. Стихотворение навеяно личными впечатлениями от сгоревшей Москвы. *Армид и ветреных Цирцей...* — Здесь: красавиц, обольстительниц. *Пока с израненным героем...* — Имеется в виду генерал А. Н. Бахметьев, раненный при Бородине; Батюшков в 1813 г. был назначен к нему адъютантом.

Тень друга.— Стихотворение посвящено памяти друга Батюшкова И. А. Петина (1789—1813), убитого в 1813 г., двадцати четырех лет от роду, под Лейпцигом. Стихотворение записано во время поездки на корабле из Англии (Альбион) в Швецию в июне 1814 г. Эпиграф взят из элегии «Тень Цинтии» римского поэта Проперция (I в. до н. э.). *За кораблем вилася Гальциона...* — Здесь: чайка; *Гальциона* — дочь бога ветров Эола — была превращена Зевсом в чайку (греч. миф.). *Вежды* — веки. *Завидной смертию, над Плейсскими струями...* — Петин был убит близ реки Плейсы. *При страшном зареве Беллониных огней...* — то есть огней войны; *Беллона* — богиня войны (римск. миф.).

Вакханка.— Тематически близко стихотворению Э. Парни «Déguisements de Vénus» («Переодевания Венеры»). *Все на праздник Эригоны...* — К этому стиху есть примечание автора: «Эригона — дочь Икария, которую обольстил Вакх, преобратясь в виноградную кисть». *Эвры волосы взвевали...* — *Эвр* — утренний тихий ветер (греч. миф.); теплый юго-восточный ветер. *Нагло* — здесь: внезапно. *Ланиты* — щеки. *Тимпан* — древний музыкальный инструмент.

Мой гений.— *О память сердца!* — Как указано самим Батюшковым, афоризм принадлежит «глухонемому философу Масье» (К. Н. Батюшков, Соч., т. II, СПб., 1885, с. 142); *Масье* (1772—1846) — французский педагог и философ. В стихотворении отразились переживания Батюшкова, связанные с любовью к Анне Федоровне Фурман (1791—1850), воспитаннице директора Публичной библиотеки А. Н. Оленина. Батюшков был помолвлен с ней. Однако в начале 1815 г. он узнал, что невеста его не любит. Потрясенный, Батюшков уехал из Петербурга.

Разлука.— *Тирас* — греческое название Днестра. *О милой, сердцу незабвенной...* — Имеется в виду возлюбленная Батюшкова А. Ф. Фурман.

К другу.— Стихотворение обращено к П. А. Вяземскому. *Где твой Фалерн...* — Здесь: вино; фалернское вино (из области Фалерн) прославлялось римскими поэтами, в том числе Горацием. *Где дом твой, счастья дом?..* — Речь идет о московском доме Вяземского, пострадавшем во время пожара 1812 г. *И Клии мрачные скрижали...* — *Клио* — муза истории (греч. миф.).

Воспоминания.— Стихотворение отражает характер отношений поэта к А. Ф. Фурман. *Туда влечет меня осиротелый гений...* — Подразумевается загробный мир. *Как лотос, силою волшебной врачевали.*— Согласно греческому преданию, рассказанному в «Одиссее» Гомера, цветы лотоса давали забвение тому, кто их вкусил. *В лесах, где Жувизи гордится над рекою... В цветущих пажитях Ричмона... На зеркальных водах пустынной Троллетаны.*—«Жувизи — замок близ Парижа. Ричмон — прекрасный городок в окрестностях Лондона, напротив жилища Попе. Путешественники никогда не забудут террасы и пленительных видов Ричмона. Троллетана — водопад близ Готтенбурга на западном берегу Швеции» *(Примеч. К. Н. Батюшкова). Сейна* — Сена.

Из греческой антологии. 3. «Свершилось: Никагор и пламенный Эрот...» — Третье стихотворение «Из греческой антологии», переведенной Батюшковым для статьи его друга, «арзамасца» С. С. Уварова. Статья Уварова и переводы Батюшкова были напечатаны отдельной брошюрой («О греческой антологии») в 1820 г. Батюшков, не знавший греческого языка, переводил с помощью Уварова, который перелагал греческие стихи на французский язык. Автор оригинала — греческий поэт Гедил (III в. до н. э.). 13. «С отвагой на челе и с пламенем в крови...» — Тринадцатое стихотворение «Из греческой антологии». Источник неизвестен.

К творцу «Истории государства Российского».— Обращение к Н. М. Карамзину. *Отец истории читал...*— Имеется в виду *Геродот* (500—424 гг. до н. э.), греческий историк, читавший, по преданию, на Олимпийских играх свои исторические сочинения. *Как старца слушал Фукидид...*— Согласно преданию, юноша Фукидид (ок. 464—400 гг. до н. э.) слушал Геродота на Олимпийских играх. Впоследствии он стал знаменитым историком, автором «Истории Пелопонесской войны». *Аониды* — музы.

«Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...» — *Байя* — древнеримский город близ Неаполя, развалины которого, выступающие из воды, видел Батюшков в 1819 г.

«Есть наслаждение и в дикости лесов...» — Вольный перевод 178-й и 179-й строф Четвертой песни «Паломничества Чайльд-Гарольда» Байрона.

Подражания древним. 2. «Скалы чувствительны к свирели...» — Второе стихотворение из цикла «Подражания древним». *Иемен* — страна на Аравийском полуострове. Образы стихотворения, как установлено И. М. Семенко, навеяны тремя прославленными мотивами мифологии и литературы: греческим мифом о певце Орфее, который двигал скалами, играя на свирели, традиционным образом верблюда из древних арабских касыд и образами соловья и розы в средневековой лирике Востока. 6. «Ты хочешь меду, сын?..» — Шестое стихотворение из цикла «Подражания древним». *На дно, где крокодил зияет под водою.*— Образ заимствован из романа «Атала» Шатобриана.

«Ты знаешь, что изрек...» — *Мельхиседек* — библейский царь, первосвященник (буквально: «царь правды»). Высказано предположение, что образу Мельхиседека, никогда не отрицавшего смысл жизни, приданы черты другого библейского персонажа — Экклесиаста, афоризмы которого о тщете человеческих усилий и бессмысленности жизни более отвечают духу стихотворения.

Н. И. ГНЕДИЧ

Стр. 171

Николай Иванович Гнедич (1784—1833) — поэт и переводчик. Родился в Полтаве, в семье небогатого помещика. В 1800 г. поступил сначала в Благородный пансион при Московском университете, потом перешел в университет. В 1803 г., не окончив университетского курса, уехал в Петербург, сблизился с членами «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». В 1807 г. начал переводить «Илиаду» Гомера. В 1819 г. вступил в общество «Зеленая лампа», главную роль в котором играли члены Союза благоденствия. В 1826 г. Гнедич завершил перевод «Илиады». Последние годы жизни его одолевали болезни. Он умер в Москве в полном одиночестве.

Первые оригинальные произведения Гнедича относятся к 1804—1805 гг. Он в раннем творчестве испытал влияние русской просветительской литературы XVIII в. В поэзии Гнедича преобладает гражданская тематика, связанная с утверждением героического сознания и общественного долга. В этом отношении Гнедич был прямым предшественником декабристов. Поэт испытывал интерес к народному искусству. Так возникло намерение перевести «Илиаду» Гомера, понятую как образец эпического творчества народа, наполненный героическим содержанием. «Илиада» была переведена Гнедичем русским гекзаметром. Эпические формы поэт использовал и для воссоздания картин русской жизни.

Стихотворения Н. И. Гнедича печатаются по тексту издания: Н. И. Гнедич. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1956.

Военный гимн греков.— Стихотворение является переводом военного гимна греческого революционера и поэта Ригаса (наст. имя — Антониос Кириазис; ок. 1757—1798). Ригас основал тайное общество (гетерию) для борьбы с турками, поработившими Грецию, был схвачен и казнен. *О геллины веков минувших...*— греки. *На семихолмный град...*— Имеется в виду Стамбул (Константинополь). *Героя Леонида...*— Спартанский царь Леонид преградил путь персам в Грецию; погиб при Фермопилах в 430 г. до н. э.

А. С. Пушкину.— *Протей* — морское божество, обладавшее способностью принимать различные облики (греч. миф.); здесь: поэтическое многообразие.

Ф. Н. ГЛИНКА

Стр. 175

Федор Николаевич Глинка (1786—1880) — поэт, драматург и прозаик. Родился в небогатой дворянской семье, в Смоленской губернии. В 1805—1806 гг. принимал участие в войне против Наполеона, состоя адъютантом генерала Милорадовича. По окончании войны вышел в отставку, но в 1812 г. снова вступил в русскую армию, участвовал в Бородинском сражении и в заграничном походе 1813—1814 гг. В 1816 г. был избран сначала вице-председателем, а затем председателем «Вольного общества любителей российской словесности». В 1816—1821 гг. был членом Союза спасения, а затем организатором и руководителем Союза благоденствия. Придерживался умеренных взглядов, защищал конституционную монархию. После роспуска Союза благоденствия не вступил в Северное общество, так как разошелся с радикальными декабристами, не разделяя их идеи насильственной революции. В 1826 г., после восстания декабристов, был арестован, выслан в Петрозаводск. Последние годы жизни провел в Твери.

Творчество Ф. Н. Глинки интересно и значительно как живой отклик на патриотический подъем 1812 г. и как выражение ранних декабристских идеалов. В лирике Глинки сильны просветительские идеи XVIII в.

Стихотворения Ф. Н. Глинки печатаются по изданию: Ф. Н. Глинка. Избр. произв. Л.. «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1957.

Сон русского на чужбине.— Эпиграф из стихотворения Г. Р. Державина «Арфа» (1798).

Песнь узника.— Строфа шестая и седьмая связаны с надеждами на помилование декабристов.

П. А. КАТЕНИН

Стр. 180

Павел Александрович Катенин (1792—1853) — поэт, драматург, литературный критик. Катенин родился в старинной дворянской семье. Он получил прекрасное домашнее образование. С 1806 г. Катенин находился сначала на гражданской, а затем, с 1810 г., на военной службе. Принял участие в войне 1812 г.: сражался в Бородинской битве, под Кульмом и Лейпцигом. В конце 1810 г. Катенин вступил в Союз спасения, но после преобразования его в Союз благоденствия, в котором победила умеренная группировка, вышел из общества и никогда более не возобновлял разорванных связей. Отойдя от непосредственного участия в революционной борьбе, Катенин, однако, не изменил своим оппозиционным настроениям. В 1822 г. Катенин был за ничтожный проступок выслан из Петербурга по личному повелению Александра I. Три года поэт провел в своем имении в Костромской губернии. В августе 1825 г. ему было разрешено вернуться в Петербург. С 1827 г. жил в своем имении в деревне Шаево Костромской губернии, где и умер.

Катенин начал свой творческий путь в 1810 г. Первоначально выступил в русле декабристского романтизма и активно боролся с мечтательно-созерцательным течением в русском романтизме. Обратившись к темам русской истории в жанре баллады, он начал борьбу за сближение книжной речи с речью простонародной. Позднее обратился к гражданской, героической и патриотической тематике, черпая сюжеты своих произведений из русской и античной истории. В последние годы создал образ отверженного судьбой поэта, вольнолюбивого и не смирившегося с деспотизмом.

«Сонет» печатается по изданию: П. А. Катенин. Избр. произв. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965.

К. Ф. РЫЛЕЕВ

Стр. 181

Кондратий Федорович Рылеев (1795—1826) — поэт-декабрист. Родился в небогатой дворянской семье. В 1814 г. закончил кадетский корпус в чине прапорщика. В 1814—1815 гг. находился за границей и некоторое время жил в Париже. В 1821 г. избран заседателем Петербургской уголовной палаты, проявив на этом посту безукоризненную честность и высокое мужество. В это же время Рылеев сблизился с членами Союза благоденствия, а в 1823 г. был принят в Северное общество. В 1824 г. он перешел на службу в Российско-Американскую торговую компанию и занял должность правителя канцелярии. С 1823 г. Рылеев вместе со своим другом А. А. Бестужевым издавал альманах «Полярная звезда». Рылеев был самой крупной и самой радикальной фигурой в Северном обществе. Он выступал за республиканское правление, за освобождение крестьян от крепостной зависимости. Вскоре стал одним из руководителей Северного общества и вошел в состав высшего его органа — Думы. В 1825 г. он возглавил восстание декабристов, а после поражения семь месяцев провел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. В 1826 г. был повешен в числе пяти декабристов.

Рылеев был крупнейшим поэтом декабристского романтизма, который, в противоположность психологическому романтизму Жуковского, выдвинул на первый план идею активной борьбы за переустройство общества. Центральной темой стало утверждение политической свободы, осознанной как внутреннее, личное стремление человеческой души. В соответствии с этим появляются призывы к гражданскому служению, усиливается агитационное начало. Рылеев ориентируется на гражданскую поэзию русского просветительства XVIII в. На первый план им выдвигаются высокие жанры — ода и сатира. Элегии и послания под пером Рылеева перестраиваются, наполняясь гражданским, общественным содержанием. Интерес к русской славянской истории повлек к созданию особого жанра — «думы». В думах, как и в последующих поэмах, нет объективной исторической достоверности, но есть гражданская идея, состоящая в прославлении личного мужества, противопоставленного тирании. Историческим личностям свойствен декабристский идеал.

Произведения К. Ф. Рылеева публикуются по тексту издания: К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1971.

Временщику.— Первое из печатных произведений Рылеева, подписанное его полной фамилией. Политически смелое выступление Рылеева было по достоинству оценено современниками. Подзаголовок (Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию») придуман: у римского сатирика Персия (34—62) сатиры под названием «К Рубеллию» нет. Ссылка на Персия помогла Рылееву обойти цензуру, не разглядевшую жгучей злободневности стихотворения. Кроме того, указанием на сатиру Персия Рылеев подчеркивал русскую обличительную традицию, которой следовал: в 1810 г. поэт М. В. Милонов опубликовал стихотворение «К Рубеллию. Сатира Персиева». *Временщик* — человек, по воле сильного покровителя оказавшийся на время у власти; здесь: граф А. А. Аракчеев (1769—1834), организатор и главный начальник военных поселений; пользовался исключительным доверием Александра I. *Кимвальный звук* — пышный, торжественный, но пустой и малосодержательный (от слова «кимвал» — древнего музыкального инструмента в виде двух металлических тарелок). *Сеян* Люций Эпиус (ум. в 31 г.) — префект (начальник) преторианской (императорской) гвардии в Риме, всесильный временщик при императоре Тиберии, возглавивший против него заговор; по приказу императора был задушен после провала заговора. *Цицерон* Марк Туллий (106—43 гг. до н.э.) — знаменитый оратор и государственный деятель Древнего Рима, был консулом в 63 г.; разоблачил заговор против Римской республики, составленный Люцием Сергием *Катилиной* (108—62 гг. до н. э.), который стремился к личной власти. *Кассий* Гай Лонгин (I в. до н. э.), *Брут* Марк Юний (85—42 гг. до н. э.) — римские политические деятели, возглавили республиканский заговор против императора Гая Юлия Цезаря и в 44 г. убили его. *Селения лишил их прежней красоты...*— Намек на ненавистные народу военные поселения.

Смерть Ермака.— Посвящено Павлу Александровичу Муханову (1798—1871), историку, декабристу, который по просьбе Рылеева вел дела, связанные с изданием «Дум». Начальные стихи перекликаются со стихами Карамзина из баллады «Раиса».

Во тьме ночной ярилась буря,
Сверкал на небе грозный луч;
Гремели громы в черных тучах,
И сильный дождь в лесу шумел.

Дума вошла в народный песенный репертуар.

Иван Сусанин.— Историческая основа думы — костромское предание об Иване Сусанине, изложенное А. Щекатовым («Словарь географический Российского государства»), а затем повторенное С. Н. Глинкой («Русская история в пользу воспитания»). Высказано убедительное предположение, что непосредственным источником думы послужил рассказ С. Н. Глинки «Крестьянин Иван Сусанин, победитель лести и избавитель царя Михаила Федоровича Романова. Нравственное и историческое повествование». Подвиг Ивана Сусанина и до Рылеева привлекал внимание художников. Так, в 1816 г. была создана композитором К. А. Кавосом опера «Иван Сусанин» (либретто А. А. Шаховского). В свою очередь Рылеев оказал несомненное влияние на оперу М. И. Глинки «Иван Сусанин» (1836), либретто Е. Ф. Розена. Рылеевская трактовка Ивана Сусанина как крестьянина, исполнившего свой гражданский долг и погибшего за народного избранника (Михаил Романов был провозглашен на трон Земским Собором), противостояла официальной версии. Дума Рылеева пользовалась широкой известностью в прогрессивных кругах. Ее знали и любили в семье Ульяновых. Сестра В. И. Ленина А. И. Ульянова-Елизарова вспоминала: «У нас было в обычае готовить отцу и матери какие-нибудь сюрпризы к именинам и праздникам. И вот я помню, что к одному из таких случаев Саша (Александр Ильич Ульянов, старший брат В. И. Ленина.— *В. К.*) заучил по своему выбору «Ивана Сусанина» Рылеева и, мало любивший декламировать, читал с большой силой выражения слова жертвы того времени за благо отчизны, как он понимал тогда это... Не больше восьми лет было тогда Саше,— это было еще до поступления его в гимназию, и характерно, с какой недетской серьезностью читал он это далеко не детское стихотворение». *Ляхи* — поляки. *Сарматы* — здесь: поляки; таково их обычное наименование в поэтическом языке XVIII—XIX вв. *Жупан* — старинный полукафтан у поляков и украинцев. *Окончины* — оконные рамы.

Петр Великий в Острогожске.— Историческая основа думы — сведения об острогожском свидании Петра I с Мазепой, почерпнутые из книги Д. Н. Бантыша-Каменского «История Малой России». *С бунчуком и булавою...*— со знаками гетманской власти; *бунчук* — короткое древко с привязанным конским хвостом; *булава* — короткая палка с утолщением на конце. *Сердюки.*— К этому слову в одной из публикаций Рылеев дал примечание: «Сердюки — гвардия гетмана». *Брюховецкой* Иван Мартынович — гетман Левобережной Украины в 1663—1668 гг., пытавшийся отложиться от России и отдать Украину под власть Турции, но вызвавший недовольство казаков, которые 7 июня 668 г. убили его. *Кобылиц неукротимых гордо бродят табуны...*— Эти стихи процитированы Пушкиным в «Путешествии в Арзрум».

«Я ль буду в роковое время...» — Стихотворение было впервые полностью напечатано под названием «Гражданин» в «Полярной звезде» А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Заглавие стихотворения, по-видимому, Рылееву не принадлежит и дано, вероятно, издателями «Полярной звезды». *Ни Брута, ни Риеги.*— Имена Брута и Рафаэля Риего-и-Нуньеса (1785—1823), вождя испанской революции, поднявшего восстание против абсолютизма Фердинанда VII, использованы Рылеевым как политические символы неколебимых тираноборцев.

А. А. Бестужеву.— Посвящение А. А. Бестужеву из поэмы «Войнаровский». *...Аполлонов строгий сын...*— то есть поэт. *Я не Поэт, а Гражданин.*— Рылеев считал, что гражданская цель, ради которой он писал, выше поэтического мастерства и сама по себе искупает его недостаток.

К. Ф. РЫЛЕЕВ И А. А. БЕСТУЖЕВ

Стр. 191

Агитационные песни.— Агитационные песни по традиции связаны с именами Рылеева и Бестужева. Степень участия в них Рылеева не установлена, но об авторстве Рылеева известно точно по дошедшим до нас признаниям поэта и другим документальным данным. Агитационные песни были широко распространены в передовых кругах и проникли в солдатскую массу. «Ах, где те острова...» — *Острова.*— Высказано предположение, что Рылеев намекал на петербургский кабачок «Веселые острова»; шутка поэта содержала, однако, как заметил Ю. В. Манн, более глубокий смысл: под «островами» подразумевалась некая идеальная страна, где нет злоупотреблений, несправедливости и пр. *Pucelle* — «*La Pucelle d'Orléans*» («Орлеанская девственница») — антиклерикальная поэма Вольтера, запрещенная в России. *Святцы* — годовой церковный календарь с именами святых. *Бестужев-драгун* — имеется в виду А. А. Бестужев, служивший до мая 1822 г. поручиком лейб-гвардии драгунского полка. *Карачун* — внезапная, неожиданная смерть. *Князь-чудодей* — великий князь Константин Павлович, бывший в то время наследником престола и главнокомандующим войсками, расположенными в Польше. *Танта* — тетка жены и домоправительница в доме Ф. В. Булгарина, у которой он был под башмаком. *Магницкий* Михаил Леонтьевич (1778—1855) — в 1802—1812 гг. сотрудник либерального реформатора М. М. Сперанского, а затем крайний реакционер. *Мордвинов* — имеется в виду Николай Семенович Мордвинов (1754—1845), граф, адмирал, член Государственного совета, враждебно относившийся к реакционной политике Александра I и считавший, что власть царя надо ограничить конституцией. Имя и личность Мордвинова были популярны у декабристов, которые выдвигали его членом будущего Временного правительства. *Где не думает Греч, Что его будут сечь...*— В русском обществе упорно ходили слухи, что Николай Иванович Греч (1787—1867) — литератор, педагог, издатель «Сына отечества», а впоследствии (вместе с Ф. В. Булгариным) реакционной «Северной пчелы» — был высечен в тайной полиции в 1821 г. Греч подозревался в составлении воззвания к солдатам взбунтовавшегося Семеновского полка и был привлечен к следствию. Полностью оправдав себя, он переметнулся затем на сторону правительства. *Где Сперанский попов...* — Намек, с одной стороны, на происхождение и воспитание Сперанского (он был сыном сельского священника и обучался в духовной академии), а с другой — на его религиозные настроения, которыми он проникся при дворе Александра I (в последние годы жизни царь стал мистиком). *Сперанский* Михаил Михайлович (1772—1839) — один из приближенных Александра I в начале его царствования, составил несколько проектов либеральных реформ, оставшихся неосуществленными; в 1812 г. попал в опалу и вышел в отставку; в 1816 г. возвращен на государственную службу. *Измайлов* Александр Ефимович (1779—1831) — поэт, журналист, издатель журнала «Благонамеренный»; слыл пьяницей. «Ты скажи, говори...» — *Как капралы Петра...*— Речь идет о свержении и убийстве Петра III (1728—1762). *А жена пред дворцом...*— Имеется в виду Екатерина II, принявшая непосредственное участие в низвержении Петра III в 1762 г. *Курносый злодей* — Павел I (1754—1801). *Но господь, русский бог, Бедным людям помог вскоре.*— Павел I, правивший с 1796 по 1801 г., был убит заговорщиками. Идиома «русский бог» широко употреблялась в казенно-патриотической публицистике, особенно во время войны 1812 г., в значении «хранитель и спаситель русской нации и дома Романовых». Передовые русские писатели (Рылеев, Пушкин, Вяземский) иронически переосмысливали эту формулу: выражение «русский бог» стало означать всякого рода несправедливость, хаос, неразбериху, неумение и неспособность управлять страной. «Ах, тошно мне...» — Переработка песни «Ах! тошно мне на своей стороне...» Ю. А. Нелединского-Мелецкого, восходящей к народной песне. *Синюха* — пятирублевая ассигнация; здесь: взятка. *А под царским орлом...*— Вывески кабаков и питейных лавок украшались гербом с изображением двуглавого орла.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Стр. 195

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797—1846) — поэт, драматург и литературный критик. Родился в Петербурге, в обрусевшей немецкой семье. В 1811 г. поступил в Царскосельский лицей, через три года после окончания которого уехал за границу, жил в Германии, Италии, Франции. В 1824 г. совместно с В. Ф. Одоевским начал издавать альманах «Мнемозина». В 1825 г. переехал в Петербург и вступил в Северное общество. После поражения декабристского восстания бежал из России, но был схвачен в Варшаве, доставлен в столицу и посажен в Петропавловскую крепость. Был приговорен к смертной казни, которую заменили двадцатилетними каторжными работами. Впоследствии и эта мера была изменена: более десяти лет просидел в одиночном заключении в разных крепостях, а в 1835 году сослан в Сибирь. Больной туберкулезом, потерявший зрение, Кюхельбекер скончался в Тобольске.

Творчество Кюхельбекера своеобразно и противоречиво: в нем сочетались гражданские традиции русского классицизма и просветительства с принципами декабристского романтизма. Ранние произведения Кюхельбекера выдержаны в сентиментально-элегическом духе. Однако постепенно Кюхельбекер все больше проникается гражданскими и вольнолюбивыми настроениями. Центральной темой становится дружба как союз людей, посвятивших себя высоким идеям свободы, братства и справедливости. Основной жанр лирики — гражданская ода. После 1825 г. в поэзии Кюхельбекера звучат ноты отчаяния и скорби. Кюхельбекер известен также как автор поэм, трагедий, драм и мистерий.

Стихотворения В. К. Кюхельбекера печатаются по изданию: В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. 1, Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1939.

К Ахатесу.— Относится к греческому восстанию 1821 г. *Ахатес* — спутник Энея в «Энеиде» Вергилия; символ верности в дружбе. *Лететь к Марафонским, святым знаменáм!* — При *Марафоне* в 490 г. до н. э. афиняне одержали победу над персами.

19 октября 1837 года.— *19 октября* — день лицейской годовщины.

Участь русских поэтов. — *Или болезнь наводит ночь и мглу...*— В 1845 г. Кюхельбекер ослеп. *Или рука любезников презренных...*— Речь идет о гибели Пушкина. *Или же бунт поднимет чернь глухую...*— Имеется в виду гибель Грибоедова в 1829 г.

А. И. ОДОЕВСКИЙ

Стр. 200

Александр Иванович Одоевский (1802—1839) — поэт-декабрист. Родился в родовитой, но обедневшей дворянской семье. Дома получил прекрасное образование. В 1821 г. начал служить в конно-гвардейском полку. В начале 1825 г. был принят в Северное тайное общество, 14 декабря командовал заградительной цепью на площади. После поражения восстания пытался бежать, но был арестован и впоследствии приговорен к двадцати годам каторги. С 1827 по 1830 г. находился в Читинском остроге, а с 1830 по 1833 г.— на Петровском заводе. В 1833 г. Одоевский поселился под Иркутском, затем его перевели в г. Ишим Тобольской губернии. В августе 1837 г. Одоевского определили рядовым в Кавказский корпус. Умер на Кавказе от злокачественной малярии.

Литературное наследство А. И. Одоевского невелико по объему. В лирике он близок декабристскому романтизму, отстаивал гражданскую лирику, выступал против сентиментальности, унылой элегичности. После 1825 г. в творчестве Одоевского усиливаются трагические мотивы. Центральным образом становится герой, гибнущий за свободу. Традиции декабристской поэзии осложняются у него философской проблематикой.

Стихотворения А. И. Одоевского печатаются по изданию: А. И. Одоевский. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1958.

«Струн вещих пламенные звуки...» — Стихотворение представляет собой ответ А. С. Пушкину на его послание «Во глубине сибирских руд...». Строка *«Из искры возгорится пламя...»* послужила эпиграфом для ленинской газеты «Искра».

Элегия.— *Ланская* Варвара Ивановна (1800—1845), близкая родственница А. И. Одоевского. *И кто узнал, что нет его...*— Речь, возможно, идет об А. С. Грибоедове.

«Куда несетесь вы, крылатые станицы?..» — Стихотворение, по воспоминаниям декабристов М. А. Назимова и А. Е. Розена, написано при переезде из Сибири на Кавказ, недалеко от Ставрополя, при виде стаи журавлей, летевших на юг.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Стр. 205

Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) — поэт и критик. Родился в Москве, в старинной дворянской семье. В 1806 г. брал частные уроки у профессоров Московского университета. В начале 10-х гг. XIX в. Вяземский стал видным приверженцем Карамзина. В доме Вяземского постоянно собирались будущие «арзамасцы». Война 1812 г. всколыхнула патриотические чувства Вяземского, он вступил добровольцем в ополчение и участвовал в Бородинской битве. В 1815 г. вошел в «Арзамас». В 1817 г. Вяземский получил назначение в Польшу, но, обвиненный в польских симпатиях, отстраняется от службы и удаляется из Варшавы (1821). До 1830 г. Вяземский находится в опале, а в 1830-м поэт был зачислен чиновником особых поручений по министерству финансов, переехал в Петербург, где служил до 1849 г. В 1856—1858 гг. он стал товарищем министра просвещения и возглавил Главное управление цензуры. Последние двадцать лет жил преимущественно за границей (Италия, Франция, Германия). Умер в Баден-Бадене.

В литературе Вяземский с самого начала примыкает к карамзинистам. Он культивирует легкий стиль, идущий от французской элегической лирики XVIII в. В 10-е гг. пишет преимущественно в малых жанрах: элегии, послания, мадригалы, песни и т.д. В конце 10-х — начале 20-х гг. в поэзии Вяземского сильны также и вольнолюбивые настроения. Он обращается к жанру оды, сатиры, эпиграммы и басни, используя поэтическую традицию XVIII в. и стремясь наполнить эти формы глубоко личным содержанием, слить личную и гражданскую темы. Впоследствии он создает сатирические куплетные формы, запечатлевая в них современные события, злобу дня.

Литературные искания Вяземского нашли отражение в его критической деятельности. Вяземский был теоретиком русского романтизма, посвятившим свои лучшие статьи творчеству Пушкина и других поэтов.

Произведения П. А. Вяземского, кроме стихотворений «Дорожная дума» («Колокольчик, замотайся...»), «Пью по ночам хлорал запоем...», «Загадка» и «В воспоминаниях ищу я вдохновенья...», печатаются по изданию: П. А. Вяземский. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1958. Перечисленные стихотворения печатаются по изданию: П. А. Вяземский. Избр. стихотворения. М.— Л., «Academia», 1935.

Первый снег.— Дата в подзаголовке указывает не на время написания, а на время запечатлевшейся в памяти поэта прогулки. *Дриады* — нимфы — покровительницы деревьев (греч. миф.).

Уныние.— Вяземский признавался, что «Уныние» — «род моей исповеди».

Негодование.— *Зрел промышляющих спасительным глаголом, Ханжей...*— Намек на усиление мистицизма и религиозности в последние годы царствования Александра I.

Русский бог.— *Душ, представленных в залог...*— Значительная часть помещичьих имений с крепостными душами вследствие разорения дворянства была заложена государству. *Бригадирш обоих полов...*— Имеется в виду комедия Фонвизина «Бригадир», где мужа-бригадира держит под каблуком глупая жена. *Бог бродяжных иноземцев... Бог в особенности немцев...*— Вяземский резко отрицательно относился к царской бюрократии, господствующее положение в которой занимали прибалтийские немцы. Стихотворение было высоко оценено Герценом, который дважды его напечатал. В бумагах К. Маркса сохранился сделанный для него Н. Сазоновым немецкий перевод стихотворения.

К старому гусару.— Обращение к Д. В. Давыдову, который в 1832 г. издал свои сочинения. *Будто дружеской артели...*— В «дружескую артель», о которой вспоминает Вяземский и которая собиралась в его московском доме в 1810—1811 гг., входили Д. Давыдов, Ф. Толстой, В. Жуковский, В. Пушкин, К. Батюшков. *Черт ли в тайнах идеала...*— Петербургская молодежь в конце 20-х — начале 30-х гг. увлекалась немецкой философией; здесь заключен также намек на исчерпанность унылого элегического романтизма (см. след. строку: «В романтизме и луне...»). *Иль Моэта из бутылки...*— *Моэт* — марка шампанского. *Убивает дни невинно...*— каламбур: без вина. *На воде и на водах...*— *На водах* — то есть на курортах, где есть лечебные воды.

Я пережил.— Вяземский похоронил четырех сыновей и дочь; возможно, что стихотворение навеяно также смертью И. И. Дмитриева и гибелью А. С. Пушкина.

«Все сверстники мои давно уж на покое...» — Написано в день исполнившегося 80-летия.

Из собрания стихотворений: «Хандра с проблесками». 1. «Пью по ночам хлорал запоем...» — *Привыкший к яду Митридат...*— Царь Понта и Босфора Митридат (132—63 гг. до н. э.) был необычайно мнителен, принимал яд в незначительных дозах. Когда же, побежденный римлянами, принял яд, чтобы покончить с собой, то яд не подействовал. 4. Загадка.— *Что будет продолженье впредь.*— Вяземский скептически относился к христианской легенде о существовании загробного мира.

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

Стр. 225

Евгений Абрамович Баратынский (1800—1844) родился в селе Мара Тамбовской губернии, в небогатой дворянской семье. Сначала учился в частном пансионе, а затем в Пажеском корпусе, из которого был исключен в 1816 г. и поселился в имении дяди в Смоленской губернии, а потом приехал в Петербург. С 1820 по 1825 г. служил унтер-офицером в Финляндии. В 1825 г. поэт благодаря хлопотам друзей получил наконец офицерское звание, а в 1826 г. вышел в отставку и переехал в Москву. Первые произведения Баратынского относятся к концу 1810-х гг. В 1826 г. отдельным изданием выходит его стихотворная повесть «Эда», а в следующем — первый сборник стихотворений. В 1835 г. он выпустил второй сборник стихотворений, а в 1842-м — книгу стихотворений «Сумерки». В 1843 г. поэт побывал в Германии и во Франции, а затем отплыл в Неаполь. В Италии Баратынский внезапно заболел и скоропостижно скончался. В 1845 г. его тело из Неаполя было перевезено в Петербург и погребено на кладбище Александро-Невской лавры.

Литературная позиция Баратынского складывалась под непосредственным воздействием дворянской революционности, но поэт не сочувствовал радикальным устремлениям декабристов. Преобладающий тон его элегий и посланий — «томная грусть», проистекающая от взгляда на жизнь. Новаторство поэта заключалось в психологизации элегий и посланий.

В 30-е гг. преимущественное внимание Баратынский уделяет философской проблематике. Он усматривает причину крушения дворянской революционности не в социальных отношениях, а в извечном, с его точки зрения, разладе человека с природой и во внутренней противоречивости человеческой души, сохраняющей верность гуманистическим идеалам, стремящейся к гармонии, счастью и духовной свободе, но никогда не достигающей их. Главными темами в лирике становятся крушение романтических иллюзий и место искусства в жизни. В конце 30-х гг. Баратынский тяжело переживает наступление буржуазного века, несущего бездуховность. В начале 40-х гг. в связи с оживлением общественной мысли в поэзии Баратынского возникли новые, более оптимистические настроения, но поэту не удалось их развить.

Сочинения Е. А. Баратынского печатаются по тексту издания: Е. А. Баратынский. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1957.

Финляндия.— Стихотворение снискало его автору громкую славу: Баратынского стали называть «певцом Финляндии». *...отечество Одиновых детей...*— то есть Финляндия как часть Скандинавии. *Один* (Оден) — бог войны (сканд. миф.).

Родина.— По свидетельству жены поэта Н. Л. Баратынской, в элегии упоминается сельцо Подвойское Смоленской губернии (имение дяди поэта, Богдана Андреевича Боратынского). Однако К. В. Пигарев был склонен отнести описание к усадьбе Мара Тамбовской губернии — родине Баратынского. *А ты, мой старый друг...*— Имеется в виду Джачинто Боргезе, воспитатель поэта; впоследствии Баратынский посвятил его памяти стихотворение «Дядьке-итальянцу». *Богиня пажитей признательней Фортуны!* — То есть богиня плодородия Церера справедливее изменчивой богини судьбы Фортуны. *У брега насажу лесок уединенный...*— Мечта Баратынского исполнилась спустя много лет (см. стихотворение «На посев леса»).

Разуверение.— По свидетельству С. А. Рачинского, обращено к первой любви поэта В. Кучиной. На слова Баратынского написан знаменитый романс М. И. Глинки.

Водопад.— К. В. Пигарев предположил, что речь идет о водопаде Хэгфорс близ Кюмени, места службы Баратынского в Финляндии. Однако норвежский исследователь Гейр Хетсо связал стихотворение с переводом Нейшлотского полка в лагерь Вильманстранд, чем воспользовался друг Баратынского Н. М. Коншин, показав поэту известный водопад Иматру. *Аквилон* — северный ветер (римск. миф.).

Лета.— Перевод стихотворения Мильвуа «La fleuve d'oubli» («Река забвенья»).

Оправдание.— *Из-за угла пафосских пилигримок...*— то есть жриц любви, стекавшихся на остров *Пафос*, где находился храм богини любви Афродиты (греч. миф.); здесь: иронически — соблазнительницы, ветреницы.

Череп.— Возможно, что тема стихотворения почерпнута Баратынским у Байрона (V—VII строфы 2-й песни «Чайльд-Гарольда»). Современники отмечали связь элегии со стихотворением Байрона «Lines inscribed upon formed from a scull» («Надпись на кубке из черепа»). Отмечено также, что трактовка темы стихотворения могла быть навеяна поэмой французского поэта Ама-Амбруаза-Жозефа Фетри (1720—1789) «Les tombeaux» («Могилы»).

К*** («Не бойся едких осуждений...») — По всей вероятности, обращено к А. Мицкевичу, стихотворения которого, напечатанные в русской прессе, получили отрицательную оценку в польской печати.

Стансы.— *Судьбой наложенные цепи...*— Имеется в виду вынужденное пребывание в Финляндии. *Я братьев знал...*— Речь идет о казненном К. Рылееве и сосланных В. Кюхельбекере и А. Бестужеве. *Далече бедствуют иные, И в мире нет уже других.*— Имеются в виду декабристы: Баратынский перефразирует эпиграф, взятый Пушкиным к «Бахчисарайскому фонтану» («Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече. *Сади»). Мою супругу молодую с младенцем тихим на руках.*— Весной 1827 г. Баратынский посетил родное имение Мара вместе с женой и новорожденной дочерью Александрой.

Смерть.— *Прям* — спорам, распрям (дат. падеж мн. ч. от древнерусского слова «пря»).

«Не подражай: своеобразен гений...» — Обращение к Мицкевичу и написано в связи с выходом в 1828 г. поэмы «Конрад Валленрод», отмеченной сильным воздействием Байрона. *Доратов.*— Имеется в виду французский поэт Жан Дорат (1508—1588), современник Шекспира. *С Израилем певцу один закон: Да не творит себе кумира он!* — Имеется в виду библейская заповедь: «Не делай себе кумира...» (Исход, 20, 4).

Подражателям.— Направлено против эпигонов романтизма, слепо следовавших Жуковскому, Пушкину и самому Баратынскому.

К. А. Свербеевой.— Екатерина Александровна *Свербеева* (1808—1892) — жена близкого друга Баратынского, литератора Д. Н. Свербеева.

«В дни безграничных увлечений...» — *Алкал безумец молодой...*— автореминисценция из поэмы «Наложница» («Цыганка»).

На смерть Гете.— Образ Гете получил у Баратынского шеллингианскую трактовку, широко распространенную в конце 20-х — начале 30-х гг. *Зане* — потому что, ибо.

Запустение.— Навеяно воспоминаниями о посещении осенью 1833 г. родового имения Мара. *Заглохший Элизей...*— Здесь: когда-то богатое, а теперь пришедшее в упадок родовое гнездо. *Тот не был мыслию, тот не был сердцем хладен...*— Речь идет об отце поэта, генерал-лейтенанте Абраме Андреевиче Боратынском (1770—1810); тамбовское имение Мара было пожаловано ему Павлом I в 1796 г. *Прияла прах его далекая могила...*— Отец поэта умер в Москве и похоронен в Спасо-Андрониковом монастыре.

«Вот верный список впечатлений...» — Предназначалось в качестве стихотворного предисловия к изданию стихотворений 1835 г., но напечатано не было.

Последний поэт.— *Вновь Эллада ожила...*— В 1830 г. Греция освободилась от турецкого ига. *Понт* — море. *Урания* — муза астрономии (греч. миф.); здесь: символ науки, противопоставленной искусству, поэзии. *Эол* — повелитель ветров (греч. миф.); иносказательно: ветер. *Оно шумит перед скалой Левкада...* и след.— Согласно преданию, древнегреческая поэтесса Сафо (Сапфо, первая половина VI в. до н. э.) бросилась в море с Левкадской скалы из-за неразделенной любви к юноше Фаону.

Осень.— В последних строфах стихотворения содержится отклик на смерть Пушкина. Как раз в это время Баратынский, по его собственному признанию, получил известие о кончине поэта. Образ «звезды небес», возникающий в пятнадцатой строфе, служил в романтической поэзии символом гибели поэта. *Брашно* — кушание.

«Благословен святое возвестивший!..» — *Плод яблони со древа упадает...*— Здесь подразумеваются две легенды. Одна из области научного познания — по преданию, благодаря упавшему яблоку Ньютон открыл закон всемирного тяготения. Другая библейского происхождения: Ева вкусила яблоко от «древа познания», и ей открылось зло. За это она вместе с Адамом была изгнана из рая. Баратынский, совмещая обе легенды, развивает мысль о несоответствии между успехами просвещения и нравственным развитием общества.

Приметы.— Стихотворение является откликом на спор гегельянцев с шеллингианцами о примате логического или чувственного начал в познании и в искусстве. Баратынский склонен к шеллингианской трактовке.

«На что вы, дни! Юдольный мир явленья...» — *Юдольный мир* — земной мир, земная жизнь.

Рифма.— Стихотворение перекликается с посланием Батюшкова «К творцу «Истории государства Российского», первый стих которого текстуально повторен Баратынским. *Народа, жадного восторгов мусикийских...*— *Мусикийские* (греч.) — музыкальные. *Подобно голубю ковчега...*— Имеется в виду библейское предание о голубе, которого Ной во время всемирного потопа выпустил из ковчега. «Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли» (Бытие, 8, 11).

Ахилл.— По преданию, мать Ахилла Фетида окунула его младенцем в воды Стикса, что сделало все тело неуязвимым, кроме пятки, за которую его держала мать (греч. миф.).

Скульптор.— *Художник нимфу в нем прозрел...*— Имеется в виду миф о прекрасной морской нимфе Галатее, согласно которому скульптор Пигмалион, создавший статую Галатеи, влюбился в изваяние и умолил богов оживить статую; ожившая девушка стала возлюбленной Пигмалиона (греч. миф.).

На посев леса.— В стихотворении отражены конкретные факты биографии. *Но подо мной, сокрытый ров изрыв...*— Образность стиха восходит к библейскому мотиву; намек на преследование поэта со стороны славянофильского кружка «Москвитянина». *Свои рога венчал он падшей славой!* — П. А. Плетнев объяснял эту строку: «...«Свои рога» есть живописное изображение глупца в виде рогатой скотины». (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 2, СПб, 1896, с. 728.) *Хрящ другой...*— Здесь: почва, основа, поприще.

«Небо Италии, небо Торквата...» — *Торквато* — Торквато Тассо (1544—1595).

Пироскаф.— Написано во время переезда из Франции в Италию. *Пироскаф* — пароход. *С детства влекла меня сердца тревога в область свободную влажного бога...*— Это признание подтверждается юношеским письмом Баратынского к матери. *Влажный бог* — Посейдон (Нептун). *Фетида* — морское божество. Возможно, Баратынский смешал Фетиду с Тафией, сестрой и супругой Океана, ставшей в поэзии олицетворением моря (греч. миф.). *Емлет* — вынимает. *Завтра увижу я башни Ливурны...*— Имеются в виду башни итальянского города Ливорно, расположенного на берегу Лигурийского моря; *Ливурна* — античное название Ливорно.

А. А. ДЕЛЬВИГ

Стр. 267

Антон Антонович Дельвиг (1798—1831) родился в Москве. Происходил из обрусевших немецких баронов Эстляндской губернии. В 1811 г. поступил в Царскосельский лицей, который окончил в 1817 г. В Лицее сблизился с Кюхельбекером и Пушкиным. В 1818 г. был избран в «Петербургское общество любителей словесности, наук и искусств». Однако постепенно отошел от участия в обществе и примкнул к оппозиционно настроенной молодежи, подружился с Рылеевым, А. Бестужевым, Баратынским. В марте 1819 г. Дельвиг стал членом «Зеленой лампы». С 1825 г. Дельвиг издавал альманах «Северные цветы» и «Подснежник», а в 1830 г. основал собственный печатный орган — «Литературную газету», которая в 1831 г. была закрыта. Вскоре Дельвиг заболел и в том же 1831 г. скончался.

Как поэт Дельвиг сформировался в условиях подъема дворянской революционности. Он приобрел известность элегиями и идиллиями в антологическом роде, а также романсами и русскими песнями. Его элегии и идиллии — своеобразная форма прославления земных радостей. В античности поэт видел гармонию человеческих отношений, цельного человека, чего не мог найти в современной жизни. Дельвиг разнообразил стих, смело вводил для выражения античного мира вместо русского гекзаметра амфибрахий, чередовал размеры.

Стихотворения А. А. Дельвига печатаются по тексту издания: А. А. Дельвиг. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1959.

Диону.— *Хрон* (Хронос) — олицетворение времени (греч. миф.); возможно, Дельвиг смешал с Кроном (Кроносом) — титаном, изображавшимся старцем (отсюда эпитет «престарелый»). *Приганы* — председатели народных собраний в Древних Афинах, правители Коринфской республики. *Слепая богиня* — Фортуна. *Ир* — бедняк в «Одиссее» Гомера, имя стало нарицательным. *Крез* (VI в. до н. э.) — царь Лидии, обладавший несметными богатствами; нарицательное имя богача. *Харон* — сын Эреба и Ночи — перевозчик душ умерших через реки подземного царства (греч. миф.).

Пушкину.— *Авзония* — Италия. *Арей* — бог войны (греч. миф.).

Надпись на статую Флорентинского Меркурия.— *Меркурий* — бог торговли (римск. миф.).

Элегия («Когда, душа, просилась ты...») — Стихотворение положено на музыку лицейским товарищем Дельвига М. Л. Яковлевым и композитором Даргомыжским.

Романс («Не говори: любовь пройдет...») — Музыка на слова Дельвига написана Алябьевым и Глинкой.

Романс («Прекрасный день, счастливый день...») — Романсы на эти слова написаны Даргомыжским и другими композиторами.

Русская песня («Соловей мой, соловей...») — Высказывалось предположение, что обращена к А. С. Пушкину. Положена на музыку Алябьевым. Известны также вариации Глинки на музыку Алябьева.

Русская песня. («Как за реченькой слободушка стоит...») — *А напра-*

во — к закавказским молодцам.— Имеются в виду русские солдаты, воевавшие с Персией (1826—1828) и Турцией (1828—1829).

«Не осенний частый дождичек...» — На слова Дельвига Глинка написал романс Антониды (опера «Иван Сусанин»).

Н. М. ЯЗЫКОВ

Стр. 277

Николай Михайлович Языков (1803—1846) родился в Симбирской губернии, в богатой помещичьей семье. В 1814 г. поступил в Петербургский горный кадетский корпус. Курса не кончил и перешел в 1813 г. в Институт корпуса инженеров путей сообщения. Вскоре оставил институт, но в 1822 г. для продолжения образования уехал в Дерпт (ныне г. Тарту) и стал учиться на философском факультете университета. Из Дерпта Языков уехал в 1829 г., так и не получив диплома. В 1833 г., тяжело больной, уехал за границу, где провел пять лет, посетив Германию, Италию. В 1843 г. примкнул к лагерю славянофилов. Скончался Языков в Москве.

Литературное творчество Языкова началось веселыми, озорными, вольнолюбивыми песнями. Языков создал колоритный образ пирующего студента, чуждого всякой казенщины, не добивающегося традиционных житейских благ. Герой Языкова предстал раскрепощенным человеком, любящим свободу, упивающимся ею. Языков расширил жанровые границы, обогатил поэтический словарь, придал стиху необыкновенную звучность, смело разнообразил строфику и рифмовку. Однако вольнолюбие Языкова не было устойчивым и прочным. После разгрома восстания декабристов, в особенности после революции 1830 г. во Франции, Языков явно склоняется вправо. В стихотворениях начинают звучать славянофильские и религиозные мотивы.

Стихотворения Языкова печатаются по изданию: Н. М. Языков. Полн. собр. стихотворений. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1964.

⟨Из цикла⟩ «Песни». 6. («Мы любим шумные пиры...») — *Наш Август смотрит сентябрем...*— Имеется в виду Александр I, по-видимому озабоченный политическим положением в России и Европе в начале 20-х гг. *Август* (63 г. до н. э.) — римский император.

Родина.— *И меченосцев и тебя!* — *Меченосцы* — немецкий духовно-рыцарский орден, созданный в Ливонии в 1202 г. и силой оружия распространявший христианство.

«Не вы ль убранство наших дней...» — Написано после казни К. Ф. Рылеева (13 июля 1826 г.).

К П. А. Осиповой.— *Осипова* Прасковья Александровна (1781—1859)—владелица имения Тригорское, соседка Пушкина (по Михайловскому), мать А. Н. Вульфа, товарища Языкова, через которого он познакомился с Пушкиным; лето 1826 г. Языков провел в Тригорском.

Няне А. С. Пушкина.— Обращено к Арине Родионовне Матвеевой (1758—1828). *...сей град профессоров и скуки...*— Дерпт. *Арeсвых наук питомец молодой...*— А. Н. Вульф, изучавший военные науки.

Пловец.— Одна из любимых песен демократической студенческой молодежи.

Д. В. Давыдову («Давным-давно люблю я страстно...»).— С Д. В. Давыдовым Языков сблизился в 1831—1832 гг. Стихотворение было послано Давыдову вместе с первым сборником стихотворений Языкова (1833).

Д. В. Давыдову («Жизни баловень счастливый...»).— *Два венка ты заслужил...*— Имеется в виду поэтическая и военная слава Д. Давыдова. *Знать Суворов справедливо Грудь тебе перекрестил...*— Суворов предсказал Давыдову военную славу и благословил его. *Фениксов костер.*— Согласно легенде, птица Феникс возрождалась из пепла костра, на котором ее сжигали (егип. миф.). *Удальцов твоих налетом...*— Имеются в виду партизаны Отечественной войны 1812 года; Давыдов был одним из организаторов и руководителей партизанского движения.

Элегия.— *Швальбах* — курорт в Германии.

И. И. КОЗЛОВ

Стр. 291

Иван Иванович Козлов (1779—1840) — поэт и переводчик. Происходил из старинного и знатного дворянского рода. Первоначальное образование получил дома. С 1795 г. находился на военной службе, а в 1798-м вышел в отставку. В 1812 г. принимал деятельное участие в организации обороны Москвы. Через несколько лет был поражен тяжелым недугом — сначала его разбил паралич, лишив возможности передвигаться, а затем наступила полная слепота. Известный щеголь, танцор, живой собеседник, поклонник музыки и поэзии превратился в калеку, вынужденного к тому же содержать семью. Отчаяние Козлова было беспредельным. Умер в Петербурге.

Первое оригинальное произведение Козлова появилось в печати в 1821 г. В 1825-м отдельным изданием вышла поэма «Чернец», которая принесла Козлову широкую известность. В лирике Козлов широко использует автобиографические мотивы, утверждая двойственную природу несчастья, которое романтически осознается им и как роковой удар судьбы, и как очистительная сила. Следуя за Жуковским, Козлов развивает романсные песенные формы стиха, большое внимание уделяя поэтической интонации, музыкальности, звукоподражанию. Козлов был выдающимся переводчиком. В переводах он часто отходил от подлинника в формальных моментах, но всегда стремился сохранить дух оригинала. Гуманистический характер лирики Козлова проявился в его горячем сочувствии национально-освободительному движению в Греции, Ирландии и в прославлении отваги и мужества.

Стихотворения И. И. Козлова печатаются по тексту издания: И. И. Козлов.

Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1960.

Венецианская ночь.— Обращено к литератору П. А. Плетневу (1792—1865), близкому другу Козлова. *Брента* — река в Италии, впадающая в Венецианский залив Адриатического моря. *И вдали напев Торквата Гармонических октав...*— Венецианские гондольеры пели мелодии на стихи поэмы Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим», написанной строфами, состоящими из восьми стихов (октавами). *О! свободы и любви Где же, где певец чудесный?* — Имеется в виду Байрон. Глинка положил на музыку три первые строфы.

На погребение английского генерала сира Джона Мура.— Перевод стихотворения ирландского поэта Чарльза Вольфа (1791—1828) «The Burial of Sir John Moore» («Погребение сэра Джона Мура»). *Джон Мур* (1761—1809) — генерал, командовавший английскими войсками в Португалии во время войны с Наполеоном. *И с валу ударил перун вестовой...*— пушечный выстрел.

Плач Ярославны.— Обращено к З. А. Волконской (1792—1862), поэтессе, композитору и певице, находившейся в тесных дружеских отношениях с Козловым.

Вечерний звон.— Перевод одноименного стихотворения Томаса Мура. Посвящено Т. С. Вейдемейер, близкой к семье Козловых. Положено на музыку Гречаниновым и Монюшко.

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

Стр. 298

Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805—1827) — поэт и философ. Родился в старинной дворянской семье. В 1822 г. он поступил вольнослушателем в Московский университет и через два года сдал выпускной экзамен. После окончания университета Веневитинов служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Сочувствуя декабристам, Веневитинов тяжело пережил разгром их движения. Хотя он не входил в тайные общества, но, по словам А. И. Герцена, «был полон мечтаний и идей 1825 года». Осенью 1826 г. был арестован, но вскоре отпущен. Незадолго до кончины в «Северных цветах» и «Московском вестнике» были опубликованы стихотворения Веневитинова. Умер Веневитинов в Петербурге.

В стихотворениях Веневитинова, написанных до декабря 1825 г., преобладают свободолюбивые мотивы. После декабрьской катастрофы в лирику Веневитинова проникают скорбные ноты. Он философски осмысливает личную судьбу поэта, жаждущего общественной активности, но обреченного на бездействие. Поэт сочетает общественный пафос с энергией философского размышления и психологическим анализом. Этим он подготовил возникновение лирики Лермонтова с ее напряженными трагическими раздумьями и рядом с Баратынским и Тютчевым явился одним из зачинателей русской философской лирики.

Стихотворения Д. В. Веневитинова печатаются по тексту издания: Д. В. Веневитинов. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1960.

Жизнь («Сначала жизнь пленяет нас...»).— *Он веселит воображенье, Как о волшебном приключенье Ночная повесть старика.*—Навеяно, как установил Ю. В. Манн, впечатлениями от чтения повести «Что пена в стакане, то сны в голове» немецкого романтика Гофмана, начало которой было переведено Веневитиновым. *Как пересказанная сказка Усталому пред часом сна.*— Парафраза слов Людовика из III акта трагедии Шекспира «Король Иоанн» (см.: Шекспир и русская культура. М.—Л., «Наука», 1965, с.216).

Три розы.— *Эдем* — рай (библ.). *Кашемир* — долина в Индии; образ розы, расцветшей под небом Кашемира, связан, как предполагают, с воспоминаниями о З. А. Волконской, которая написала и в 1819 г. издала новеллу «L'enfant de Kachemyr» («Дитя Кашемира»).

К моему перстню.— Перстень был подарен Веневитинову З. А. Волконской перед отъездом поэта из Москвы в Петербург в октябре 1826 г. *Ты был отрыт в могиле пыльной...*— По преданию, перстень был найден во время раскопок Геркуланума в одной из гробниц. *И снова пыли ты могильной Завещан будешь...*— Веневитинов говорил, что наденет перстень либо на свадьбу, либо перед смертью. *Века промчатся, и быть может... И в нем тебя отрост вновь...*— Предвидение поэта сбылось: перед кончиной Веневитинова А. Хомяков надел перстень на палец умирающего, но спустя век, в 1930 г., когда могила Веневитинова была вскрыта, перстень сняли с пальца и передали в музей.

Элегия.— Обращено к З. А. Волконской, в которую Веневитинов был страстно влюблен.

Поэт и друг.— *Как знал он жизнь! как мало жил!* — Этот стих вырезан на могильной плите поэта.

С. П. ШЕВЫРЕВ

Стр. 305

Степан Петрович Шевырев (1806—1864) — поэт, критик, историк литературы. Родился в семье губернского предводителя дворянства. В 1822 г. окончил Благородный пансион при Московском университете, а с 1823 г. стал служить в Московском архиве Коллегии иностранных дел. В 1827—1830 гг. принял живейшее участие в создании журнала «Московский вестник». В 1832-м занял должность адъюнкта Московского университета по кафедре изящной словесности. В 1835—1837 гг. Шевырев — ведущий критик журнала «Московский наблюдатель», а в 1841-м вместе с М. П. Погодиным стал во главе журнала «Москвитянин». В первой же статье сформулировал основные идеи славянофильства. Несколько позднее перешел на позиции официальной народности. Умер Шевырев в Париже.

Расцвет поэтической деятельности Шевырева относится к 1825—1831 гг. Шевырев стремился создать философскую лирику, поэзию мысли. Главная тема лирики — бессмертие творческой мысли.

Стихотворения С. П. Шевырева печатаются по изданию: С. П. Шевырев. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1939.

Петроград.— *Шпиц* — шпиль Петропавловского собора в Петербурге.

Шлет на град потоп и горе.— Имеется в виду наводнение в Петербурге в 1824 г.

На коне взлетел строитель...— Имеется в виду памятник Петру I работы Э. М. Фальконе (1792 г.).

А. С. ХОМЯКОВ

Стр. 308

Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) — публицист, философ, поэт. Родился в Москве, в старинной богатой дворянской семье. В 1821 г. в Московском университете выдержал экзамен на степень кандидата математических наук. В 1821—1825 гг. был на военной службе и принял участие в войне с турками (1828—1829), после окончания которой занялся хозяйством в своих имениях. Поэтическая активность падает с конца 30-х гг. В 1856 г. принял непосредственное и живое участие в создании журнала «Русская беседа». Умер Хомяков от холеры в Рязанской губернии.

Хомяков был одним из главных идеологов славянофильства, защищал самодержавие, но одновременно стоял за созыв всесословного Земского Собора. Он протестовал против произвола николаевской администрации, требовал отмены смертной казни и выступал за упразднение крепостного права с непременным наделом крестьян землей, но за выкуп.

Раннее творчество Хомякова по своим мотивам близко поэзии Веневитинова и Шевырева. Главная тема лирики — внутреннее единство человека и природы, вдохновенным посредником между которыми выступает поэт. Творчество Хомякова славянофильского периода интересно своей публицистической злободневностью, выражаемой иногда энергичным, резким, напористым стихом, обличительной интонацией.

Стихотворения А. С. Хомякова печатаются по тексту издания: А. С. Хомяков. Стихотворения и драмы. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1969.

Ф. А. ТУМАНСКИЙ

Стр. 310

Федор Антонович Туманский (1799—1853) родился на Украине, в дворянской семье. В 1821 г. окончил Благородный пансион при Московском университете. Служил чиновником в разных ведомствах. С 1841 г. — секретарь консульства в Молдавии, а с 1851 г.— генеральный консул в Сербии. Скончался в Белграде.

Творчество Туманского невелико по объему. Оно не выходит из круга тем элегического романтизма. Стихотворения его изящны и музыкальны. В отдельных стихотворениях звучат вольнолюбивые ноты.

Стихотворение Ф. А. Туманского «Птичка» печатается по тексту издания: «Поэты 1820—1830-х годов, т. I. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972.

Птичка.— Стихотворение принесло поэту широкую известность и стало хрестоматийным. Положено на музыку Кюи и другими композиторами.

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

Стр. 311

Александр Иванович Полежаев (1804—1838) родился в селе Рузаевка, Инсарского уезда, Пензенской губернии. Он был внебрачным сыном богатого помещика Струйского и его крепостной Аграфены Федоровой, которая после рождения сына была выдана за саранского мещанина Ивана Полежаева. В 1826 г. Полежаев окончил Московский университет, а годом раньше им была написана поэма «Сашка», ходившая в списках. Через месяц после окончания университета за эту поэму Полежаев был отдан в солдаты Бутырского пехотного полка. В 1827 г. Полежаева привлекли к дознанию по делу тайного общества братьев Критских, но отпустили. В 1828 г. его определили в Московский пехотный полк, а в 1829-м отправили на Кавказ. На Кавказе он принимал участие в многочисленных походах и сражениях. В 1833 г. Полежаев вместе с полком возвратился в Москву. Вскоре у Полежаева открылся легочный процесс, и он был положен в госпиталь. Незадолго до смерти его произвели наконец в прапорщики.

Лирика Полежаева выражала революционный протест в годы реакции после подавления восстания декабристов. Его герой — «друг свободы» — одновременно выступает «отщепенцем», «пленником», «живым мертвецом». Этот романтический образ воплощается сначала в абстрактной форме, но затем — в кавказских стихотворениях — принимает облик сосланного солдата, который делит с простыми людьми тяготы и заботы походной жизни. В лирику этого времени легко включаются народный юмор, солдатское просторечие, бытовая интонация. Полежаев проявляет интерес к жанру песни, намеренно ориентированной на фольклорные традиции.

Стихотворения А. И. Полежаева печатаются по изданию: А. Полежаев. Соч. М., ГИХЛ, 1955.

Песнь пленного ирокезца.— *Ирокезцы* (ирокезы) — племена североамериканских индейцев. Во время войны за независимость Северной Америки от Англии отдельные племена ирокезов выступали на стороне англичан. Американцы в ответ изгнали ирокезов.

⟨Из цикла⟩ «Русские песни». 1. «Разлюби меня, покинь меня...» — Известны музыкальные переложения Варламова и других композиторов.

Осужденный.— Эпиграф взят из поэмы А. С. Пушкина «Братья разбойники».

С. Н. СТРОМИЛОВ

Стр. 319

Семен Николаевич Стромилов — поэт 30—40-х гг. XIX в. Сведений о жизни почти не сохранилось. Известно только, что он происходил будто бы из тверских дворян. Стихотворения Стромилова печатались в журналах 30—40-х гг.

Песня печатается по изданию: Песни и романсы русских поэтов. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965.

«То не ветер ветку клонит...» — Одна из популярных песен, музыку к которой сочинил Варламов.

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ

Стр. 320

Андрей Иванович Подолинский (1806—1886) — поэт. Родился в небогатой дворянской семье, в Киеве. Служил чиновником в департаменте почт. Первое печатное произведение — поэма «Див и Пери» — появилось в 1827 г. С этого времени Подолинский стал регулярно публиковать свои стихотворения в различных журналах. Последующие произведения обнаружили подражательный характер поэзии Подолинского. Поэмы «Борский» (1829), «Нищий» (1830), «Смерть Пери» (1837) успеха не имели. Умер в Киеве.

В лирике Подолинский следовал Жуковскому, принципам его поэзии. Дарование поэта проявилось в умении придать стиху плавность, музыкальность, изящество. Мелодичность лирики Подолинского привлекла многих композиторов. Однако отсутствие оригинального содержания лишило лирику подлинной глубины.

Стихотворение «Печальная душа, не сетуй, не болей...» печатается по тексту издания: Сочинения А. И. Подолинского, ч. 2. СПб., 1860.

Н. В. КУКОЛЬНИК

Стр. 321

Нестор Васильевич Кукольник (1809—1868) — драматург и поэт. Родился в Вильно, в семье профессора педагогического института. Окончил Нежинскую гимназию в 1829 г. Двадцать лет служил в министерстве финансов. Умер в Таганроге.

Кукольник был очень плодовитым писателем: он сочинял романы, трагедии и драмы, писал лирические стихотворения. По своим политическим взглядам Кукольник был откровенным приверженцем самодержавного режима. В его произведениях расцвел ходульный, выспренний романтизм. Риторика, ложная величавость образов, напыщенная декламация стали принципами его поэтики.

Художественное значение сохранили лишь некоторые лирические песни, положенные на музыку Глинкой.

Стихотворения Н. В. Кукольника печатаются по тексту издания: Поэты 1820—1830-х годов, т. 2. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972.

Английский романс.— Положено на музыку Глинкой.

Жаворонок.— Положено на музыку Глинкой, Варламовым и другими композиторами.

К. С. АКСАКОВ

Стр. 323

Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860) — литературный критик, публицист и поэт. Старший сын Сергея Тимофеевича Аксакова, известного русского писателя, родился в родовом имении отца. В 1835 г. окончил словесное отделение Московского университета и всецело отдался историческим, философским и литературным занятиям. Тогда же начал сотрудничать в журналах «Телескоп», «Молва», «Московский наблюдатель». В конце 30-х гг. увлекся славянофильскими идеями. В 1846-м защитил диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». В 1853 г. был отдан под надзор полиции за статью «О богатырях Владимира», не раз подвергался цензурным гонениям за резкую критику бюрократического режима. Аксаков активно сотрудничал в славянофильских изданиях, а с 1857 г. редактировал газету «Молва». После смерти отца тяжело заболел и был отправлен для лечения на остров Зант, где и умер. Похоронен в Москве.

Поэтическое наследие Аксакова невелико по объему. В нем отчетливо выделяются два периода — дославянофильский и славянофильский. В первый период в лирике Аксакова звучат бодрые мотивы: поэт радостно воспринимает гармонию мира и философски осмысливает ее. Постепенно, однако, он все больше проникается чувством одиночества и сознает бренность земного существования. Лирика 40—50-х гг. целиком публицистична и одностороння по тематике. Основная ее задача — пропаганда славянофильских идей.

Стихотворения К. С. Аксакова печатаются по изданию: Поэты кружка Н. В. Станкевича. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1964.

«Мой Марихен так уж мал, так уж мал...» — Обращено, вероятно, к Марии Григорьевне Карташевской, двоюродной сестре поэта. К. С. Аксаков ее горячо любил, но отец его возлюбленной запретил молодым людям видеться. На слова этого стихотворения написана Чайковским «Детская песенка. Мой Лизочек».

А. В. КОЛЬЦОВ

Стр. 325

Алексей Васильевич Кольцов (1809—1842) родился в Воронеже, в семье мещанина-прасола. Девятилетним мальчиком был отдан в местное уездное училище, но не кончил его, так как вынужден был помогать отцу в торговле скотом. В 1830 г. Кольцов встретился с Н. В. Станкевичем, который заинтересовался стихами юноши. В 1832 г. в Москве Станкевич познакомил его с Белинским, ставшим впоследствии другом поэта. В1835 г. Кольцов выпустил сборник стихотворений; в 1836 г. приезжал в Петербург и был тепло встречен Жуковским, Крыловым, Вяземским, В. Одоевским и другими. Тогда же он познакомился с Пушкиным. В расцвете яркого дарования поэт безвременно скончался в родном городе.

Литературный путь Кольцова начался с подражания сентиментально-романтической поэзии. Но примерно с начала 30-х гг. он обретает собственный голос. В поэзии Кольцова впервые представлена точка зрения трудового народа: крестьянина, пахаря. Поэт нашел в нем подлинно богатырские черты, удаль, безудержное веселье, глубину и искренность чувств, широту натуры. Кольцов ясно показал, что крестьянин-труженик наделен высокими духовными качествами, но что повседневная жизнь, будничные заботы, нужда и горе связали его по рукам и ногам. Лучшим стихотворениям Кольцова свойственны подлинная народность и реалистический взгляд на крестьянскую жизнь. Кольцов воспроизвел народный быт и внутренний мир простого человека в формах самой народной поэзии. В этом сущность и новаторство его лирики, оказавшей большое влияние на дальнейшее развитие русской поэзии.

Сочинения А. В. Кольцова печатаются по тексту издания: А. В. Кольцов. Полное собрание стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1958.

Не шуми ты, рожь.— Написано на смерть крепостной девушки, увезенной из дома Кольцовых в донскую станицу.

Лес.— Написано в связи с гибелью Пушкина.

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

Стр. 339

Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807—1873) родился в Петербурге, в чиновничьей семье. По окончании в 1827 г. Второго Петербургского кадетского корпуса был зачислен в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1832 г. вышел в отставку и стал служить помощником столоначальника в канцелярии министра финансов. В 1860 г. в чине действительного статского советника и должности директора и члена правления Государственного заемного банка он оставил службу. Умер в Петербурге.

В творчестве Бенедиктова отчетливо выделяют два периода — 30-е и 50-е гг. В 30-е гг. Бенедиктов выступил как поэт-романтик, остро почувствовавший кризис романтической поэзии, исчерпанность ее поэтических средств. Однако у него не было органических связей с русской действительностью. Поэтому высокие романтические темы были выражены им в напыщенных поэтических образах, далеких от подлинного лиризма. Лишь в немногих стихотворениях Бенедиктов отказывается от напряженной патетики и обращается к простым человеческим переживаниям, связанным с излюбленными им темами природы и любви. В 50-е гг. Бенедиктов расширил тематический диапазон своей лирики. В его стихотворениях зазвучали гражданские мотивы. Но обличительство Бенедиктова не шло дальше поверхностного либерализма.

Стихотворения В. Г Бенедиктова печатаются по изданию: В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1983.

Итуда.— В стихотворении говорится об одном из эпизодов Крымской войны: флот англичан и французов высадил десант у Петропавловска-на-Камчатке.

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Стр. 341

Федор Иванович Тютчев (1803—1873) родился в селе Овстуг, Брянского уезда, Орловской губернии, в старинной дворянской семье. Первоначальное образование получил дома под руководством поэта-переводчика С. Е. Раича. С 1819 по 1821 г. учился на словесном отделении Московского университета и закончил его со степенью кандидата. В 1822—1839 гг. находился на дипломатической службе при русской миссии в Мюнхене, а затем в Турине. В 1844 г. вернулся в Россию и поселился в Петербурге. В 1858 г. он был назначен председателем Комитета иностранной цензуры и занимал этот пост до самой смерти. В 1873 г. поэт тяжело заболел и летом того же года скончался в Царском Селе. Похоронен Тютчев в Петербурге.

По своим политическим взглядам Тютчев был близок к славянофильству. Излюбленной его идеей стало утверждение панславизма. Тютчев считал, что Россия должна стать во главе всех славянских стран, объединенных под эгидой патриархально-христианской империи. Монархист по убеждениям, Тютчев не принимал официальную Россию, называя ее страной «канцелярии и казармы».

Как оригинальный поэт-философ Тютчев сложился в 20—30-е гг.

Тютчеву было свойственно живое и острое чувство истории. Современная ему эпоха была философски-поэтически осмыслена им как переломная, чреватая трагическими социальными катаклизмами. Трагическое чувство неотвратимости катастрофы Тютчев выразил в конкретных образах природы. Неизбежность социальных потрясений, «роковых минут» истории была воплощена Тютчевым в контрастных образах дня и ночи, в «бурях» и «грозах», несущих обновление и гибель. Противоречивой двойственностью отмечена не только природа, но и мир человеческой души. Высокая обобщенность тютчевских стихотворений вмещается в малую лирическую форму. Тютчев пишет о вечности, но вечность у него заключена в минуте, в мгновении. Трагичность переломной эпохи выступает в лирике Тютчева торжественной и возвышенной. Отсюда тяготение к высокой лексике и ораторской интонации. В поздней лирике усиливается внимание к конкретным деталям пейзажа. В любовной лирике поэт создает глубоко индивидуализированный образ женщины, психологически конкретно выражая сложные и противоречивые переживания человека. Лирика Тютчева отличается богатством метрики и ритмическим разнообразием.

Стихотворения Ф. И. Тютчева печатаются по изданию: Ф. И. Тютчев. Сочинения, т. I, М., «Правда», 1980.

Весенняя гроза.— *Геба* — богиня вечной юности, угощала богов нектаром и амброзией, изображалась подносящей орлу Зевса чашу с нектаром (греч. миф.); у Тютчева вместо нектара кубок наполнен громами.

Полдень.— *Пан* — бог долин, лесов и рощ, покровитель стад и пастухов. В полдень Пан уединялся и не любил, чтобы нарушали его покой. В час отдыха Пана засыпала вся природа, и этот час считался у греков священным (греч. миф.).

Безумие.— Тютчев имеет в виду так называемых «водоискателей» («sourciers») — людей, умевших находить в безводных местах подземные ключевые воды.

Цицерон.— Существует предположение, что стихотворение написано в связи с Июльской революцией 1830 года во Франции. *Цицерон* Марк Тулий (106—43 гг. до н. э.) — римский оратор, писатель и политический деятель. *«Я поздно встал — и на дороге Застигнут ночью Рима был!»* — Перефразировка слов Цицерона из сочинения «Брут, или Диалог о знаменитых ораторах» (96, 330): «Мне горько, что на дорогу жизни вышел я слишком поздно и что ночь республики наступила прежде, чем успел я завершить свой путь». *С Капитолийской высоты...* — то есть с одного из семи холмов (Капитолийского холма), на которых расположен Рим. Находится в самом центре города; в древности — неприступная крепость, где помещалось величайшее святилище римлян — храм Юпитера Капитолийского (Капитолий).

«Нет, моего к тебе пристрастья...» — *Синель* (устар.) — сирень.

«Я помню время золотое...» — Обращено к баронессе Амалии Максимилиановне Крюденер, урожденной графине фон Лерхенфельд (1808—1888), с которой Тютчев познакомился в 1820 г. в Баварии.

29-ое января 1837.— Вызвано трагической гибелью А. С. Пушкина. Написано, очевидно, не 29 января 1837 г., когда Тютчев находился в Мюнхене, а через несколько месяцев, в Петербурге.

Весна.— *Благоухающие слезы Не о былом Аврора льет...— Аврора* — богиня утренней зари (римск. миф.); ее благоухающие слезы — роса.

День и ночь.— Согласно библейской легенде, бог, сотворив мир, покрытый мглой, сказал: «Да будет свет огневой, все обнаруживающий». У Тютчева этот образ переосмыслен: день с его светом — покров над хаосом и безднами ночи.

Колумб.— Стихотворение представляет собой вариацию на тему заключительных строк стихотворения Шиллера «Колумб».

«Смотри, как на речном просторе...» — *Мета* (устар.) — цель.

Предопределение.— Навеяно любовью к Е. А. Денисьевой (1826—1864).

«О, не тревожь меня укорой справедливой!..» — Посвящено Е. А. Денисьевой.

«Чему молилась ты с любовью...» — Посвящено Е. А. Денисьевой.

«В разлуке есть высокое значенье...» — Обращено ко второй жене поэта, Эрнестине Федоровне Тютчевой (1810—1894), в письме к ней от 6 августа 1851 г.

«Сияет солнце, воды блещут...» — Связано с любовью поэта к Е. А. Денисьевой.

«Эти бедные селенья...» — И. С. Аксаков обратил внимание на связь стихотворения с Крымской войной (1853—1856).

«Над этой темною толпой...» — Непосредственным поводом создания стихотворения послужил церковный праздник успенья (в изд. 1868 г. стихотворение озаглавлено «Народный праздник»), на котором Тютчев присутствовал летом 1857 г. в Овстуге. Стихотворение отражает раздумья Тютчева над предстоящей крестьянской реформой.

«Она сидела на полу...» — Предполагается, что в стихотворении имеется в виду вторая жена поэта, Эрнестина Федоровна Тютчева, уничтожившая часть своей семейной переписки.

«Весь день она лежала в забытьи...» — Посвящено воспоминаниям о последних часах жизни Е. А. Денисьевой.

«О, этот Юг, о, эта Ницца!..» — Написано по поводу смерти Е. А. Денисьевой и отражает подавленное состояние Тютчева.

«Есть и в моем страдальческом застое...» — Навеяно воспоминаниями об Е. А. Денисьевой.

«Певучесть есть в морских волнах...» — Эпиграф взят из римского поэта Авсония (309—394). *Мыслящий тростник* — образ, восходящий к известному афоризму Паскаля из его «Мыслей»: «Человек не более как самая слабая тростинка в природе, но эта тростинка мыслящая».

«Когда дряхлеющие силы...» — Непосредственным поводом к написанию стихотворения послужили сатирические стихи П. А. Вяземского «Воспоминания из Буало» и «Хлестаков», в которых высмеивался редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей» М. Н. Катков. В стихотворении зорко подмечено старческое брюзжание Вяземского, неодобрительно настроенного к молодым поколениям.

К. Б. («Я встретил вас — и всё былое...») — По свидетельству Я. П. Полонского, обращено к Амалии Максимилиановне Крюденер; инициалы в заглавии — сокращение переставленных слов «Баронессе Крюденер». *Я вспомнил время золотое...* — Намек на стихотворение «Я помню время золотое...», также посвященное А. М. Крюденер.

«От жизни той, что бушевала здесь...» — Стихотворение навеяно мыслями Тютчева от посещения села Вщиж, Брянского уезда, Орловской губернии, вокруг которого сохранились древние курганы. *От жизни той, что бушевала здесь, От крови той, что здесь рекой лилась...* — Тютчев имеет в виду кровавые предания, связанные с историей Вщижского княжества в период удельных междоусобиц.

К. К. ПАВЛОВА

Стр. 378

Каролина Карловна Павлова (1807—1893) родилась в Ярославле, в семье профессора Медико-хирургической академии К. И. Яниша, немца по происхождению. Она получила прекрасное домашнее образование, с детства владела несколькими иностранными языками и с успехом занималась впоследствии переводческой деятельностью. Юная Каролина Яниш была частой посетительницей литературных салонов. Большим событием в жизни Каролины Яниш была встреча с Адамом Мицкевичем, которого она страстно полюбила. Их брак не состоялся из-за препятствий со стороны родных Яниш. В 1837 г. Каролина Яниш получила большое наследство и тогда же вышла замуж за писателя Н. Ф. Павлова. Салон Павловых стал известен всей литературной Москве. В 1853 г., разведясь с мужем, она уехала из Москвы и жила сначала в Дерпте, а затем в Петербурге. В 1858 г. поселилась в Дрездене. О последних годах жизни поэтессы известно немного: доходили слухи о ее чрезвычайно стесненном материальном положении, о полуголодном существовании. Умерла Павлова в небольшом местечке Хлостервиц (близ Дрездена).

Первые произведения Павловой — переводы на немецкий язык современных ей поэтов старшего поколения: Пушкина, Баратынского, Жуковского, Языкова и других. Русские стихотворения появились в начале 30-х гг. Начиная с 40-х и примерно до середины 50-х гг. центральными мотивами стихотворений Павловой становятся раздумья о смысле жизни и о роли поэзии, искусства вообще в судьбе человека. Творчество Павловой в эти годы носит по преимуществу лирический характер, а главными жанрами становятся элегия и дума, темы которых достаточно широки и многообразны. В конце 40-х и в начале 50-х гг. Павлова обращается к большим историческим темам («Разговор в Трианоне», «Разговор в Кремле»).

Стихотворение К. К. Павловой печатается по тексту издания: Каролина Павлова. Полн. собр. стихотворений. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1964.

Э. И. ГУБЕР

Стр. 379

Эдуард Иванович Губер (1814—1847) — поэт и переводчик. Родился в Саратовской губернии, в семье бедного пастора лютеранской церкви, выходца из Германии. Окончил Институт корпуса путей сообщения в 1834 г. в чине прапорщика. До 1839 г. служил военным инженером и получил отставку в чине капитана. В последующие годы находился на штатской службе, но вышел в отставку. Нужда стала постоянным спутником поэта в течение последних пяти лет его жизни. Здоровье Губера было подорвано. Он скончался в Петербурге от тяжелого сердечного приступа.

Губер всецело принадлежит к романтическому направлению. Некоторые его произведения («Новгород», «Прометей») продолжали в новых условиях традиции вольнолюбивой околодекабристской и декабристской поэзии.

Стихотворение Э. И. Губера «Новгород» печатается по тексту издания: Поэты 1840—1850-х годов. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972.

Е. П. РОСТОПЧИНА

Стр. 381

Евдокия Петровна Ростопчина (1811—1858) родилась в Москве, в семье чиновника. В 1833 г. по настоянию родственников вышла замуж за графа Ростопчина. В петербургском доме Ростопчиных устраивались музыкальные и литературные вечера, на которых бывали известные писатели и музыканты. В 1847 г. поэтесса сблизилась со славянофилами. Однако к середине 50-х гг. разочаровалась в славянофильской доктрине и стремилась занять среднюю позицию между славянофилами и западниками, выступая против демократов. Умерла в Москве.

В историю русской поэзии Ростопчина вошла прежде всего своими стихотворениями, посвященными общественной тематике. Но современниками она была первоначально воспринята как представительница женской лирики, развивавшая мотивы любви, нежной, чувствительной, легко ранимой или тревожной, затаенной, погибающей в светском кругу.

Стихотворение Е. П. Ростопчиной печатается по тексту издания: Поэты 1840—1850-х годов. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972.

К страдальцам-изгнанникам.— Стихотворение посвящено ссыльным декабристам. Эпиграф — из поэмы Рылеева «Наливайко». *Быть может, вам не век стонать в горах ужасных...*— Имеются в виду горы Кавказа, где в войсках служили разжалованные в солдаты декабристы. *России, вспрянувшей от рабственного сна...*— Перефразировка пушкинского стиха из послания «К Чаадаеву»: «Россия вспрянет ото сна...»

И. С. ТУРГЕНЕВ

Стр. 383

Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883) родился в Орле, в старинной и довольно богатой дворянской семье. Первоначальное образование и воспитание получил дома под руководством гувернеров-иностранцев, а затем обучался в частном пансионе в Москве. По выходе из пансиона стал готовиться к вступительным экзаменам в Московский университет и поступил в него в 1833 г. На следующий год был переведен отцом в Петербургский университет, который окончил в 1837 г.— со степенью кандидата. С 1838 по 1841 г. продолжал образование в Берлинском университете. Затем вернулся в Россию и решил заняться научной деятельностью. В 1842 г. сдал экзамены на степень магистра философии и определился на службу в канцелярию министра внутренних дел, но вскоре вышел в отставку и целиком отдался литературному творчеству. С середины 50-х гг. жил за границей, но почти ежегодно приезжал в Россию. Умер Тургенев в небольшом местечке Буживаль близ Парижа.

Творческий путь Тургенева, автора многочисленных романов, повестей и драм, пользующихся мировой славой, начался с поэтических произведений, которые подготовили его постепенный переход на реалистические позиции. Наибольшее значение приобретают для творческого роста Тургенева пейзажные стихотворения. Поэт создает лирический пейзаж, в котором картины природы тесно переплетены с настроениями лирического героя. Точные и конкретные зарисовки, тонкое совмещение живописных деталей с эмоциональными ощущениями природы — все это придавало пейзажной лирике реалистический характер. Зоркость живописца, колористичность поэтического рисунка в сочетании с широтой гуманистического взгляда делают пейзажные стихотворения Тургенева новым этапом не только в его творчестве, но и в развитии русской реалистической лирики.

Стихотворения И. С. Тургенева печатаются по изданию: И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми томах. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960—1968.

Баллада.— В качестве песни вошла в народный репертуар и послужила текстом для романса Рубинштейна.

Н. П. ОГАРЕВ

Стр. 385

Николай Платонович Огарев (1813—1877) — поэт и публицист. Родился в семье богатого пензенского помещика. Учился в Московском университете (1829—1833). В середине 20-х гг. сблизился с А. И. Герценом, и это положило начало их долголетней дружбе и совместной деятельности. С 1833 г. за Огаревым был учрежден секретный полицейский надзор, а в 1834 г. он был арестован по делу «О лицах, певших пасквильные куплеты» и после восьми месяцев тюремного заключения выслан в Пензенскую губернию. В 1839 г. ему разрешили жить в Москве. Тогда же

Огарев отпустил на волю своих крепостных. С осени 1846 г. жил в Пензенской губернии, занимаясь организацией фабрик для крестьян. В 1850-м он снова был арестован, а затем находился под полицейским надзором. В 1856 г. эмигрировал в Лондон, там вместе с Герценом руководил Вольной русской типографией, издавал газету «Колокол» и сотрудничал в «Полярной звезде». Огарев был неутомимым пропагандистом революционных идей, участником «Земли и воли». В 1865 г. он переехал в Женеву и направлял отсюда деятельность перенесенной из Лондона Вольной русской типографии. В 1874 г. он снова возвратился в Лондон. После смерти Герцена (1870) жил в нищете и одиночестве. Умер Огарев в небольшом английском городке Гринвиче.

По своим общественно-политическим взглядам Огарев был революционным демократом, решительным противником самодержавного строя и крепостничества, суровым обличителем либерального дворянства. Как поэт сложился в первой половине 40-х гг., хотя начало его творческого пути относится к 30-м гг. XIX в. Огарев ощущал себя наследником декабристской поэзии. В поэзии Огарева отразились переживания лучших людей России, обреченных на страдания и внутренние сомнения вследствие разобщенности с народом. Основным жанром его лирики становится лирический монолог, близкий к элегии, медитации и посланию. Непосредственное участие в революционной борьбе вскоре расширяет диапазон лирики Огарева. Поэт обращается к воспроизведению крестьянского быта, к точным зарисовкам внутреннего мира и окружения крепостных людей. В годы эмиграции усиливается агитационно-пропагандистское начало в поэзии Огарева.

Сочинения Н. П. Огарева печатаются по тексту издания: Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1956.

Старый дом.— В стихотворении говорится о доме И. А. Яковлева, где прошло детство А. И. Герцена в первые годы дружеского общения его с Огаревым. Дом этот находился в Москве, в Б. Власьевском переулке.

Дорога.— Стихотворение положено Огаревым на музыку.

«К подъезду! — Сильно за звонок...» — Посвящено М. Наумовой, дальней родственнице поэта, в которую он был влюблен. Огарев рассказал об этой любви в «Записках русского помещика» и в «Моей исповеди».

Арестант.— Огарев написал это стихотворение под арестом в III отделении; как песня вошло в солдатский народный репертуар.

⟨Е. Ф⟩. Коршу.— *Корш Е. Ф.* (1810—1897) — журналист, либерал-западник. В 1840-х гг. был близок к Герцену, Огареву, Грановскому и Белинскому, но затем, в середине 50-х гг., стал резко осуждать революционно-пропагандистскую деятельность Герцена и Огарева в эмиграции.

Предисловие к «Колоколу».— Стихотворением открылся первый номер газеты «Колокол». *Тупоумный капрал* — Николай I. *Глас вопиющего в пустыне Один раздался на чужбине...*— Речь идет об изданиях Вольной русской типографии до появления «Колокола».

«Мой русский стих, живое слово...» — Стихотворение обращено к Мэри Сэтэрленд, подруге Огарева последних лет его жизни.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

Стр. 396

Алексей Николаевич Плещеев (1825—1893) родился в Костроме, в семье губернского чиновника. В 1839 г. был отправлен в Петербург и определен в школу гвардейских подпрапорщиков, но не закончил ее. С 1843 г. обучался в Петербургском университете. В 1845-м покинул его. В 1844 г. вошел в кружок М. В. Буташевича-Петрашевского. После разгрома кружка в 1849 г. он был приговорен к смертной казни, которую заменили каторгой и солдатской службой. Около десяти лет Плещеев провел в ссылке. Лишь в 1856 г. ему присвоили офицерский чин, что позволило выйти в отставку, и только в 1858 г. разрешили въезд в обе столицы. Плещеев поселился в Москве, но был отдан под строжайший надзор полиции. Он начал активно сотрудничать в «Современнике» Некрасова. В 1867 г. Плещеев принял приглашение Некрасова участвовать в журнале «Отечественные записки», и в 1872 г. переехал в Петербург и занял должность секретаря редакции, а затем и заведующего стихотворным отделом. Умер Плещеев в Париже.

Общественно-политические взгляды Плещеева отличались большой неопределенностью. Он, без сомнения, был демократом и питал искреннюю ненависть к крепостному праву. Но его оппозиционность самодержавному режиму дальше демократического просветительства не распространялась. Поэтому Плещеев очень часто испытывал колебания в сторону либерализма. Плещеев одним из первых возродил в 40-е гг. традиции гражданской лирики декабристов и Лермонтова, преодолев интимную камерность и пессимизм современной ему романтической лирики. Звучавшая в его стихах проповедь общего счастья и гуманных идеалов убеждала искренностью и патетичностью интонации, силой эмоционального воздействия романтически условных образов.

В 50-е гг. Плещеев обратился к реальной жизни, к явлениям социального мира. Много внимания он уделял в эти годы пейзажной лирике, которая органически была связана с общественной проблематикой. Поэзия Плещеева оказала большое влияние на современников поэта. Ее любили в семье Ульяновых.

Стихотворения А. Н. Плещеева печатаются по тексту издания: А. Н. Плещеев. Избранное. Стихотворения и проза. М., ГИХЛ, 1960.

А. Н. МАЙКОВ

Стр. 402

Аполлон Николаевич Майков (1821—1897) родился в Москве, в семье художника. В 1841 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1844 г. поступил библиотекарем в Румянцевский музей и прослужил в нем до 1852 г. Во второй половине 40-х гг. сблизился с Белинским, а затем с петрашевцами. За связь с петрашевцами Майков подвергся аресту. Однако демократические идеи недолго привлекали Майкова. Некоторое время он находился под влиянием славянофилов, но затем, в 60-е гг., стал открыто защищать идеи официальной народности. С 1852 г. он служил в течение сорока четырех лет сначала цензором, а затем председателем петербургского Комитета иностранной цензуры, сменив на этом посту Тютчева. В 1893 г. вышло собрание его произведений. Умер Майков в Петербурге.

Поэтические принципы Майкова сложились в 40-е гг. Искусство воспринималось поэтом лишь как прекрасная форма, а задача художника, по мысли Майкова, состояла в отыскании гармонии.

Наибольшие поэтические успехи были достигнуты Майковым в антологической и пейзажной лирике. В пейзажной лирике Майков поэтизирует простые картины природы, стремясь к живописности, прозрачности и предметности описаний. Большое место в творчестве Майкова заняла историческая тематика, проникнутая нередко гуманными чувствами.

Произведения А. Н. Майкова, кроме стихотворения «Журавли», печатаются по тексту издания: А. Н. Майков. Избранные произведения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1977. Стихотворение «Журавли» печатается по тексту издания: А. Н. Майков. Избранные произведения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Малая серия), 1957.

Сон.— *Богиня мирная* — Селена (греч. миф.; в римск. миф.— Диана), считавшаяся богиней луны.

«На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой...» — Перевод стихотворения Сафо.

«Я в гроте ждал тебя в урочный час...» — *Любовница Кефала.*— Имеется в виду Эос, богиня зари, влюбленная в *Кефала*, героя-охотника (греч. миф.).

Барельеф.— *Кипридиных голубок...*— Греческая богиня любви и красоты Афродита (в римск. миф.— Венера), имевшая прозвище *Киприда*, изображалась летящей на голу́бках. *Силен* — демон, воспитатель и наставник Диониса (Вакха), сопровождавший его в увеселениях; изображался в виде лысого, толстого, всегда пьяного и добродушного старика-сатира, нередко с ослом (греч. миф.).

«Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!..» — *Тритон* — морской демон, спутник Посейдона (Нептуна); в его изображении человеческие черты смешивались с чертами морских животных и рыб (греч. миф.). *Альбанки* — жительницы Альбано, предместья Рима, а также Альбанских гор, лежащих к югу от Рима.

«Душно! Иль опять сирокко?..» — *Сирокко* — южный ветер. *И Сицилия горит!* — В мае 1860 г. Гарибальди освободил Сицилию от власти австрийцев. *Кинет в воздух колпаки!* — Сторонники Гарибальди носили красные колпаки.

Весна («Уходи, Зима седая!..»).— *Коля Трескин* — сын близкого знакомого семьи Майковых Н. А. Трескина (1838—1894), цензора Московского цензурного комитета, директора Учительского института при Московском воспитательном доме.

А. А. ФЕТ

Стр. 420

Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892) родился в селе Новоселки Мценского уезда, в имении помещика А. Н. Шеншина. В 1838 г. Фет был принят на словесное отделение философского факультета Московского университета. После окончания университета он поступил на военную службу и до 1853 г. жил в маленьких городках Херсонской губернии, где был расквартирован кирасирский Орденский полк. В 1853 г. Фета перевели в уланский полк, размещавшийся вблизи Петербурга, а через пять лет он вышел в отставку, купил землю в Орловской губернии и стал помещиком. В последние годы Фет переехал в Москву, где и умер.

Основные темы лирики Фета — природа и любовь. Предметом лирики Фета становится душевный мир человека. Именно лирическое волнение самого поэта придает смысл явлениям природы, сообщает им жизнь, оживляет посредством лирической эмоции. Для поэта характерно ощущение внутреннего единства природы и человеческой души. В любовной лирике Фет также сосредоточивает внимание на неуловимых душевных переживаниях, на первых проблесках возникающей любовной привязанности. У Фета нет детально разработанных психологических портретов, индивидуальных характеристик. Фет обогатил русскую поэзию небывалым до него умением точно и взволнованно передавать зыбкие ощущения и чувства, которым не было ни имен, ни названий, но которые реально жили в человеке и окрашивали его эмоциональный мир. Логически невыразимые и рационально трудно определимые тонкие душевные настроения могли быть выражены только посредством метафорического письма и музыкального внушения. Поэт разнообразит интонацию, подчеркивает в слове его звуковую окраску, создает мелодические приемы композиции, обогащает ритмическую и строфическую организацию стиха. Смутные, мимолетные состояния души были выражены Фетом с исключительной непосредственностью, живостью и искренностью. В лирике последних лет заметны трагические мотивы и философичность. Фет обогатил русскую поэзию новыми средствами выражения внутреннего мира человека и тем самым расширил сферу действительности, доступную для художественного отражения и познания.

Стихотворения А. А. Фета печатаются по тексту издания: А. А. Фет. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1959.

«На заре ты ее не буди...» — Положено на музыку Варламовым.

«Я пришел к тебе с приветом...» — Положено на музыку Аренским, Балакиревым, Римским-Корсаковым и др.

«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...» — На эти слова Фета создан романс Рахманинова.

«Свеж и душист твой роскошный венок...» — На слова стихотворения написан романс Римского-Корсакова.

Диана.— *Стогны* — площади или широкие улицы.

«Шепот, робкое дыханье...» — Положено на музыку Балакиревым, Римским-Корсаковым и другими композиторами.

«Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад...» — На слова стихотворения написан романс Танеевым.

Буря. — *«Вот я вас!»* — Восклицание Нептуна в «Энеиде» Вергилия.

Венера Милосская. — Стихотворение написано под впечатлением от созерцания статуи в Лувре.

Певице. — Известен романс Чайковского, написанный на эти слова.

Графу Л. Н. Толстому. — Стихотворение предваряло в «Русском вестнике» цикл «Песни кавказских горцев», переложенных Фетом в стихи. *Так бросил мне кавказские ты песни...* — Прозаические переводы некоторых песен кавказских горцев были присланы Фету Л. Н. Толстым.

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...» — Стихотворение навеяно пением Т. А. Кузминской (1846—1925), сестры жены Л. Н. Толстого.

Alter ego. — Высказано предположение, что стихотворение навеяно воспоминаниями о возлюбленной Фета М. Лазич.

«Ты отстрадала, я еще страдаю...» — Существует предположение, что это стихотворение, как и предыдущее, навеяно воспоминаниями о М. Лазич.

А. Л. Бржеской. — *Бржеская* Александра Львовна и ее муж поэт-дилетант — друзья Фета; по некоторым сведениям, Фет был влюблен в Бржескую.

Ласточки. — *Сосуд скудельный* — в прямом значении: глиняный; здесь: бренное, слабое существо.

«Страницы милые опять персты раскрыли...», «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...» — Существует предположение, что оба стихотворения навеяны воспоминаниями о М. Лазич.

«Я тебе ничего не скажу...» — На слова этого стихотворения Чайковский написал романс.

А. А. ГРИГОРЬЕВ

Стр. 463

Аполлон Александрович Григорьев (1822—1864) — поэт и критик. Родился в Москве, в семье чиновника. Окончил юридический факультет Московского университета в 1842 г. первым кандидатом. В 1846 г. сближается с кружком Петрашевского. Сильное влияние оказывают на Григорьева идеи Фурье. Мировоззрение Григорьева не было цельным и устойчивым: он переходил от одних убеждений к другим, пытаясь найти собственную идейную позицию. Испытав влияние славянофильской идеологии, Григорьев с 1851 по 1854 г. возглавлял «молодую редакцию» «Москвитянина». Это время — расцвет его критической деятельности. В 1858 г. Григорьев редактирует журнал «Русское слово», а затем сближается с Ф. М. Достоевским и становится в 1861 г. сотрудником журнала «Время». Григорьев был исключительно страстной и увлекающейся натурой. Он являл собой живое воплощение напряженного гамлетизма и одновременно идеального, романтически беспомощного донкихотства. Материально он не был обеспечен и временами страшно голодал, не однажды сидел в долговой яме. Измученный физически и нравственно, он скончался в Петербурге.

Как поэт Григорьев сложился в 40-е гг. Его жанровый диапазон достаточно широк: ему принадлежат и большие драмы, и поэмы, и лирические стихотворения. Центральной темой художественного творчества Григорьева был конфликт современного ему человека с прозаическим миром. Его лирическим героем становится человек города, зараженного меркантильным духом. Город губит романтические иллюзии героя, порождая в нем протест. Душевный мир героя изображен Григорьевым как противоречивый, лишенный цельности, полный внутреннего драматизма. Ранняя лирика окрашена настроениями мрачного отчаяния и горького скептицизма. Трагический характер свойствен лирике Григорьева и в дальнейшем. Однако внутренний конфликт в душе героя постепенно смыкается с изображением прозаической действительности.

Стихотворения А. А. Григорьева печатаются по тексту издания: Аполлон Григорьев. Избр. произв. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1959.

Комета.— В марте 1843 г. комету наблюдали в Западной Европе, и русская печать заинтересованно обсуждала это явление. Образ кометы — роковой, «зловещей, но прекрасной», «полной раздора» звезды, «неправильный» полет которой разрушает гармонию звездного мира,— соотносится, как выяснено исследователями, с идеями утопического социализма, в частности Фурье. Эти идеи Григорьев воспринял сквозь преломление, какое они получили в романах Жорж Санд.

⟨Из цикла⟩ «Борьба».— Цикл связан, как установлено, с любовью А. Григорьева к Л. Я. Визард. 1. «Я ее не люблю, не люблю...» — Вольный перевод стихотворения А. Мицкевича «Niepewnosć» («Сомнение»).

Я. П. ПОЛОНСКИЙ

Стр. 466

Яков Петрович Полонский (1819—1898) родился в Рязани, в небогатой дворянской семье. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1859 г. Полонский стал редактором журнала «Русское слово». Вскоре он отказался от редакторской деятельности. В дальнейшем служил младшим цензором Комитета иностранной цензуры и членом совета Главного управления по делам печати. Умер Полонский в Петербурге.

Полонский был очень плодовитым автором, но из всего его наследия в памяти потомков остались лишь лирические стихотворения. Лирика Полонского отличается гуманностью: он сочувствует бедному человеку, внимательно следит за его настроениями и переживаниями, умея передать их намеком, через случайные впечатления или отрывочные воспоминания. Полонский обратился к простым человеческим переживаниям, к естественным разговорным интонациям, широко используя городской песенный фольклор, цыганский романс — формы, популярные в разночинной среде.

Сочинения Я. П. Полонского печатаются по тексту издания: Я. П. Полонский. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1951.

Затворница.— Стихотворение стало тюремной песней, популярной и среди революционеров.

Качка в бурю.— О Михайлове, которому посвящено стихотворение, см. с. 543.

Песня цыганки.— Песня стала популярным цыганским романсом. Известен также романс Чайковского.

Из Бурдильёна.— Франсис Вильям Бурдильен (1852—1921) — английский поэт.

Узница.— Стихотворение вызвано судебным делом В. И. Засулич (1849—1919), покушавшейся 24 января 1878 г. на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова и оправданной присяжными.

А. К. ТОЛСТОЙ

Стр. 486

Алексей Константинович Толстой (1817—1875) родился в Петербурге. Первоначальное образование и воспитание получил дома, в черниговских имениях матери, а затем — под руководством ее брата, известного прозаика Алексея Перовского, привившего племяннику любовь к литературе и искусству. В 1834 г. был зачислен «студентом» в Московский архив министерства иностранных дел. В 1837 г. служил в русской миссии в Германии, а в 1840 г. был переведен во II Отделение собственной е. и. в. канцелярии, ведавшей вопросами законодательства. В 1855 г. поступил майором в стрелковый полк, но в военных сражениях участия не принимал: в Одессе заболел тифом. В 1861 г. вышел в отставку и жил в своих имениях. Умер Толстой в Красном Роге Черниговской губернии.

Общественно-литературная позиция А. К. Толстого была противоречивой. Существенной ее стороной являлась идеализация Древней Руси времен Киева и Новгорода, послужившая основой для аристократической оппозиции поэта самодержавно-бюрократическому режиму.

Самое ценное в поэтическом наследии Толстого — его лирические стихи и сатирические произведения. Преимущественные темы лирических стихотворений — природа и любовь. Толстой передает широту и раздолье русской природы, упивается земными радостями. В любовной лирике поэтизирует естественность, благородство, одухотворенность глубокого и нежного чувства к любимой женщине, не лишенного, однако, тревоги и грусти. Отличительная особенность лирических стихотворений Толстого — точность психологического рисунка, предметность образов, музыкальность стиха и гармонически светлое настроение. В лучших сатирических произведениях поэт едко высмеивал отвратительные порождения самодержавно-бюрократического режима: безмерную тупость бюрократа, гримирующегося под либерала, III Отделение — символ безудержного произвола монархов, беспомощных в государственных делах, приказчиков, обирающих народ. В жанре баллад и былин Толстой противопоставлял прозаическую современность яркому романтическому и героическому прошлому.

Сочинения А. К. Толстого печатаются по тексту издания: А. К. Толстой. Собр. соч. в 4-х томах, т. 1, 2. М., Гослитиздат, 1963.

«Колокольчики мои...» — *Светлый град* — Москва.

«Дождя отшумевшего капли...» — Положено на музыку Рубинштейном.

«Ой, стоги́, стоги́...» — В стихотворении аллегорически выражена идея панславизма — объединения славянских народов под эгидой России (см. также «Колокольчики мои...»). *Стоги́* — здесь: славянские народы. *Орел* — Россия.

«По гребле неровной и тряской...» — Положено на музыку Римским-Корсаковым и Ребиковым.

Василий Шибанов.— Источником стихотворения послужила «История государства Российского» Карамзина и письмо Курбского Ивану Грозному. *Царь в смирно́й одежде...*— то есть в траурной. *И с ним всех окольных собранье.*— *Окольные* — приближенные. *Писанием нам предреченный...*— то есть начертанный священным писанием. *И аз, иже...*— И я, который. *За тя, аки воду, лиях и лиях...*— За тебя, как воду, проливал и проливал (кровь). *Заплечные входят опять мастера...*— палачи.

Князь Михайло Репнин.— Источником баллады послужил рассказ о смерти Репнина в «Истории Ивана Грозного» А. М. Курбского. *Подать себе личину он кравчему велит...*— *Личина* — маска. *Тиуны* — судьи, управители. *Ма́шкара* — маска.

«Средь шумного бала, случайно...» — Обращено к С. А. Миллер, будущей жене поэта, с которой он познакомился на маскараде. Положено на музыку Чайковским.

«Ты не спрашивай, не распытывай...» — Положено на музыку Лядовым и Аренским.

«Не ветер, вея с высоты...» — Положено на музыку Римским-Корсаковым, Рубинштейном и Танеевым.

«Коль любить, так без рассудку...» — Положено на музыку Кюи, Рубинштейном и другими композиторами.

Колодники.— Стихотворение стало популярной песней политкаторжан и ссыльных, ее любил В. И. Ленин. Положено на музыку Гречаниновым.

«Край ты мой, родимый край...» — Положено на музыку Гречаниновым и другими композиторами.

«Колышется море; волна за волной...» — Положено на музыку Римским-Корсаковым.

⟨Из цикла⟩ «Крымские очерки». 12. «Солнце жжет; перед грозою...» — Положено на музыку Кюи.

«Не верь мне, друг, когда, в избытке горя...» — Положено на музыку Чайковским, Римским-Корсаковым и Рахманиновым.

«Острою секирой ранена береза...» — Положено на музыку Гречаниновым и другими композиторами.

«Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!..» — *Фидий* (V в. до н. э.) — величайший древнегреческий скульптор; им была создана, помимо других, статуя Зевса для храма в Олимпии, выполненная из золота и слоновой кости.

«Он водил по струнам; упадали...» — И. Г. Ямпольский предположил, что написано после знакомства со скрипачом Георгом Кизеветтером, произведшим на поэта большое впечатление своей игрой.

«Звонче жаворонка пенье...» — Положено на музыку Римским-Корсаковым, Кюи и Рубинштейном.

«Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...» — Положено на музыку Чайковским и Кюи.

«Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре...» — Положено на музыку Чайковским. *Когда Глагола творческая сила...— Глагол* — слово; здесь: бог.

⟨Серенада Дон-Жуана⟩ («Гаснут дальней Альпухарры...») — Серенада Дон-Жуана из одноименной драмы А. Толстого; известен романс Чайковского.

«На нивы желтые нисходит тишина...» — Положено на музыку Чайковским, Римским-Корсаковым, Гречаниновым, Кюи, Аренским и другими композиторами.

«То было раннею весной...» — Стихотворение, вероятно, связано с гетевским стихотворением «Mailied» («Майская песня»). Положено на музыку Чайковским и Римским-Корсаковым.

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Стр. 511

Козьма Прутков — литературный образ поэта и директора Пробирной палатки, созданный братьями Жемчужниковыми (Алексеем, Александром, Владимиром) и Алексеем Константиновичем Толстым. Козьма Прутков — имя служившего им камердинера. В 1850 г. были написаны первые произведения, а в 1854 г. псевдоним Козьма Прутков впервые появился в некрасовском «Современнике». Постепенно стала вырисовываться фигура вымышленного автора. Он обрел, как это подобает живому лицу, собственную биографию и индивидуальный облик. Читателям стали известны его портрет, его предки и потомки, достопримечательные факты его служебной и литературной деятельности. Так был создан своеобразный тип чиновника-поэта. Тупой, самодовольный и ограниченный чиновник — живое воплощение бюрократической машины монархии — обладал исключительными претензиями на гениальность, на недоступную ему высоту духа, на романтические страсти. Вместе с тем он проповедовал казенную мораль, был благонамерен. Вот эта-то чиновничья поэзия беспощадно высмеивалась в образе Козьмы Пруткова в его сочинениях. Чиновник на службе оставался чиновником и в поэзии. Комический эффект достигался, таким образом, полным совпадением служебной и поэтической биографий и абсолютным несовпадением между вполне заурядной личностью и ее мнением о себе. После 1854 г. Козьма Прутков на несколько лет замолчал и выступил в печати только в 60-е гг. В этот период Козьма Прутков осознал себя государственным деятелем.

В 1863 г. «Современник» опубликовал «Краткий некролог», в котором читатели извещались о смерти Козьмы Пруткова.

Сочинения Козьмы Пруткова печатаются по тексту издания: Сочинения Козьмы Пруткова. М., ГИХЛ, 1959.

Разница вкусов.— В басне сатирически противопоставлены славянофилы западникам.

Письмо из Коринфа.— В основу пародии легло стихотворение Н. Щербины «Письмо», где есть строки:

Красота, красота, красота!
Я одно лишь твержу с умиленьем.

Подзаголовок «Древнее греческое» — намек на сборник Н. Щербины «Греческие стихотворения». *Истмийский* — по названию перешейка в Коринфе, где проводились истмийские игры-состязания.

Юнкер Шмидт.— Пародия на русских подражателей Гейне. Высказано предположение, что источником послужило стихотворение Е. П. Ростопчиной «Осенний вечер», где есть строки:

Но когда в борьбе с судьбою
Сердце рано отцветет,
Впредь вторичною весною
Уж оно не оживет!..

Желание быть испанцем.— Существует предположение, что непосредственным поводом послужило стихотворение А. Н. Плещеева «Гидальго». *Альбгамбра* — крепость в Гренаде. *Натура* — природа. *Эстремадура* — провинция в Испании. *Сьерра-Морена* — горный хребет в Испании. *Эскурьял* (Эскуриал) — старинный дворец и монастырь недалеко от Мадрида.

Осада Памбы.— Современники восприняли стихотворение как пародию на «Отрывки из испанских романсов о Сиде» В. А. Жуковского; другое указание — пародия на «Романсы о Сиде» в переводе П. А. Катенина. *«Ниже хлеба...»* — то есть даже хлеба. *Епанча* — широкий плащ без рукавов. *Каплан* — капеллан; так в России обычно называли католического священника, служившего в войсках. *Сантуринское* — вино, которое производилось на острове Сантурино, в Греции.

Немецкая баллада.— Пародия на балладу В. А. Жуковского «Рыцарь Тогенбург» (перевод из Шиллера).

Мой портрет.— В стихотворении высмеяны эпигоны Лермонтова и других романтиков. Во втором куплете использованы строки из стихотворений Пушкина «Поэт» и «Поэту».

И. С. АКСАКОВ

Стр. 520

Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886) — публицист, общественный деятель, поэт, младший сын С. Т. Аксакова. Родился в селе Надеждино Уфимской губернии. В 1842 г. окончил Петербургское училище правоведения. Служил в уголовном департаменте правительствующего сената. В 1847 г. перешел в министерство внутренних дел. В 1849-м был арестован в связи с репрессиями против славянофилов, но отпущен. Однако за ним был учрежден тайный полицейский надзор. В 1852 г. И. Аксаков вышел в отставку, которой предшествовал донос ярославского военного прокурора Бутурлина и объяснение с министром Перовским по поводу поэмы «Бродяга». В том же году И. Аксаков издал «Московский сборник». Во время Крымской войны он вступил в ополчение и совершил поход до Одессы, а затем в Бессарабию. В 1858 г. принял на себя неофициально редакторство журнала «Русская беседа». В 1861—1865 гг. издавал газету «День». В 1867-м начал выпускать газету «Москва». Принимал живейшее участие в Московском славянском благотворительном комитете. Особенно резко критиковал политику правительства после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. После речи Аксакова на заседании комитета правительство прекратило деятельность этой организации, а Аксаков был выслан в село Варварино Владимирской губернии. Умер Аксаков в Москве.

По своим воззрениям Аксаков был славянофилом. Он отрицательно относился к петровским реформам, идеализировал допетровскую, средневековую Русь, выступал за созыв Земского Собора, проповедовал идеи панславизма.

Как поэт Аксаков сложился в 40-е гг. Наибольший расцвет его поэтической деятельности приходится на 1844—1853 гг. В это время в его поэзии господствуют гражданские мотивы, свободные от славянофильских умонастроений. Лирика Аксакова противостояла унылой романтической поэзии его времени, поэт воскресил в ней высокие темы, ораторскую, декламационную интонацию и гражданский пафос.

Стихотворения И. С. Аксакова печатаются по тексту издания: И. С. Аксаков. Стихотворения и поэмы. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1960.

⟨Из поэмы⟩ «Бродяга».— Замысел поэмы был для своего вре́мени смел: под «бродягой» разумелся человек, в том числе и крепостной крестьянин, покинувший место оседлости «без права и письменного вида». Бегство крестьян, спасавшихся от произвола и нищеты, было распространенным явлением.

Л. А. МЕЙ

Стр. 523

Лев Александрович Мей (1822—1862) родился в Москве, в семье обедневшего помещика. В 1841 г. окончил Царскосельский лицей и определился на службу в канцелярию московского генерал-губернатора. С 1850 г.— инспектор во 2-й московской гимназии. В начале 50-х гг. сблизился с Островским, Писемским, А. Григорьевым и вошел в «молодую редакцию» «Москвитянина». С 1853 г. почти десять лет сотрудничал в журналах «Библиотека для чтения», «Сын отечества» и других. Умер Мей в Петербурге.

В поэзии Мей стремился воссоздать психологический облик современного человека, испытывающего сомнения и лишенного цельности. Большое место в творчестве заняли русская история, античные и библейские мотивы. Мея волновала русская древность, он испытывал интерес к народной теме и фольклору. В произведениях на античные сюжеты Мей поэтизировал живые чувства, наслаждение любовью, искусством, земными радостями.

В стихотворениях на библейские темы стремился передать наивность, яркость, искренность плотской любви. Примерно с середины 50-х гг. в лирику Мея проникают социальные мотивы. Поэта волнует судьба задавленных нуждой людей большого города.

Стихотворения Л. А. Мея печатаются по тексту издания: «Л. А. Мей. Стихотворения и драмы. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972.

Вечевой колокол.— В поэме воспроизведен заключительный момент борьбы Новгорода с Москвой, которая закончилась тем, что в 1478 г. вечевой колокол был снят и привезен в Москву. Вечевой колокол для декабристской и последекабристской поэзии был символом вольности. *Вадимовой площади.*— Площадь Новгорода, названная по имени Вадима, легендарного защитника новгородской вольности от притязаний Рюрика в 863 г. *Чудь* — собирательное имя для древних финских племен. *Рыцари* — имеются в виду ливонские и тевтонские рыцари. *Югория* — страна, населенная финскими племенами и занимавшая пространство на севере Европейской России и Западной Сибири (по обеим сторонам Уральского хребта). *Товары ганзейские* — то есть немецкие; по имени средневековых торговых союзов (Ганза) в Германии, имевших свой флот и вооруженные силы. *Царь Иван.*— Имеется в виду Иван III (1440—1504), который покорил Новгород. *Ярослав* — Ярослав Мудрый (978—1054), Киевский князь; в 1014—1018 гг. был князем Новгородским. *Боголюбский* — Андрей Боголюбский (ок. 1111—1174), великий князь Владимиро-Суздальский, вел неудачную войну с Новгородом. *...на Ижору Александра провожал...*— Александр Невский (ок. 1220—1263) в 1240 г. разбил шведов и финнов на Неве, при впадении в нее левого притока — *Ижоры* (Невская битва).

Запевка.— Положено на музыку Бородиным.

«Хотел бы в единое слово...» — Перевод стихотворения Г. Гейне

«Ich wollt meine Schmerzen ergössen» («Я хотел бы мои страдания излить...»). Положено на музыку Мусоргским и Чайковским.

⟨Из цикла⟩ «Фрески». Плясунья.— Тема стихотворения связана с настенными изображениями, обнаруженными в результате раскопок Помпеи.

Н. Ф. ЩЕРБИНА

Стр. 528

Николай Федорович Щербина (1821—1869) родился близ Таганрога, в семье обедневшего донского помещика. Учился в Таганрогской гимназии. В 1838 г. впервые выступил в печати. В 1839 г. Щербина, не окончив гимназического курса, приехал в Москву, но поступить в университет ему не удалось. Тогда же он переехал в Харьков, где держал экзамен на звание домашнего учителя. В течение десяти лет поэт разъезжал по Украине, обучал детей помещиков, преподавал в женских пансионах, затем поселился в Москве и поступил на службу помощником редактора газеты «Московские губернские ведомости». В 1855 г. в Петербурге определился на должность чиновника особых поручений при товарище министра народного просвещения, которым был тогда П. А. Вяземский. Умер Щербина в Петербурге.

Щербина вошел в историю литературы как антологический и сатирический поэт. Античный мир был воспринят Щербиной в духе романтических представлений о гармоническом и гуманном человеческом обществе, в котором нет противоречий между человеком и природой, человеком и обществом. Цельность и гармония античного человека явно противостояли в лирике Щербины рефлектированному сознанию людей 40-х гг. В сатирических произведениях, часто остроумных и желчных, Щербина был крайне непоследователен. Он высмеивал и правительство, и славянофилов, и либералов, иронизировал и над нигилистами.

Стихотворения Н. Ф. Щербины печатаются по тексту издания: Н. Ф. Щербина. Избр. произв. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1970.

И. С. НИКИТИН

Стр. 530

Иван Саввич Никитин (1824—1861) родился в довольно богатой мещанской семье, в Воронеже. Учился в духовной семинарии, которую, однако, не кончил. Разорение отца заставило Никитина держать постоялый двор. За два года до смерти он открыл в Воронеже книжный магазин. Все эти годы Никитин вел отчаянную борьбу с нуждой. Писать стихи начал рано, еще в семинарии, но печататься долгое время не решался. Лишь в 1853 г. опубликовал в газете «Воронежские губернские ведомости» стихотворение «Русь». С той поры произведения Никитина стали часто появляться в столичных журналах. Умер Никитин в Воронеже.

Никитин был поэтом-самородком. Он обратился к реальной жизни крестьян и сумел показать безмерность народных страданий, беспросветную нужду крепостных людей. Вместе с ними в лирику Никитина вошли образы городских бедняков. Никитину удалось воплотить в своих произведениях не только горькую долю народа, но и его горячую мечту о счастье и свободе. Нередко в стихотворениях Никитина содержится мужественный призыв к борьбе и прямо выражается социальный протест.

Стихотворения И. С. Никитина печатаются по тексту издания: И. С. Никитин. Полн. собр. стихотворений. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

Стр. 539

Николай Александрович Добролюбов (1836—1861) — критик, публицист и поэт — родился в Нижнем Новгороде, в семье священника. В 1848—1853 гг. учился в Нижегородской духовной семинарии. В 1853 г. был принят студентом на историко-филологический факультет Петербургского главного педагогического института. В 1856 г. Добролюбов начал печататься в «Современнике» и сблизился с Чернышевским. С 1857 г. стал одним из основных сотрудников этого журнала, заведуя всей литературно-критической его частью. Вскоре задумал и осуществил издание «Свистка» — сатирического приложения к «Современнику». В 1860 г. уехал лечиться за границу и побывал в Германии, Швейцарии, Франции и Италии. Летом 1861 г. вернулся в Россию. Здоровье его резко ухудшилось. Скончался Добролюбов в Петербурге.

Добролюбов известен прежде всего как литературный критик и публицист. Однако его многогранный художественный талант раскрылся и в области поэтического творчества.

Лирика Добролюбова автобиографична и представляет собой поэтическую исповедь революционного разночинца, проделавшего сложный путь внутреннего развития от религиозно настроенного юноши до убежденного демократа. В исповедальной лирике Добролюбова нет разлада между жизнью частной и общественным служением. В ней возникает образ юного борца за народное благо, не нашедшего, однако, личного счастья и сраженного смертельной болезнью. Но, предчувствуя личную гибель, поэт обращается к молодому поколению с призывом оставаться верным революционным идеалам. Особое место в поэтическом творчестве Добролюбова занимают его сатирические стихотворения. Поэт создал сатирические маски Конрада Лилиеншвагера, Якова Хама, Аполлона Капелькина, от лица которых он разоблачал пустую либеральную болтовню, реакционно-шовинистическую печать, отрешенное от общественных проблем искусство. Основной сатирический метод — пародия.

Стихотворения Н. А. Добролюбова печатаются по тексту издания: Н. А. Добролюбов. Стихотворения. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1969.

Выдержки из путевых эскизов. 1. В прусском вагоне.— Стихотворение направлено против славянофилов. В частности, выражение «дух жизни» нередко встречалось в стихотворениях А. С. Хомякова.

«О, подожди еще, желанная, святая!..» — В стихотворении речь идет о революции.

М. Л. МИХАЙЛОВ

Стр. 543

Михаил Ларионович (Илларионович) Михайлов (1829—1865) родился в Оренбурге, в семье губернского казначея. Первоначальное образование получил дома под руководством политических ссыльных. В 1846 г. стал вольнослушателем Петербургского университета, но в 1848 г. оставил университет. В 1852 г. Михайлов вошел в круг «Современника», а в 1853 г. сблизился с Чернышевским. В 1858 г. уехал за границу, где в 1859-м встретился с Герценом. С 1860 г. возглавил в «Современнике» отдел иностранной литературы. Под воздействием Чернышевского в 1859—1861 гг. принял участие в подпольной революционной деятельности. В 1861 г. вместе с Н. В. Шелгуновым написал прокламацию «К молодому поколению», отпечатал ее в Лондоне, в типографии Герцена, и привез в Петербург. По доносу провокатора в 1861 г. был арестован и осужден на шесть лет каторжных работ и пожизненное поселение в Сибири. Вначале поселился на Казаковском прииске, затем отбывал каторгу на Кадаинском прииске, где в 1864 г. находился и Чернышевский. Каторга подорвала здоровье Михайлова. Умер он в Кадае.

Михайлов развивает традиции русской гражданской лирики. Основная тема — пробуждение революционного сознания и политической активности народа, воспитание в нем стойкости, мужества. Отсюда возникло обращение к героике исторического прошлого. Михайлов сочетает ораторскую интонацию с демократичностью, простотой языка. Он известен также как поэт-сатирик и переводчик.

Стихотворения М. Л. Михайлова печатаются по тексту издания: М. Михайлов. Собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1969.

Гренадеры.— Перевод одноименного стихотворения Гейне.

«Джон Андерсон, сердечный друг!..» — Перевод стихотворения Р. Бернса «John Anderson, my Jo...».

«О сердце скорбное народа!..» — Стихотворение связано с реформой 1861 г., которую Михайлов считал «ловушкой и обманом».

Памяти Добролюбова.— Написано в Петропавловской крепости. Распространилось в рукописи и стало популярной песней революционного студенчества.

«Крепко, дружно вас в объятья...» — Написано в Петропавловской крепости в ответ на послание студентов «Узнику», стихотворение быстро превратилось в студенческую революционную песню.

Пятеро.— Стихотворение посвящено казненным декабристам. *Близ места вашей казни...*— Декабристы были казнены в Петропавловской крепости; в ее соборе находятся гробницы русских царей, начиная с Петра I.

«Вышел срок тюремный...» — В 1862 г. Михайлов жил у своего брата П. Л. Михайлова на Казаковском золотом прииске, хотя официально числился каторжником.

В. С. КУРОЧКИН

Стр. 551

Василий Степанович Курочкин (1831—1875) родился в Петербурге, в семье чиновника. Учился сначала в Первом кадетском корпусе, а затем в Дворянском полку, после окончания которого в 1849 г. служил прапорщиком гренадерского полка. Тогда же началась его литературная деятельность. В 1853 г. оставил военную службу и определился в министерство путей сообщения. С 1854 г. Курочкин связал свою судьбу с журналом «Современник» и вскоре оставил чиновничью службу. В 1858 г. выпустил сборник переводов из Беранже, имевший огромный успех. С 1859 г. вместе с художником Н. А. Степановым стал издавать сатирический журнал «Искра», занявший под его руководством революционно-демократические позиции. В 60-х гг. входил в состав «Земли и воли», поддерживал связи с Герценом и Огаревым. В 1866 г. был арестован, два месяца провел в Петропавловской крепости, но затем был освобожден. Умер в Петербурге.

Курочкин вошел в русскую поэзию как поэт-сатирик и переводчик. Тема сатиры Курочкина — самодержавно-крепостническая система. В дореформенном творчестве подвергается осмеянию жизнь крепостников, реакционная деятельность правительства. В пореформенных произведениях острие сатиры направлено на разоблачение реформы 1861 г. В революционных стихах, написанных в духе агитационных песен декабристов, содержались прямые призывы к крестьянской революции. Для Курочкина характерно наполнение «легких жанров», например куплета, острым социальным содержанием. Он широко пользовался жанрами пародии, эпиграммы, перепева, был мастером стихотворного газетного фельетона. Курочкин был замечательным переводчиком.

Стихотворения В. С. Курочкина печатаются по тексту издания: Поэты «Искры», т. 1. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1955.

Старый капрал.— Перевод одноименного стихотворения Беранже. Положено на музыку А. С. Даргомыжским.

Идеальная ревизия.— *Выходит, что вы не по чину...*— Выражение, ставшее знаменитым после появления комедии Гоголя «Ревизор» («Смотри, не по чину берешь!» — слова Городничего по поводу взяток). *Кюммель, джин, рижский бальзам* — крепкие и дорогие алкогольные напитки. *Честер, швейцарский, стильтон, бри* — изысканные сорта сыров. *Час адмиральский* — шуточное название завтрака или раннего обеда с выпивкой. *Икем, лафит, рейнвейн, шабли* — марки крепленых и сухих вин. *Империялис, регалия, упман, трабук* — дорогие сорта сигар и трубочного табака. *Редерер* — марка шампанского.

Господин Искариотов — перевод стихотворения Беранже «Monsieur Judas» («Господин Иуда»).

«Юмористическим чутьем...» — Эпиграмма направлена против профессора государственного права Московского университета Б. Н. Чичерина (1828—1904), либерала, склонявшегося к реакции. *Нагайку чуем казака...*— В начале 60-х гг. возникла полемика на историческую тему между С. М. Соловьевым и Н. И. Костомаровым, писавшим о южнорусском казачестве. Б. Н. Чичерин, включившись в полемику (конец 1861 — начало 1862 г.), объявил «умственным и литературным казачеством» революционное свободомыслие, то есть перевел полемику в план современный. Курочкин охотно стал называть себя казаком — выразителем народного протеста, но одновременно представил казаком с нагайкой, то есть в качестве душителя свободы, самого Чичерина. *Хоть видим в выпушках, петличках...*— Реминисценция из комедии Грибоедова «Горе от ума» («А форменные есть отлички: В мундирах выпушки, погончики, петлички»).

«Нет, положительно, роман...» — Стихотворение направлено против реакционного публициста Ростислава (Ф. М. Толстого), поместившего в «Северной пчеле» статью «Лжемудрость героев г. Чернышевского». *Ни дев, танцующих канкан, Алис и Ригольбош.*— С 1862 г. в Петербурге стали открываться танцклассы с обучением канкану; среди специалисток по части канкана была известна некая Ригольбош.

Д. Д. МИНАЕВ

Стр. 562

Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835—1889) — поэт-сатирик, драматург, переводчик. Родился в Симбирске, в небогатой дворянской семье. Печататься начал во второстепенных петербургских журналах с 1857 г., а с 1861 по 1864 гг. стал одним из основных сотрудников «Русского слова». С 1860 г. Минаев — активный участник «Искры». Его произведения печатались также в «Современнике», «Будильнике» и других изданиях. С 1868 г. Минаев — автор «Отечественных записок». Умер в Симбирске.

Сатира Минаева многообразна по темам и формам. В лучших произведениях сатирика высмеяны типичные явления современности: крепостное право, либерализм, славянофильство, бюрократия, либеральные реформы, реакционная пресса. Часто Минаев вел повествование от лица какой-либо маски, которая саморазоблачала себя. Самой значительной фигурой был тупой солдафон Михаил Бурбонов. Минаев — мастер каламбура, звучной и неожиданной рифмы. Он развивал жанры эпиграммы, пародии, стихотворного фельетона. Лучшие произведения Минаева интересны своей социальной направленностью, меткой и отточенной сатирой, блестящими поэтическими находками.

Стихотворения Д. Д. Минаева печатаются по тексту издания: Поэты «Искры», т. II. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1955.

Совет.— *Н. Павлов* — Н. Ф. Павлов (1805—1864), издававший в 1860—1863 гг. реакционную газету «Наше время», которая субсидировалась правительством.

«Жизнь наша вроде плац-парада...» — Пародия на стихотворение «Не вспоминай о бурном прежде...» М. П. Розенгейма.

Мотивы русских поэтов. 1. Мотив мрачно-обличительный.— Пародия на либеральное обличительство, характерное для Розенгейма и отдельных стихотворений Бенедиктова. *«Ночной зефир струит эфир...»* — первая строка стихотворения Пушкина (1824). 5. Мотив бешено-московский.— Пародия на стихотворение В. Бенедиктова «К отечеству и врагам его» и на поэтические приемы Бенедиктова.

«Поэт понимает, как плачут цветы...» — Пародия на стихотворение Я. П. Полонского «Жалобы музы».

Житейская иерархия.— Образы стихотворения восходят к русской сатирической традиции: «Что сходит с рук ворам, за то воришек бьют...» (Крылов, «Вороненок»). «Бичуя маленьких воришек для удовольствия больших» (Некрасов, «Поэт и гражданин»).

Либерал от «Порядка».— *«Порядок»* — русская либеральная газета, издававшаяся в 1881 г. М. М. Стасюлевичем, редактором журнала «Вестник Европы»; объявление о подписке на нее появилось в 1880 г. *Гистасп Дарий* — *Дарий I Гистасп* (550—486 гг. до н.э.), персидский царь.

Две смерти.— В стихотворении описаны похороны Ф. М. Достоевского. *Курдюк* — имя действительного статского советника возникло, вероятно, по аналогии с именем мадам Курдюковой, героини поэмы И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею — дан л'энтранже». *Регалия* — орден, знак отличия. *Волково* — Волково кладбище в Петербурге.

П. И. ВЕЙНБЕРГ

Стр. 575

Петр Исаевич Вейнберг (1831—1908) — поэт и переводчик — родился в Николаеве, в семье нотариуса. В 1854 г. окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. С 1858 г. он начал сотрудничать в петербургских журналах. В 1861 г. издавал журнал «Век». До 1866 г. писал в «Искре», а затем стал заведовать литературным отделом «Будильника». В 1868—1874 гг. преподавал литературу в Варшавской главной школе, ставшей впоследствии университетом. После возвращения в Петербург преподавал литературу на высших женских курсах, а позднее состоял приват-доцентом Петербургского университета. В 1905 г. избран академиком. Умер Вейнберг в Петербурге.

Вейнберг примыкал к умеренному крылу «искровцев», его мировоззрение не отличалось последовательностью. Однако его пародии и сатиры не лишены обличительной силы. Главный предмет его сатиры — высмеивание злободневных для русской жизни явлений: взяточничества, мракобесия и произвола.

Стихотворение П. И. Вейнберга «Он был титулярный советник...» печатается по тексту издания: Поэты «Искры», т. II., Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1955.

«Он был титулярный советник...» — Стихотворение положено на музыку А. С. Даргомыжским.

Л. И. ПАЛЬМИН

Стр. 576

Лиодор (Илиодор) Иванович Пальмин (1841—1891) родился в дворянской семье, в Ярославской губернии. Поступил на юридический факультет Петербургского университета, но в 1861 г. был арестован за участие в студенческих волнениях и исключен из университета. Выступал в печати с 1859 г. С 1863 г. стал активно сотрудничать в «Искре» и в других журналах, а с 80-х гг.— в «Осколках», «Стрекозе» и других юмористических органах. Умер Пальмин в Москве.

Мировоззрение Пальмина отличалось искренним демократизмом, хотя не было последовательным. Творчество Пальмина включает сатиру и высокую гражданскую лирику. В некоторых произведениях поэт достигал подлинно трагической силы. Пальмин известен и как переводчик.

Стихотворение Л. И. Пальмина «Requiem» печатается по тексту издания: Поэты «Искры», т. II. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1955.

Requiem.— Стихотворение стало популярной революционной песней.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ

Стр. 577

Алексей Михайлович Жемчужников (1821—1908) родился в местечке Почеп Черниговской губернии, в старинной дворянской семье. В 1841 г. окончил Училище правоведения в Петербурге. Служил чиновником до 1858 г. Вместе с младшими братьями — Александром и Владимиром Жемчужниковыми — и А. Толстым создал в начале 50-х гг. сатирический портрет Козьмы Пруткова. В 50-х — начале 60-х гг. поэт сблизился с кругом «Современника» и печатался в «Искре». В конце 60-х гг. начал активно сотрудничать в «Отечественных записках». Умер Жемчужников в Тамбове.

В творческом наследии Жемчужникова преобладают сатирические и гражданские стихотворения. Сатирическая линия, начавшаяся с активного участия в создании образа Козьмы Пруткова, продолжалась и в пореформенные годы: в эпиграммах и памфлетах, в жанре высокой сатиры Жемчужников обличал реакционные тенденции в политике самодержавия и в русской общественной жизни. Другая линия в творчестве Жемчужникова связана с гражданскими мотивами, проникающими в его философскую, пейзажную и любовную лирику. Поэт призывает сохранить мужество, гражданский дух перед лицом реакции.

Стихотворения А. М. Жемчужникова печатаются по тексту издания: А. М. Жемчужников. Избр. произв. М. — Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1963.

⟨Из цикла⟩ «Эпитафии». 3. Нашей цензуре.— *Тебя уж нет!..*— В 1865 году были введены «Временные правила», которыми отменялась предварительная цензура периодической печати. Но редакторы журналов и газет не освобождались от судебной и административной ответственности (предостережения, приостановка издания и прекращение его).

Забытые слова.— Стихотворение посвящено памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина, скончавшегося 28 апреля 1889 г. *«Забытые слова»* — название начатого перед смертью нового произведения Салтыкова-Щедрина.

Конь Калигулы.— Эпиграф — из стихотворения Г. Р. Державина «Вельможе».

Л. Н. ТРЕФОЛЕВ

Стр. 581

Леонид Николаевич Трефолев (1839—1905) родился в г. Любиме Ярославской губернии, в небогатой помещичьей семье. Окончил Ярославскую гимназию. В 1857—1864 гг. служил помощником редактора «Ярославских губернских ведомостей». Там же были опубликованы первые его стихотворения. С 1872 г. в продолжение более двадцати пяти лет редактировал «Вестник ярославского земства». В 70-е гг. сочинения Трефолева начали печатать ведущие столичные журналы. В последние годы Трефолев почти совсем отошел от литературной деятельности и не выступал в печати. Умер он в Ярославле.

В творчестве Трефолева ощутим интерес к жизни крестьянства. Ему близки страдания бедняков, их печаль и горе, но вместе с тем и те нехитрые радости, которые выпадают на долю трудового народа. Среди революционной молодежи были популярны его песни и сатирические стихотворения. Трефолев известен и как переводчик, познакомивший русского читателя с произведениями славянской культуры.

Стихотворение Л. Н. Трефолева «Песня о камаринском мужике» печатается по тексту издания: Л. Н. Трефолев. Избр. произв. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1951.

Песня о камаринском мужике — Стихотворение стало популярной песней и широко использовалось в целях революционной пропаганды. *И де-*

шевкою подмочена...— *Дешевка* — дешевая водка. *В день последний спят Касьяны на земле.*— Именины Касьяна бывают раз в четыре года, так как они выпадают на 29 февраля, то есть на високосный год. *Алтынник* — мелкий торгаш; так называли и канцеляриста-взяточника.

И. З. СУРИКОВ

Стр. 585

Иван Захарович Суриков (1841—1880) родился в деревне Новоселово, Угличского уезда, Ярославской губернии, в крестьянской семье. Грамоте Сурикова научили соседи. В 1862 г. Суриков познакомился с Плещеевым, который способствовал появлению его стихотворений в печати. В 1871 г. Суриков издал свой первый поэтический сборник. Поэт объединил вокруг себя крестьянских самоучек и издал сборник «Рассвет» (1872). В 1875 г. вышел второй сборник стихотворений. В это время поэт был уже тяжело болен чахоткой. Умер Суриков в Москве.

Суриков по преимуществу крестьянский поэт; главная тема его стихотворений — жизнь бедного деревенского люда, задавленного нуждой. Правдиво изображая бедствия народа, поэт поднимается до скорбного и гневного протеста против обнищания деревни. Поэтическая система Сурикова сложилась под воздействием некрасовской лирики и устного народного творчества.

Стихотворения И. З. Сурикова печатаются по тексту издания: И. З. Суриков и поэты-суриковцы. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1966.

С. Д. ДРОЖЖИН

Стр. 596

Спиридон Дмитриевич Дрожжин (1848—1930) родился в деревне Низовка Тверской губернии. В 1858 г. его отдали в школу к деревенскому дьячку, но в 1860 г. вынужден был уехать из родной деревни на заработки. Мечты Дрожжина об образовании не осуществились. До середины 90-х гг. в поисках заработка он скитался по России и переменил множество профессий и занятий. В 1889 г. выпустил книгу стихотворений. С 1896 г. снова занялся крестьянским трудом. В 1903 г. получил пенсию от Академии наук. После Октября активно участвует в жизни села и заботится о росте грамотности. В советское время издает несколько книг стихотворений. В 1928 г. его приветствовали Академия наук СССР и М. Горький в связи с восьмидесятилетием со дня рождения. Умер Дрожжин в Низовке.

Первые стихотворения Дрожжина появились во второй половине 60-х гг. Поэзия Дрожжина почти целиком посвящена крестьянству. Он писал о нужде, бедности, тяжком труде. В крестьянскую тематику его стихотворений проникли общественно-гражданские мотивы. Как поэт Дрожжин следовал художественным принципам Некрасова и Сурикова.

Стихотворения С. Д. Дрожжина печатаются по тексту издания; С. Д. Дрожжин. Избранное. М., Гослитиздат, 1948.

А. Л. БОРОВИКОВСКИЙ

Стр. 599

Александр Львович Боровиковский (1844—1905) родился в семье украинского писателя Л. И. Боровиковского. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Боровиковский был одним из защитников на процессах 50-ти и 193-х. Печатался он в демократических изданиях, большей частью в «Отечественных записках», а после их закрытия прекратил поэтическую деятельность. Умер Боровиковский в Петербурге.

Поэт сочувствовал народничеству и разделял его взгляды. В стихотворениях Боровиковского оживает пафос революционной деятельности, горячая вера в конечную победу над реакцией. Однако даже в лучших его стихотворениях есть налет христианской морали и религиозности, снижающий подчас трагически-гражданское звучание стихов.

Стихотворение А. Л. Боровиковского «К судьям» печатается по тексту издания: Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1959.

К судьям.— Посвящено Лидии Николаевне Фигнер (1853—1940), проходившей по делу 50-ти в качестве обвиняемой.

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

Стр. 601

Петр Филиппович Якубович (1860—1911) — революционер-народник, поэт, критик и переводчик, писавший под псевдонимами: П. Я., Л. Мельшин. П. Ф. Гриневич, Матвей Рамшев и другими. Родился в селе Исаеве, Валдайского уезда, Новгородской губернии, в обедневшей дворянской семье. В 1882 г. окончил филологический факультет Петербургского университета. Студентом включился в революционную деятельность. В университетские годы печатался в журналах «Дело», «Слово», «Живописное обозрение», а с 1881 г. — в журналах «Отечественные записки» и «Русское богатство». В 1882 г. вступил в тайную организацию «Народная воля». В ноябре 1884 г. был арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. После почти трехлетнего заключения Петербургский военно-окружной суд приговорил Якубовича к смертной казни, замененной восемнадцатью годами каторги. В 1895 г. определен на поселение. В 1904 г. Якубович стал сотрудником редакции журнала «Русское богатство» и заведовал вместе с В. Г. Короленко беллетристическим отделом. В 1905 г. принял активное участие в русской революции. В 1905 г. был вновь арестован и заключен в Крестах, откуда вышел совершенно больным. Умер в Петербурге.

Гражданская поэзия Якубовича развивала традиции Н. А. Некрасова. В лирике Якубовича настроения мрачного отчаяния преодолеваются светлой надеждой на конечную победу революционных идеалов. Лирика Якубовича поднимает важные проблемы общественной жизни. Центральной темой его поэзии становится тема подвига ради освобождения народа, а также тема справедливого возмездия за гибель товарищей по революционной борьбе. Якубович поэтизирует индивидуальный подвиг революционера, его порыв в будущее царство свободы. В стихотворениях, написанных после каторги, поэт проникся идеей народной революции, совершаемой самими народными массами.

Стихотворения П. Ф. Якубовича печатаются по тексту издания: П. Ф. Якубович. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1960.

В. Н. ФИГНЕР

Стр. 603

Вера Николаевна Фигнер (1852—1942) родилась в Мамадышском уезде Казанской губернии, в дворянской семье. Окончила Казанский институт в 1869 г. В 1872—1875 гг. продолжила образование в Цюрихе, на медицинском факультете университета. В 1876 г. вошла в кружок «сепаратистов», примыкавший к Северной революционно-народнической группе (с 1878 г.— «Земля и воля»). В 1877—1879 гг. вела агитационную работу в Самарской и Саратовской губерниях, где одновременно работала фельдшерицей. После раздела «Земли и воли» стала членом исполнительного комитета партии «Народная воля». Фигнер была сторонницей террористических методов борьбы и активно участвовала в подготовке цареубийства. В 1883 г. была арестована, а в 1884-м приговорена к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Двадцать лет томилась в Шлиссельбургской крепости в одиночном заключении. С 1906 по 1915 г. жила за границей, в эмиграции. После Октябрьской революции активно занималась литературно-издательской деятельностью.

Стихотворения В. Н. Фигнер написаны в 1887—1897 гг. в крепости, и только некоторые из них просочились на волю. Они были собраны в 1906 г. в изданном в Петербурге сборнике. Преобладающий мотив творчества Фигнер — дума политзаключенного, оторванного от революционного дела. Фигнер скорбит о разгроме народовольческого движения и одновременно сохраняет верность народническим идеалам.

Стихотворения В. Н. Фигнер печатаются по тексту издания: Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1968.

С. Я. НАДСОН

Стр. 605

Семен Яковлевич Надсон (1862—1887) родился в Петербурге, в небогатой чиновничьей семье. Окончил Павловское военное училище в 1882 г. Служил подпоручиком в Каспийском полку, расположенном в Кронштадте. Через два года получил отставку и всецело посвятил себя литературной работе. Некоторое время был секретарем редакции «Недели». Тяжело больной туберкулезом, Надсон лечился в Германии, Швейцарии и на юге Франции, но лечение не помогло. Умер в Ялте.

Расцвет поэтической деятельности Надсона относится к 80-м гг. Поэт отображает в лирике кризис демократических идеалов, переживаемый передовой русской интеллигенцией 80-х гг, в пору реакции. Исповедь лирического героя и гуманистический пафос выражены Надсоном в ярких, броских поэтических образах. Его стихотворения отличаются высокой патетической интонацией, афористическими концовками, резкими антитезами. Надсон не избежал ни романтических штампов, ни вульгарной эффектности. Однако его гражданской лирике присущи искренность и драматизм, и это сближает лирику Надсона с поэзией Некрасова и его школы.

Стихотворения С. Я. Надсона печатаются по тексту издания: С. Я. Надсон. Полн. собр. стихотворений. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1962.

«Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат...» — *Ваал* — древневосточное божество; здесь: символ политической реакции, грубой власти, подкупной и продажной.

«По смутным признакам, доступным для немногих...» — Здесь помещена первая часть стихотворения. *Я разгадал тебя...*— Речь идет о В. Н. Фигнер, процесс которой закончился в сентябре 1884 г.

Мать.— Детские годы Надсона прошли тяжело и безрадостно: он рано лишился отца, десяти лет от роду потерял мать, воспитывался в семье дяди, затем отчимом, душевнобольным человеком.

А. Н. АПУХТИН

Стр. 613

Алексей Николаевич Апухтин (1840—1893) родился в г. Болхове Орловской губернии, в старинной, но небогатой дворянской семье. В 1859 г. Апухтин окончил Петербургское училище правоведения. После 1862 г. Апухтин надолго прекратил свою литературную деятельность. До 80-х гг. ничего не печатал. В 1886 г. издал сборник стихотворений, принесший ему большой успех. Умер Апухтин в Петербурге.

Ранняя лирика Апухтина близка реалистической поэзии Некрасова и поэтов его школы. В дальнейшем Апухтин отошел от демократических позиций. Основной жанровой формой в поэзии Апухтина становится элегия, но развиваются и другие жанры — романс, историческая баллада. Человек в лирике Апухтина мечтает о смерти, потому что не может жить в душной атмосфере пошлости и лицемерия. Образ этого человека нарисован Апухтиным психологически конкретно, лирически взволнованно, просто и безыскусственно, что придавало лирике поэта подлинный драматизм.

Стихотворения Апухтина печатаются по тексту издания: А. Н. Апухтин. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1961.

«Ни отзыва, ни слова, ни привета...» — Положено на музыку Чайковским и Кюи.

«Сухие, редкие, нечаянные встречи...» — Стихотворение было посвящено А. А. Балуеву (1849—1904), правоведу, однокурснику М. И. Чайковского, брата композитора, и приятелю Апухтина.

«В убогом рубище, недвижна и мертва...» — Посвящено В. А. Жедринскому (1851—1892), ближайшему другу поэта.

«Ночи безумные, ночи бессонные...» — Положено на музыку Чайковским и другими композиторами.

В. С. СОЛОВЬЕВ

Стр. 618

Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) — философ, поэт, критик и публицист — родился в семье известного историка С. М. Соловьева. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1874 г. занял штатную должность доцента кафедры философии в Московском университете. В 1880 г. защитил диссертацию на степень доктора философии, но надежды на ученую карьеру рухнули в 1881 г., когда Соловьев выступил с публичной лекцией в защиту народовольцев, покушавшихся на Александра II. Умер Соловьев в подмосковном местечке Узкое.

По своим философским взглядам Соловьев был идеалистом, что оказало влияние на его политические и эстетические воззрения. В области эстетики Соловьев являлся приверженцем теории «чистого искусства», причем красота и нравственность, по его мнению, связаны с верой и религией. Как поэт Соловьев объективно был предшественником русских символистов, хотя символизм не принял и высмеял.

Стихотворения В. С. Соловьева печатаются по тексту издания: Поэты 1880—1890-х годов. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Малая серия), 1964.

«У царицы моей есть высокий дворец...» — В стихотворении развивается характерная для лирики В. Соловьева идея «вечной женственности», олицетворенная в образе «царицы», «подруги».

Пародии на стихи сборников «Русские символисты».— Написаны в связи с полемикой, завязавшейся между В. С. Соловьевым и В. Я. Брюсовым по поводу трех выпусков сборника «Русские символисты» (1894—1895).

К. М. ФОФАНОВ

Стр. 621

Константин Михайлович Фофанов (1862—1911) родился в Петербурге в небогатой купеческой семье. Учился в частных пансионах, но ни один из них не закончил. Образование пополнял чтением книг. В 1885 г. поэт порвал с семьей. Став профессиональным литератором, он печатался в разных журналах и завязал множество знакомств. В 1890 г. Фофанов заболел тяжелым психическим расстройством, однако продолжал писать. Скончался в Петербурге.

Расцвет творчества Фофанова приходится на конец 80-х — первую половину 90-х гг. Эпоха политической реакции определила стремление Фофанова уйти от реальной действительности в мир мечты, вымысла, искусства и фантазии, который противопоставлен в его лирике прозаическим будням. Его пейзажные и любовные стихотворения большей частью грустны, полны тоски по утраченному или недостижимому счастью. В 90-е гг. в лирике Фофанова усиливаются пессимистические и мистические настроения, что приводит к возникновению декадентских мотивов. В некоторых произведениях Фофанов пытался преодолеть узость своего миросозерцания, обращаясь к реальной действительности.

Стихотворения К. М. Фофанова печатаются по тексту издания: К. М. Фофанов. Стихотворения и поэмы. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1962.

«Потуши свечу, занавесь окно...» — Обращено к другу поэта, студенту А. Ф. Корнгольду, высланному в Вятскую губернию.

«Мы при свечах болтали долго...» — Обращено к А. Ф. Корнгольду.

«Неправда ль, всё дышало прозой...» — Обращено к жене поэта Л. К. Фофановой (1867—1918).

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ

Стр. 627

Константин Константинович Случевский (1837—1904) родился в Петербурге, в семье сенатора. Окончил Первый кадетский корпус в 1855 г. Служил офицером. В 1859 г. поступил в Академию генерального штаба, но в 1860-м вышел в отставку и уехал учиться за границу. Слушал лекции в Париже, Берлине, Лейпциге и Гейдельберге. В Гейдельберге стал доктором философии. В 1866 г. вернулся в Россию и служил в Главном управлении по делам печати, а затем — в министерстве государственных имуществ. Занимал ряд крупных постов. В 1891—1902 гг. редактировал «Правительственный вестник». Умер Случевский в Петербурге.

Творчество Случевского разнообразно по жанрам, но известность доставили поэту лирические стихотворения. В лирике Случевского отразилось его неприятие чиновничье-полицейского государства с присущими ему пошлостью и внутренней пустотой, мертвящей косностью и всеобщим лицемерием. Однако поэт убежден в невозможности изменить существующий порядок, и потому конфликт между личностью и окружающей ее действительностью, оставаясь напряженно трагичным, окрашивается в его лирике в пессимистические тона.

Стихотворения К. К. Случевского печатаются по тексту издания: К. К. Случевский. Стихотворения и поэмы. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1962.

«В костюме светлом Коломбины...» — *Коломбина* — традиционная фигура итальянской народной комедии.

«Воспоминанья вы убить хотите?!» — *И тенью Ба́нко сядет за столом.*— Имеется в виду эпизод из трагедии В. Шекспира «Макбет» (акт III, сцена 4) — появление на пиру призрака Банко, умерщвленного по приказу Макбета.

И. А. БУНИН

Стр. 634

Иван Алексеевич Бунин (1870—1953) родился в обедневшей дворянской семье в Воронеже. Детство прошло на хуторе Бутырки, Елецкого уезда, Орловской губернии. Первоначальное образование получил дома, а затем был отдан в Елецкую гимназию. Из-за стесненного материального положения Бунин в 1889 г. переехал в Харьков, а затем, спустя два года, в Полтаву. В эти годы он служил библиотекарем, статистиком, корректором. На недолгое время Бунин подпал под влияние декадентов, но вскоре порвал с ними. В начале 1890-х гг. исповедовал идеи толстовства, но затем расстался и с ними. В те же годы он сближается с писателями-демократами, входившими в литературное объединение «Среда», и с издательством «Знание», в котором главную роль играл М. Горький. В 1904—1905 гг. Бунин сотрудничал в журнале «Пра́вда», где видное положение занимали социал-демократы, но союз с левыми общественными силами оказался непрочным и привел к прекращению участия Бунина в журнале. В 1905 г. писатель совершил путешествие за границу. Вернувшись в Россию, Бунин снова оказывается в кругу М. Горького и испытывает его плодотворное воздействие.

Не приняв Октябрьской социалистической революции и не поняв ее исторического смысла, Бунин в 1920 г. эмигрировал во Францию. Умер в Париже.

В поэзии Бунин продолжил традиции русской реалистической лирики. Его стихотворения правдивы по чувству, им свойственна острота зрения и точность деталей. Вместе с тем в них всегда чувствуется прорыв к широким философским обобщениям. Лирика Бунина питается фольклорными образами, она проникнута любовью к родной земле, ее природе, населяющим Россию людям. Это придает ей глубокий патриотический характер и задушевный лиризм. Интерес к народным преданиям, мотивам и образам проявился и в переводах Бунина из американских (Лонгфелло, «Песнь о Гайавате») и других авторов. Как оригинальная, так и переводная поэзия Бунина отличается высоким мастерством.

Стихотворения И. А. Бунина печатаются по тексту издания: Иван Бунин.

Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1956.

Учан-Су.— *Учан-Су* — водопад в Крыму.

«В лесу, в горе родник, живой и звонкий...» — *Голубец* — памятник в виде креста с кровлей над ним. *Корец* — ковш.

Пахарь.— *Подвои* — здесь: веревки, скрепляющие часть сохи. *Сошники* — железные части сохи.

Ночлег.— *Брамины* — жрецы в Индии; члены этой касты верят в переселение душ.

И цветы, и шмели, и трава, и колосья...— Одно из лучших жизнелюбивых стихотворений, в котором символически передано восхищение мощью и красотой природы.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. В. Банников. О русской поэзии 3

В. К. Тредиаковский 17
А. Д. Кантемир 19
М. В. Ломоносов 24
А. П. Сумароков 42
Г. Р. Державин 44
Д. И. Фонвизин 59
И. И. Хемницер 61
Н. М. Карамзин 63
И. И. Дмитриев 66
Ю. А. Нелединский-Мелецкий 71
В. А. Жуковский 74
А. Ф. Мерзляков 133
М. В. Милонов 135
А. И. Тургенев 137
Д. В. Давыдов 138
К. Н. Батюшков 150
Н. И. Гнедич 171
Ф. Н. Глинка 175
П. А. Катенин 180
К. Ф. Рылеев 181
К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев 191
В. К. Кюхельбекер 195
А. И. Одоевский 200
П. А. Вяземский 205
Е. А. Баратынский 225
А. А. Дельвиг 267
Н. М. Языков 277
И. И. Козлов 291
Д. В. Веневитинов 298
С. П. Шевырев 305
А. С. Хомяков 308
Ф. А. Туманский 310
А. И. Полежаев 311
С. Н. Стромилов 319
А. И. Подолинский 320
Н. В. Кукольник 321

К. С. Аксаков 323
А. В. Кольцов 325
В. Г. Бенедиктов 339
Ф. И. Тютчев 341
К. К. Павлова 378
Э. И. Губер 379
Е. П. Ростопчина 381
И. С. Тургенев 383
Н. П. Огарев 385
А. Н. Плещеев 396
А. Н. Майков 402
А. А. Фет 420
А. А. Григорьев 463
Я. П. Полонский 466
А. К. Толстой 486
Козьма Прутков 511
И. С. Аксаков 520
Л. А. Мей 523
Н. Ф. Щербина 528
И. С. Никитин 530
Н. А. Добролюбов 539
М. Л. Михайлов 543
В. С. Курочкин 551
Д. Д. Минаев 562
П. И. Вейнберг 575
Л. И. Пальмин 576
А. М. Жемчужников 577
Л. Н. Трефолев 581
И. З. Суриков 585
С. Д. Дрожжин 596
А. Л. Боровиковский 599
П. Ф. Якубович 601
В. Н. Фигнер 603
С. Я. Надсон 605
А. Н. Апухтин 613
В. С. Соловьев 618
К. М. Фофанов 621
К. К. Случевский 627
И. А. Бунин 634

Комментарии 644

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
(том 6)

*

РУССКИЕ ПОЭТЫ XVIII—XIX ВЕКОВ

Антология

ИБ № 3616

Ответственные редакторы
Н. В. Белякова, К. А. Черненко

Художественный редактор
М. Д. Суховцева

Технический редактор
Е. М. Захарова

Корректоры
Е. А. Сукясян и Е. И. Щербакова

Сдано в набор 12.09.84. Подписано к печати 18.03.85. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бум. типогр. № 1. Шрифт академ. Печать высокая. Усл. печ. л. 47,13. Усл. кр.-отт. 48,75. Уч.-изд. л. 39,06+9 вкл.=39,49. Тираж 407 000 экз. (1-й завод 1—200 000 экз.). Заказ № 6028. Цена 2 руб. Орденов Трудового Красного Знамени и дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Р89 **Русские** поэты XVIII—XIX веков: Антология/Сост. В. И. Коровина и В. А. Сайтанова; Вступит. ст. Н. Банникова; Коммент. В. И. Коровина.— М.: Дет. лит., 1985.—735 с., 9 л. ил.— (Б-ка мировой лит-ры для детей, т 6.).

В пер.: 2 р.

В настоящий том вошли избранные произведения русских поэтов XVIII—XIX веков, от М. В. Ломоносова до А. И. Бунина.

$\text{Р}\,\dfrac{4803010101-270}{\text{М}101(03)85}$ **Подп. изд.** **Р1**

Scan Kreyder - 18.06.2016
STERLITAMAK

2 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»